М. Н. ТИХОМИРОВ

М. Н. ТИХОМИРОВ

Древнерусские города

Издание 2-е, дополненное и переработанное

Государственное издательство
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1956

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга о древнерусских городах ставит своей задачей изучение всех городов на территории, населённой древнерусской народностью. Следовательно, в работе в равной степени уделено внимание прошлому городов трёх братских народов — русского, украинского и белорусского. Конечно, и в этом, втором издании книги далеко не все города Древней Руси оказались в должной мере изученными. Но эта задача непосильна для одного человека, тем более, что в связи с успехами советской археологии открываются всё новые и новые страницы в истории древнерусских городов. Однако уже есть возможность сделать некоторые обобщения по истории русских городов. Важно наметить основные вехи в развитии города, собрать необходимый материал и критически его рассмотреть, — одним словом, помочь будущим исследователям в их работе. А какое значение имеет даже предварительный сбор материалов, автор прекрасно знает по работе над этой книгой, так как было крайне трудно опираться на предшествующую литературу, рассматривающую древнерусские города абстрактно и главным образом с точки зрения политической истории.

Теперь уже нельзя говорить, как указывалось в первом издании этой книги [1], о скудости литературы по истории древнерусских городов. Особенно много сделано археологами; но и сейчас ранний русский город остаётся слабо изученным. Для этого имеются различные основания. Первое и главное из них — крайняя разрозненность исторических свидетельств о древнерусских городах. Более или менее полное представление мы получаем только

[1] «Учёные записки Московского Государственного Университета им. М. В. Ломоносова», вып. 99, М. 1946.

о таких больших городах, как Киев, Великий Новгород, Владимир Залесский, в которых составлялись летописи. Уже о Чернигове, Смоленске, Ростове, Суздале и Полоцке известно гораздо меньше, не говоря об остальных русских городах XI—XIII вв. О Галиче, например, сохранилось много летописных известий, но даже их совокупность не даёт возможности осветить внутренний строй этого города. Более того, до сих пор идут споры о том, где находился летописный Галич. Место его указывают по-разному: то на месте современного Галича, то на Старом Крилосе, то на высотах над Ломницей.

В то время как на Западе сохранились архивы ряда европейских городов, документы русских городов погибли или дошли до нас случайно в виде отдельных памятников, а не архивных фондов. У нас имеются достоверные сведения о существовании городских архивов в Новгороде и Пскове, в Пскове даже была особая должность архивариуса — «ларника». Но от городских архивов до нашего времени почти ничего не сохранилось. Поэтому так трудно изучать ранний русский город,который выступает в наших работах как-то неоправданно — то чересчур хилым и убогим, то чересчур пышным и богатым.

Почти во всех вопросах, касающихся городской жизни в Древней Руси XI—XIII вв., историк ступает по неисследованной почве, хотя все документы и летописные сведения об этом времени давно уже известны. Возьмём хотя бы вопрос об организациях ремесленников и купцов в древнерусских городах. Подобные организации известны в средневековых городах не только Западной Европы, но и Средней Азии и Кавказа, они представляют собой закономерное явление для средневековья. Между тем ряд русских исследователей, признавая существование купеческих объединений в Древней Руси, точно боится признать, что древнерусский город должен был иметь какие-то формы ремесленных союзов, без которых трудно представить развитие ремёсел в больших городах.

Не менее любопытно, как ставится в нашей литературе вопрос о городских восстаниях XI—XIII вв. Такие восстания — явление распространённое в русских городах этого времени, особенно в городах больших — Киеве и Новгороде. Все отмечают их крупное социальное значение, хотя только Б. Д. Греков видит в новгородских восстаниях определённую политическую направленность,

придавая им значение борьбы за политическую независимость Новгорода. Действительно, такие же восстания происходили во многих русских городах. На путях к образованию вольных городов-республик стояли Киев, Полоцк, Смоленск. То, что происходило в Новгороде в XI—XIII вв., было типичным для большинства крупных русских городов, переживавших эпоху борьбы за городскую независимость. Краткий период процветания русских городов не позволил им добиться той свободы и самоуправления, каких добились многие немецкие города, но путь развития городов во многом совпадал на западе и востоке Европы. Борьба горожан с княжеской властью сопровождалась острой классовой борьбой внутри городского населения, о чём говорится в моей монографии «Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв.».

Исходная мысль книги заключается в том, что в Древней Руси XI—XIII вв. складывались все предпосылки для создания того, что западноевропейская литература называет «городским строем». Древнерусские города развивались примерно в таком же направлении, в каком развивались средневековые города Запада и Востока. Без признания этого факта остаётся необъяснимой богатая культура Киевской Руси, ибо культура эта развивалась главным образом в городах.

Развитие русских городов имеет особый интерес для мировой истории, ибо на их примере можно наблюдать возникновение крупных центров ремесла и торговли там, где в античное время никогда не было городов. Это позволяет изучать развитие средневековой городской жизни без ссылок на влияние более ранней римской или подобной ей культуры. История древнерусских городов имеет аналогию в истории польских и чешских городов. Историк русских городов не может поверить тому, что, например, в Польше расцвет городов «начался в XI в. и был связан с немецкой колонизацией», как об этом мы читаем в недавно переведённой на русский язык книге видного польского историка Я. Рутковского[1]. Города в Древней Руси возникли и развивались задолго до этого и возникли самостоятельно, а не были порождены чьей-либо колонизацией. Вероятно, так было и в Польше и в Чехии.

[1] *Я. Рутковский,* Экономическая история Польши, М. 1953, стр. 53.

Второе издание этой книги имеет большие отличия от первого. Так, в монографию включены заново написанные главы о хозяйстве городов и о городской культуре, отсутствовавшие в первом издании. Весь остальной текст пересмотрен, проверен по источникам, расширен на основании новой исторической литературы, в особенности археологической. Значительно увеличилась глава об отдельных городах, которая выделена в особую, вторую, часть книги.

Древнерусские тексты, как правило, даны в переводе на современный русский язык. Для проверки правильности перевода или толкования древних терминов сделаны ссылки на источники и в некоторых случаях дан подлинный текст источников в сносках или в тексте. Автор считает, что современный читатель не обязан знать запутанную орфографию XI—XIII вв. Перевод древних текстов на современный язык имеет и то значение, что он заставляет историков глубже вдумываться в текст, а не исходить из того: как хочешь, так этот текст и понимай. Я также постарался избежать большого количества сносок на источники и литературу (их всё-таки оказалось очень много), объединив повторяющиеся сноски под рубрикой «там же» на одной странице в одно примечание. Эти предварительные замечания нужны для избежания недоразумений со стороны читателя, желающего проверить аргументацию книги.

Автор приносит благодарность А. В. Арциховскому и Е. В. Чистяковой за сделанные ими ценные замечания, а также В. В. Зеленину, оказавшему большую помощь при подготовке этой книги к печати. Автор стремился учесть замечания и пожелания на первое издание книги, высказанные в рецензиях А. В. Арциховского, В. В. Стоклицкой-Терешкович [1], С. В. Юшкова [2] и др. [3]

Эту книгу автор посвящает своему отцу Николаю Константиновичу Тихомирову. Ему автор обязан своими первыми знаниями по истории и даже возможностью сделаться историком.

---

[1] «Вопросы истории» № 1, 1947 г.

[2] «Известия АН СССР», серия истории и философии, т. IV, № 1, 1947 г.

[3] Кроме того на первое издание книги имеются рецензии в зарубежной исторической литературе, см., например, «Archeologia», 1950—51, t. 4, Warszawa 1953; «Исторически преглед» № 4—5. София 1948.

ЧАСТЬ

I

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ
И
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
СТРОЙ
ДРЕВНЕРУССКИХ
ГОРОДОВ

ЧАСТЬ

I

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ
И
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
СТРОЙ
ДРЕВНЕРУССКИХ
ГОРОДОВ

доказывается следующими соображениями. Для племени attorosi, под которым Шафарик с основанием понимает тиверцев, географ указывает 148 городов. Даже в позднейшее время такое количество более или менее значительных городских поселений не уместилось бы по течению Днепра и Буга, где, по летописи, жили тиверцы и уличи. Говоря об этих племенах в прошедшем времени, летописец замечает: «И суть города их и до сего дня». Эта несколько неясная фраза должна быть понята в том смысле, что остатки городов тиверцев и уличей ещё сохранились во времена летописца (т. е. в XI в.).

Что же представляли собой славянские города IX в., о которых говорит баварский географ?

Наиболее достоверные письменные источники, сообщающие сведения о восточных и южных славянах VI—VII вв., принадлежат Прокопию и другим византийским авторам. Они дают такую характеристику славянских поселений: «Живут они, — пишет Прокопий о славянах и антах, — в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они часто меняют места жительства» [1]. Конечно, в этих словах выражено явное пренебрежение к славянским жилищам, типичное для византийца, привыкшего к богатым и обстроенным городам Восточно-Римской империи. Из показаний другого византийского автора, почти современного Прокопию, видно, что славянские посёлки не были столь жалкими, как говорит Прокопий. Давая совет, как надо грабить славянские посёлки, автор указывает: войско должно быть разделено на две части и двигаться по двум дорогам, грабя ближайшие окрестности. Некоторые посёлки могут оказаться большими, но в этом случае не надо выделять слишком много воинов, часть которых должна грабить, а другая охранять грабящих [2].

Славянские посёлки находились близко один к другому, но были слабо укреплены. Это и есть «города» баварского анонима, насчитывающего их сотнями для некоторых славянских племён.

Археологические наблюдения последних лет подтверждают выводы, сделанные на основании письменных источников. В бассейне Днестра были найдены различ-

---

[1] *Прокопий из Кесарии,* Война с готами, М. 1950, стр. 297.
[2] См. «Вестник древней истории» № 1, 1941 г., стр. 256—257.

ные предметы, указывающие на существование здесь ремесленного производства в первые века нашей эры. Исследователи Поднестровья указывают на преемственную связь культуры этого района с культурой Киевской Руси. Некоторые городища были хорошо укреплены, но и они отличались небольшими размерами. Это пока ещё только зачатки будущих городов, куда окрестное население скрывалось во время набегов врагов [1].

Отсутствие значительных славянских городищ до IX в. привело даже М. Ю. Брайчевского к выводу, что «в эпоху, предшествующую сложению Киевской Руси, т. е. антскую (II век — половина VII в. н. э.) на территории Среднего Приднепровья, Поднестровья и Побужья укреплённых поселений (городищ) не существовало» [2]. Брайчевский объясняет это существованием Антского государства. Нечего и говорить, что такое объяснение стоит в резком противоречии с историческими фактами, так как наличие государства само по себе говорит уже о зарождении городов как укреплённых административных пунктов. Ведь государство даже в зачаточном виде имеет органы государственной власти, иначе оно не было бы государством. К тому же государство возникает не при первобытно-общинном, а при рабовладельческом или феодальном строе. Кто же, спрашивается, стоял во главе Антского государства, если таковое существовало у антов, а не было просто союзом племён? Ответа на этот вопрос у М. Ю. Брайчевского мы не найдём.

Отметим тут же интересное и обоснованное другое наблюдение того же автора, согласно которому «древнейшие русские городища появляются в VIII—IX вв.». К этому времени в Среднем Поднепровье, Поднестровье и Побужье «происходит трансформация основного типа поселений: от расположенных в низких местах незащищённых селищ — к городищам на высоких, естественно

---

[1] *М. Ю. Смишко,* Раннеславянская культура Поднестровья в свете новых археологических данных; *Г. Б. Фёдоров,* Работа Славяно-днестровской экспедиции («Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры», XLIV, 1952 г., стр. 67—82 и 83—92. В дальнейшем — «Краткие сообщения ИИМК»).

[2] *М. Ю. Брайчевский,* К происхождению древнерусских городов («Краткие сообщения ИИМК», XLI, 1951 г., стр. 32—33).

защищённых местах»[1]. Среди таких городищ далеко не все имели постоянное население. Некоторые были типичными городищами-убежищами.

Такой тип городищ археологи указывают и для Верхнего Поднестровья.

История такого типа городков — «твердей» — заслуживает особого внимания, но выходит за пределы нашей темы. Нас интересует прежде всего вопрос о городах как постоянных населённых пунктах, сделавшихся центрами ремесла и торговли. Особенно важен и интересен вопрос о времени появления новых городов и возникновения в них постоянного ремесленного и торгового населения. Конечно, возникновение городов нового типа произошло не сразу и не везде одинаково. В период расцвета городской жизни Киева и Новгорода в глухой земле вятичей ещё существовали городки, напоминавшие старые убежища антов, описанные Прокопием, но такие городки были уже характерны только для отдалённых уголков. Городская жизнь на Руси к этому времени шагнула далеко вперёд.

Какой же период времени надо считать эпохой постоянных городских поселений на Руси и какие этапы претерпели города в своём развитии? Ответ на этот вопрос мы постараемся дать на основании письменных и археологических памятников.

Туман, окутывающий историю Руси VIII в., при полном почти отсутствии письменных источников по этому периоду, рассеивается, как только мы вступаем в IX—X вв., когда на помощь нам приходят летописные свидетельства. Тем не менее и для этого времени количество древнейших русских городов не может быть установлено с какой-либо, даже приблизительной, точностью, потому что наш основной источник, летопись, сообщает о них лишь случайные и мимолётные сведения. Кроме того, летопись, как правило, говорит только о сравнительно крупных городских пунктах, наряду с которыми следует предполагать существование более мелких.

По летописи можно установить существование в IX—X вв. свыше двух десятков русских городов. Назовём их с показанием года основания или первого упоминания

---

[1] *М. Ю. Брайчевский,* К происхождению древнерусских городов («Краткие сообщения ИИМК», XLI, стр. 32—33).

данного города в источниках: Белгород (980) [1], Белоозеро (по летописи относится к древнейшим временам) (862) [2], Василев (988) [3], Вышгород (946) [4], Вручий (977) [5], Изборск (862) [6], Искоростень (946) [7], Киев (по летописи относится к древнейшим временам) [8], Ладога (862) [9], Любеч (882) [10], *Муром* (862) [11], Новгород (по одним сведениям был основан в незапамятное время, по другим — в 862 г.) [12], Пересечен (922) [13], Перемышль (981) [14], Переяславль (907) [15], Полоцк (862) [16], Псков (903) [17], Родня (980) [18], Ростов (862) [19], Смоленск (упомянут в числе древнейших русских городов) [20], Туров (980) [21], Червень (981) [22], Чернигов (907) [23].

Таким образом, летописи дают сведения о бесспорном существовании в IX—X столетиях по крайней мере 23 русских городов. Но этот список безусловно неточный и должен быть пополнен. Так, Суздаль упоминается

---

1 Летопись по Лаврентьевскому списку, СПБ 1872, стр. 78 (в дальнейшем — *Лаврент. лет.*). Под 991 г. говорится, что Владимир заложил Белгород, но речь идёт, видимо, о построении «города» в собственном смысле слова, т. е. укрепления.

2 Лаврент. лет., стр. 19; он упомянут как обитаемый народом «Весь» (стр. 10).

3 Там же, стр. 109.

4 Там же, стр. 58.

5 Там же, стр. 73.

6 Там же, стр. 19.

7 Там же, стр. 54.

8 Там же, стр. 7—8.

9 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М. — Л. 1950 (в дальнейшем — Новгород. лет.) впервые упоминает о Ладоге под 922 г. (стр. 109); в Ипатьевской летописи основание Ладоги приписывается Рюрику: «срубиша город Ладогу» (Летопись по Ипатьевскому списку, СПБ 1871, стр. 11; в дальнейшем — Ипат. лет.).

10 Лаврент. лет., стр. 22.

11 Там же, стр. 19.

12 См. далее, в этой же главе.

13 Новгород. лет., стр. 109.

14 Лаврент. лет., стр. 80.

15 Там же, стр. 30.

16 Там же, стр. 19.

17 Там же, стр. 28.

18 Там же, стр. 76.

19 Там же, стр. 19.

20 Там же, стр. 10.

21 Там же, стр. 74.

22 Там же, стр. 80.

23 Там же, стр. 30.

защищённых местах»[1]. Среди таких городищ далеко не все имели постоянное население. Некоторые были типичными городищами-убежищами.

Такой тип городищ археологи указывают и для Верхнего Поднестровья.

История такого типа городков — «твердей» — заслуживает особого внимания, но выходит за пределы нашей темы. Нас интересует прежде всего вопрос о городах как постоянных населённых пунктах, сделавшихся центрами ремесла и торговли. Особенно важен и интересен вопрос о времени появления новых городов и возникновения в них постоянного ремесленного и торгового населения. Конечно, возникновение городов нового типа произошло не сразу и не везде одинаково. В период расцвета городской жизни Киева и Новгорода в глухой земле вятичей ещё существовали городки, напоминавшие старые убежища антов, описанные Прокопием, но такие городки были уже характерны только для отдалённых уголков. Городская жизнь на Руси к этому времени шагнула далеко вперёд.

Какой же период времени надо считать эпохой постоянных городских поселений на Руси и какие этапы претерпели города в своём развитии? Ответ на этот вопрос мы постараемся дать на основании письменных и археологических памятников.

Туман, окутывающий историю Руси VIII в., при полном почти отсутствии письменных источников по этому периоду, рассеивается, как только мы вступаем в IX—X вв., когда на помощь нам приходят летописные свидетельства. Тем не менее и для этого времени количество древнейших русских городов не может быть установлено с какой-либо, даже приблизительной, точностью, потому что наш основной источник, летопись, сообщает о них лишь случайные и мимолётные сведения. Кроме того, летопись, как правило, говорит только о сравнительно крупных городских пунктах, наряду с которыми следует предполагать существование более мелких.

По летописи можно установить существование в IX—X вв. свыше двух десятков русских городов. Назовём их с показанием года основания или первого упоминания

---

[1] *М. Ю. Брайчевский,* К происхождению древнерусских городов («Краткие сообщения ИИМК», XLI, стр. 32—33).

Поражает отсутствие каких-либо названий, которые могут быть отнесены к названиям скандинавского или хазарского происхождения. Даже Ладога не может считаться построенной скандинавскими выходцами, так как в самих скандинавских источниках этот город известен под другим названием (Альдейгаборга). Предание о Туре, пришедшем из заморья, как строителе города Турова («от него же и Туровци прозвашася» [1]), повидимому, является позднейшим домыслом, так как имя «Тур» славянского происхождения. Например, Слово о полку Игореве знает «Буй тур Всеволода». В дремучих лесах по Припяти, где водились дикие туры, это имя могло иметь большое распространение. Напомним о существовании в Киеве Туровой божницы, т. е. церкви, строителем или владельцем которой был некий Тур, если только божница не получила своего названия от урочища Турова [2].

Анализируя составленный нами список русских городов, общее число которых с включением Суздаля и Вптичева достигает 25, мы приходим к выводу, что часть их по своему происхождению, безусловно, восходит ещё к IX в. Таковы Белоозеро, Изборск, Киев, Ладога, Любеч, Муром, Новгород, Полоцк, Ростов, Смоленск и, вероятно, Чернигов. Всего замечательнее, что в этот список попадают не только древнейшие, но и самые значительные русские города, о начале которых сами летописцы имели смутное представление. Из этих городов только Изборск рано потерял своё значение, уступив его соседнему Пскову. Конечно, ничто не даёт права думать, что все остальные города из названных нами 25 пунктов возникли только в X в., но нами выделены те города, происхождение которых бесспорно должно быть отнесено к более раннему периоду.

Кто же явился строителем первых русских городов? Вот тот вопрос, который естественно поставить, имея в виду существование клеветнических теорий, стремящихся представить восточных славян дикими людьми, начатки культуры у которых возникли только после

---

[1] Лаврент. лет., стр. 74.

[2] Уже Ходаковский считал предание об основании Турова от сказочного Тура, пришедшего из заморья, легендой, приводя большое количество названий, связанных с корнем «тур» («Русский исторический сборник», т. 7, М. 1844, стр. 342—345).

защищённых местах»[1]. Среди таких городищ далеко не все имели постоянное население. Некоторые были типичными городищами-убежищами.

Такой тип городищ археологи указывают и для Верхнего Поднестровья.

История такого типа городков — «твердей» — заслуживает особого внимания, но выходит за пределы нашей темы. Нас интересует прежде всего вопрос о городах как постоянных населённых пунктах, сделавшихся центрами ремесла и торговли. Особенно важен и интересен вопрос о времени появления новых городов и возникновения в них постоянного ремесленного и торгового населения. Конечно, возникновение городов нового типа произошло не сразу и не везде одинаково. В период расцвета городской жизни Киева и Новгорода в глухой земле вятичей ещё существовали городки, напоминавшие старые убежища антов, описанные Прокопием, но такие городки были уже характерны только для отдалённых уголков. Городская жизнь на Руси к этому времени шагнула далеко вперёд.

Какой же период времени надо считать эпохой постоянных городских поселений на Руси и какие этапы претерпели города в своём развитии? Ответ на этот вопрос мы постараемся дать на основании письменных и археологических памятников.

Туман, окутывающий историю Руси VIII в., при полном почти отсутствии письменных источников по этому периоду, рассеивается, как только мы вступаем в IX—X вв., когда на помощь нам приходят летописные свидетельства. Тем не менее и для этого времени количество древнейших русских городов не может быть установлено с какой-либо, даже приблизительной, точностью, потому что наш основной источник, летопись, сообщает о них лишь случайные и мимолётные сведения. Кроме того, летопись, как правило, говорит только о сравнительно крупных городских пунктах, наряду с которыми следует предполагать существование более мелких.

По летописи можно установить существование в IX—X вв. свыше двух десятков русских городов. Назовём их с показанием года основания или первого упоминания

---

[1] *М. Ю. Брайчевский,* К происхождению древнерусских городов («Краткие сообщения ИИМК», XLI, стр. 32—33).

надлежат: Киев, Чернигов, Смоленск, Полоцк, Псков, Новгород, Ладога. Существование их в IX—X вв. засвидетельствовано летописью, византийскими (Киев, Чернигов, Смоленск, Новгород) и скандинавскими (Новгород, Полоцк, Ладога) источниками. Громадный материал по ранней истории этих городов дают находки советских археологов за последние годы.

Следует, впрочем, заранее оговориться, что материалы раскопок, относящихся к ранней истории городов, несколько своеобразны. Они получены по преимуществу из могильников, примыкающих к древним городам, а не из раскопок на территории самих городов. Так, для суждения о древнем Киеве даёт материал обширный Киевский некрополь, о Чернигове — окрестные курганы, о Смоленске — Гнездовские курганы, о Ладоге — курганы Приладожья. В некоторых случаях древние погребения занимают часть территории самих городов (Киев, Чернигов), в других они расположены в некотором отдалении от них (Ладога, Смоленск), что связано с какими-то местными особенностями, вероятно культового характера. Приладожские и Гнездовские курганы, расположенные в некотором отдалении от города, сосредоточены в местностях с характерными названиями: Плакун (в Приладожье) и Гнездово. Первое название связывается с древнерусским «плакати» — оплакивать умерших («мертвеца плачются» — в Изборнике 1073 г.). По словарю Даля, «плакуша» — плакальщица по умершим. Название «Гнездово» связывается с понятием «гнезда», по-древнерусски — рода. Вероятно, такого же происхождения и название одного из древнейших польских городов — Гнезно.

Таким образом, устанавливается крайне своеобразный факт: существование больших некрополей вокруг древнейших русских городов или в непосредственной близости к ним. Такие некрополи служили местом погребения, главным образом верхушки общества. Этим объясняется обилие в погребениях оружия и украшений. Тем не менее материал некрополей позволяет составить некоторые суждения о ремесле и торговле русских городов IX—X столетий.

Наиболее полные, как письменные, так и археологические, сведения имеются по истории древнего Киева. Даже летопись, отнюдь не склонная прибеднять прошлое

защищённых местах»[1]. Среди таких городищ далеко не все имели постоянное население. Некоторые были типичными городищами-убежищами.

Такой тип городищ археологи указывают и для Верхнего Поднестровья.

История такого типа городков — «твердей» — заслуживает особого внимания, но выходит за пределы нашей темы. Нас интересует прежде всего вопрос о городах как постоянных населённых пунктах, сделавшихся центрами ремесла и торговли. Особенно важен и интересен вопрос о времени появления новых городов и возникновения в них постоянного ремесленного и торгового населения. Конечно, возникновение городов нового типа произошло не сразу и не везде одинаково. В период расцвета городской жизни Киева и Новгорода в глухой земле вятичей ещё существовали городки, напоминавшие старые убежища антов, описанные Прокопием, но такие городки были уже характерны только для отдалённых уголков. Городская жизнь на Руси к этому времени шагнула далеко вперёд.

Какой же период времени надо считать эпохой постоянных городских поселений на Руси и какие этапы претерпели города в своём развитии? Ответ на этот вопрос мы постараемся дать на основании письменных и археологических памятников.

Туман, окутывающий историю Руси VIII в., при полном почти отсутствии письменных источников по этому периоду, рассеивается, как только мы вступаем в IX—X вв., когда на помощь нам приходят летописные свидетельства. Тем не менее и для этого времени количество древнейших русских городов не может быть установлено с какой-либо, даже приблизительной, точностью, потому что наш основной источник, летопись, сообщает о них лишь случайные и мимолётные сведения. Кроме того, летопись, как правило, говорит только о сравнительно крупных городских пунктах, наряду с которыми следует предполагать существование более мелких.

По летописи можно установить существование в IX—X вв. свыше двух десятков русских городов. Назовём их с показанием года основания или первого упоминания

---

[1] *М. Ю. Брайчевский*, К происхождению древнерусских городов («Краткие сообщения ИИМК», XLI, стр. 32—33).

защищённых местах»[1]. Среди таких городищ далеко не все имели постоянное население. Некоторые были типичными городищами-убежищами.

Такой тип городищ археологи указывают и для Верхнего Поднестровья.

История такого типа городков — «твердей» — заслуживает особого внимания, но выходит за пределы нашей темы. Нас интересует прежде всего вопрос о городах как постоянных населённых пунктах, сделавшихся центрами ремесла и торговли. Особенно важен и интересен вопрос о времени появления новых городов и возникновения в них постоянного ремесленного и торгового населения. Конечно, возникновение городов нового типа произошло не сразу и не везде одинаково. В период расцвета городской жизни Киева и Новгорода в глухой земле вятичей ещё существовали городки, напоминавшие старые убежища антов, описанные Прокопием, но такие городки были уже характерны только для отдалённых уголков. Городская жизнь на Руси к этому времени шагнула далеко вперёд.

Какой же период времени надо считать эпохой постоянных городских поселений на Руси и какие этапы претерпели города в своём развитии? Ответ на этот вопрос мы постараемся дать на основании письменных и археологических памятников.

Туман, окутывающий историю Руси VIII в., при полном почти отсутствии письменных источников по этому периоду, рассеивается, как только мы вступаем в IX—X вв., когда на помощь нам приходят летописные свидетельства. Тем не менее и для этого времени количество древнейших русских городов не может быть установлено с какой-либо, даже приблизительной, точностью, потому что наш основной источник, летопись, сообщает о них лишь случайные и мимолётные сведения. Кроме того, летопись, как правило, говорит только о сравнительно крупных городских пунктах, наряду с которыми следует предполагать существование более мелких.

По летописи можно установить существование в IX—X вв. свыше двух десятков русских городов. Назовём их с показанием года основания или первого упоминания

---

[1] *М. Ю. Брайчевский,* К происхождению древнерусских городов («Краткие сообщения ИИМК», XLI, стр. 32—33).

место собраний, встреч, разговоров, бесед, небольшое строение. Летописец прибавляет, что многие варяги были христианами, а варяги составляли значительную прослойку в княжеской дружине.

Краткие летописные заметки о древней топографии Киева, занесённые в летопись в 60-х и 70-х годах XI в., позволяют судить о Киеве более раннего времени, по крайней мере X столетия. Говоря о прибытии древлян к Ольге, летописец делает к своему рассказу такое топографическое пояснение: «Тогда ведь вода текла возле горы Киевской и на Подоле не жили люди, но на горе. Город же Киев был там, где ныне двор Гордятин и Никифоров, а двор княжий был в городе, где ныне двор Воротиславль и Чюдин, а перевесище было вне города, и был вне города двор другой, где двор деместика за святой Богородицей над горою, двор теремный, потому что тут был терем каменный»[1].

Эта краткая летописная заметка по существу даёт ясное понятие о Киеве X в. Прежде всего устанавливается важный факт — позднее заселение Подола, лежавшего у подножия киевских высот. «Люди» — городское население — жили на горе, где был расположен город. В городе находился княжеский двор. Другой княжеский двор стоял «вне града». Тут же был и каменный терем. Место его указывается «за святой Богородицей», т. е. за Десятинной церковью. «Двор теремный вне града» известен и по рассказу о мести Ольги древлянам.

Из летописных известий становится совершенно ясным, что укреплённое место, или собственно «город», занимало совсем незначительную территорию. Киев был расширен только при Ярославе, заложившем в 1037 г. «город великий Кыев» с Золотыми воротами. До этого местность, на которой был позже воздвигнут Софийский собор, была полем «вне града», так же как и Подол в низине у Днепра оставался незаселённым.

Археологические наблюдения, сделанные на территории Киева, подтверждают наше представление о небольших размерах первоначального города. Об этом свидетельствуют остатки древнего рва поблизости от Десятинной церкви. Этот ров и предполагаемый земляной вал

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 40. Чюдин известен по Правде Ярославичей и по киевским событиям 1068 г., этим примерно датируется и топографический отрывок в летописи.

надлежат: Киев, Чернигов, Смоленск, Полоцк, Псков, Новгород, Ладога. Существование их в IX—X вв. засвидетельствовано летописью, византийскими (Киев, Чернигов, Смоленск, Новгород) и скандинавскими (Новгород, Полоцк, Ладога) источниками. Громадный материал по ранней истории этих городов дают находки советских археологов за последние годы.

Следует, впрочем, заранее оговориться, что материалы раскопок, относящихся к ранней истории городов, несколько своеобразны. Они получены по преимуществу из могильников, примыкающих к древним городам, а не из раскопок на территории самих городов. Так, для суждения о древнем Киеве даёт материал обширный Киевский некрополь, о Чернигове — окрестные курганы, о Смоленске — Гнездовские курганы, о Ладоге — курганы Приладожья. В некоторых случаях древние погребения занимают часть территории самих городов (Киев, Чернигов), в других они расположены в некотором отдалении от них (Ладога, Смоленск), что связано с какими-то местными особенностями, вероятно культового характера. Приладожские и Гнездовские курганы, расположенные в некотором отдалении от города, сосредоточены в местностях с характерными названиями: Плакун (в Приладожье) и Гнездово. Первое название связывается с древнерусским «плакати» — оплакивать умерших («мертвеца плачются» — в Изборнике 1073 г.). По словарю Даля, «плакуша» — плакальщица по умершим. Название «Гнездово» связывается с понятием «гнезда», по-древнерусски — рода. Вероятно, такого же происхождения и название одного из древнейших польских городов — Гнезно.

Таким образом, устанавливается крайне своеобразный факт: существование больших некрополей вокруг древнейших русских городов или в непосредственной близости к ним. Такие некрополи служили местом погребения, главным образом верхушки общества. Этим объясняется обилие в погребениях оружия и украшений. Тем не менее материал некрополей позволяет составить некоторые суждения о ремесле и торговле русских городов IX—X столетий.

Наиболее полные, как письменные, так и археологические, сведения имеются по истории древнего Киева. Даже летопись, отнюдь не склонная прибеднять прошлое

дужку тремя шариками, покрытыми грубой зернью». Это прототип так называемой серьги киевского типа, сложившегося уже в XI в. Другие серьги близки к серьгам так называемого волынского типа, также местного происхождения. К местной продукции Л. А. Голубева, исследовавшая Киевский некрополь, причисляет и скорлупообразные бронзовые фибулы. Число местных ремесленных изделий IX—X вв. может быть значительно увеличено, если к ним отнести различного рода бытовые предметы вроде железных ножичков, кресал (для зажигания), наконечников копий, стрел и т. д. Тогда ясна станет и основная продукция киевских ремесленников IX—X вв.: производство из металла изделий быта, оружия и примитивных украшений из серебра и меди, реже из золота. Находки весов и гирь вместе с монетой Константина Багрянородного (913—954 гг.) говорят о торговле Киева с Византией, о тех «гостях», которые приходили в Константинополь и жили в предместьи св. Мамы. Крестики, привески, найденные в погребениях, свидетельствуют о распространении христианства в Киеве IX—X вв.

В целом Киев этого времени рисуется как город с ремесленным производством и торговлей, но едва ли со значительным ремесленным населением. Это по преимуществу город князей с их дружиной. «Люди» — горожане — уже составляют в Киеве значительную прослойку, но ещё близко связаны с княжеским двором и дружиной, а сами ремесленники по преимуществу являются зависимыми людьми.

Аналогичные наблюдения можно сделать и над территорией других древнерусских городов, в первую очередь Новгорода.

Летописи знали две версии о происхождении Новгорода, приписывая его создание как славенам, так и Рюрику. Впрочем, одна версия не противоречит другой, так как легенда о построении города Рюриком может относиться к Городищу, которое так и носит название Рюрикова городища. Действительно, летопись говорит о построении Рюриком города над озером Ильмень, а это мало подходит к топографии Новгорода и более соответствует местоположению Городища, стоящего на Волхове поблизости от его впадения в Ильмень. Правда, А. В. Арциховский скептически смотрит на возможность раннего

защищённых местах»[1]. Среди таких городищ далеко не все имели постоянное население. Некоторые были типичными городищами-убежищами.

Такой тип городищ археологи указывают и для Верхнего Поднестровья.

История такого типа городков — «твердей» — заслуживает особого внимания, но выходит за пределы нашей темы. Нас интересует прежде всего вопрос о городах как постоянных населённых пунктах, сделавшихся центрами ремесла и торговли. Особенно важен и интересен вопрос о времени появления новых городов и возникновения в них постоянного ремесленного и торгового населения. Конечно, возникновение городов нового типа произошло не сразу и не везде одинаково. В период расцвета городской жизни Киева и Новгорода в глухой земле вятичей ещё существовали городки, напоминавшие старые убежища антов, описанные Прокопием, но такие городки были уже характерны только для отдалённых уголков. Городская жизнь на Руси к этому времени шагнула далеко вперёд.

Какой же период времени надо считать эпохой постоянных городских поселений на Руси и какие этапы претерпели города в своём развитии? Ответ на этот вопрос мы постараемся дать на основании письменных и археологических памятников.

Туман, окутывающий историю Руси VIII в., при полном почти отсутствии письменных источников по этому периоду, рассеивается, как только мы вступаем в IX—X вв., когда на помощь нам приходят летописные свидетельства. Тем не менее и для этого времени количество древнейших русских городов не может быть установлено с какой-либо, даже приблизительной, точностью, потому что наш основной источник, летопись, сообщает о них лишь случайные и мимолётные сведения. Кроме того, летопись, как правило, говорит только о сравнительно крупных городских пунктах, наряду с которыми следует предполагать существование более мелких.

По летописи можно установить существование в IX—X вв. свыше двух десятков русских городов. Назовём их с показанием года основания или первого упоминания

---

[1] *М. Ю. Брайчевский,* К происхождению древнерусских городов («Краткие сообщения ИИМК», XLI, стр. 32—33).

защищённых местах»[1]. Среди таких городищ далеко не все имели постоянное население. Некоторые были типичными городищами-убежищами.

Такой тип городищ археологи указывают и для Верхнего Поднестровья.

История такого типа городков — «твердей» — заслуживает особого внимания, но выходит за пределы нашей темы. Нас интересует прежде всего вопрос о городах как постоянных населённых пунктах, сделавшихся центрами ремесла и торговли. Особенно важен и интересен вопрос о времени появления новых городов и возникновения в них постоянного ремесленного и торгового населения. Конечно, возникновение городов нового типа произошло не сразу и не везде одинаково. В период расцвета городской жизни Киева и Новгорода в глухой земле вятичей ещё существовали городки, напоминавшие старые убежища антов, описанные Прокопием, но такие городки были уже характерны только для отдалённых уголков. Городская жизнь на Руси к этому времени шагнула далеко вперёд.

Какой же период времени надо считать эпохой постоянных городских поселений на Руси и какие этапы претерпели города в своём развитии? Ответ на этот вопрос мы постараемся дать на основании письменных и археологических памятников.

Туман, окутывающий историю Руси VIII в., при полном почти отсутствии письменных источников по этому периоду, рассеивается, как только мы вступаем в IX—X вв., когда на помощь нам приходят летописные свидетельства. Тем не менее и для этого времени количество древнейших русских городов не может быть установлено с какой-либо, даже приблизительной, точностью, потому что наш основной источник, летопись, сообщает о них лишь случайные и мимолётные сведения. Кроме того, летопись, как правило, говорит только о сравнительно крупных городских пунктах, наряду с которыми следует предполагать существование более мелких.

По летописи можно установить существование в IX—X вв. свыше двух десятков русских городов. Назовём их с показанием года основания или первого упоминания

---

[1] *М. Ю. Брайчевский,* К происхождению древнерусских городов («Краткие сообщения ИИМК», XLI, стр. 32—33).

место собраний, встреч, разговоров, бесед, небольшое строение. Летописец прибавляет, что многие варяги были христианами, а варяги составляли значительную прослойку в княжеской дружине.

Краткие летописные заметки о древней топографии Киева, занесённые в летопись в 60-х и 70-х годах XI в., позволяют судить о Киеве более раннего времени, по крайней мере X столетия. Говоря о прибытии древлян к Ольге, летописец делает к своему рассказу такое топографическое пояснение: «Тогда ведь вода текла возле горы Киевской и на Подоле не жили люди, но на горе. Город же Киев был там, где ныне двор Гордятин и Никифоров, а двор княжий был в городе, где ныне двор Воротиславль и Чюдин, а перевесище было вне города, и был вне города двор другой, где двор деместика за святой Богородицей над горою, двор теремный, потому что тут был терем каменный» [1].

Эта краткая летописная заметка по существу даёт ясное понятие о Киеве X в. Прежде всего устанавливается важный факт — позднее заселение Подола, лежавшего у подножия киевских высот. «Люди» — городское население — жили на горе, где был расположен город. В городе находился княжеский двор. Другой княжеский двор стоял «вне града». Тут же был и каменный терем. Место его указывается «за святой Богородицей», т. е. за Десятинной церковью. «Двор теремный вне града» известен и по рассказу о мести Ольги древлянам.

Из летописных известий становится совершенно ясным, что укреплённое место, или собственно «город», занимало совсем незначительную территорию. Киев был расширен только при Ярославе, заложившем в 1037 г. «город великий Кыев» с Золотыми воротами. До этого местность, на которой был позже воздвигнут Софийский собор, была полем «вне града», так же как и Подол в низине у Днепра оставался незаселённым.

Археологические наблюдения, сделанные на территории Киева, подтверждают наше представление о небольших размерах первоначального города. Об этом свидетельствуют остатки древнего рва поблизости от Десятинной церкви. Этот ров и предполагаемый земляной вал

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 40. Чюдин известен по Правде Ярославичей и по киевским событиям 1068 г., этим примерно датируется и топографический отрывок в летописи.

место собраний, встреч, разговоров, бесед, небольшое строение. Летописец прибавляет, что многие варяги были христианами, а варяги составляли значительную прослойку в княжеской дружине.

Краткие летописные заметки о древней топографии Киева, занесённые в летопись в 60-х и 70-х годах XI в., позволяют судить о Киеве более раннего времени, по крайней мере X столетия. Говоря о прибытии древлян к Ольге, летописец делает к своему рассказу такое топографическое пояснение: «Тогда ведь вода текла возле горы Киевской и на Подоле не жили люди, но на горе. Город же Киев был там, где ныне двор Гордятин и Никифоров, а двор княжий был в городе, где ныне двор Воротиславль и Чюдин, а перевесище было вне города, и был вне города двор другой, где двор деместика за святой Богородицей над горою, двор теремный, потому что тут был терем каменный» [1].

Эта краткая летописная заметка по существу даёт ясное понятие о Киеве X в. Прежде всего устанавливается важный факт — позднее заселение Подола, лежавшего у подножия киевских высот. «Люди» — городское население — жили на горе, где был расположен город. В городе находился княжеский двор. Другой княжеский двор стоял «вне града». Тут же был и каменный терем. Место его указывается «за святой Богородицей», т. е. за Десятинной церковью. «Двор теремный вне града» известен и по рассказу о мести Ольги древлянам.

Из летописных известий становится совершенно ясным, что укреплённое место, или собственно «город», занимало совсем незначительную территорию. Киев был расширен только при Ярославе, заложившем в 1037 г. «город великий Кыев» с Золотыми воротами. До этого местность, на которой был позже воздвигнут Софийский собор, была полем «вне града», так же как и Подол в низине у Днепра оставался незаселённым.

Археологические наблюдения, сделанные на территории Киева, подтверждают наше представление о небольших размерах первоначального города. Об этом свидетельствуют остатки древнего рва поблизости от Десятинной церкви. Этот ров и предполагаемый земляной вал

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 40. Чюдин известен по Правде Ярославичей и по киевским событиям 1068 г., этим примерно датируется и топографический отрывок в летописи.

лексом вещей, характерных для среднерусских городищ X—XIV вв.[1]

Несколько иную картину дают археологические наблюдения, сделанные в Пскове. В итоге работ, проведённых под руководством Н. Н. Чернягина на территории Псковского кремля («Крома»), была установлена целость напластований Псковского кремля и наличие ряда последовательных культурных слоёв, датируемых начиная с VIII—IX вв. и кончая XII, быть может, XIII в. Таким образом, Псков возник раньше, чем Новгород, и в этом нет ничего невероятного, так как торговая дорога по реке Великой восходит к очень раннему времени. Характерно, что в древнейшем слое был найден костяной гребень с резным изображением ладьи с парусом и сильно приподнятыми, загнутыми кормой и носом[2]. Ладья по своей форме напоминает типичную древнерусскую ладью, как она нам известна по миниатюрам. Рисунок украшал вещь, принадлежавшую какому-либо купцу-воителю.

Новые раскопки на территории Пскова подтвердили, что Псков уже в IX столетии был значительным городским пунктом. В Детинце найдены были мостовые X в. и остатки жилого дома VIII—IX столетий[3].

Интересные соображения о времени возникновения и развития городской жизни в Пскове высказала С. А. Тараканова. Как и многие другие города, Псков стоял на месте древнего поселения. «Изучение остатков материальной культуры древнего Пскова, а также его крепостных стен, в особенности первоначальных, позволяет отнести возникновение Пскова как собственно города к VIII в. н. э.», — пишет С. А. Тараканова. Особенно ценно наблюдение С. А. Таракановой, что слои земли в Псковском кремле VIII—X вв. по своим материальным остаткам принципиально отличаются от слоёв II—VIII столетий. Так, лепная посуда, производившаяся раньше домашним способом, заменяется посудой, сделанной на гончарном круге. На новой технической основе развивается кузнечно-литейное ремесло. Вместо полуземлянок появляются

---

[1] «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», М.—Л. 1941, стр. 90—96.

[2] Там же. стр. 28—32.

[3] *С. А. Тараканова,* Раскопки древнего Пскова («Краткие сообщения ИИМК», XXVII, 1949 г., стр. 104—112).

место собраний, встреч, разговоров, бесед, небольшое строение. Летописец прибавляет, что многие варяги были христианами, а варяги составляли значительную прослойку в княжеской дружине.

Краткие летописные заметки о древней топографии Киева, занесённые в летопись в 60-х и 70-х годах XI в., позволяют судить о Киеве более раннего времени, по крайней мере X столетия. Говоря о прибытии древлян к Ольге, летописец делает к своему рассказу такое топографическое пояснение: «Тогда ведь вода текла возле горы Киевской и на Подоле не жили люди, но на горе. Город же Киев был там, где ныне двор Гордятин и Никифоров, а двор княжий был в городе, где ныне двор Воротиславль и Чюдин, а перевесище было вне города, и был вне города двор другой, где двор деместика за святой Богородицей над горою, двор теремный, потому что тут был терем каменный»[1].

Эта краткая летописная заметка по существу даёт ясное понятие о Киеве X в. Прежде всего устанавливается важный факт — позднее заселение Подола, лежавшего у подножия киевских высот. «Люди» — городское население — жили на горе, где был расположен город. В городе находился княжеский двор. Другой княжеский двор стоял «вне града». Тут же был и каменный терем. Место его указывается «за святой Богородицей», т. е. за Десятинной церковью. «Двор теремный вне града» известен и по рассказу о мести Ольги древлянам.

Из летописных известий становится совершенно ясным, что укреплённое место, или собственно «город», занимало совсем незначительную территорию. Киев был расширен только при Ярославе, заложившем в 1037 г. «город великий Кыев» с Золотыми воротами. До этого местность, на которой был позже воздвигнут Софийский собор, была полем «вне града», так же как и Подол в низине у Днепра оставался незаселённым.

Археологические наблюдения, сделанные на территории Киева, подтверждают наше представление о небольших размерах первоначального города. Об этом свидетельствуют остатки древнего рва поблизости от Десятинной церкви. Этот ров и предполагаемый земляной вал

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 40. Чюдин известен по Правде Ярославичей и по киевским событиям 1068 г., этим примерно датируется и топографический отрывок в летописи.

затруднения путём следующих рассуждений: «Нам кажется, что Гнездово в древнее время, т. е. в IX—X столетиях, было погостом Смоленска, и что здесь, в Гнездове, с древних времён развивалась торгово-промышленная жизнь в то время, когда Смоленск был только острожком или крепостью, где сидел правитель («муж княжой»), ездивший на полюдье или принимавший дань или товар от окрестных мест. Население Смоленска было в то время незначительное и только административно-военное, и потому оно не оставило после себя никаких ясных следов, относящихся ко времени язычества». Сизов предполагает, что уничтожение Гнездова произошло посредством крутых административных мер, которые привели к уничтожению древнего языческого погоста, вероятно слишком упрямого в своём язычестве [1]. Население ютилось ближе к берегу Днепра, на юг от могильника, и посёлки тянулись длинной полосой у правого берега реки, в центре же поселений находилось городище, «валы которого были укреплены каменной кладкой внутри и, быть может, горелыми брёвнами» [2]. К сожалению, Сизов не произвёл детального исследования городища и остатков поселений. Главное внимание его было обращено на изучение курганов, а между тем вопрос о характере Гнездовского поселения является важным для суждений о русском городе IX—X вв.

Изучение Гнездовских курганов было успешно продолжено советским археологом Д. А. Авдусиным, который произвёл раскопки и на Гнездовском городище. Авдусин приходит к выводу, что древний Смоленск не находился на центральном Гнездовском городище, а найденные на его территории предметы IX—X вв. являются остатками курганных погребений, разрушенных при сооружении епископского замка в XVII столетии. Впрочем, этот решительный вывод сам же автор несколько подрывает заключительной фразой, что вопрос о первоначальном месте Смоленска ещё не решён [3].

Трудный вопрос о местоположении древнего Смоленска в какой-то мере может быть если не решён, то

---

[1] *В. И. Сизов,* Курганы Смоленской губернии, вып. I. Гнездовский могильник близ Смоленска, СПБ 1902, стр. 125—126.

[2] Там же, стр. 115.

[3] *Д. А. Авдусин,* К вопросу о первоначальном месте Смоленска («Вестник Московского Университета» № 7, 1953 г., стр. 136—137).

приближен к решению по аналогии с другими древнерусскими городами. Прежде всего, повидимому, надо отказаться от мысли, что первоначальный Смоленск стоял на Гнездове и центром его было Гнездовское городище, к чему я сам склонялся в первом издании этой книги. Местоположение Смоленска на высотах совершенно аналогично местоположению Киева, Чернигова, Пскова, Полоцка. Наоборот, Гнездовское городище стоит в низине и не на самом берегу Днепра. Даже Новгородский кремль был построен на более возвышенном месте, хотя он и расположен на равнине у берегов Волхова, где нет значительных высот.

Мало вероятными кажутся также представления В. И. Сизова о Гнездове как торгово-промышленном посаде Смоленска. В этом случае мы имели бы беспрецедентный случай большого поселения, лежавшего далеко от замка, под стенами которого обычно располагался неукреплённый посад. Это опровергается и самими находками, сделанными В. И. Сизовым, в частности обычаем погребения воинов с рабынями. Только в богатых курганах Гнездова мужские трупосожжения сопровождаются женскими. Военный элемент сказался в предметах, открытых в Гнездове в таком большом количестве, что нельзя говорить о случайности. Чего стоит хотя бы находка горшка с жжёными костями, по бокам которого в землю были воткнуты с одной стороны меч с рукояткой, отделанной серебром, с другой — копьё.

Что Гнездово нельзя считать первоначальным Смоленском, доказывается прямым свидетельством письменных источников. По сказаниям о Борисе и Глебе, встреча Глеба с его убийцами произошла в устье Смядыни. Глеб спускался вниз по Днепру: «и как (Глеб) пришел к Смоленску и пошел от Смоленска и видим еще был, остановился он на Смядыне в кораблике» [1]. Ту же версию о месте гибели Глеба находим и в летописи. Таким образом, в начале XI в. Смоленск находился на своём теперешнем месте, выше Смядыни, а не ниже, как надо было бы предполагать, если бы речь шла о Гнездове. Небольшой корабль Глеба был ещё виден от города. Эта подробность заимствована, видимо, из рассказов очевидцев события.

---

[1] «И яко приде Смолиньску и поиде от Смолиньска яко зьреим едино ста на Смядине в кораблици» (*Д. И. Абрамович,* Жития св. мучеников Бориса и Глеба, Пгр. 1916, стр. 39, 70).

защищённых местах»[1]. Среди таких городищ далеко не все имели постоянное население. Некоторые были типичными городищами-убежищами.

Такой тип городищ археологи указывают и для Верхнего Поднестровья.

История такого типа городков — «твердей» — заслуживает особого внимания, но выходит за пределы нашей темы. Нас интересует прежде всего вопрос о городах как постоянных населённых пунктах, сделавшихся центрами ремесла и торговли. Особенно важен и интересен вопрос о времени появления новых городов и возникновения в них постоянного ремесленного и торгового населения. Конечно, возникновение городов нового типа произошло не сразу и не везде одинаково. В период расцвета городской жизни Киева и Новгорода в глухой земле вятичей ещё существовали городки, напоминавшие старые убежища антов, описанные Прокопием, но такие городки были уже характерны только для отдалённых уголков. Городская жизнь на Руси к этому времени шагнула далеко вперёд.

Какой же период времени надо считать эпохой постоянных городских поселений на Руси и какие этапы претерпели города в своём развитии? Ответ на этот вопрос мы постараемся дать на основании письменных и археологических памятников.

Туман, окутывающий историю Руси VIII в., при полном почти отсутствии письменных источников по этому периоду, рассеивается, как только мы вступаем в IX—X вв., когда на помощь нам приходят летописные свидетельства. Тем не менее и для этого времени количество древнейших русских городов не может быть установлено с какой-либо, даже приблизительной, точностью, потому что наш основной источник, летопись, сообщает о них лишь случайные и мимолётные сведения. Кроме того, летопись, как правило, говорит только о сравнительно крупных городских пунктах, наряду с которыми следует предполагать существование более мелких.

По летописи можно установить существование в IX—X вв. свыше двух десятков русских городов. Назовём их с показанием года основания или первого упоминания

---

[1] *М. Ю. Брайчевский,* К происхождению древнерусских городов («Краткие сообщения ИИМК», XLI, стр. 32—33).

защищённых местах»[1]. Среди таких городищ далеко не все имели постоянное население. Некоторые были типичными городищами-убежищами.

Такой тип городищ археологи указывают и для Верхнего Поднестровья.

История такого типа городков — «твердей» — заслуживает особого внимания, но выходит за пределы нашей темы. Нас интересует прежде всего вопрос о городах как постоянных населённых пунктах, сделавшихся центрами ремесла и торговли. Особенно важен и интересен вопрос о времени появления новых городов и возникновения в них постоянного ремесленного и торгового населения. Конечно, возникновение городов нового типа произошло не сразу и не везде одинаково. В период расцвета городской жизни Киева и Новгорода в глухой земле вятичей ещё существовали городки, напоминавшие старые убежища антов, описанные Прокопием, но такие городки были уже характерны только для отдалённых уголков. Городская жизнь на Руси к этому времени шагнула далеко вперёд.

Какой же период времени надо считать эпохой постоянных городских поселений на Руси и какие этапы претерпели города в своём развитии? Ответ на этот вопрос мы постараемся дать на основании письменных и археологических памятников.

Туман, окутывающий историю Руси VIII в., при полном почти отсутствии письменных источников по этому периоду, рассеивается, как только мы вступаем в IX—X вв., когда на помощь нам приходят летописные свидетельства. Тем не менее и для этого времени количество древнейших русских городов не может быть установлено с какой-либо, даже приблизительной, точностью, потому что наш основной источник, летопись, сообщает о них лишь случайные и мимолётные сведения. Кроме того, летопись, как правило, говорит только о сравнительно крупных городских пунктах, наряду с которыми следует предполагать существование более мелких.

По летописи можно установить существование в IX—X вв. свыше двух десятков русских городов. Назовём их с показанием года основания или первого упоминания

---

[1] *М. Ю. Брайчевский,* К происхождению древнерусских городов («Краткие сообщения ИИМК», XLI, стр. 32—33).

защищённых местах»[1]. Среди таких городищ далеко не все имели постоянное население. Некоторые были типичными городищами-убежищами.

Такой тип городищ археологи указывают и для Верхнего Поднестровья.

История такого типа городков — «твердей» — заслуживает особого внимания, но выходит за пределы нашей темы. Нас интересует прежде всего вопрос о городах как постоянных населённых пунктах, сделавшихся центрами ремесла и торговли. Особенно важен и интересен вопрос о времени появления новых городов и возникновения в них постоянного ремесленного и торгового населения. Конечно, возникновение городов нового типа произошло не сразу и не везде одинаково. В период расцвета городской жизни Киева и Новгорода в глухой земле вятичей ещё существовали городки, напоминавшие старые убежища антов, описанные Прокопием, но такие городки были уже характерны только для отдалённых уголков. Городская жизнь на Руси к этому времени шагнула далеко вперёд.

Какой же период времени надо считать эпохой постоянных городских поселений на Руси и какие этапы претерпели города в своём развитии? Ответ на этот вопрос мы постараемся дать на основании письменных и археологических памятников.

Туман, окутывающий историю Руси VIII в., при полном почти отсутствии письменных источников по этому периоду, рассеивается, как только мы вступаем в IX—X вв., когда на помощь нам приходят летописные свидетельства. Тем не менее и для этого времени количество древнейших русских городов не может быть установлено с какой-либо, даже приблизительной, точностью, потому что наш основной источник, летопись, сообщает о них лишь случайные и мимолётные сведения. Кроме того, летопись, как правило, говорит только о сравнительно крупных городских пунктах, наряду с которыми следует предполагать существование более мелких.

По летописи можно установить существование в IX—X вв. свыше двух десятков русских городов. Назовём их с показанием года основания или первого упоминания

---

[1] *М. Ю. Брайчевский,* К происхождению древнерусских городов («Краткие сообщения ИИМК», XLI, стр. 32—33).

Меньск, Менеск, современный Минск (1067) [1], Микулин (конец XI в.) [2].

Нежатин или Неятин (1071) [3], Новгород Святополч (1095) [4].

Обров (конец XI в.) [5], Одрск (конец XI в.) [6], Олешье (1084) в устье Днепра также считалось русским городом [7], Острог (1100) [8].

Переволока (1092) [9], Перемиль (1097) [10], Песочен или Посечен (1092) [11], Пинск (1097) [12], Прилук (1092) [13].

Римов (конец XI в.) [14], Ромен (конец XI в.) [15], Ростовец (1071) [16], Рша, современная Орша (1067) [17], Рязань (1096) [18].

Саков (1095) [19], Святославль (конец XI в.) [20], Сновск (1068) [21], Стародуб Северский (1096) [22], Сутейск (1097) [23].

Теребовль (1097) [24], Торческ (1093) [25], Триполь (1093) [26], Турийск (1097) [27], Тмутаракань, впервые упоминается в 1022 г., но существовала ранее, так как названа в числе городов, розданных Владимиром Святославичем сыновьям, следовательно, до 1015 г. [28]

Уветичи (1100) [29], Устье (1096) [30].

Халеп (конец XI в.) [31].

Черторыйск (1100) [32].

Шеполь (1097) [33].

---

[1] Лавр. 162, Ипат. 117.

[2] Лавр. 239, Ипат. 226, под 1144 г. (назван в поучении Владимира Мономаха).

[3] Лавр. 169, Ипат. 122.

[4] Лавр. 221, Ипат. 160.

[5] Лавр. 239 (назван в поучении Владимира Мономаха).

[6] Лавр. 239 (назван в поучении Владимира Мономаха).

[7] Лавр. 199, Ипат. 144.

[8] Лавр. 264, Ипат. 180.

[9] Лавр. 208.

[10] Лавр. 256.

[11] Лавр. 208, Ипат. 150.

[12] Лавр. 249, Ипат. 168.

[13] Лавр. 208, Ипат. 150.

[14] Лавр. 240 (назван в поучении Владимира Мономаха).

[15] Лавр. 241.

[16] Лавр. 169, Ипат. 122 (назван в поучении Владимира Мономаха).

[17] Ипат. 117, Лавр. 163.

[18] Лавр. 223 (назван в поучении Владимира Мономаха).

[19] Лавр. 221, Ипат, 181.

[20] Лавр. 240 (назван в поучении Владимира Мономаха).

[21] Лавр. 167, Ипат. 121.

[22] Лавр. 222, Ипат. 160.

[23] Ипат. 178, Лавр. 238 (назван в поучении Владимира Мономаха).

[24] Лавр. 247, Ипат. 167.

[25] Лавр. 211, Ипат. 152.

[26] Лавр. 212, Ипат. 153.

[27] Лавр. 258, Ипат. 175.

[28] Ипат. 83, 103.

[29] Ипат. 180, Лавр. 263.

[30] Ипат. 161, Лавр. 223.

[31] Лавр. 240 (назван в поучении Владимира Мономаха).

[32] Ипат. 180, Лавр. 264.

[33] Ипат. 173, Лавр. 256.

Юрьев в Эстонии (1030) [1].

Ярославль (1071) [2].

К перечисленным 58 городам надо добавить несколько городов, сравнительно поздно появляющихся в летописях, но возникших не позже XI в. К их числу прежде всего принадлежит Витебск, о котором говорится в Московском летописном своде под 1021 г.: «и оттоле призвал (Ярослав) к себе Брячислава и дал ему два города Восвячь и Видбеск» [3]. Из этого же известия узнаём о городе Восвячь, или Усвяте, следовательно уже существовавшем в XI в.

Торопец также поздно появляется в наших летописях, но его раннее существование доказывается упоминанием Печерского патерика об Исаакии Затворнике. Исаакий был в миру купцом из Торопца («бе купець родом торопчанин»). В Печерский монастырь он пришёл ещё при жизни Антония, следовательно, в первой половине XI в. [4]

К городам того же столетия надо отнести также Изяславль и Владимир-на-Клязьме (Залесский). Изяславль (позже Заславль) впервые упоминается под 1127 г., но в летописи помещён рассказ о построении этого города Владимиром Святославичем для сына Изяслава, рождённого от Рогнеды [5]. Старинный спор о том, какому князю принадлежит честь основания Владимира-на-Клязьме — Владимиру Святославичу или Владимиру Мономаху, в общем может быть разрешён признанием того, что он основан в XI в., поскольку тот и другой князь жили в этом столетии.

Не позже начала XI в. возник город Владимир Волынский, так как, по летописи, Владимир Святославич посадил в нём на княжение своего сына Всеволода, а об особом княжении во Владимире-на-Клязьме в это время не может быть и речи. Впервые же город Владимир Волынский назван в 1044 г. В 1018 г. назван город

---

[1] Лавр. 146, Ипат. 105.

[2] Лавр. 170.

[3] «Полное собрание русских летописей», т. XXV, М. — Л. 1949, стр. 374 (в дальнейшем — ПСРЛ).

[4] «Патерик Киевского Печерского монастыря», изд. Археографической комиссии, СПБ 1911, стр. 128 (в дальнейшем — «Печерский патерик»).

[5] Лаврент. лет., стр. 285.

Волынь, возникший гораздо раньше. Вероятно, это один из древнейших городов на Руси [1].

Так прибавляется ещё 6 городов (Витебск, Усвят, Торопец, Владимир Волынский, Волынь и Владимир-на-Клязьме). Таким образом, в XI столетии встречаем 64 новых города, а общее количество русских городов в этот период вместе с более ранними городами может быть исчислено в 89, т. е. близко подходит к сотне.

Наибольшее количество городов показано в наших источниках для XII в.:

Бароч или Баруч (1125) [2], Бежицы или Бежицкий Верх (1196) [3], в первом известии о нём 1196 г. он назван просто Верхом, Бежицким именуется только в 1245 г., Березый (1152) [4], Блеве (1147) [5], Боголюбов (до 1175 г.) [6], Богуславль (1195) [7], Болдыж (1146) [8], Болохов (1150) [9], Борисов (1127) [10], Борисов-Глебов (1180) [11], Бохмач (1147) [12], Брань или Брон (1125) [13], Брягин (1147) [14], Брянск или Дебрянск (1146) [15], Булич (1162) [16].

Василев Смоленский (1165) [17], Вернев (1151) [18], Визна (1145) [19], Володарев (1150) [20], Волок Ламский (1135), под этим годом город назван просто Волоком, а «Ламским Волоком» — лишь в 1178 г. [21], Воробиин (1147) [22], Воронажь или Воронеж (1177) [23], Воротынск (1155) [24], Всеволож Черниговский (1147) [25], Вщиж (1142) [26], Выгошев (1152) [27], Вьяхань или Бьяхань (1147) [28].

---

[1] «Приде Волыню и сташа оба пол реки Буга» (Лаврент. лет., стр. 139). Здесь имеется в виду, конечно, город, а не область.

[2] Лавр. 280, Ипат. 208, под 1126 г.

[3] Новг. 43.

[4] Ипат. 314.

[5] Ипат. 242.

[6] Лавр. 348.

[7] Ипат. 459.

[8] Ипат. 238, но из летописи неясно, о чём идёт речь — о городе или урочище: «Прешедшим же им лес Болдыжь».

[9] Ипат. 278.

[10] Лавр. 283, Ипат. 210, под 1128 г.

[11] Лавр. 368.

[12] Ипат. 252.

[13] Лавр. 280.

[14] Ипат. 253.

[15] Ипат. 239.

[16] Ипат. 354.

[17] Ипат. 359.

[18] Ипат. 300.

[19] Ипат. 227.

[20] Ипат. 278.

[21] Лавр. 287.

[22] Ипат. 242.

[23] Ипат. 410.

[24] Ипат. 329.

[25] Ипат. 252.

[26] Ипат. 223.

[27] Ипат. 313.

[28] Ипат. 251.

Галич (1138) [1], Глебль (1147) [2], Глухов (1152) [3], Гнойница (1152) [4], Гомий (1142) [5], Городен Волынский (1183) [6], Городец или Городок на Остре (1135) [7], Городец Радилов на Волге (1172) [8].

Дверен (1192) [9], Дерновой (1146) [10], Девягорск (1147) [11], Дедославль (1146) [12], Дмитров (1154) [13], Дмитров Киевский (1183) [14], Домагощ (1147) [15], Дорогичин (1142) [16].

Желди или Желдя, по Троицкому списку — Желний (1116) [17].

Зареческ (1106) [18], Зарой (1154) [19], Зарытый (1160) [20], Звенигород Киевский (1150) [21].

Канев (1149) [22], Карачев (1146) [23], Клеческ (1127) [24], Козельск (1154) [25], Коломна (1177) [26], Копонов (1187) [27], Копыс (1116) [28], Коречьск или Корческ (1150) [29], Корсунь-на-Роси (1169) [30], Котельнич (1143) [31], Красный или Красн (1165) [32], Кснятин (1148) [33], Кучелмин (1159) [34].

Лобынск (1146) [35], Луки Великие (1166) [36], Лукомль (1178) [37], Лутава (1155) [38], Лучин (1173) [39].

Малотин (1139) [40], Межибожье (1146) [41], Межимостье (1170) [42], Милеск (1150) [43], Мичьск (1150) [44],

---

[1] Лавр. 290 (названы галичане), Ипат. 218, под 1140 г.
[2] Ипат. 252.
[3] Лавр. 320.
[4] Ипат. 313.
[5] Ипат. 223.
[6] Ипат. 428.
[7] Лавр. 287.
[8] Лавр. 345.
[9] Ипат. 453.
[10] Ипат. 230.
[11] Ипат. 242.
[12] Ипат. 239.
[13] ПСРЛ, т. XXV, стр. 58.
[14] Ипат. 424.
[15] Ипат. 242.
[16] Ипат. 222.
[17] Лавр. 276, Ипат. 203.
[18] Лавр. 270, Ипат. 186.
[19] Ипат. 328.
[20] Ипат. 348.
[21] Ипат. 278.
[22] Лавр. 306.
[23] Лавр. 298.
[24] Лавр. 283, Ипат. 210, под 1128 г.
[25] Лавр. 324.
[26] Лавр. 363.
[27] Лавр. 385.
[28] Ипат. 203.
[29] Ипат. 276, Лавр. 319, под 1151 г.
[30] Лавр. 339, Ипат. 379.
[31] Ипат. 224.
[32] Ипат. 359.
[33] Ипат. 260.
[34] Ипат. 341.
[35] Ипат. 240.
[36] Новг. 32, Ипат. 362, под 1168 г.
[37] Ипат. 415.
[38] Ипат. 331.
[39] Ипат. 386.
[40] Лавр. 292, Ипат. 220, под 1140 г.
[41] Ипат. 234.
[42] Ипат. 372.
[43] Ипат. 285.
[44] Ипат. 286.

защищённых местах»[1]. Среди таких городищ далеко не все имели постоянное население. Некоторые были типичными городищами-убежищами.

Такой тип городищ археологи указывают и для Верхнего Поднестровья.

История такого типа городков — «твердей» — заслуживает особого внимания, но выходит за пределы нашей темы. Нас интересует прежде всего вопрос о городах как постоянных населённых пунктах, сделавшихся центрами ремесла и торговли. Особенно важен и интересен вопрос о времени появления новых городов и возникновения в них постоянного ремесленного и торгового населения. Конечно, возникновение городов нового типа произошло не сразу и не везде одинаково. В период расцвета городской жизни Киева и Новгорода в глухой земле вятичей ещё существовали городки, напоминавшие старые убежища антов, описанные Прокопием, но такие городки были уже характерны только для отдалённых уголков. Городская жизнь на Руси к этому времени шагнула далеко вперёд.

Какой же период времени надо считать эпохой постоянных городских поселений на Руси и какие этапы претерпели города в своём развитии? Ответ на этот вопрос мы постараемся дать на основании письменных и археологических памятников.

Туман, окутывающий историю Руси VIII в., при полном почти отсутствии письменных источников по этому периоду, рассеивается, как только мы вступаем в IX—X вв., когда на помощь нам приходят летописные свидетельства. Тем не менее и для этого времени количество древнейших русских городов не может быть установлено с какой-либо, даже приблизительной, точностью, потому что наш основной источник, летопись, сообщает о них лишь случайные и мимолётные сведения. Кроме того, летопись, как правило, говорит только о сравнительно крупных городских пунктах, наряду с которыми следует предполагать существование более мелких.

По летописи можно установить существование в IX—X вв. свыше двух десятков русских городов. Назовём их с показанием года основания или первого упоминания

---

[1] *М. Ю. Брайчевский,* К происхождению древнерусских городов («Краткие сообщения ИИМК», XLI, стр. 32—33).

место собраний, встреч, разговоров, бесед, небольшое строение. Летописец прибавляет, что многие варяги были христианами, а варяги составляли значительную прослойку в княжеской дружине.

Краткие летописные заметки о древней топографии Киева, занесённые в летопись в 60-х и 70-х годах XI в., позволяют судить о Киеве более раннего времени, по крайней мере X столетия. Говоря о прибытии древлян к Ольге, летописец делает к своему рассказу такое топографическое пояснение: «Тогда ведь вода текла возле горы Киевской и на Подоле не жили люди, но на горе. Город же Киев был там, где ныне двор Гордятин и Никифоров, а двор княжий был в городе, где ныне двор Воротиславль и Чюдин, а перевесище было вне города, и был вне города двор другой, где двор деместика за святой Богородицей над горою, двор теремный, потому что тут был терем каменный» [1].

Эта краткая летописная заметка по существу даёт ясное понятие о Киеве X в. Прежде всего устанавливается важный факт — позднее заселение Подола, лежавшего у подножия киевских высот. «Люди» — городское население — жили на горе, где был расположен город. В городе находился княжеский двор. Другой княжеский двор стоял «вне града». Тут же был и каменный терем. Место его указывается «за святой Богородицей», т. е. за Десятинной церковью. «Двор теремный вне града» известен и по рассказу о мести Ольги древлянам.

Из летописных известий становится совершенно ясным, что укреплённое место, или собственно «город», занимало совсем незначительную территорию. Киев был расширен только при Ярославе, заложившем в 1037 г. «город великий Кыев» с Золотыми воротами. До этого местность, на которой был позже воздвигнут Софийский собор, была полем «вне града», так же как и Подол в низине у Днепра оставался незаселённым.

Археологические наблюдения, сделанные на территории Киева, подтверждают наше представление о небольших размерах первоначального города. Об этом свидетельствуют остатки древнего рва поблизости от Десятинной церкви. Этот ров и предполагаемый земляной вал

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 40. Чюдин известен по Правде Ярославичей и по киевским событиям 1068 г., этим примерно датируется и топографический отрывок в летописи.

защищённых местах»[1]. Среди таких городищ далеко не все имели постоянное население. Некоторые были типичными городищами-убежищами.

Такой тип городищ археологи указывают и для Верхнего Поднестровья.

История такого типа городков — «твердей» — заслуживает особого внимания, но выходит за пределы нашей темы. Нас интересует прежде всего вопрос о городах как постоянных населённых пунктах, сделавшихся центрами ремесла и торговли. Особенно важен и интересен вопрос о времени появления новых городов и возникновения в них постоянного ремесленного и торгового населения. Конечно, возникновение городов нового типа произошло не сразу и не везде одинаково. В период расцвета городской жизни Киева и Новгорода в глухой земле вятичей ещё существовали городки, напоминавшие старые убежища антов, описанные Прокопием, но такие городки были уже характерны только для отдалённых уголков. Городская жизнь на Руси к этому времени шагнула далеко вперёд.

Какой же период времени надо считать эпохой постоянных городских поселений на Руси и какие этапы претерпели города в своём развитии? Ответ на этот вопрос мы постараемся дать на основании письменных и археологических памятников.

Туман, окутывающий историю Руси VIII в., при полном почти отсутствии письменных источников по этому периоду, рассеивается, как только мы вступаем в IX—X вв., когда на помощь нам приходят летописные свидетельства. Тем не менее и для этого времени количество древнейших русских городов не может быть установлено с какой-либо, даже приблизительной, точностью, потому что наш основной источник, летопись, сообщает о них лишь случайные и мимолётные сведения. Кроме того, летопись, как правило, говорит только о сравнительно крупных городских пунктах, наряду с которыми следует предполагать существование более мелких.

По летописи можно установить существование в IX—X вв. свыше двух десятков русских городов. Назовём их с показанием года основания или первого упоминания

---

[1] *М. Ю. Брайчевский,* К происхождению древнерусских городов («Краткие сообщения ИИМК», XLI, стр. 32—33).

Пока это в какой-то мере сделано только по отношению к поселению, названному в уставе Зменью и отожествляемому с Узменью в районе Бежецка. В конце XIX в. это был погост, в окрестностях которого указывалось несколько больших и малых курганов, но не было следов укреплений. Поэтому из населённых пунктов устава 1137 г. в настоящее время можно считать городами только Олонец и Городецк.

Повидимому, уже в 1177 г. существовал и Воронеж («Воронаж»), так как в Ипатьевской летописи о нём говорится, как о городе: «ехавше Воронажь» (вариант: «в Вороняжь»).

В XIII столетии (до 1237 г.) в наших источниках появляются следующие города:

Белгород Рязанский (1208) [1], Быковен (1211) [2]

Василев Галицкий (1229) [3], Верещин (1204) [4]

Герцике (1203) [5], Городок Волынский (1213) [6], Городище на Саре (1216) [7], Гороховец (1239) [8], он назван городом св. богородицы, т. е. принадлежавшим Успенскому собору во Владимире, которому был, вероятно, дан Андреем Боголюбским ещё в XII в.

Добрый (1207) [9].

Збараж или Збыраж (1211) [10], Зопиш (1211) [11], Зубцов (1216) [12].

Изяславль Галицкий (1240) [13].

Каменец (1196) [14], Колодяжен (1240) [15], Коломыя (1240) [16], Комов (1204) [17], Кострома (1214) [18], Кременец (1226) [19], Кукенойс (1205) [20].

Любачев (1211) [21], Любно (1229) [22].

---

[1] Лавр. 413.
[2] Ипат. 488.
[3] Ипат. 508.
[4] Ипат. 483.
[5] *Генрих Латвийский*, Хроника Ливонии, М. — Л. 1938, стр. 85.
[6] Ипат. 490.
[7] Лавр. 468.
[8] Лавр. 446.
[9] Лавр. 411.
[10] Ипат. 488.
[11] Ипат. 489.
[12] Новг. 55.
[13] Ипат. 523.
[14] Ипат. 468.
[15] Ипат. 523.
[16] Ипат. 525.
[17] Ипат. 483.
[18] Летописец Переяславля Залесского («Временник Общества истории и древностей Российских», 1851, кн. 9, стр. 111).
[19] Ипат. 500.
[20] Хроника Ливонии, 92.
[21] Ипат. 489.
[22] Лавр. 485.

Моклеков Галицкий (1211) [1], Морева (1230) [2].

Нерехта (1214) [3], Новгородок Литовский (1212) [4], Новгород Нижний (основан в 1221 г.) [5].

Ожск (1207) [6], Олонец (1228) [7], Ольгов (1207) [8], Онут (1213) [9], Орельск (1204) [10].

Плав (1213) [11].

Серегер (1230) [12], Соль Великая (1214) [13], Сосница (1234) [14], Стародуб Ряполовский (1218) [15], Столпье (1204) [16].

Ржевка или Ржев (1216) [17].

Тверь (1209) [18], Толмачь (1213) [19], Торчев (1231) [20].

Угровеск (1204) [21], Устюг (1218) [22].

Холм (1223) [23].

Щекарев (1219) [24].

Ярославль Галицкий (1231) [25].

Общее количество новых городов (опять-таки по неполным сведениям) равняется 47. Прибавив 47 к 224 городам, существовавшим к концу XII в., получим 271 городской пункт. В действительности их было, конечно, больше. Так, в наш список, например, не включены русские города, почему-либо не упомянутые в летописи и других письменных источниках. К ним принадлежит Кашин. Он появляется в летописях после монгольского нашествия, но почти наверняка существовал уже в начале XIII в. Кашин впервые упомянут в 1287 г.

Некоторые города захирели вскоре после их возникновения и бесследно исчезли, вызывая споры даже об их местоположении. Ещё больше городов погибло от монгольского разорения.

К 1293 г. относится первое упоминание о Можайске, вероятно существовавшем значительно раньше, и т. д.

---

[1] Ипат. 488.
[2] Новг. 68.
[3] Летописец Переяславля Залесского, стр. 111.
[4] Ипат. 489.
[5] Лавр. 423.
[6] Лавр. 410.
[7] Новг. 65.
[8] Лавр. 410.
[9] Ипат. 491.
[10] Ипат. 482.
[11] Ипат. 491.
[12] Новг. 68.
[13] Летописец Переяславля Залесского, стр. 111.
[14] Ипат. 514.
[15] Лавр. 420.
[16] Ипат. 483.
[17] Новг. 55.
[18] Лавр. 413.
[19] Ипат. 491.
[20] Ипат. 511.
[21] Ипат. 483.
[22] Лавр. 476.
[23] Ипат. 494.
[24] Ипат. 492.
[25] Ипат. 510.

защищённых местах»[1]. Среди таких городищ далеко не все имели постоянное население. Некоторые были типичными городищами-убежищами.

Такой тип городищ археологи указывают и для Верхнего Поднестровья.

История такого типа городков — «твердей» — заслуживает особого внимания, но выходит за пределы нашей темы. Нас интересует прежде всего вопрос о городах как постоянных населённых пунктах, сделавшихся центрами ремесла и торговли. Особенно важен и интересен вопрос о времени появления новых городов и возникновения в них постоянного ремесленного и торгового населения. Конечно, возникновение городов нового типа произошло не сразу и не везде одинаково. В период расцвета городской жизни Киева и Новгорода в глухой земле вятичей ещё существовали городки, напоминавшие старые убежища антов, описанные Прокопием, но такие городки были уже характерны только для отдалённых уголков. Городская жизнь на Руси к этому времени шагнула далеко вперёд.

Какой же период времени надо считать эпохой постоянных городских поселений на Руси и какие этапы претерпели города в своём развитии? Ответ на этот вопрос мы постараемся дать на основании письменных и археологических памятников.

Туман, окутывающий историю Руси VIII в., при полном почти отсутствии письменных источников по этому периоду, рассеивается, как только мы вступаем в IX—X вв., когда на помощь нам приходят летописные свидетельства. Тем не менее и для этого времени количество древнейших русских городов не может быть установлено с какой-либо, даже приблизительной, точностью, потому что наш основной источник, летопись, сообщает о них лишь случайные и мимолётные сведения. Кроме того, летопись, как правило, говорит только о сравнительно крупных городских пунктах, наряду с которыми следует предполагать существование более мелких.

По летописи можно установить существование в IX—X вв. свыше двух десятков русских городов. Назовём их с показанием года основания или первого упоминания

---

[1] *М. Ю. Брайчевский,* К происхождению древнерусских городов («Краткие сообщения ИИМК», XLI, стр. 32—33).

надлежат: Киев, Чернигов, Смоленск, Полоцк, Псков, Новгород, Ладога. Существование их в IX—X вв. засвидетельствовано летописью, византийскими (Киев, Чернигов, Смоленск, Новгород) и скандинавскими (Новгород, Полоцк, Ладога) источниками. Громадный материал по ранней истории этих городов дают находки советских археологов за последние годы.

Следует, впрочем, заранее оговориться, что материалы раскопок, относящихся к ранней истории городов, несколько своеобразны. Они получены по преимуществу из могильников, примыкающих к древним городам, а не из раскопок на территории самих городов. Так, для суждения о древнем Киеве даёт материал обширный Киевский некрополь, о Чернигове — окрестные курганы, о Смоленске — Гнездовские курганы, о Ладоге — курганы Приладожья. В некоторых случаях древние погребения занимают часть территории самих городов (Киев, Чернигов), в других они расположены в некотором отдалении от них (Ладога, Смоленск), что связано с какими-то местными особенностями, вероятно культового характера. Приладожские и Гнездовские курганы, расположенные в некотором отдалении от города, сосредоточены в местностях с характерными названиями: Плакун (в Приладожье) и Гнездово. Первое название связывается с древнерусским «плакати» — оплакивать умерших («мертвеца плачются» — в Изборнике 1073 г.). По словарю Даля, «плакуша» — плакальщица по умершим. Название «Гнездово» связывается с понятием «гнезда», по-древнерусски — рода. Вероятно, такого же происхождения и название одного из древнейших польских городов — Гнезно.

Таким образом, устанавливается крайне своеобразный факт: существование больших некрополей вокруг древнейших русских городов или в непосредственной близости к ним. Такие некрополи служили местом погребения, главным образом верхушки общества. Этим объясняется обилие в погребениях оружия и украшений. Тем не менее материал некрополей позволяет составить некоторые суждения о ремесле и торговле русских городов IX—X столетий.

Наиболее полные, как письменные, так и археологические, сведения имеются по истории древнего Киева. Даже летопись, отнюдь не склонная прибеднять прошлое

тому как в позднейших монастырских вотчинах по имени «детёнышей» назывался «Детин дворец».

Рядом с детинцем росли поселения ремесленников и купцов, оседавших за пределами стен замка, создавались два городских мира: княжеский и свободный (торгово-ремесленный). Наиболее яркий пример такого соседства двух разных миров даёт Киев. В летописных известиях явно выступают две части Киева — Гора и Подол. На наше счастье, мы имеем возможность более или менее точно определить время возникновения Подола. Сообщая о мести Ольги, как уже говорилось, летописец пишет: «тогда вода текла возле горы Киевской, и на Подоле не жили люди, но на горе»[1].

Против показаний летописи о позднем заселении Подола были выставлены некоторые сведения об археологических находках на Подоле, но они не разрушают нашего представления о заселении Подола как киевского предградья, или посада, в основном в конце X в. Ведь отдельные поселения издавна существовали в районе Киева, задолго до основания города.

Киевский подол как сосредоточие ремесла и торговли возник, судя по археологическим данным, в IX в., возможно — в конце этого столетия. Возникновение Подола было тесно связано с развитием ремёсел и киевского торга. Подол сделался средоточием купеческого и ремесленного населения, нередко поднимавшего восстания против Горы, т. е. «города» в собственном смысле этого слова. Таким образом, наряду с Детинцем, населённым княжескими слугами и зависимыми людьми, в Киеве возник новый квартал — ремесленников и купцов.

С большей гипотетичностью можно говорить о происхождении Новгородского подола, сведения о котором появляются в летописях очень поздно[2]. В Новгороде Подолом называлась та часть города, которая находилась

[1] «Повесть врем. лет.», ч. 1, стр. 40. О датировке этого известия см. *М. Н. Тихомиров,* Исследование о Русской Правде, М. — Л. 1941, стр. 64—66. «Город» в Киеве стоял в X в. на горе. Под ним понималось укреплённое место. В Москве до самой революции употреблялись выражения: «город», поехать в «город» и т. д. для Китай-города.

[2] В. С. Передольский («Новгородские древности», Новгород 1898, стр. 307) ошибочно относит известие о пожаре Киевского подола в 1069 г. к Новгороду. Под название «Подол» в Новгороде он подводит три местности у берегов Волхова (в Славне, в Людином конце и в Плотницком), что совсем не вытекает из данных летописей.

защищённых местах»[1]. Среди таких городищ далеко не все имели постоянное население. Некоторые были типичными городищами-убежищами.

Такой тип городищ археологи указывают и для Верхнего Поднестровья.

История такого типа городков — «твердей» — заслуживает особого внимания, но выходит за пределы нашей темы. Нас интересует прежде всего вопрос о городах как постоянных населённых пунктах, сделавшихся центрами ремесла и торговли. Особенно важен и интересен вопрос о времени появления новых городов и возникновения в них постоянного ремесленного и торгового населения. Конечно, возникновение городов нового типа произошло не сразу и не везде одинаково. В период расцвета городской жизни Киева и Новгорода в глухой земле вятичей ещё существовали городки, напоминавшие старые убежища антов, описанные Прокопием, но такие городки были уже характерны только для отдалённых уголков. Городская жизнь на Руси к этому времени шагнула далеко вперёд.

Какой же период времени надо считать эпохой постоянных городских поселений на Руси и какие этапы претерпели города в своём развитии? Ответ на этот вопрос мы постараемся дать на основании письменных и археологических памятников.

Туман, окутывающий историю Руси VIII в., при полном почти отсутствии письменных источников по этому периоду, рассеивается, как только мы вступаем в IX—X вв., когда на помощь нам приходят летописные свидетельства. Тем не менее и для этого времени количество древнейших русских городов не может быть установлено с какой-либо, даже приблизительной, точностью, потому что наш основной источник, летопись, сообщает о них лишь случайные и мимолётные сведения. Кроме того, летопись, как правило, говорит только о сравнительно крупных городских пунктах, наряду с которыми следует предполагать существование более мелких.

По летописи можно установить существование в IX—X вв. свыше двух десятков русских городов. Назовём их с показанием года основания или первого упоминания

---

[1] *М. Ю. Брайчевский,* К происхождению древнерусских городов («Краткие сообщения ИИМК», XLI, стр. 32—33).

защищённых местах»[1]. Среди таких городищ далеко не все имели постоянное население. Некоторые были типичными городищами-убежищами.

Такой тип городищ археологи указывают и для Верхнего Поднестровья.

История такого типа городков — «твердей» — заслуживает особого внимания, но выходит за пределы нашей темы. Нас интересует прежде всего вопрос о городах как постоянных населённых пунктах, сделавшихся центрами ремесла и торговли. Особенно важен и интересен вопрос о времени появления новых городов и возникновения в них постоянного ремесленного и торгового населения. Конечно, возникновение городов нового типа произошло не сразу и не везде одинаково. В период расцвета городской жизни Киева и Новгорода в глухой земле вятичей ещё существовали городки, напоминавшие старые убежища антов, описанные Прокопием, но такие городки были уже характерны только для отдалённых уголков. Городская жизнь на Руси к этому времени шагнула далеко вперёд.

Какой же период времени надо считать эпохой постоянных городских поселений на Руси и какие этапы претерпели города в своём развитии? Ответ на этот вопрос мы постараемся дать на основании письменных и археологических памятников.

Туман, окутывающий историю Руси VIII в., при полном почти отсутствии письменных источников по этому периоду, рассеивается, как только мы вступаем в IX—X вв., когда на помощь нам приходят летописные свидетельства. Тем не менее и для этого времени количество древнейших русских городов не может быть установлено с какой-либо, даже приблизительной, точностью, потому что наш основной источник, летопись, сообщает о них лишь случайные и мимолётные сведения. Кроме того, летопись, как правило, говорит только о сравнительно крупных городских пунктах, наряду с которыми следует предполагать существование более мелких.

По летописи можно установить существование в IX—X вв. свыше двух десятков русских городов. Назовём их с показанием года основания или первого упоминания

---

[1] *М. Ю. Брайчевский,* К происхождению древнерусских городов («Краткие сообщения ИИМК», XLI, стр. 32—33).

защищённых местах»[1]. Среди таких городищ далеко не все имели постоянное население. Некоторые были типичными городищами-убежищами.

Такой тип городищ археологи указывают и для Верхнего Поднестровья.

История такого типа городков — «твердей» — заслуживает особого внимания, но выходит за пределы нашей темы. Нас интересует прежде всего вопрос о городах как постоянных населённых пунктах, сделавшихся центрами ремесла и торговли. Особенно важен и интересен вопрос о времени появления новых городов и возникновения в них постоянного ремесленного и торгового населения. Конечно, возникновение городов нового типа произошло не сразу и не везде одинаково. В период расцвета городской жизни Киева и Новгорода в глухой земле вятичей ещё существовали городки, напоминавшие старые убежища антов, описанные Прокопием, но такие городки были уже характерны только для отдалённых уголков. Городская жизнь на Руси к этому времени шагнула далеко вперёд.

Какой же период времени надо считать эпохой постоянных городских поселений на Руси и какие этапы претерпели города в своём развитии? Ответ на этот вопрос мы постараемся дать на основании письменных и археологических памятников.

Туман, окутывающий историю Руси VIII в., при полном почти отсутствии письменных источников по этому периоду, рассеивается, как только мы вступаем в IX—X вв., когда на помощь нам приходят летописные свидетельства. Тем не менее и для этого времени количество древнейших русских городов не может быть установлено с какой-либо, даже приблизительной, точностью, потому что наш основной источник, летопись, сообщает о них лишь случайные и мимолётные сведения. Кроме того, летопись, как правило, говорит только о сравнительно крупных городских пунктах, наряду с которыми следует предполагать существование более мелких.

По летописи можно установить существование в IX—X вв. свыше двух десятков русских городов. Назовём их с показанием года основания или первого упоминания

---

[1] *М. Ю. Брайчевский,* К происхождению древнерусских городов («Краткие сообщения ИИМК», XLI, стр. 32—33).

защищённых местах»[1]. Среди таких городищ далеко не все имели постоянное население. Некоторые были типичными городищами-убежищами.

Такой тип городищ археологи указывают и для Верхнего Поднестровья.

История такого типа городков — «твердей» — заслуживает особого внимания, но выходит за пределы нашей темы. Нас интересует прежде всего вопрос о городах как постоянных населённых пунктах, сделавшихся центрами ремесла и торговли. Особенно важен и интересен вопрос о времени появления новых городов и возникновения в них постоянного ремесленного и торгового населения. Конечно, возникновение городов нового типа произошло не сразу и не везде одинаково. В период расцвета городской жизни Киева и Новгорода в глухой земле вятичей ещё существовали городки, напоминавшие старые убежища антов, описанные Прокопием, но такие городки были уже характерны только для отдалённых уголков. Городская жизнь на Руси к этому времени шагнула далеко вперёд.

Какой же период времени надо считать эпохой постоянных городских поселений на Руси и какие этапы претерпели города в своём развитии? Ответ на этот вопрос мы постараемся дать на основании письменных и археологических памятников.

Туман, окутывающий историю Руси VIII в., при полном почти отсутствии письменных источников по этому периоду, рассеивается, как только мы вступаем в IX—X вв., когда на помощь нам приходят летописные свидетельства. Тем не менее и для этого времени количество древнейших русских городов не может быть установлено с какой-либо, даже приблизительной, точностью, потому что наш основной источник, летопись, сообщает о них лишь случайные и мимолётные сведения. Кроме того, летопись, как правило, говорит только о сравнительно крупных городских пунктах, наряду с которыми следует предполагать существование более мелких.

По летописи можно установить существование в IX—X вв. свыше двух десятков русских городов. Назовём их с показанием года основания или первого упоминания

---

[1] *М. Ю. Брайчевский,* К происхождению древнерусских городов («Краткие сообщения ИИМК», XLI, стр. 32—33).

предусматривает бегство закупа и в наказание за это обращение его в холопство [1]. Как бы ни судить о природе закупничества, в нём при всех условиях надо видеть закабаление крестьян, один из видов крепостничества. Таким образом, Русская Правда даёт прямое доказательство бегства сельского населения.

В летописях встречаются намёки на прозвища жителей того или иного города, связанные с их прежним зависимым положением. Так, новгородцев называли плотниками, и притом в презрительном смысле зависимых людей («а вы плотники, а приставим вас хоромы рубити наши») [2]. Ещё характернее прозвище «каменщики», которым ростовцы награждают своих соперников — владимирских горожан: «то суть наши холопи каменьници» [3]. Жители Владимира названы холопами потому, что ростовцы видели в них потомков зависимых людей, княжеских каменщиков.

Эти прозвища отражают действительное происхождение новгородского и владимирского посадов из первоначальных поселений различного зависимого люда, среди которых выделялись плотники и каменщики. Кажется, такую же реальную основу имело и позднее сказание о начале Холопьего города на Мологе, основанного будто бы новгородскими беглыми холопами, хотя это сказание носит на себе черты некоторых позднейших домыслов [4].

Постоянный приток населения к городам поддерживался льготами, которые князья обычно предоставляли поселенцам. Например, Владимир Святославич в 991 г. «заложил град Белгород и «наруби» в него от иных городов, и много людей свел в него, потому что любил град сей» [5]. Слова «наруби» в него от иных городов означают не только перевод людей из других городов, но и какие-то особые условия, созданные для Белгорода, как любимого княжеского города.

---

[1] «Правда Русская», т. I, стр. 110—111.

[2] «А вы плотници суще, а приставим вы хоромов рубити нашик» (Лаврент. лет., стр. 138).

[3] Там же, стр. 355.

[4] *Ф. Гиляров,* Предания русской Начальной летописи, М. 1878, стр. 32 *и далее.* О городке рассказывают Герберштейн (XVI в.) и Каменевич-Рвовский (конец XVII в.).

[5] Лаврент. лет., стр. 119.

У нас имеются известия и о такой категории городского населения, которая составилась из бывших пленников. Пленные поляки были посажены Ярославом Мудрым на Роси, где в 1032 г. он стал строить городки [1].

Картину заселения города Холма находим в Ипатьевской летописи под 1259 г. Желая населить город, Даниил «...начал призывать прихожих Немцев и Русь, иноязычников и Ляхов; шли день и в день, и «уноты» и мастера всякие бежали из татар, седельники, и лучники, и тулники, и кузнецы железу и меди и сребру» [2]. Было ли это только новшеством Даниила или проявлением общей политики князей по отношению к городам? С таким же явлением встречаемся в других странах. Так, польский король Болеслав I старался привлечь поселенцев в города. «Там угнетённые господами крестьяне получали наставление и удовлетворение» [3].

В городах создавался свой особый мир с городскими привилегиями, без которых не могли бы развиваться торговля и ремесло. Под крепкими стенами княжеских замков вырастал посад, возникал новый город.

Возникновение предградий, или посадов, в древнерусских городах, как мы видели, относится к определённому времени и начинается с IX—X вв. Позже подобные посады становятся неотъемлемой частью сколько-нибудь крупных городов. Таким образом, отмеченное нами явление не может быть названо случайным и относится не к одному какому-либо городу, а к русским городам вообще, в истории которых IX—X—XI вв. надо считать переломным моментом. В последующие столетия происходит дальнейшее развитие предградий, или посадов, как сосредоточия торгового и ремесленного населения.

Размеры предградий, или посадов, в городах были различными. Существовали города, которые имели только укреплённый детинец и не имели посада. Такие города ставились для укрепления границ Ярославом Мудрым, например по Роси, притоку Днепра. Но большой город, как правило, состоял из двух частей: кремля, или детинца, и предградия, или посада. То же явление наблюдаем и в других странах средневековья. В Германии

---

[1] Лаврент. лет., стр. 146.

[2] Ипат. лет., стр. 558.

[3] «Русский исторический сборник», т. IV, кн. 2 и 3, М. 1841, стр. 186.

У нас имеются известия и о такой категории городского населения, которая составилась из бывших пленников. Пленные поляки были посажены Ярославом Мудрым на Роси, где в 1032 г. он стал строить городки [1].

Картину заселения города Холма находим в Ипатьевской летописи под 1259 г. Желая населить город, Даниил «...начал призывать прихожих Немцев и Русь, иноязычников и Ляхов; шли день и в день, и «уноты» и мастера всякие бежали из татар, седельники, и лучники, и тулники, и кузнецы железу и меди и сребру» [2]. Было ли это только новшеством Даниила или проявлением общей политики князей по отношению к городам? С таким же явлением встречаемся в других странах. Так, польский король Болеслав I старался привлечь поселенцев в города. «Там угнетённые господами крестьяне получали наставление и удовлетворение» [3].

В городах создавался свой особый мир с городскими привилегиями, без которых не могли бы развиваться торговля и ремесло. Под крепкими стенами княжеских замков вырастал посад, возникал новый город.

Возникновение предградий, или посадов, в древнерусских городах, как мы видели, относится к определённому времени и начинается с IX—X вв. Позже подобные посады становятся неотъемлемой частью сколько-нибудь крупных городов. Таким образом, отмеченное нами явление не может быть названо случайным и относится не к одному какому-либо городу, а к русским городам вообще, в истории которых IX—X—XI вв. надо считать переломным моментом. В последующие столетия происходит дальнейшее развитие предградий, или посадов, как сосредоточия торгового и ремесленного населения.

Размеры предградий, или посадов, в городах были различными. Существовали города, которые имели только укреплённый детинец и не имели посада. Такие города ставились для укрепления границ Ярославом Мудрым, например по Роси, притоку Днепра. Но большой город, как правило, состоял из двух частей: кремля, или детинца, и предградия, или посада. То же явление наблюдаем и в других странах средневековья. В Германии

---

[1] Лаврент. лет., стр. 146.

[2] Ипат. лет., стр. 558.

[3] «Русский исторический сборник», т. IV, кн. 2 и 3, М. 1841, стр. 186.

У нас имеются известия и о такой категории городского населения, которая составилась из бывших пленников. Пленные поляки были посажены Ярославом Мудрым на Роси, где в 1032 г. он стал строить городки [1].

Картину заселения города Холма находим в Ипатьевской летописи под 1259 г. Желая населить город, Даниил «...начал призывать прихожих Немцев и Русь, иноязычников и Ляхов; шли день и в день, и «уноты» и мастера всякие бежали из татар, седельники, и лучники, и тулники, и кузнецы железу и меди и сребру» [2]. Было ли это только новшеством Даниила или проявлением общей политики князей по отношению к городам? С таким же явлением встречаемся в других странах. Так, польский король Болеслав I старался привлечь поселенцев в города. «Там угнетённые господами крестьяне получали наставление и удовлетворение» [3].

В городах создавался свой особый мир с городскими привилегиями, без которых не могли бы развиваться торговля и ремесло. Под крепкими стенами княжеских замков вырастал посад, возникал новый город.

Возникновение предградий, или посадов, в древнерусских городах, как мы видели, относится к определённому времени и начинается с IX—X вв. Позже подобные посады становятся неотъемлемой частью сколько-нибудь крупных городов. Таким образом, отмеченное нами явление не может быть названо случайным и относится не к одному какому-либо городу, а к русским городам вообще, в истории которых IX—X—XI вв. надо считать переломным моментом. В последующие столетия происходит дальнейшее развитие предградий, или посадов, как сосредоточия торгового и ремесленного населения.

Размеры предградий, или посадов, в городах были различными. Существовали города, которые имели только укреплённый детинец и не имели посада. Такие города ставились для укрепления границ Ярославом Мудрым, например по Роси, притоку Днепра. Но большой город, как правило, состоял из двух частей: кремля, или детинца, и предградия, или посада. То же явление наблюдаем и в других странах средневековья. В Германии

---

[1] Лаврент. лет., стр. 146.

[2] Ипат. лет., стр. 558.

[3] «Русский исторический сборник», т. IV, кн. 2 и 3, М. 1841, стр. 186.

У нас имеются известия и о такой категории городского населения, которая составилась из бывших пленников. Пленные поляки были посажены Ярославом Мудрым на Роси, где в 1032 г. он стал строить городки [1].

Картину заселения города Холма находим в Ипатьевской летописи под 1259 г. Желая населить город, Даниил «...начал призывать прихожих Немцев и Русь, иноязычников и Ляхов; шли день и в день, и «уноты» и мастера всякие бежали из татар, седельники, и лучники, и тулники, и кузнецы железу и меди и сребру» [2]. Было ли это только новшеством Даниила или проявлением общей политики князей по отношению к городам? С таким же явлением встречаемся в других странах. Так, польский король Болеслав I старался привлечь поселенцев в города. «Там угнетённые господами крестьяне получали наставление и удовлетворение» [3].

В городах создавался свой особый мир с городскими привилегиями, без которых не могли бы развиваться торговля и ремесло. Под крепкими стенами княжеских замков вырастал посад, возникал новый город.

Возникновение предградий, или посадов, в древнерусских городах, как мы видели, относится к определённому времени и начинается с IX—X вв. Позже подобные посады становятся неотъемлемой частью сколько-нибудь крупных городов. Таким образом, отмеченное нами явление не может быть названо случайным и относится не к одному какому-либо городу, а к русским городам вообще, в истории которых IX—X—XI вв. надо считать переломным моментом. В последующие столетия происходит дальнейшее развитие предградий, или посадов, как сосредоточия торгового и ремесленного населения.

Размеры предградий, или посадов, в городах были различными. Существовали города, которые имели только укреплённый детинец и не имели посада. Такие города ставились для укрепления границ Ярославом Мудрым, например по Роси, притоку Днепра. Но большой город, как правило, состоял из двух частей: кремля, или детинца, и предградия, или посада. То же явление наблюдаем и в других странах средневековья. В Германии

---

[1] Лаврент. лет., стр. 146.

[2] Ипат. лет., стр. 558.

[3] «Русский исторический сборник», т. IV, кн. 2 и 3, М. 1841, стр. 186.

У нас имеются известия и о такой категории городского населения, которая составилась из бывших пленников. Пленные поляки были посажены Ярославом Мудрым на Роси, где в 1032 г. он стал строить городки [1].

Картину заселения города Холма находим в Ипатьевской летописи под 1259 г. Желая населить город, Даниил «...начал призывать прихожих Немцев и Русь, иноязычников и Ляхов; шли день и в день, и «уноты» и мастера всякие бежали из татар, седельники, и лучники, и тулники, и кузнецы железу и меди и сребру» [2]. Было ли это только новшеством Даниила или проявлением общей политики князей по отношению к городам? С таким же явлением встречаемся в других странах. Так, польский король Болеслав I старался привлечь поселенцев в города. «Там угнетённые господами крестьяне получали наставление и удовлетворение» [3].

В городах создавался свой особый мир с городскими привилегиями, без которых не могли бы развиваться торговля и ремесло. Под крепкими стенами княжеских замков вырастал посад, возникал новый город.

Возникновение предградий, или посадов, в древнерусских городах, как мы видели, относится к определённому времени и начинается с IX—X вв. Позже подобные посады становятся неотъемлемой частью сколько-нибудь крупных городов. Таким образом, отмеченное нами явление не может быть названо случайным и относится не к одному какому-либо городу, а к русским городам вообще, в истории которых IX—X—XI вв. надо считать переломным моментом. В последующие столетия происходит дальнейшее развитие предградий, или посадов, как сосредоточия торгового и ремесленного населения.

Размеры предградий, или посадов, в городах были различными. Существовали города, которые имели только укреплённый детинец и не имели посада. Такие города ставились для укрепления границ Ярославом Мудрым, например по Роси, притоку Днепра. Но большой город, как правило, состоял из двух частей: кремля, или детинца, и предградия, или посада. То же явление наблюдаем и в других странах средневековья. В Германии

---

[1] Лаврент. лет., стр. 146.

[2] Ипат. лет., стр. 558.

[3] «Русский исторический сборник», т. IV, кн. 2 и 3, М. 1841, стр. 186.

У нас имеются известия и о такой категории городского населения, которая составилась из бывших пленников. Пленные поляки были посажены Ярославом Мудрым на Роси, где в 1032 г. он стал строить городки [1].

Картину заселения города Холма находим в Ипатьевской летописи под 1259 г. Желая населить город, Даниил «...начал призывать прихожих Немцев и Русь, иноязычников и Ляхов; шли день и в день, и «уноты» и мастера всякие бежали из татар, седельники, и лучники, и тулники, и кузнецы железу и меди и сребру» [2]. Было ли это только новшеством Даниила или проявлением общей политики князей по отношению к городам? С таким же явлением встречаемся в других странах. Так, польский король Болеслав I старался привлечь поселенцев в города. «Там угнетённые господами крестьяне получали наставление и удовлетворение» [3].

В городах создавался свой особый мир с городскими привилегиями, без которых не могли бы развиваться торговля и ремесло. Под крепкими стенами княжеских замков вырастал посад, возникал новый город.

Возникновение предградий, или посадов, в древнерусских городах, как мы видели, относится к определённому времени и начинается с IX—X вв. Позже подобные посады становятся неотъемлемой частью сколько-нибудь крупных городов. Таким образом, отмеченное нами явление не может быть названо случайным и относится не к одному какому-либо городу, а к русским городам вообще, в истории которых IX—X—XI вв. надо считать переломным моментом. В последующие столетия происходит дальнейшее развитие предградий, или посадов, как сосредоточия торгового и ремесленного населения.

Размеры предградий, или посадов, в городах были различными. Существовали города, которые имели только укреплённый детинец и не имели посада. Такие города ставились для укрепления границ Ярославом Мудрым, например по Роси, притоку Днепра. Но большой город, как правило, состоял из двух частей: кремля, или детинца, и предградия, или посада. То же явление наблюдаем и в других странах средневековья. В Германии

---

[1] Лаврент. лет., стр. 146.

[2] Ипат. лет., стр. 558.

[3] «Русский исторический сборник», т. IV, кн. 2 и 3, М. 1841, стр. 186.

У нас имеются известия и о такой категории городского населения, которая составилась из бывших пленников. Пленные поляки были посажены Ярославом Мудрым на Роси, где в 1032 г. он стал строить городки [1].

Картину заселения города Холма находим в Ипатьевской летописи под 1259 г. Желая населить город, Даниил «...начал призывать прихожих Немцев и Русь, иноязычников и Ляхов; шли день и в день, и «уноты» и мастера всякие бежали из татар, седельники, и лучники, и тулники, и кузнецы железу и меди и сребру» [2]. Было ли это только новшеством Даниила или проявлением общей политики князей по отношению к городам? С таким же явлением встречаемся в других странах. Так, польский король Болеслав I старался привлечь поселенцев в города. «Там угнетённые господами крестьяне получали наставление и удовлетворение» [3].

В городах создавался свой особый мир с городскими привилегиями, без которых не могли бы развиваться торговля и ремесло. Под крепкими стенами княжеских замков вырастал посад, возникал новый город.

Возникновение предградий, или посадов, в древнерусских городах, как мы видели, относится к определённому времени и начинается с IX—X вв. Позже подобные посады становятся неотъемлемой частью сколько-нибудь крупных городов. Таким образом, отмеченное нами явление не может быть названо случайным и относится не к одному какому-либо городу, а к русским городам вообще, в истории которых IX—X—XI вв. надо считать переломным моментом. В последующие столетия происходит дальнейшее развитие предградий, или посадов, как сосредоточия торгового и ремесленного населения.

Размеры предградий, или посадов, в городах были различными. Существовали города, которые имели только укреплённый детинец и не имели посада. Такие города ставились для укрепления границ Ярославом Мудрым, например по Роси, притоку Днепра. Но большой город, как правило, состоял из двух частей: кремля, или детинца, и предградия, или посада. То же явление наблюдаем и в других странах средневековья. В Германии

---

[1] Лаврент. лет., стр. 146.

[2] Ипат. лет., стр. 558.

[3] «Русский исторический сборник», т. IV, кн. 2 и 3, М. 1841, стр. 186.

У нас имеются известия и о такой категории городского населения, которая составилась из бывших пленников. Пленные поляки были посажены Ярославом Мудрым на Роси, где в 1032 г. он стал строить городки [1].

Картину заселения города Холма находим в Ипатьевской летописи под 1259 г. Желая населить город, Даниил «...начал призывать прихожих Немцев и Русь, иноязычников и Ляхов; шли день и в день, и «уноты» и мастера всякие бежали из татар, седельники, и лучники, и тулники, и кузнецы железу и меди и сребру» [2]. Было ли это только новшеством Даниила или проявлением общей политики князей по отношению к городам? С таким же явлением встречаемся в других странах. Так, польский король Болеслав I старался привлечь поселенцев в города. «Там угнетённые господами крестьяне получали наставление и удовлетворение» [3].

В городах создавался свой особый мир с городскими привилегиями, без которых не могли бы развиваться торговля и ремесло. Под крепкими стенами княжеских замков вырастал посад, возникал новый город.

Возникновение предградий, или посадов, в древнерусских городах, как мы видели, относится к определённому времени и начинается с IX—X вв. Позже подобные посады становятся неотъемлемой частью сколько-нибудь крупных городов. Таким образом, отмеченное нами явление не может быть названо случайным и относится не к одному какому-либо городу, а к русским городам вообще, в истории которых IX—X—XI вв. надо считать переломным моментом. В последующие столетия происходит дальнейшее развитие предградий, или посадов, как сосредоточия торгового и ремесленного населения.

Размеры предградий, или посадов, в городах были различными. Существовали города, которые имели только укреплённый детинец и не имели посада. Такие города ставились для укрепления границ Ярославом Мудрым, например по Роси, притоку Днепра. Но большой город, как правило, состоял из двух частей: кремля, или детинца, и предградия, или посада. То же явление наблюдаем и в других странах средневековья. В Германии

---

[1] Лаврент. лет., стр. 146.

[2] Ипат. лет., стр. 558.

[3] «Русский исторический сборник», т. IV, кн. 2 и 3, М. 1841, стр. 186.

Белгород, Василев, особенно Вручий, Искоростень стоят в отдалении от Днепра. Скопление городов вокруг Киева станет нам понятным, если мы примем во внимание, что район его был издавна земледельческим. Здесь-то мы и находим древнейшие русские сёла, известные по письменным памятникам, — Берестово и Ольжичи. Другой сгусток городов находим на верхнем течении Буга, в районе древней Волыни. Характерно, что город Червень, давший название другим городам этой области, стоит в стороне от больших водных путей. Особенно интересно существование третьего сгустка русских городов — между верхним течением Волги и Клязьмой. Древние города этого района — Ростов и Суздаль стоят в отдалении от Волги и Оки, хотя волжская торговая дорога засвидетельствована находками кладов и знаменитыми ярославскими могилами. Вспомним энергичное высказывание летописи, что по Волге, впадающей 70 рукавами в Каспийское море, «можно итти в Болгары и в Хвалисы». Под Хвалисами надо понимать такой важнейший торговый пункт, как Ховарезм или Хорезм [1]. Напомним рассказ Ибн-Фадлана о племени вису, под которым понимается народ весь у берегов Белого озера, известный и начальной летописи [2]. Прямая водная дорога от берегов Балтийского моря к Каспийскому шла по Волге, тогда как древнейшие русские города Ростов и Суздаль возникли от неё в стороне.

Какие же причины вызвали к жизни указанные выше города?

Ростов, принадлежащий к числу древнейших русских городов, расположен на берегу большого, но мелководного Ростовского озера, известного по летописи под другим, более древним названием «Неро». Река Которосль соединяет озеро с Волгой; однако волжская дорога отстояла от Ростова на довольно большом расстоянии. Разветвлённая речная сеть связывала Ростов с Суздалем и Переяславлем. Н. П. Барсов указывает, что рекой Нерлью при посредстве притока её (с левой стороны) Ухтомы с Судогдой шли сношения между Владимиром-на-

---

[1] Лаврент. лет., стр. 6. Отожествление Хвалисов летописи и Ховарезма принадлежит С. П. Толстову.

[2] «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу», М. — Л. 1939, стр. 71.

У нас имеются известия и о такой категории городского населения, которая составилась из бывших пленников. Пленные поляки были посажены Ярославом Мудрым на Роси, где в 1032 г. он стал строить городки [1].

Картину заселения города Холма находим в Ипатьевской летописи под 1259 г. Желая населить город, Даниил «...начал призывать прихожих Немцев и Русь, иноязычников и Ляхов; шли день и в день, и «уноты» и мастера всякие бежали из татар, седельники, и лучники, и тулники, и кузнецы железу и меди и сребру» [2]. Было ли это только новшеством Даниила или проявлением общей политики князей по отношению к городам? С таким же явлением встречаемся в других странах. Так, польский король Болеслав I старался привлечь поселенцев в города. «Там угнетённые господами крестьяне получали наставление и удовлетворение» [3].

В городах создавался свой особый мир с городскими привилегиями, без которых не могли бы развиваться торговля и ремесло. Под крепкими стенами княжеских замков вырастал посад, возникал новый город.

Возникновение предградий, или посадов, в древнерусских городах, как мы видели, относится к определённому времени и начинается с IX—X вв. Позже подобные посады становятся неотъемлемой частью сколько-нибудь крупных городов. Таким образом, отмеченное нами явление не может быть названо случайным и относится не к одному какому-либо городу, а к русским городам вообще, в истории которых IX—X—XI вв. надо считать переломным моментом. В последующие столетия происходит дальнейшее развитие предградий, или посадов, как сосредоточия торгового и ремесленного населения.

Размеры предградий, или посадов, в городах были различными. Существовали города, которые имели только укреплённый детинец и не имели посада. Такие города ставились для укрепления границ Ярославом Мудрым, например по Роси, притоку Днепра. Но большой город, как правило, состоял из двух частей: кремля, или детинца, и предградия, или посада. То же явление наблюдаем и в других странах средневековья. В Германии

---

[1] Лаврент. лет., стр. 146.

[2] Ипат. лет., стр. 558.

[3] «Русский исторический сборник», т. IV, кн. 2 и 3, М. 1841, стр. 186.

У нас имеются известия и о такой категории городского населения, которая составилась из бывших пленников. Пленные поляки были посажены Ярославом Мудрым на Роси, где в 1032 г. он стал строить городки [1].

Картину заселения города Холма находим в Ипатьевской летописи под 1259 г. Желая населить город, Даниил «...начал призывать прихожих Немцев и Русь, иноязычников и Ляхов; шли день и в день, и «уноты» и мастера всякие бежали из татар, седельники, и лучники, и тулники, и кузнецы железу и меди и сребру» [2]. Было ли это только новшеством Даниила или проявлением общей политики князей по отношению к городам? С таким же явлением встречаемся в других странах. Так, польский король Болеслав I старался привлечь поселенцев в города. «Там угнетённые господами крестьяне получали наставление и удовлетворение» [3].

В городах создавался свой особый мир с городскими привилегиями, без которых не могли бы развиваться торговля и ремесло. Под крепкими стенами княжеских замков вырастал посад, возникал новый город.

Возникновение предградий, или посадов, в древнерусских городах, как мы видели, относится к определённому времени и начинается с IX—X вв. Позже подобные посады становятся неотъемлемой частью сколько-нибудь крупных городов. Таким образом, отмеченное нами явление не может быть названо случайным и относится не к одному какому-либо городу, а к русским городам вообще, в истории которых IX—X—XI вв. надо считать переломным моментом. В последующие столетия происходит дальнейшее развитие предградий, или посадов, как сосредоточия торгового и ремесленного населения.

Размеры предградий, или посадов, в городах были различными. Существовали города, которые имели только укреплённый детинец и не имели посада. Такие города ставились для укрепления границ Ярославом Мудрым, например по Роси, притоку Днепра. Но большой город, как правило, состоял из двух частей: кремля, или детинца, и предградия, или посада. То же явление наблюдаем и в других странах средневековья. В Германии

---

[1] Лаврент. лет., стр. 146.

[2] Ипат. лет., стр. 558.

[3] «Русский исторический сборник», т. IV, кн. 2 и 3, М. 1841, стр. 186.

пространства глухих лесов и болот. Некоторые пункты, важные по своему географическому положению, долго остаются в стороне от торгового движения, не привлекая к себе внимания купцов и ремесленников. Таковы устье Тверцы и место слияния Волги и Оки, которые, казалось бы, самой судьбой предназначены для роли торговых центров и где тем не менее города (Тверь и Нижний Новгород) появляются только в начале XIII в.

Отделение ремесла от земледелия было одной из предпосылок к созданию городов с постоянным населением. Развитие ремесла приводило к созданию городских посадов. В некоторых особых случаях обработка местных природных богатств могла создать базу для развития города, что можно проследить на примере Вручего, или Овруча.

Этот город уже в конце X в. сделался центром Древлянской земли, придя, может быть, на смену Искоростеню. Тогда это был «град Олегов», стольный город второго сына Святослава [1]. В XII в. в нём сидел Рюрик Ростиславич, опиравшийся на Овруч во время своей борьбы с другими князьями. Былое богатство Овруча подчёркивается существованием в нём большого каменного храма, построенного в XI—XII вв., стены которого сложены из тонкого кирпича с перемежающимися рядами яркокрасного шифера [2], т. е. тем способом кладки, каким строились каменные храмы в Киевской Руси. Современный Овруч стоит на реке Норыне, притоке Уши (или Ужа), которая впадает в Припять. Ничто не указывает, что Норына имела когда-то значение торгового пути, так как она подобно Уши берёт начало в больших болотах, ясно отмеченных на карте Украины 1685 г. [3]. Трудно объяснить значение Овруча и тем, что он лежал в плодородной местности, ибо даже в XIX в. хлебопашество едва только могло удовлетворять местные нужды ввиду недостатка удобных земель и плохой почвы [4].

---

[1] Лаврент. лет., стр. 73.

[2] *П. Н. Батюшков,* Волынь, СПБ 1888, стр. 80 (объяснения к рисункам).

[3] *В. Кордт,* Матеріяли до історії картографії України, у Києві, MCMXXXI, табл. 6—7.

[4] *П. Семёнов,* Географическо-статистический словарь Российской империи, т. III, СПБ 1867, стр. 589.

У нас имеются известия и о такой категории городского населения, которая составилась из бывших пленников. Пленные поляки были посажены Ярославом Мудрым на Роси, где в 1032 г. он стал строить городки [1].

Картину заселения города Холма находим в Ипатьевской летописи под 1259 г. Желая населить город, Даниил «...начал призывать прихожих Немцев и Русь, иноязычников и Ляхов; шли день и в день, и «уноты» и мастера всякие бежали из татар, седельники, и лучники, и тулники, и кузнецы железу и меди и сребру» [2]. Было ли это только новшеством Даниила или проявлением общей политики князей по отношению к городам? С таким же явлением встречаемся в других странах. Так, польский король Болеслав I старался привлечь поселенцев в города. «Там угнетённые господами крестьяне получали наставление и удовлетворение» [3].

В городах создавался свой особый мир с городскими привилегиями, без которых не могли бы развиваться торговля и ремесло. Под крепкими стенами княжеских замков вырастал посад, возникал новый город.

Возникновение предградий, или посадов, в древнерусских городах, как мы видели, относится к определённому времени и начинается с IX—X вв. Позже подобные посады становятся неотъемлемой частью сколько-нибудь крупных городов. Таким образом, отмеченное нами явление не может быть названо случайным и относится не к одному какому-либо городу, а к русским городам вообще, в истории которых IX—X—XI вв. надо считать переломным моментом. В последующие столетия происходит дальнейшее развитие предградий, или посадов, как сосредоточия торгового и ремесленного населения.

Размеры предградий, или посадов, в городах были различными. Существовали города, которые имели только укреплённый детинец и не имели посада. Такие города ставились для укрепления границ Ярославом Мудрым, например по Роси, притоку Днепра. Но большой город, как правило, состоял из двух частей: кремля, или детинца, и предградия, или посада. То же явление наблюдаем и в других странах средневековья. В Германии

---

[1] Лаврент. лет., стр. 146.

[2] Ипат. лет., стр. 558.

[3] «Русский исторический сборник», т. IV, кн. 2 и 3, М. 1841, стр. 186.

У нас имеются известия и о такой категории городского населения, которая составилась из бывших пленников. Пленные поляки были посажены Ярославом Мудрым на Роси, где в 1032 г. он стал строить городки [1].

Картину заселения города Холма находим в Ипатьевской летописи под 1259 г. Желая населить город, Даниил «...начал призывать прихожих Немцев и Русь, иноязычников и Ляхов; шли день и в день, и «уноты» и мастера всякие бежали из татар, седельники, и лучники, и тулники, и кузнецы железу и меди и сребру» [2]. Было ли это только новшеством Даниила или проявлением общей политики князей по отношению к городам? С таким же явлением встречаемся в других странах. Так, польский король Болеслав I старался привлечь поселенцев в города. «Там угнетённые господами крестьяне получали наставление и удовлетворение» [3].

В городах создавался свой особый мир с городскими привилегиями, без которых не могли бы развиваться торговля и ремесло. Под крепкими стенами княжеских замков вырастал посад, возникал новый город.

Возникновение предградий, или посадов, в древнерусских городах, как мы видели, относится к определённому времени и начинается с IX—X вв. Позже подобные посады становятся неотъемлемой частью сколько-нибудь крупных городов. Таким образом, отмеченное нами явление не может быть названо случайным и относится не к одному какому-либо городу, а к русским городам вообще, в истории которых IX—X—XI вв. надо считать переломным моментом. В последующие столетия происходит дальнейшее развитие предградий, или посадов, как сосредоточия торгового и ремесленного населения.

Размеры предградий, или посадов, в городах были различными. Существовали города, которые имели только укреплённый детинец и не имели посада. Такие города ставились для укрепления границ Ярославом Мудрым, например по Роси, притоку Днепра. Но большой город, как правило, состоял из двух частей: кремля, или детинца, и предградия, или посада. То же явление наблюдаем и в других странах средневековья. В Германии

---

[1] Лаврент. лет., стр. 146.

[2] Ипат. лет., стр. 558.

[3] «Русский исторический сборник», т. IV, кн. 2 и 3, М. 1841, стр. 186.

У нас имеются известия и о такой категории городского населения, которая составилась из бывших пленников. Пленные поляки были посажены Ярославом Мудрым на Роси, где в 1032 г. он стал строить городки [1].

Картину заселения города Холма находим в Ипатьевской летописи под 1259 г. Желая населить город, Даниил «...начал призывать прихожих Немцев и Русь, иноязычников и Ляхов; шли день и в день, и «уноты» и мастера всякие бежали из татар, седельники, и лучники, и тулники, и кузнецы железу и меди и сребру» [2]. Было ли это только новшеством Даниила или проявлением общей политики князей по отношению к городам? С таким же явлением встречаемся в других странах. Так, польский король Болеслав I старался привлечь поселенцев в города. «Там угнетённые господами крестьяне получали наставление и удовлетворение» [3].

В городах создавался свой особый мир с городскими привилегиями, без которых не могли бы развиваться торговля и ремесло. Под крепкими стенами княжеских замков вырастал посад, возникал новый город.

Возникновение предградий, или посадов, в древнерусских городах, как мы видели, относится к определённому времени и начинается с IX—X вв. Позже подобные посады становятся неотъемлемой частью сколько-нибудь крупных городов. Таким образом, отмеченное нами явление не может быть названо случайным и относится не к одному какому-либо городу, а к русским городам вообще, в истории которых IX—X—XI вв. надо считать переломным моментом. В последующие столетия происходит дальнейшее развитие предградий, или посадов, как сосредоточия торгового и ремесленного населения.

Размеры предградий, или посадов, в городах были различными. Существовали города, которые имели только укреплённый детинец и не имели посада. Такие города ставились для укрепления границ Ярославом Мудрым, например по Роси, притоку Днепра. Но большой город, как правило, состоял из двух частей: кремля, или детинца, и предградия, или посада. То же явление наблюдаем и в других странах средневековья. В Германии

---

[1] Лаврент. лет., стр. 146.

[2] Ипат. лет., стр. 558.

[3] «Русский исторический сборник», т. IV, кн. 2 и 3, М. 1841, стр. 186.

Белгород, Василев, особенно Вручий, Искоростень стоят в отдалении от Днепра. Скопление городов вокруг Киева станет нам понятным, если мы примем во внимание, что район его был издавна земледельческим. Здесь-то мы и находим древнейшие русские сёла, известные по письменным памятникам, — Берестово и Ольжичи. Другой сгусток городов находим на верхнем течении Буга, в районе древней Волыни. Характерно, что город Червень, давший название другим городам этой области, стоит в стороне от больших водных путей. Особенно интересно существование третьего сгустка русских городов — между верхним течением Волги и Клязьмой. Древние города этого района — Ростов и Суздаль стоят в отдалении от Волги и Оки, хотя волжская торговая дорога засвидетельствована находками кладов и знаменитыми ярославскими могилами. Вспомним энергичное высказывание летописи, что по Волге, впадающей 70 рукавами в Каспийское море, «можно итти в Болгары и в Хвалисы». Под Хвалисами надо понимать такой важнейший торговый пункт, как Ховарезм или Хорезм [1]. Напомним рассказ Ибн-Фадлана о племени вису, под которым понимается народ весь у берегов Белого озера, известный и начальной летописи [2]. Прямая водная дорога от берегов Балтийского моря к Каспийскому шла по Волге, тогда как древнейшие русские города Ростов и Суздаль возникли от неё в стороне.

Какие же причины вызвали к жизни указанные выше города?

Ростов, принадлежащий к числу древнейших русских городов, расположен на берегу большого, но мелководного Ростовского озера, известного по летописи под другим, более древним названием «Неро». Река Которосль соединяет озеро с Волгой; однако волжская дорога отстояла от Ростова на довольно большом расстоянии. Разветвлённая речная сеть связывала Ростов с Суздалем и Переяславлем. Н. П. Барсов указывает, что рекой Нерлью при посредстве притока её (с левой стороны) Ухтомы с Судогдой шли сношения между Владимиром-на-

---

[1] Лаврент. лет., стр. 6. Отожествление Хвалисов летописи и Ховарезма принадлежит С. П. Толстову.

[2] «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу», М. — Л. 1939, стр. 71.

У нас имеются известия и о такой категории городского населения, которая составилась из бывших пленников. Пленные поляки были посажены Ярославом Мудрым на Роси, где в 1032 г. он стал строить городки [1].

Картину заселения города Холма находим в Ипатьевской летописи под 1259 г. Желая населить город, Даниил «...начал призывать прихожих Немцев и Русь, иноязычников и Ляхов; шли день и в день, и «уноты» и мастера всякие бежали из татар, седельники, и лучники, и тулники, и кузнецы железу и меди и сребру» [2]. Было ли это только новшеством Даниила или проявлением общей политики князей по отношению к городам? С таким же явлением встречаемся в других странах. Так, польский король Болеслав I старался привлечь поселенцев в города. «Там угнетённые господами крестьяне получали наставление и удовлетворение» [3].

В городах создавался свой особый мир с городскими привилегиями, без которых не могли бы развиваться торговля и ремесло. Под крепкими стенами княжеских замков вырастал посад, возникал новый город.

Возникновение предградий, или посадов, в древнерусских городах, как мы видели, относится к определённому времени и начинается с IX—X вв. Позже подобные посады становятся неотъемлемой частью сколько-нибудь крупных городов. Таким образом, отмеченное нами явление не может быть названо случайным и относится не к одному какому-либо городу, а к русским городам вообще, в истории которых IX—X—XI вв. надо считать переломным моментом. В последующие столетия происходит дальнейшее развитие предградий, или посадов, как сосредоточия торгового и ремесленного населения.

Размеры предградий, или посадов, в городах были различными. Существовали города, которые имели только укреплённый детинец и не имели посада. Такие города ставились для укрепления границ Ярославом Мудрым, например по Роси, притоку Днепра. Но большой город, как правило, состоял из двух частей: кремля, или детинца, и предградия, или посада. То же явление наблюдаем и в других странах средневековья. В Германии

---

[1] Лаврент. лет., стр. 146.

[2] Ипат. лет., стр. 558.

[3] «Русский исторический сборник», т. IV, кн. 2 и 3, М. 1841, стр. 186.

были найдены большие запасы обгорелой ржи, пшеницы, ячменя, овса, проса, гороха, льна, конопли и пр. Часть зерна была переработана в муку и крупу. Это позволило исследователю райковецких древностей В. К. Гончарову сделать справедливый вывод, что «земледелие являлось производственной базой населения городка»[1].

Райковецкое городище находилось на южной границе Древней Руси. Но вот перед нами Ковшаровское городище на реке Соже, в 18—19 *км* от Смоленска. На городище были найдены разнообразные предметы, указывающие на существование различных ремёсел. Найдены были кузнечные клещи, слиток олова, обломок крупного глиняного тигля и пр. Тем не менее и здесь сельское хозяйство служило главным занятием жителей, на что указывают находки мотыг, серпов, кос и пр.[2]

Непременной принадлежностью хозяйства горожан были огороды и сады. В Киеве огороды окружали город и тянулись от Золотых до Лядских ворот. Во время военных действий под Киевом в 1151 г. ратные люди причинили много вреда, в том числе уничтожили огороды («и огороды все посекли»). Местность перед Золотыми воротами в Киеве так и определялась в XII столетии как лежавшая «в огородах»[3]. В Смоленске князю принадлежал огород на горе; его возделывал «капустник с женою и с детьми». Капуста считалась лакомой пищей и входила в состав пошлины, получаемой духовенством на праздник Иванского ста в Новгороде, вместе с хлебами и уксусом[4]. Огородные семена, найденные при раскопках древнерусских городов, не редкость. В упомянутом ранее Райковецком городище обнаружены были семена мака, огурцов, косточки вишен и слив.

Крупное значение в хозяйстве горожан имело животноводство. Археологические исследования обнаружили в городах кости многих домашних животных, в том числе лошадей, коров, свиней, овец и т. д. В одной новгородской берестяной грамоте XII в. речь идёт о тяжбе

---

[1] *В. К. Гончаров*, Райковецкое городище, Киев 1950, стр. 59.

[2] *А. Н. Лявданский*, Некоторые данные о городищах Смоленской губернии, Смоленск 1926, стр. 179—296.

[3] Ипат. лет., стр. 232, 266, 296, 375.

[4] Новгород. лет., стр. 509.

У нас имеются известия и о такой категории городского населения, которая составилась из бывших пленников. Пленные поляки были посажены Ярославом Мудрым на Роси, где в 1032 г. он стал строить городки [1].

Картину заселения города Холма находим в Ипатьевской летописи под 1259 г. Желая населить город, Даниил «...начал призывать прихожих Немцев и Русь, иноязычников и Ляхов; шли день и в день, и «уноты» и мастера всякие бежали из татар, седельники, и лучники, и тулники, и кузнецы железу и меди и сребру» [2]. Было ли это только новшеством Даниила или проявлением общей политики князей по отношению к городам? С таким же явлением встречаемся в других странах. Так, польский король Болеслав I старался привлечь поселенцев в города. «Там угнетённые господами крестьяне получали наставление и удовлетворение» [3].

В городах создавался свой особый мир с городскими привилегиями, без которых не могли бы развиваться торговля и ремесло. Под крепкими стенами княжеских замков вырастал посад, возникал новый город.

Возникновение предградий, или посадов, в древнерусских городах, как мы видели, относится к определённому времени и начинается с IX—X вв. Позже подобные посады становятся неотъемлемой частью сколько-нибудь крупных городов. Таким образом, отмеченное нами явление не может быть названо случайным и относится не к одному какому-либо городу, а к русским городам вообще, в истории которых IX—X—XI вв. надо считать переломным моментом. В последующие столетия происходит дальнейшее развитие предградий, или посадов, как сосредоточия торгового и ремесленного населения.

Размеры предградий, или посадов, в городах были различными. Существовали города, которые имели только укреплённый детинец и не имели посада. Такие города ставились для укрепления границ Ярославом Мудрым, например по Роси, притоку Днепра. Но большой город, как правило, состоял из двух частей: кремля, или детинца, и предградия, или посада. То же явление наблюдаем и в других странах средневековья. В Германии

---

[1] Лаврент. лет., стр. 146.

[2] Ипат. лет., стр. 558.

[3] «Русский исторический сборник», т. IV, кн. 2 и 3, М. 1841, стр. 186.

были найдены большие запасы обгорелой ржи, пшеницы, ячменя, овса, проса, гороха, льна, конопли и пр. Часть зерна была переработана в муку и крупу. Это позволило исследователю райковецких древностей В. К. Гончарову сделать справедливый вывод, что «земледелие являлось производственной базой населения городка» [1].

Райковецкое городище находилось на южной границе Древней Руси. Но вот перед нами Ковшаровское городище на реке Соже, в 18—19 *км* от Смоленска. На городище были найдены разнообразные предметы, указывающие на существование различных ремёсел. Найдены были кузнечные клещи, слиток олова, обломок крупного глиняного тигля и пр. Тем не менее и здесь сельское хозяйство служило главным занятием жителей, на что указывают находки мотыг, серпов, кос и пр. [2]

Непременной принадлежностью хозяйства горожан были огороды и сады. В Киеве огороды окружали город и тянулись от Золотых до Лядских ворот. Во время военных действий под Киевом в 1151 г. ратные люди причинили много вреда, в том числе уничтожили огороды («и огороды все посекли»). Местность перед Золотыми воротами в Киеве так и определялась в XII столетии как лежавшая «в огородах» [3]. В Смоленске князю принадлежал огород на горе; его возделывал «капустник с женою и с детьми». Капуста считалась лакомой пищей и входила в состав пошлины, получаемой духовенством на праздник Иванского ста в Новгороде, вместе с хлебами и уксусом [4]. Огородные семена, найденные при раскопках древнерусских городов, не редкость. В упомянутом ранее Райковецком городище обнаружены были семена мака, огурцов, косточки вишен и слив.

Крупное значение в хозяйстве горожан имело животноводство. Археологические исследования обнаружили в городах кости многих домашних животных, в том числе лошадей, коров, свиней, овец и т. д. В одной новгородской берестяной грамоте XII в. речь идёт о тяжбе

---

[1] *В. К. Гончаров,* Райковецкое городище, Киев 1950, стр. 59.

[2] *А. Н. Лявданский,* Некоторые данные о городищах Смоленской губернии, Смоленск 1926, стр. 179—296.

[3] Ипат. лет., стр. 232, 266, 296, 375.

[4] Новгород. лет., стр. 509.

были найдены большие запасы обгорелой ржи, пшеницы, ячменя, овса, проса, гороха, льна, конопли и пр. Часть зерна была переработана в муку и крупу. Это позволило исследователю райковецких древностей В. К. Гончарову сделать справедливый вывод, что «земледелие являлось производственной базой населения городка» [1].

Райковецкое городище находилось на южной границе Древней Руси. Но вот перед нами Ковшаровское городище на реке Соже, в 18—19 *км* от Смоленска. На городище были найдены разнообразные предметы, указывающие на существование различных ремёсел. Найдены были кузнечные клещи, слиток олова, обломок крупного глиняного тигля и пр. Тем не менее и здесь сельское хозяйство служило главным занятием жителей, на что указывают находки мотыг, серпов, кос и пр. [2]

Непременной принадлежностью хозяйства горожан были огороды и сады. В Киеве огороды окружали город и тянулись от Золотых до Лядских ворот. Во время военных действий под Киевом в 1151 г. ратные люди причинили много вреда, в том числе уничтожили огороды («и огороды все посекли»). Местность перед Золотыми воротами в Киеве так и определялась в XII столетии как лежавшая «в огородах» [3]. В Смоленске князю принадлежал огород на горе; его возделывал «капустник с женою и с детьми». Капуста считалась лакомой пищей и входила в состав пошлины, получаемой духовенством на праздник Иванского ста в Новгороде, вместе с хлебами и уксусом [4]. Огородные семена, найденные при раскопках древнерусских городов, не редкость. В упомянутом ранее Райковецком городище обнаружены были семена мака, огурцов, косточки вишен и слив.

Крупное значение в хозяйстве горожан имело животноводство. Археологические исследования обнаружили в городах кости многих домашних животных, в том числе лошадей, коров, свиней, овец и т. д. В одной новгородской берестяной грамоте XII в. речь идёт о тяжбе

---

[1] *В. К. Гончаров*, Райковецкое городище, Киев 1950, стр. 59.

[2] *А. Н. Лявданский*, Некоторые данные о городищах Смоленской губернии, Смоленск 1926, стр. 179—296.

[3] Ипат. лет., стр. 232, 266, 296, 375.

[4] Новгород. лет., стр. 509.

Белгород, Василев, особенно Вручий, Искоростень стоят в отдалении от Днепра. Скопление городов вокруг Киева станет нам понятным, если мы примем во внимание, что район его был издавна земледельческим. Здесь-то мы и находим древнейшие русские сёла, известные по письменным памятникам, — Берестово и Ольжичи. Другой сгусток городов находим на верхнем течении Буга, в районе древней Волыни. Характерно, что город Червень, давший название другим городам этой области, стоит в стороне от больших водных путей. Особенно интересно существование третьего сгустка русских городов — между верхним течением Волги и Клязьмой. Древние города этого района — Ростов и Суздаль стоят в отдалении от Волги и Оки, хотя волжская торговая дорога засвидетельствована находками кладов и знаменитыми ярославскими могилами. Вспомним энергичное высказывание летописи, что по Волге, впадающей 70 рукавами в Каспийское море, «можно итти в Болгары и в Хвалисы». Под Хвалисами надо понимать такой важнейший торговый пункт, как Ховарезм или Хорезм [1]. Напомним рассказ Ибн-Фадлана о племени вису, под которым понимается народ весь у берегов Белого озера, известный и начальной летописи [2]. Прямая водная дорога от берегов Балтийского моря к Каспийскому шла по Волге, тогда как древнейшие русские города Ростов и Суздаль возникли от неё в стороне.

Какие же причины вызвали к жизни указанные выше города?

Ростов, принадлежащий к числу древнейших русских городов, расположен на берегу большого, но мелководного Ростовского озера, известного по летописи под другим, более древним названием «Неро». Река Которосль соединяет озеро с Волгой; однако волжская дорога отстояла от Ростова на довольно большом расстоянии. Разветвлённая речная сеть связывала Ростов с Суздалем и Переяславлем. Н. П. Барсов указывает, что рекой Нерлью при посредстве притока её (с левой стороны) Ухтомы с Судогдой шли сношения между Владимиром-на-

---

[1] Лаврент. лет., стр. 6. Отожествление Хвалисов летописи и Ховарезма принадлежит С. П. Толстову.

[2] «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу», М. — Л. 1939, стр. 71.

У нас имеются известия и о такой категории городского населения, которая составилась из бывших пленников. Пленные поляки были посажены Ярославом Мудрым на Роси, где в 1032 г. он стал строить городки [1].

Картину заселения города Холма находим в Ипатьевской летописи под 1259 г. Желая населить город, Даниил «...начал призывать прихожих Немцев и Русь, иноязычников и Ляхов; шли день и в день, и «унотьі» и мастера всякие бежали из татар, седельники, и лучники, и тулники, и кузнецы железу и меди и сребру» [2]. Было ли это только новшеством Даниила или проявлением общей политики князей по отношению к городам? С таким же явлением встречаемся в других странах. Так, польский король Болеслав I старался привлечь поселенцев в города. «Там угнетённые господами крестьяне получали наставление и удовлетворение» [3].

В городах создавался свой особый мир с городскими привилегиями, без которых не могли бы развиваться торговля и ремесло. Под крепкими стенами княжеских замков вырастал посад, возникал новый город.

Возникновение предградий, или посадов, в древнерусских городах, как мы видели, относится к определённому времени и начинается с IX—X вв. Позже подобные посады становятся неотъемлемой частью сколько-нибудь крупных городов. Таким образом, отмеченное нами явление не может быть названо случайным и относится не к одному какому-либо городу, а к русским городам вообще, в истории которых IX—X—XI вв. надо считать переломным моментом. В последующие столетия происходит дальнейшее развитие предградий, или посадов, как сосредоточия торгового и ремесленного населения.

Размеры предградий, или посадов, в городах были различными. Существовали города, которые имели только укреплённый детинец и не имели посада. Такие города ставились для укрепления границ Ярославом Мудрым, например по Роси, притоку Днепра. Но большой город, как правило, состоял из двух частей: кремля, или детинца, и предградия, или посада. То же явление наблюдаем и в других странах средневековья. В Германии

---

[1] Лаврент. лет., стр. 146.
[2] Ипат. лет., стр. 558.
[3] «Русский исторический сборник», т. IV, кн. 2 и 3, М. 1841, стр. 186.

У нас имеются известия и о такой категории городского населения, которая составилась из бывших пленников. Пленные поляки были посажены Ярославом Мудрым на Роси, где в 1032 г. он стал строить городки[1].

Картину заселения города Холма находим в Ипатьевской летописи под 1259 г. Желая населить город, Даниил «...начал призывать прихожих Немцев и Русь, иноязычников и Ляхов; шли день и в день, и «уноты» и мастера всякие бежали из татар, седельники, и лучники, и тулники, и кузнецы железу и меди и сребру»[2]. Было ли это только новшеством Даниила или проявлением общей политики князей по отношению к городам? С таким же явлением встречаемся в других странах. Так, польский король Болеслав I старался привлечь поселенцев в города. «Там угнетённые господами крестьяне получали наставление и удовлетворение»[3].

В городах создавался свой особый мир с городскими привилегиями, без которых не могли бы развиваться торговля и ремесло. Под крепкими стенами княжеских замков вырастал посад, возникал новый город.

Возникновение предградий, или посадов, в древнерусских городах, как мы видели, относится к определённому времени и начинается с IX—X вв. Позже подобные посады становятся неотъемлемой частью сколько-нибудь крупных городов. Таким образом, отмеченное нами явление не может быть названо случайным и относится не к одному какому-либо городу, а к русским городам вообще, в истории которых IX—X—XI вв. надо считать переломным моментом. В последующие столетия происходит дальнейшее развитие предградий, или посадов, как сосредоточия торгового и ремесленного населения.

Размеры предградий, или посадов, в городах были различными. Существовали города, которые имели только укреплённый детинец и не имели посада. Такие города ставились для укрепления границ Ярославом Мудрым, например по Роси, притоку Днепра. Но большой город, как правило, состоял из двух частей: кремля, или детинца, и предградия, или посада. То же явление наблюдаем и в других странах средневековья. В Германии

---

[1] Лаврент. лет., стр. 146.
[2] Ипат. лет., стр. 558.
[3] «Русский исторический сборник», т. IV, кн. 2 и 3, М. 1841, стр. 186.

У нас имеются известия и о такой категории городского населения, которая составилась из бывших пленников. Пленные поляки были посажены Ярославом Мудрым на Роси, где в 1032 г. он стал строить городки [1].

Картину заселения города Холма находим в Ипатьевской летописи под 1259 г. Желая населить город, Даниил «...начал призывать прихожих Немцев и Русь, иноязычников и Ляхов; шли день и в день, и «уноты» и мастера всякие бежали из татар, седельники, и лучники, и тулники, и кузнецы железу и меди и сребру» [2]. Было ли это только новшеством Даниила или проявлением общей политики князей по отношению к городам? С таким же явлением встречаемся в других странах. Так, польский король Болеслав I старался привлечь поселенцев в города. «Там угнетённые господами крестьяне получали наставление и удовлетворение» [3].

В городах создавался свой особый мир с городскими привилегиями, без которых не могли бы развиваться торговля и ремесло. Под крепкими стенами княжеских замков вырастал посад, возникал новый город.

Возникновение предградий, или посадов, в древнерусских городах, как мы видели, относится к определённому времени и начинается с IX—X вв. Позже подобные посады становятся неотъемлемой частью сколько-нибудь крупных городов. Таким образом, отмеченное нами явление не может быть названо случайным и относится не к одному какому-либо городу, а к русским городам вообще, в истории которых IX—X—XI вв. надо считать переломным моментом. В последующие столетия происходит дальнейшее развитие предградий, или посадов, как сосредоточия торгового и ремесленного населения.

Размеры предградий, или посадов, в городах были различными. Существовали города, которые имели только укреплённый детинец и не имели посада. Такие города ставились для укрепления границ Ярославом Мудрым, например по Роси, притоку Днепра. Но большой город, как правило, состоял из двух частей: кремля, или детинца, и предградия, или посада. То же явление наблюдаем и в других странах средневековья. В Германии

---

[1] Лаврент. лет., стр. 146.

[2] Ипат. лет., стр. 558.

[3] «Русский исторический сборник», т. IV, кн. 2 и 3, М. 1841, стр. 186.

золота и серебра для различных ваз или для резьбы на драгоценных камнях и кости; что Франция находит в искусном разнообразии цветных стёкол; тонкость изделий из золота, серебра, меди, железа, дерева и камня, которыми славится изобретательная Германия»[1].

Вместо слова «Русь» издателями французского перевода трактата была поставлена Тоскана (Tuscia) на основании двух списков трактата, но сами издатели отметили, что текст имеет варианты: Ruscia (Кембриджская библиотека в Англии), Rusca (Вольфенбюттельская библиотека), Rutigia (Лейпцигская рукопись), Russia (библиотека Нани). Издатели трактата комментировали трактат и снабдили текст своей вставки примечаниями: «Работа из черни заставляет думать, что чтение Tuscia должно быть предпочтительнее России. Нет ничего невозможного, что русские, обученные греками, делали изделия из черни в средние века; но искусство делать эмаль с чернью было специальностью Тосканы».

В немецком издании трактата Теофила на место Руси также поставлена Тоскана[2]. Чтобы увидеть, насколько такая вставка предвзята и ненаучна, отметим, что название Ruscia самим же издателем (Ильгом) указывается помещённым в Гвельфербитанском (codex Guelpherbitanus) списке произведения Теофила. Между тем издатель называет Гвельфербитанский манускрипт древнейшим и относящимся к XII в. Название Ruscia находим и в другом древнейшем списке — Венском, который ряд исследователей трактата называет «древнейшей известной копией оригинала» трактата. К XIV в. относится Лейпцигская рукопись, где читаем вариант — Rutigia. В Кембриджской рукописи находим чтение Ruscia, эту рукопись относят к XIII в.

[1] В подлиннике: «Quam si diligentius perscruteris, illic invenies quicquid in diversorum colorum generibus et mixturis habet Graecia; quicquid in electrorum operasitate, seu nigelli varietate novit Tuscia (Ruscia, Rusca, Rutigia, Russia), quicquid ductili vel fusili, seu interrasili opere distinguit Arabia; quicquid in vasorum diversitate, seu gemmarum ossiumve sculptura auro (et argento inclyta) decorat Italia; quicquid in fenestrarum pretiosa varietate diligit Francia; quicquid in auri, argenti, cupri et ferri, lignorum lapidumque subtilitate sollers laudat Germania» (*Theophile* prêtre et moine, Essai sur divers arts, Paris 1843; см. также *Theophilus* presbiter, Schedula diversarum artium, I Band, revidirter Text, Uebersetzung und Appendix von A. Ilg, Wien 1874, S. 9—11).

[2] *Theophilus* presbiter, Schedula diversarum artium, S. IV, VI, XIII.

пространства глухих лесов и болот. Некоторые пункты, важные по своему географическому положению, долго остаются в стороне от торгового движения, не привлекая к себе внимания купцов и ремесленников. Таковы устье Тверцы и место слияния Волги и Оки, которые, казалось бы, самой судьбой предназначены для роли торговых центров и где тем не менее города (Тверь и Нижний Новгород) появляются только в начале XIII в.

Отделение ремесла от земледелия было одной из предпосылок к созданию городов с постоянным населением. Развитие ремесла приводило к созданию городских посадов. В некоторых особых случаях обработка местных природных богатств могла создать базу для развития города, что можно проследить на примере Вручего, или Овруча.

Этот город уже в конце X в. сделался центром Древлянской земли, придя, может быть, на смену Искоростеню. Тогда это был «град Олегов», стольный город второго сына Святослава [1]. В XII в. в нём сидел Рюрик Ростиславич, опиравшийся на Овруч во время своей борьбы с другими князьями. Былое богатство Овруча подчёркивается существованием в нём большого каменного храма, построенного в XI—XII вв., стены которого сложены из тонкого кирпича с перемежающимися рядами яркокрасного шифера [2], т. е. тем способом кладки, каким строились каменные храмы в Киевской Руси. Современный Овруч стоит на реке Норыне, притоке Уши (или Ужа), которая впадает в Припять. Ничто не указывает, что Норына имела когда-то значение торгового пути, так как она подобно Уши берёт начало в больших болотах, ясно отмеченных на карте Украины 1685 г. [3]. Трудно объяснить значение Овруча и тем, что он лежал в плодородной местности, ибо даже в XIX в. хлебопашество едва только могло удовлетворять местные нужды ввиду недостатка удобных земель и плохой почвы [4].

---

[1] Лаврент. лет., стр. 73.

[2] *П. Н. Батюшков,* Волынь, СПБ 1888, стр. 80 (объяснения к рисункам).

[3] *В. Кордт,* Матеріяли до історії картографії України, у Києві, MCMXXXI, табл. 6—7.

[4] *П. Семёнов,* Географическо-статистический словарь Российской империи, т. III, СПБ 1867, стр. 589.

У нас имеются известия и о такой категории городского населения, которая составилась из бывших пленников. Пленные поляки были посажены Ярославом Мудрым на Роси, где в 1032 г. он стал строить городки [1].

Картину заселения города Холма находим в Ипатьевской летописи под 1259 г. Желая населить город, Даниил «...начал призывать прихожих Немцев и Русь, иноязычников и Ляхов; шли день и в день, и «уноты» и мастера всякие бежали из татар, седельники, и лучники, и тулники, и кузнецы железу и меди и сребру» [2]. Было ли это только новшеством Даниила или проявлением общей политики князей по отношению к городам? С таким же явлением встречаемся в других странах. Так, польский король Болеслав I старался привлечь поселенцев в города. «Там угнетённые господами крестьяне получали наставление и удовлетворение» [3].

В городах создавался свой особый мир с городскими привилегиями, без которых не могли бы развиваться торговля и ремесло. Под крепкими стенами княжеских замков вырастал посад, возникал новый город.

Возникновение предградий, или посадов, в древнерусских городах, как мы видели, относится к определённому времени и начинается с IX—X вв. Позже подобные посады становятся неотъемлемой частью сколько-нибудь крупных городов. Таким образом, отмеченное нами явление не может быть названо случайным и относится не к одному какому-либо городу, а к русским городам вообще, в истории которых IX—X—XI вв. надо считать переломным моментом. В последующие столетия происходит дальнейшее развитие предградий, или посадов, как сосредоточия торгового и ремесленного населения.

Размеры предградий, или посадов, в городах были различными. Существовали города, которые имели только укреплённый детинец и не имели посада. Такие города ставились для укрепления границ Ярославом Мудрым, например по Роси, притоку Днепра. Но большой город, как правило, состоял из двух частей: кремля, или детинца, и предградия, или посада. То же явление наблюдаем и в других странах средневековья. В Германии

[1] Лаврент. лет., стр. 146.

[2] Ипат. лет., стр. 558.

[3] «Русский исторический сборник», т. IV, кн. 2 и 3, М. 1841, стр. 186.

всего сооружались деревянные постройки. Б. А. Рыбаков, повидимому, покрывает понятие плотников общим термином «древоделы». Но это не так.

Слово «древодели», или «древоделы», встречается только в переводных русских сочинениях. В оригинальных произведениях оно имеется только в Несторовом чтении о Борисе и Глебе с его сложными и порой искусственными оборотами. Только в немногих случаях древодель отожествляется с плотником, в большинстве же случаев это слово переводит греческое tecton и architecton (латинское architectus) — зодчий, архитектор, строитель. Таким образом, кроме общего понятия плотника в термин «древодель» входило понятие о зодчих, строителях выдающихся деревянных зданий, в отличие от обычной плотничной работы [1].

Наряду с этим существовало обычное русское обозначение строителей деревянных зданий — плотники. Это слово порой употреблялось и в презрительном смысле чернорабочих. «Вы ведь плотники. А поставим вас строить хоромы наши», — так дразнили новгородцев. Действительно, большое развитие плотничьего промысла в Новгороде подчёркивается существованием в нём старинного Плотницкого конца.

С деревянным строительством в Древней Руси было связано строительство крепостей. Городняя повинность населения, т. е. обязанность его принимать участие в укреплении городов, была повсеместной на Руси XIV—XV вв. В Пространной Русской Правде устанавливаются «уроки» (нормы оплаты) городникам. Крайне характерно само название статьи о городниках, прямо указывающее на постройку городских укреплений: «А се закладаюче город». Городник получает одну куну при закладке и одну ногату при окончании устройства городни — части городской стены. Ему идёт также пищевое довольствие (мясо, рыба, пшено, солод для пива или кваса), а также овёс на четырёх коней. Всё это городник получает пока не будут закончены городские укрепления («донеле город срубять») [2].

---

[1] *И. И. Срезневский,* Материалы, т. I, стб. 734—735.

[2] «Правда Русская», т. I, стр. 114 (по Троицкому списку XIV в.). В древнейшем Синодальном списке конца XIII в. также читаем: «а се закладаюче город». См. также главу о крепостных сооружениях в «Истории культуры Древней Руси», т. I, М. — Л. 1948, стр. 439—470

пространства глухих лесов и болот. Некоторые пункты, важные по своему географическому положению, долго остаются в стороне от торгового движения, не привлекая к себе внимания купцов и ремесленников. Таковы устье Тверцы и место слияния Волги и Оки, которые, казалось бы, самой судьбой предназначены для роли торговых центров и где тем не менее города (Тверь и Нижний Новгород) появляются только в начале XIII в.

Отделение ремесла от земледелия было одной из предпосылок к созданию городов с постоянным населением. Развитие ремесла приводило к созданию городских посадов. В некоторых особых случаях обработка местных природных богатств могла создать базу для развития города, что можно проследить на примере Вручего, или Овруча.

Этот город уже в конце X в. сделался центром Древлянской земли, придя, может быть, на смену Искоростеню. Тогда это был «град Олегов», стольный город второго сына Святослава [1]. В XII в. в нём сидел Рюрик Ростиславич, опиравшийся на Овруч во время своей борьбы с другими князьями. Былое богатство Овруча подчёркивается существованием в нём большого каменного храма, построенного в XI—XII вв., стены которого сложены из тонкого кирпича с перемежающимися рядами яркокрасного шифера [2], т. е. тем способом кладки, каким строились каменные храмы в Киевской Руси. Современный Овруч стоит на реке Норыне, притоке Уши (или Ужа), которая впадает в Припять. Ничто не указывает, что Норына имела когда-то значение торгового пути, так как она подобно Уши берёт начало в больших болотах, ясно отмеченных на карте Украины 1685 г. [3]. Трудно объяснить значение Овруча и тем, что он лежал в плодородной местности, ибо даже в XIX в. хлебопашество едва только могло удовлетворять местные нужды ввиду недостатка удобных земель и плохой почвы [4].

---

[1] Лаврент. лет., стр. 73.

[2] *П. Н. Батюшков,* Волынь, СПБ 1888, стр. 80 (объяснения к рисункам).

[3] *В. Кордт,* Матеріяли до історії картографії України, у Києві, MCMXXXI, табл. 6—7.

[4] *П. Семёнов,* Географическо-статистический словарь Российской империи, т. III, СПБ 1867, стр. 589.

Весьма вероятно предположение Б. А. Рыбакова о выделении в особую профессию бочаров. Слова «ботарь» и «бочка» известны в древнейших русских памятниках наряду с заимствованным «дельва». Впрочем, профессия бочечника впервые названа только в новгородской писцовой книге 1500 г.[1]

О существовании токарей по дереву письменные источники не дают никаких сведений, но при раскопках в Новгороде найдено много деревянной посуды, изготовленной токарями.

В особую специальность выделяются строители кораблей и лодок. Переводное русское сочинение знает кораблестроителей — «корабльчии» (корабьчии)[2]. Но это — производное слово, наряду с которым следует предполагать существование термина «судовщик», хорошо известного по писцовым книгам XVI в.

В особую группу могут быть отнесены ремесленники, связанные со строительством и отделкой каменных зданий.

С понятием «каменьник» (каменщик) в Древней Руси было связано представление о подневольном труде — холопстве. «Это ведь наши холопы каменьщики», — восклицают ростовцы о соперничающих с ними владимирцах[3]. Вероятно, первые каменщики-строители в Ростовской земле действительно были зависимыми княжескими людьми, основным местопребыванием которых был Владимир. В этом находим объяснение презрительному возгласу ростовцев. Каменное строительство было так распространено на Руси XI—XIII вв., что не требуется доказательств существования значительного количества каменщиков-строителей.

Что касается резчиков по камню, то твёрдой уверенности в том, что их профессия выделялась названием каменосечцев, у нас нет. Подлинный текст летописи с рассказом о строении собора в Твери в 1399 г., откуда Срезневским взят текст о каменосечцах, говорит не о

---

[1] Переписная окладная книга по Новгороду Вотской пятины («Временник Общества истории и древностей Российских», кн. 12, М. 1852, стр. 3). Бочарники и бочкари известны по писцовым книгам Казани 1565—1568 гг.

[2] *И. И. Срезневский*, Материалы, т. I, стб. 1285.

[3] Лаврент. лет., стр. 355.

У нас имеются известия и о такой категории городского населения, которая составилась из бывших пленников. Пленные поляки были посажены Ярославом Мудрым на Роси, где в 1032 г. он стал строить городки [1].

Картину заселения города Холма находим в Ипатьевской летописи под 1259 г. Желая населить город, Даниил «...начал призывать прихожих Немцев и Русь, иноязычников и Ляхов; шли день и в день, и «уноты» и мастера всякие бежали из татар, седельники, и лучники, и тулники, и кузнецы железу и меди и сребру» [2]. Было ли это только новшеством Даниила или проявлением общей политики князей по отношению к городам? С таким же явлением встречаемся в других странах. Так, польский король Болеслав I старался привлечь поселенцев в города. «Там угнетённые господами крестьяне получали наставление и удовлетворение» [3].

В городах создавался свой особый мир с городскими привилегиями, без которых не могли бы развиваться торговля и ремесло. Под крепкими стенами княжеских замков вырастал посад, возникал новый город.

Возникновение предградий, или посадов, в древнерусских городах, как мы видели, относится к определённому времени и начинается с IX—X вв. Позже подобные посады становятся неотъемлемой частью сколько-нибудь крупных городов. Таким образом, отмеченное нами явление не может быть названо случайным и относится не к одному какому-либо городу, а к русским городам вообще, в истории которых IX—X—XI вв. надо считать переломным моментом. В последующие столетия происходит дальнейшее развитие предградий, или посадов, как сосредоточия торгового и ремесленного населения.

Размеры предградий, или посадов, в городах были различными. Существовали города, которые имели только укреплённый детинец и не имели посада. Такие города ставились для укрепления границ Ярославом Мудрым, например по Роси, притоку Днепра. Но большой город, как правило, состоял из двух частей: кремля, или детинца, и предградия, или посада. То же явление наблюдаем и в других странах средневековья. В Германии

---

[1] Лаврент. лет., стр. 146.

[2] Ипат. лет., стр. 558.

[3] «Русский исторический сборник», т. IV, кн. 2 и 3, М. 1841, стр. 186.

У нас имеются известия и о такой категории городского населения, которая составилась из бывших пленников. Пленные поляки были посажены Ярославом Мудрым на Роси, где в 1032 г. он стал строить городки [1].

Картину заселения города Холма находим в Ипатьевской летописи под 1259 г. Желая населить город, Даниил «...начал призывать прихожих Немцев и Русь, иноязычников и Ляхов; шли день и в день, и «уноты» и мастера всякие бежали из татар, седельники, и лучники, и тулники, и кузнецы железу и меди и сребру» [2]. Было ли это только новшеством Даниила или проявлением общей политики князей по отношению к городам? С таким же явлением встречаемся в других странах. Так, польский король Болеслав I старался привлечь поселенцев в города. «Там угнетённые господами крестьяне получали наставление и удовлетворение» [3].

В городах создавался свой особый мир с городскими привилегиями, без которых не могли бы развиваться торговля и ремесло. Под крепкими стенами княжеских замков вырастал посад, возникал новый город.

Возникновение предградий, или посадов, в древнерусских городах, как мы видели, относится к определённому времени и начинается с IX—X вв. Позже подобные посады становятся неотъемлемой частью сколько-нибудь крупных городов. Таким образом, отмеченное нами явление не может быть названо случайным и относится не к одному какому-либо городу, а к русским городам вообще, в истории которых IX—X—XI вв. надо считать переломным моментом. В последующие столетия происходит дальнейшее развитие предградий, или посадов, как сосредоточия торгового и ремесленного населения.

Размеры предградий, или посадов, в городах были различными. Существовали города, которые имели только укреплённый детинец и не имели посада. Такие города ставились для укрепления границ Ярославом Мудрым, например по Роси, притоку Днепра. Но большой город, как правило, состоял из двух частей: кремля, или детинца, и предградия, или посада. То же явление наблюдаем и в других странах средневековья. В Германии

---

[1] Лаврент. лет., стр. 146.

[2] Ипат. лет., стр. 558.

[3] «Русский исторический сборник», т. IV, кн. 2 и 3, М. 1841, стр. 186.

известен в русской обработке, притом очень раннего времени.

Городские портные, как и позже, являлись законодателями русских мод. Напомним здесь описание удивительного княжеского наряда, которым Даниил Романович Галицкий поразил венгерского короля. Даниил был одет «по обычаю русскому». Кожух Даниила был изготовлен из драгоценной шёлковой ткани греческой работы и обшит плоскими золотыми кружевами, а сапоги были из зелёной кожи с золотым шитьём. Под ним был достойный удивления конь, княжеское седло было украшено жжёным золотом, поражали художественной обработкой с золотом стрелы и сабля [1]. Автор этого описания, видимо, присутствовал при встрече Даниила с венгерским королём, вернее, был лицом, принадлежавшим к свите русского князя, — так ярко и реально он описал наряд своего героя.

Рано выделилось в особую специальность кожевенное производство. Сын новгородского «кожевника» был убит во время Невской битвы [2]. Сказание об юноше, победившем печенежского богатыря, рисует ремесленную обработку кожи на дому. Рассказывая о необыкновенной силе своего сына, отец отрока приводит такую деталь: «Однажды, когда я ссорился с ним, а он мял кожу, он разгневался на меня и разорвал кожу руками». Перед нами целая картина работы кожевника X в. В позднейшей переделке (Летописец Переяславля Суздальского) кожа заменена обувью: «в то время он шил башмак и разорвал его и с подошвою» [3].

В переводных и церковных памятниках в том же значении кожевника упоминаются «усмари» от «усма» (кожа). «Усмошвецами» называли кожевников и сапожников, термин же «сапожник» появляется в поздних русских памятниках, хотя сапожное мастерство восходит к древнему времени. Название «усмошвец» иногда переводится как кожевник, сапожник. Но уже в ранних русских произведениях сапожники ясно отделены от кожев-

---

[1] Ипат. лет., стр. 541.

[2] Новгород. лет., стр. 294

[3] Лаврент. лет., стр. 120; «Летописец Переяславля Суздальского», стр. 32.

были найдены большие запасы обгорелой ржи, пшеницы, ячменя, овса, проса, гороха, льна, конопли и пр. Часть зерна была переработана в муку и крупу. Это позволило исследователю райковецких древностей В. К. Гончарову сделать справедливый вывод, что «земледелие являлось производственной базой населения городка» [1].

Райковецкое городище находилось на южной границе Древней Руси. Но вот перед нами Ковшаровское городище на реке Соже, в 18—19 *км* от Смоленска. На городище были найдены разнообразные предметы, указывающие на существование различных ремёсел. Найдены были кузнечные клещи, слиток олова, обломок крупного глиняного тигля и пр. Тем не менее и здесь сельское хозяйство служило главным занятием жителей, на что указывают находки мотыг, серпов, кос и пр. [2]

Непременной принадлежностью хозяйства горожан были огороды и сады. В Киеве огороды окружали город и тянулись от Золотых до Лядских ворот. Во время военных действий под Киевом в 1151 г. ратные люди причинили много вреда, в том числе уничтожили огороды («и огороды все посекли»). Местность перед Золотыми воротами в Киеве так и определялась в XII столетии как лежавшая «в огородах» [3]. В Смоленске князю принадлежал огород на горе; его возделывал «капустник с женою и с детьми». Капуста считалась лакомой пищей и входила в состав пошлины, получаемой духовенством на праздник Иванского ста в Новгороде, вместе с хлебами и уксусом [4]. Огородные семена, найденные при раскопках древнерусских городов, не редкость. В упомянутом ранее Райковецком городище обнаружены были семена мака, огурцов, косточки вишен и слив.

Крупное значение в хозяйстве горожан имело животноводство. Археологические исследования обнаружили в городах кости многих домашних животных, в том числе лошадей, коров, свиней, овец и т. д. В одной новгородской берестяной грамоте XII в. речь идёт о тяжбе

---

[1] *В. К. Гончаров*, Райковецкое городище, Киев 1950, стр. 59.

[2] *А. Н. Лявданский*, Некоторые данные о городищах Смоленской губернии, Смоленск 1926, стр. 179—296.

[3] Ипат. лет., стр. 232, 266, 296, 375.

[4] Новгород. лет., стр. 509.

Белгород, Василев, особенно Вручий, Искоростень стоят в отдалении от Днепра. Скопление городов вокруг Киева станет нам понятным, если мы примем во внимание, что район его был издавна земледельческим. Здесь-то мы и находим древнейшие русские сёла, известные по письменным памятникам, — Берестово и Ольжичи. Другой сгусток городов находим на верхнем течении Буга, в районе древней Волыни. Характерно, что город Червень, давший название другим городам этой области, стоит в стороне от больших водных путей. Особенно интересно существование третьего сгустка русских городов — между верхним течением Волги и Клязьмой. Древние города этого района — Ростов и Суздаль стоят в отдалении от Волги и Оки, хотя волжская торговая дорога засвидетельствована находками кладов и знаменитыми ярославскими могилами. Вспомним энергичное высказывание летописи, что по Волге, впадающей 70 рукавами в Каспийское море, «можно итти в Болгары и в Хвалисы». Под Хвалисами надо понимать такой важнейший торговый пункт, как Ховарезм или Хорезм [1]. Напомним рассказ Ибн-Фадлана о племени вису, под которым понимается народ весь у берегов Белого озера, известный и начальной летописи [2]. Прямая водная дорога от берегов Балтийского моря к Каспийскому шла по Волге, тогда как древнейшие русские города Ростов и Суздаль возникли от неё в стороне.

Какие же причины вызвали к жизни указанные выше города?

Ростов, принадлежащий к числу древнейших русских городов, расположен на берегу большого, но мелководного Ростовского озера, известного по летописи под другим, более древним названием «Неро». Река Которосль соединяет озеро с Волгой; однако волжская дорога отстояла от Ростова на довольно большом расстоянии. Разветвлённая речная сеть связывала Ростов с Суздалем и Переяславлем. Н. П. Барсов указывает, что рекой Нерлью при посредстве притока её (с левой стороны) Ухтомы с Судогдой шли сношения между Владимиром-на-

---

[1] Лаврент. лет., стр. 6. Отожествление Хвалисов летописи и Ховарезма принадлежит С. П. Толстову.

[2] «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу», М. — Л. 1939, стр. 71.

У нас имеются известия и о такой категории городского населения, которая составилась из бывших пленников. Пленные поляки были посажены Ярославом Мудрым на Роси, где в 1032 г. он стал строить городки[1].

Картину заселения города Холма находим в Ипатьевской летописи под 1259 г. Желая населить город, Даниил «...начал призывать прихожих Немцев и Русь, иноязычников и Ляхов; шли день и в день, и «уноты» и мастера всякие бежали из татар, седельники, и лучники, и тулники, и кузнецы железу и меди и сребру»[2]. Было ли это только новшеством Даниила или проявлением общей политики князей по отношению к городам? С таким же явлением встречаемся в других странах. Так, польский король Болеслав I старался привлечь поселенцев в города. «Там угнетённые господами крестьяне получали наставление и удовлетворение»[3].

В городах создавался свой особый мир с городскими привилегиями, без которых не могли бы развиваться торговля и ремесло. Под крепкими стенами княжеских замков вырастал посад, возникал новый город.

Возникновение предградий, или посадов, в древнерусских городах, как мы видели, относится к определённому времени и начинается с IX—X вв. Позже подобные посады становятся неотъемлемой частью сколько-нибудь крупных городов. Таким образом, отмеченное нами явление не может быть названо случайным и относится не к одному какому-либо городу, а к русским городам вообще, в истории которых IX—X—XI вв. надо считать переломным моментом. В последующие столетия происходит дальнейшее развитие предградий, или посадов, как сосредоточия торгового и ремесленного населения.

Размеры предградий, или посадов, в городах были различными. Существовали города, которые имели только укреплённый детинец и не имели посада. Такие города ставились для укрепления границ Ярославом Мудрым, например по Роси, притоку Днепра. Но большой город, как правило, состоял из двух частей: кремля, или детинца, и предградия, или посада. То же явление наблюдаем и в других странах средневековья. В Германии

---

[1] Лаврент. лет., стр. 146.

[2] Ипат. лет., стр. 558.

[3] «Русский исторический сборник», т. IV, кн. 2 и 3, М. 1841, стр. 186.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

городах XVI в. ремесленники, производившие пищевые продукты для продажи на рынке, по численности мало уступали ремесленникам других специальностей. В Серпухове, Коломне и Можайске конца XVI в. более 22% всех ремесленников было занято приготовлением продуктов питания. Это были хлебники, мясники, пирожники, квасники и пр.[1] То же мы видим и в других русских городах того же столетия. Московский рынок XVII столетия был заполнен полками и скамьями колачников, яблочников и пивоваров.

Так было не только в русских городах. Объединение мясников считалось крупнейшим из парижских цехов средневекового времени. Наряду с ним существовали объединения хлебников и пр. Естественно поэтому предполагать существование подобных же ремесленных профессий и в городах Древней Руси.

К сожалению, наши письменные свидетельства почти не дают сведений о существовании таких ремесленных занятий в XI—XIII вв. Только позднее летописное известие 1485 г. показывает, что в это время мясники в Пскове составляли корпорацию, обладавшую общей кассой; мясники платили мастерам за постройку нового моста через реку Пскову[2]. Возможно, мясники были известны в Древней Руси под другим названием — прасолов. В русском языке (см. словарь В. Даля) под этим именем были известны скупщики мяса и рыбы для розничной, мелочной продажи, в более широком смысле — перекупщики товаров. В древнерусских памятниках это слово также обозначало продавца, а глагол «прасолити» был равнозначен понятию барышничать, торговать. «Если кто продает челядина, — читаем в древнем памятнике, — то столько же ему взять, сколько за него дал; если же больше, то окажется он берущим лишнее и торгующим («прасоля») живыми душами»[3].

Слабым указанием на то, что на рынках Древней Руси продавался готовый хлеб, следовательно, существо-

---

[1] *Н. Д. Чечулин,* Города Московского государства в XVI веке, СПБ 1889, стр. 197.

[2] «Псковичи поставиша новый мост черезо Пскову а даша мастером 60 рублей; а платиша то серебро мясники» (ПСРЛ, т. V, СПБ 1851, стр. 43).

[3] *И. И. Срезневский,* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, СПБ 1876, стр. 332.

вали ремесленники-хлебники, является одно место в Кириковом вопрошании XII в. с вопросом, можно ли служить литургию с одной просфорой там, где нельзя было достать другой просфоры. Ответ разрешал служить литургию, но только в том случае, если не будет близко торга, где можно купить [1]. Следовательно, на торгу продавались, если не готовые просфоры, то, по крайней мере, мука, из которой они выпекались.

Ряд указаний на существование торговли съестными припасами получаем из Печерского патерика. Между игуменом Печерского монастыря и экономом возникали споры, откуда достать деньги, «чим купити братии требованиа», т. е. потребное для пропитания монахов в их общей трапезе.

Рассказывая о первоначальном устройстве монастыря, Печерский патерик отмечает, что монахи занимались разными ремёслами и носили свои изделия на продажу в город, где покупали жито: «и так носили в город продавать, и на это покупали жито, разделяли его между собой, чтобы каждый перемолол его за ночь для приготовления хлебов».

Впрочем, один из продуктов питания, несомненно, продавался на рынке — это соль. В Киев её, например, привозили из Галича. Во время междоусобных княжеских распрей, когда подвоз соли прекращался, в Киеве наступал соляной голод, чем пользовались спекулянты, быстро взвинчивавшие цены на соль. Так случилось в самом конце XI в., когда купцы, торговавшие солью, не могли приехать в Киев из Перемышля и Галича [2]. О дороговизне соли рассказывает и Новгородская летопись под 1232 г. Таким образом, соль была одним из тех пищевых продуктов, которые рано сделались предметом торговли.

Небольшое количество даже не указаний, а намёков на существование ремесленников, производивших продукты питания, не может служить решительным доказательством того, что таких ремесленников в Древней Руси не было совсем. Тем не менее это является молчаливым доказательством незначительного количества ремеслен-

---

[1] «Аж будет далече, яко в селе, а негде будеть взяти другое просфуры, то достоить» («Русская историческая библиотека», т. VI, стб. 50—51).

[2] «Печерский патерик», стр. 108.

ников в русских городах XI—XIII вв. Производство пищевых припасов занимало, повидимому, очень ограниченное место в городском хозяйстве на Руси этого времени. Продукты покупались на рынке почти без участия посредников, да и то только в больших городах. Летописец, рассказывая о щедрости Владимира Святославича, рисует картину раздачи продовольствия больным и нищим: «На воза укладывали хлеб, мясо, рыбу, различные овощи, мёд и квас в бочёнках, и возили по городу». На княжеских пирах подавалось много мяса домашних животных и зверей, «бяше по изобилью от всего» [1]. Тут нет и намёка на покупку пищевых припасов: их доставляют из княжеских вотчин.

Хозяйство горожан было ещё сильно связано с земледелием и животноводством. Нивы и огороды, пригородные луга по долинам рек и низинам играли большую роль в городском хозяйстве. Поэтому так относительно часты указания на «болонья» — низменные или прибрежные места, служившие выгоном для городского стада. Натуральное хозяйство ещё довлело над городом.

3. Работа на заказ и товарное производство

Ремесленные мастерские Древней Руси неоднократно описывались на основании археологических исследований. Но эти исследования вскрывают перед нами в основном производственные процессы, условия жизни ремесленников и только косвенно помогают восстановить картину взаимоотношений ремесленников с их заказчиками и рынком.

Существование ряда литейных форм, употреблявшихся для выпуска ремесленных изделий одного и того же типа, привело некоторых исследователей к предположению о работе этих мастерских на рыночный сбыт. Так, А. С. Гущин отмечает существование в Киеве ремесленной мастерской, изготовлявшей «более дешёвый и ходовой товар, подражающий по формам наиболее распространённым украшениям господствующего класса» [2].

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 86.

[2] *А. С. Гущин*, Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв., стр. 26.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити»)[1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено[2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники[3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити»)[1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено[2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники[3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

предполагать большую потребность в железе и ценность самого металла, если даже оковы были использованы для украшения алтаря.

Тем не менее товарное производство также имело место в Древней Руси. Монахи Печерского монастыря в Киеве «руками своими делали, одни плели чулки и клобуки и иные ручные дела делали, и так носили в город продавать, покупали на это жито, разделяли его, чтобы каждый за ночь измолол его для приготовления хлебов» [1].

За этими строками скрывается существование в городе рынка, на котором можно продать изготовленные вещи, в данном случае чулки и головные уборы, а взамен купить жито в зерне. В город едет и житель пригородного новгородского села Пидьбы со своими горшками. Он поднимается рано утром, чтобы добраться пораньше в город [2]. И в этом случае имеем дело с товарным производством, рассчитанным на рыночный сбыт.

Таким образом, даже скудные письменные свидетельства подтверждают существование в Древней Руси товарного производства, которое обслуживало феодальный, как и предшествующий ему рабовладельческий строй. Всё дело только в том, каковы были размеры товарного производства, что было преобладающим в Древней Руси: работа на заказ или товарное производство.

Из сказанного выше вытекает, что преобладало именно первое, т. е. работа на заказ.

4. Городская торговля

Торговля в значительной мере определяла хозяйственное лицо древнерусских городов. Тем не менее торговля на Руси IX—XIII вв. до сих пор ещё слабо изучена. В этом смысле показательны разделы о торговле в таком новейшем, обобщающем труде, как «Очерки истории СССР», вышедшем в 1953 г. Автор раздела заявляет, что

---

[1] «Еще же и рукама своима делаху: оволи копытца плетуще и клобукы, и иная ручнаа дела строаща. И тако носяще в град продаати, и темь жито купяху, и се разделяху, да кождо в нощи свою часть измилаще на устроение хлебовь» («Печерский патерик», стр. 26).

[2] Новгород. лет., стр. 160.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронщиков, шорников и пр.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити»)[1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено[2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники[3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

трупов: «нельзя было дойти до торга через город или по валу»[1].

Розничная торговля в нашем смысле слова на древнерусском рынке очень слабо развита. На рынке кадями покупают хлеб и крупу, бочками — мёд, репу — возами. Это совсем непохоже на позднейшую рыночную торговлю в русских городах XVI—XVII вв. с их скамьями, полками и шалашами, где торговали хлебом, квасом, пирогами и пр. Так, наблюдение над новгородскими записями приводит к выводу о большом различии между торговлей городов на Руси XI—XIII столетий и городской торговлей в Российском централизованном государстве.

В новгородских записях отражается ясная связь городского рынка с окружающими деревнями. Голод в городе обычно связывается с неурожаем в области. Зависимость даже такого торгового города, как Новгород, от ближайшей сельскохозяйственной округи ярко выступает в рассказе о голоде 1215 г. Мороз уничтожил урожай по волости (понимается новгородской), а в районе Торжка хлеб остался целым, но князь задержал в Торжке возы с хлебом, и от этого в Новгороде наступил голод[2].

Предметом межобластной торговли была соль. В Киев её привозили из Галича и Перемышля «гости». Продажей соли занимались местные киевские торговцы, взвинчивающие на неё цены во время княжеских междоусобий, когда подвоз соли из Галицкой Руси прекращался[3].

В город поступали и некоторые продукты деревенского ремесла, как это мы видели из рассказа о жителе пригородного новгородского села Пидьбы, который собирался везти горшки в город на продажу[4].

В Новгороде, судя по летописи и по позднейшим писцовым книгам XVI в., существовал только один городской торг, территория которого доходила до Волхова. В других больших древнерусских городах торговище также являлось основным местом торговли (например, во Владимире Залесском). Про мелкие города не прихо-

---

[1] Новгород. лет., стр. 30.

[2] «Поби мраз обилье по волости, а на Торожку все чело бысть. И зая князь вьршь на Торожку, не пусти в город ни воза» (Новгород. лет., стр. 54).

[3] «Печерский патерик», стр. 108.

[4] Новгород. лет., стр. 160.

дится и говорить. Даже в начале XX в. в них, как правило, имелась одна торговая площадь, вокруг которой сосредоточивались лавки. Но торговища были даже в таких маленьких городках, как Здвиждень в Киевской земле. Исключением был Киев X—XII вв. с его громадным населением и обширной площадью. Если даже считать известие Титмара Мерзебургского о существовании в нём нескольких рынков явным преувеличением, то наличие в Киеве по крайней мере двух торжков засвидетельствовано летописью. Главный торг помещался на Подоле, а на Горе был Бабин торжок. Это второе, чисто простонародное название, возможно, таит в себе характеристику торговли на Бабином торжке как второстепенном киевском рынке.

Ограниченность связей городского рынка с деревенской округой подчёркивается статьёй Русской Правды о «своде» — порядке поисков краденой вещи. Надо было привести свидетеля или мытника (княжеское должностное лицо при рынке) в доказательство того, что краденая вещь принадлежит истцу. Но «свод» кончался за пределами города или его ближайшего округа [1].

Письменные источники довольно ясно позволяют проследить непосредственную связь городского рынка с деревней. Гораздо труднее сделать обратное: показать зависимость деревни от городского ремесла и торговли. А между тем без этого само существование городских посадов, населённых ремесленниками и торговцами, будет недостаточно объяснено. К счастью, эту задачу, непосильную для историка, использующего в основном письменные материалы, выполнил на основании археологических данных Б. А. Рыбаков. По его исследованию, запросы деревни в железных предметах удовлетворялись деревенскими и городскими кузницами. Район деятельности таких кузниц охватывал 10—30 *км* в поперечнике. «Вещи, литые в одной литейной форме (сделанные одним мастером), и расходились в таком ограниченном районе, кстати сказать, совпадающем по величине с районом, обслуживаемым одной кузницей» [2].

---

[1] «А из своего города в чюжю землю свода нетуть» («Правда Русская», т. I, стр. 108).

[2] *Б. А. Рыбаков,* Торговля и торговые пути («История культуры Древней Руси», т. I, стр. 351).

ников в русских городах XI—XIII вв. Производство пищевых припасов занимало, повидимому, очень ограниченное место в городском хозяйстве на Руси этого времени. Продукты покупались на рынке почти без участия посредников, да и то только в больших городах. Летописец, рассказывая о щедрости Владимира Святославича, рисует картину раздачи продовольствия больным и нищим: «На воза укладывали хлеб, мясо, рыбу, различные овощи, мёд и квас в бочёнках, и возили по городу». На княжеских пирах подавалось много мяса домашних животных и зверей, «бяше по изобилью от всего» [1]. Тут нет и намёка на покупку пищевых припасов: их доставляют из княжеских вотчин.

Хозяйство горожан было ещё сильно связано с земледелием и животноводством. Нивы и огороды, пригородные луга по долинам рек и низинам играли большую роль в городском хозяйстве. Поэтому так относительно часты указания на «болонья» — низменные или прибрежные места, служившие выгоном для городского стада. Натуральное хозяйство ещё довлело над городом.

3. Работа на заказ и товарное производство

Ремесленные мастерские Древней Руси неоднократно описывались на основании археологических исследований. Но эти исследования вскрывают перед нами в основном производственные процессы, условия жизни ремесленников и только косвенно помогают восстановить картину взаимоотношений ремесленников с их заказчиками и рынком.

Существование ряда литейных форм, употреблявшихся для выпуска ремесленных изделий одного и того же типа, привело некоторых исследователей к предположению о работе этих мастерских на рыночный сбыт. Так, А. С. Гущин отмечает существование в Киеве ремесленной мастерской, изготовлявшей «более дешёвый и ходовой товар, подражающий по формам наиболее распространённым украшениям господствующего класса» [2].

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 86.

[2] *А. С. Гущин,* Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв., стр. 26.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ников в русских городах XI—XIII вв. Производство пищевых припасов занимало, повидимому, очень ограниченное место в городском хозяйстве на Руси этого времени. Продукты покупались на рынке почти без участия посредников, да и то только в больших городах. Летописец, рассказывая о щедрости Владимира Святославича, рисует картину раздачи продовольствия больным и нищим: «На воза укладывали хлеб, мясо, рыбу, различные овощи, мёд и квас в бочёнках, и возили по городу». На княжеских пирах подавалось много мяса домашних животных и зверей, «бяше по изобилью от всего» [1]. Тут нет и намёка на покупку пищевых припасов: их доставляют из княжеских вотчин.

Хозяйство горожан было ещё сильно связано с земледелием и животноводством. Нивы и огороды, пригородные луга по долинам рек и низинам играли большую роль в городском хозяйстве. Поэтому так относительно часты указания на «болонья» — низменные или прибрежные места, служившие выгоном для городского стада. Натуральное хозяйство ещё довлело над городом.

3. Работа на заказ и товарное производство

Ремесленные мастерские Древней Руси неоднократно описывались на основании археологических исследований. Но эти исследования вскрывают перед нами в основном производственные процессы, условия жизни ремесленников и только косвенно помогают восстановить картину взаимоотношений ремесленников с их заказчиками и рынком.

Существование ряда литейных форм, употреблявшихся для выпуска ремесленных изделий одного и того же типа, привело некоторых исследователей к предположению о работе этих мастерских на рыночный сбыт. Так, А. С. Гущин отмечает существование в Киеве ремесленной мастерской, изготовлявшей «более дешёвый и ходовой товар, подражающий по формам наиболее распространённым украшениям господствующего класса» [2].

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 86.

[2] *А. С. Гущин*, Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв., стр. 26.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

товар или наторгует, то это остаётся ему» [1]. Здесь понятие «срезить», т. е. получить проценты на данные взаймы товар или деньги, идёт наравне с чисто торговыми операциями — куплей и продажей. Подобная статья могла возникнуть только в городском обществе, к тому же в обществе, связанном с торговлей и кредитом, другими словами — среди купцов и связанных с ними слоёв населения. Намёк на то, как распространены были письменные акты среди новгородцев, показывает существование известной рядной Тешаты второй половины XIII в., случайно сохранившейся в рижском архиве. Нельзя думать, что эта рядная была единственным документом, который составил «Довмонтов писец», и была якобы документом исключительного характера. Но она одна сохранилась из числа подобных же актов, составлявшихся в древнерусских городах.

Рядная Тешаты вводит нас в характер купеческих сделок Древней Руси. Правда, сам названный документ по времени выходит за хронологические рамки, поставленные нами для этой работы, так как он, вероятнее всего, возник между 1266 и 1299 гг., но изображённые в нём отношения сторон, конечно, возникли не сразу. Краткость этого документа позволяет его процитировать целиком (без подписей послухов): «Се порядися Тешата с Якымом про складьство, про первое и про задьнее, и на девце. Якым серебро взял, а мониста Тешатина у Якымовы жены свободна Тешяте взяти, и рощет учинила промежи себе. И боле не надобе Якыму Тешята, ни Тешяте Якым» [2].

Кажется, настоящим ключом к объяснению документа служит слово «складьство». И. И. Срезневский переводит слово «съкладьство» как соглашение, «брачное соглашение». У него находим в приложении другое близкое слово — «съкладание», что значит складчина: «о томь еже не творити съкладаниемь пиров» [3]. «Складьство» и «складание» стоят в определённой связи друг с другом,

---

[1] «Правда Русская», т. I, стр. 446, ст. 99.

[2] «Русско-ливонские акты», СПБ 1868, стр. 15, № XXVII. Издатели колеблются в датировке этого документа; связывая «Довмонтова писца» рядной с князем Довмонтом, княжившим в Пскове в 1266—1299 гг., издатели отмечают, что акт найден в рижском архиве среди полоцких материалов.

[3] *И. И. Срезневский*, Материалы, т. III, вып. 2, стб. 717; там же, вып. 3, дополнения, стб. 254.

но не однозначны, так как переднее и заднее складьство, конечно, не складчина для пира. Г. Е. Кочин оставляет «складство» без перевода, но так объясняет слово складник: «складник — соучастник одного предприятия; складничество наблюдается и в торговле и в сельском хозяйстве»[1]. Последнее объяснение очень близко подходит к значению термина «складьство» в рядной Тешаты. Складьство — это товарищество, чаще всего торговое, равнозначащее понятию «братчины». Так это понимал и М. Н. Сперанский, которому принадлежит честь объяснения так называемого «Корсунского» чуда Козьмы и Дамиана.

В этом памятнике, русское происхождение которого обстоятельно доказано названным учёным, рассказывается, что в граде Корсуни была у одного «человека обчина гостинная» (по другому списку — «складба гостинная»). К нему собрались многие люди и пили в течение семи дней, а на восьмой день питья не хватило. После чтения священником тропаря Козьме и Демьяну вода в сосуде превратилась в сладкий мёд. Сперанский убедительно доказывает, что две редакции памятника, известные в настоящее время, возникли самостоятельно и восходят к общему источнику. Время возникновения рассказа тот же исследователь осторожно определяет словами: «едва ли моложе XIV века». Сперанского смущало только «корсунское» происхождение рассказа, которое он объяснял двояко: или приурочиванием местной северной русской легенды к Корсуню (Херсонесу), или обработкой греческой легенды на русской почве.

Зоркий глаз исследователя заставил М. Н. Сперанского увидеть в обработке рассказа о чуде северное, новгородское происхождение, но нельзя настаивать на том, что первоначальный текст возник обязательно в Новгороде и притом только в XIV в. Не надо забывать о существовании в Киевской Руси других памятников, связанных с Корсунью, что позволяет связать «корсунское» чудо с более ранним временем, чем XIV в., и не с Новгородом, а с Южной Русью.

М. Н. Сперанский отожествляет «складьбу гостинную» с братчиной. Так понимал текст уже переписчик XVII в.,

---

[1] *Г. Е. Кочин,* Материалы для терминологического словаря Древней России, М. — Л. 1937, стр. 326.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

Под досками в летописи понимается заёмный документ, характер которого, однако, не объяснён в достаточной мере. Были попытки признать доски своего рода бирками с нарезными на них знаками, но этому противоречит свидетельство Троицкого академического списка XV в., основанного на древнем новгородском тексте, где читаем: «а что ся на дьсках остало в писме, а то все князю»[1]. Итак, доски были письменным документом. В Чехии досками (dsky) назывались долговые книги в переплёте из деревянных досок, покрытых кожей. Может быть, это даёт объяснение и для русского термина «доски». Они хранились, как и чешские книги, у должностных лиц, в данном случае у посадника, а потом были переданы князю именно как официальные документы. Характер их, как заёмных документов, выясняется из Псковской судной грамоты, хотя её постановления и относятся к XIV—XV столетиям. По доскам требовали возвращения товара, отданного на хранение или в заклад. В другом случае доски также связываются с закладом: «у кого заклад положен, не будет доски на заклад, ино его в том не повинити». По доскам взыскивалась и денежная ссуда без заклада. По Псковской судной грамоте доски отличались от «рядницы» — другого письменного документа большей достоверности. Это признак того, что доски были несовершенным письменным документом, уходившим в XIV—XV вв. уже в прошлое[2].

Открытие берестяных грамот и надписей на деревянных предметах в Новгороде позволяет предполагать, что доски были письменными документами, действительно составленными для прочности на досках. Во всяком случае открытие берестяных грамот решительно опровергает взгляды на Древнюю Русь как страну, не имевшую своей письменности.

Торговые обороты в Древней Руси были связаны с отдачей товаров не только в заклад, но и на хранение. Статья Пространной Русской Правды о поклаже устанавливала в случае споров право того, «у кого то лежал товар», доказывать свою правоту присягой. Это мотивировалось тем, что хранитель товара делал владельцу

---

[1] Лаврент. лет., стр. 466.

[2] «Псковская судная грамота», СПБ 1914, стр. 5, 7, 8, 9, 15. На это указывает и постановление грамоты: «А закладных доск не посужати». Эти документы, значит, уже подвергались оспариванию.

товара одолжение. При отдаче товара на хранение не требовалось даже иметь свидетелей [1].

Хранение товаров или денег нередко обозначалось специальным термином «соблюдение» (сблюдение).

В Печерском патерике находим интересный рассказ о двух друзьях, Иоанне и Сергии. Это были «два мужа некие от великих града того» (Киева). Они вступили в «духовное братство» друг с другом. Иоанн умер и оставил на попечение, «на соблюдение» Сергия своего пятилетнего сына Захария. Когда Захарий достиг 15 лет, он начал требовать от опекуна свою долю. Опекун должен был прийти в церковь и принести присягу перед иконой, «что не взял ни 1000 гривен серебра, ни 100 гривен золота» [2].

Подобный случай имеет в виду и Русская Правда. Если купец получил деньги на торговлю, то он, в случае нежелания их отдать, мог отделаться присягой, что денег не получал [3].

Нечего и говорить, что такие патриархальные обычаи создавали почву для всякого рода злоупотреблений. Поэтому так нередки сообщения наших источников о хранении денег в запечатанных кубышках, зарытых в землю. Кредит был связан с большим риском для отдающих деньги в рост или для торговли. Отсюда и те высокие проценты, которые средневековье знает при отдаче денег в кредит, нередко совпадающий с понятием ростовщичества.

6. Средневековая организация ремесла и торговли

Ремесленное производство в городах Древней Руси носило типично средневековый характер с регламентацией производства ремесленных изделий и продажи их на торгу.

В городах Древней Руси наблюдается довольно чёткое деление ремесленников на мастеров и учеников в том особом понятии этого слова, которое свойственно средневековью. Существование ученичества на Руси засвидетельствовано Псковской судной грамотой, памятником

---

[1] «Правда Русская», т. I, стр. 109.
[2] «Печерский патерик», стр. 9—10.
[3] «Правда Русская», т. I, стр. 109.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити»)[1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено[2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники[3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

в древности. Вместо него, может быть, употреблялось другое равнозначащее понятие. В рассказе о построении города Холма в середине XIII в. говорится, что в него бежали от татар «уноты и мастера всяции». Слово «унота» (юнота) обозначало юношу, но в данном случае, повидимому, имело другое специфическое значение — ученика или подмастерья, потому что далее разъясняются те ремесленные специальности, которыми обладали бежавшие в Холм юноты и мастера (седельники, тульники и пр.).

Как известно, мастера средневековья ставили на своих изделиях клейма, имевшие значение промышленной метки, предохраняющей от подлогов. Подобные же метки вовсе не редкость на русских предметах. На шиферных пряслицах киевского времени встречаются надписи. В Новгороде найдено пряслице с надписью «Мартин», в Киеве — «Мотворин пряслен». Археологи считают, что эти надписи сделаны владельцами пряслиц, но подобные надписи могут обозначать и мастеров. На глиняных сосудах, несомненно, имеются клейма мастеров. Клейма мастеров в виде подписей помещены на известных серебряных кратирах Софийского собора в Новгороде: на одном — «Коста делал», на другом — «Братило делал».

Б. А. Рыбаков делает предположение: «не являлись ли оба сосуда (или, по крайней мере, более поздний сосуд Косты) «урочным изделием», изготовленным на получение звания мастера»[1].

Ремесло и торговля обставлены были в Древней Руси, как и в других странах, рядом ограничительных условий. «Торговые мерила» находились под непосредственным наблюдением князей и епископов. Высшее духовенство добивалось монопольного права контролировать торговые меры как якобы бесспорного права епископов: «от бога так искони уставлено епископу блюсти их без порчи, ни умалить, ни умножить, за все то отдать ему отчет в день суда великого, как о душах человеческих», — читаем в одной редакции устава Владимира Святославича[2]

---

[1] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 299.
[2] «Памятники русского права», вып. 1, стр. 242.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

городах XVI в. ремесленники, производившие пищевые продукты для продажи на рынке, по численности мало уступали ремесленникам других специальностей. В Серпухове, Коломне и Можайске конца XVI в. более 22% всех ремесленников было занято приготовлением продуктов питания. Это были хлебники, мясники, пирожники, квасники и пр.[1] То же мы видим и в других русских городах того же столетия. Московский рынок XVII столетия был заполнен полками и скамьями колачников, яблочников и пивоваров.

Так было не только в русских городах. Объединение мясников считалось крупнейшим из парижских цехов средневекового времени. Наряду с ним существовали объединения хлебников и пр. Естественно поэтому предполагать существование подобных же ремесленных профессий и в городах Древней Руси.

К сожалению, наши письменные свидетельства почти не дают сведений о существовании таких ремесленных занятий в XI—XIII вв. Только позднее летописное известие 1485 г. показывает, что в это время мясники в Пскове составляли корпорацию, обладавшую общей кассой; мясники платили мастерам за постройку нового моста через реку Пскову[2]. Возможно, мясники были известны в Древней Руси под другим названием — прасолов. В русском языке (см. словарь В. Даля) под этим именем были известны скупщики мяса и рыбы для розничной, мелочной продажи, в более широком смысле — перекупщики товаров. В древнерусских памятниках это слово также обозначало продавца, а глагол «прасолити» был равнозначен понятию барышничать, торговать. «Если кто продает челядина, — читаем в древнем памятнике, — то столько же ему взять, сколько за него дал; если же больше, то окажется он берущим лишнее и торгующим («прасоля») живыми душами»[3].

Слабым указанием на то, что на рынках Древней Руси продавался готовый хлеб, следовательно, существо-

---

[1] *Н. Д. Чечулин,* Города Московского государства в XVI веке, СПБ 1889, стр. 197.

[2] «Псковичи поставиша новый мост черезо Пскову а даша мастером 60 рублей; а платиша то серебро мясники» (ПСРЛ, т. V, СПБ 1851, стр. 43).

[3] *И. И. Срезневский,* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, СПБ 1876, стр. 332.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронщиков, шорников и пр.

стоит и теперь, и никто не сомневается в том, что она является постройкой XII столетия.

А. А. Зимин замечает далее, что Всеволод говорит о себе «владычествующи ми всею Рускою землею», но никогда не был киевским князем. Но Всеволод сидел в Переяславле Южном, куда его посадил дядя Ярополк после смерти его отца Мстислава («приведе Всеволода Мьстиславича из Новагорода»)[1]. Слова о владычестве над Русскою землёю хорошо характеризуют претензии Всеволода, который, подобно своему отцу Мстиславу, хотел «держать» Русскую землю, т. е. Киевское и Переяславское княжения.

А. А. Зимин считает анахронизмом указание на собор Спаса в Торжке, который был будто бы построен только в 1364 г. Но в летописи под этим годом идёт речь о построении каменного собора в Торжке. Раньше в нём должен был существовать деревянный собор, как во всяком значительном городе. О соборе Спаса в Торжке к тому же говорится в одном летописном отрывке под 1329 г., причём упоминается о «притворянах» св. Спаса, которые хранили у себя реликвию, принесённую из Иерусалима[2].

В таком же духе составлен и дальнейший комментарий к тексту Рукописания, изобилующий категорическими суждениями, порой стоящими в резком противоречии с историческими свидетельствами. Так, совершенно непонятно, как Петрятино дворище в комментарии А. А. Зимина связывается с католической церковью св. Петра, находившейся совершенно в стороне от церкви Ивана на Опоках, и пр.

Основная ошибка А. А. Зимина, заслуга которого заключается в том, что он впервые обратил внимание на ряд списков устава, заключается в том, что он не дал анализа Рукописания Всеволода в целом, а обратил внимание только на анахронизмы в его тексте. Но уже существование двух редакций Рукописания показывает, что текст этого документа перерабатывался, в него вносились изменения и дополнения. Такой же переработке подвергались и тексты Русской Правды, но разве это обозначает, что текст Правды был подделан в позднейшее время.

---

[1] Ипат. лет., стр. 212.

[2] *В. Миллер,* Очерки русской народной словесности, т. II, М. 1910, стр. 243.

Перенося составление устава Иванского ста в XIV столетие, А. А. Зимин не обратил внимания даже на то, что торговый суд «на дворе святого Ивана перед посадником, тысяцким и купцами» существовал уже в 1269 г.[1], следовательно, задолго до XIV в. и предполагаемого построения церкви в 1364 г. Не обратил А. А. Зимин внимания и на то, что текст устава стоит в ближайшей связи с уставом того же Всеволода о торговых судах, что само появление Рукописания необъяснимо в XIV столетии и прекрасно объясняется событиями начала XII в. Да и сами анахронизмы, указанные А. А. Зиминым, ещё требуют проверки, были ли они действительно анахронизмами («мордки», тверской гость и пр.) или только такими представляются по недостаточному количеству источников. Отдельные подновления устава, таким образом, не мешают нам видеть в нём подлинный документ начала XII в.

В руках Иванского ста находился так называемый Иванский вес, т. е. монопольное право вешать воск и собирать соответствующую пошлину с местных и приезжих купцов, торговавших этим товаром. Размер и значение торговли воском измеряется тем, что в числе «гостей»-вощников названы купцы полоцкие, смоленские, новоторжские и низовские, т. е. суздальские. Но компетенция Иванского ста с самого начала приняла более широкие размеры, чем собирание пошлин за взвешивание воска.

Из устава Всеволода о церковных судах можно заключить, что Иванское сто совместно с новгородским епископом держало в своём ведении «мерила торговаа, скалвы вощеныи, пуд медовой, и гривенку рублевую, и локоть еваньскый». Устав всюду говорит о совместном заведовании торговыми мерилами как владыки, так и иванских старост, что, судя по всему, являлось новшеством XII в., так как понадобилась ссылка на церковный устав Владимира: «от бога тако установлено есть, епископу блюсти без пакости, ни умаливати, ни умноживати, а на всякий год извешивати».

Во главе Иванского ста стояли старосты. В дошедших до нас списках устава церкви Ивана Предтечи на Опоках имеется неясная фраза, не дающая возможности

---

[1] «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», М. — Л. 1949, стр. 60 (в дальнейшем — «Грамоты Великого Новгорода»).

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити»)[1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено[2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники[3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

вощники выполняли и некоторые общественные функции. Так, они мостили на свой счёт часть новгородской территории, прилегавшей к двору Ивана Предтечи («тысячкому до вощник, от вощник посаднику до Великого ряду»). В целом перед нами очень яркая картина средневекового купеческого объединения.

Иванское сто носило характер замкнутой купеческой корпорации. «А кто хочет в купечество вложиться в Иванское, даст купцем пошлым вкладу пятьдесят гривен серебра, а тысяцкому сукно ипьское, ино купцам положить в святый Иван полътретьядцать гривен серебра; а не вложится кто в купечество, не даст пятьдесят гривен серебра, ино то не пошлый купець, а пошлым купцем ити им отчиною и вкладом». Это место устава вызывает невольный вопрос, куда же шли 25 (полътретьядцать) гривен серебра, которые не оставались в доме св. Ивана. Повидимому, они составляли особый фонд купеческого объединения, шедший на содержание патрональной церкви и на прочие расходы. Высокая сумма вклада объясняется тем, что вкладчик делался наследственным — «пошлым купцом», т. е. получал привилегии не только для себя, но и для потомства.

Нельзя не отметить, что устав купеческого объединения при церкви Ивана Предтечи на Опоках в Новгороде является одним из древнейших уставов средневековых гильдий на севере Европы. В этом смысле интересно привести справку, основанную на работе Дорена о времени возникновения купеческих гильдий в средние века [1]. В поле внимания Дорена были города Северной Франции (С. Омер, Валансьен, Париж, Руан) и Германии (Кёльн, Дортмунд, Гослар, Штендаль, Геттинген, Кассель). В основном статуты купеческих гильдий в этих городах возникли в XI—XII вв., причём больше в последнем, чем в первом столетии. Наиболее раннее развитие гильдий встречаем во Фландрии: так, в С. Омере гильдейский статут возник между 1083—1097 гг., а в Валансьене — в 1067 г. В немецких городах гильдейские статуты возникали значительно позже, например в Госларе только в 1200 г. Таким образом, древнерусский гильдейский статут появился не позже статутов соседних немецких

---

[1] *A. Doren,* Untersuchungen zur Geschichte der Kaufmannsgilden des Mittelalters, Leipzig 1893.

городов, а по отношению к некоторым из последних значительно раньше. Этот факт является довольно яркой иллюстрацией к мысли о том, что крупные города на Руси IX—XIII вв. не уступали своим немецким соседям в политическом и в культурном развитии, равняясь скорее не по ним, а по городам Фландрии.

Иванское сто с начала своего возникновения было типичной купеческой гильдией в том её определении, какое даёт Дорен: «Купеческие гильдии — это все те прочные товарищеские организации, в которых купцы объединяются прежде всего для охраны своих особых купеческих целей; в них цель объединения заключается в товарищеском регулировании и поощрении торговли, а не в собственно товарищеско-капиталистических оборотах и процентном участии отдельных членов в общей прибыли; единичное лицо остаётся самостоятельным купцом и ведёт, как и раньше, дела на собственный счёт»[1]. Тот же Дорен отмечает, что распространение купеческих гильдий в указанном смысле слова ограничивается только Северной Германией (Niederdeutschland), Северной Францией, Англией и Шотландией, тогда как северные, датские и норвежские гильдии являются «защитными» (Schutzgilden), без собственно специфических купеческих целей.

Иванское сто в основном было самым мощным объединением среди новгородских купцов, но уместно поставить вопрос, существовали ли какие-либо иные купеческие объединения в том же Новгороде. Летописи дают прямые указания на существование других подобных же объединений. В 1156 г. «заморские купцы» построили церковь Пятницы на торгу; вторично о создании этой церкви заморскими купцами говорится в 1207 г.[2] В сильно испорченном виде эта церковь после несколь-

---

[1] ««Kaufmannsgilden» sind alle diejenigen dauernden genossenschaftlichen Organisationen, in denen sich Kaufleute zunächst zum Schutze ihrer speciell kaufmännischen Zwecke zusammenfinden, in denen eine genossenschaftliche Regelung und Förderung des Handels, nicht aber ein eigentlich genossenschaftlich-kapitalistischer Betrieb und prozentualer Anteil der einzelnen Mitglieder am gemeinsamen Gewinn der Zweck der Vereinigung ist; der Einzelne bleibt als Kaufmann selbständig und betreibt nach wie vor sein Geschäft auf eigene Rechnung» (*A. Doren*, op. cit., S. 44).

[2] Новгород. лет., стр. 30, 50. Надо думать, что постройка 1156 г. была непрочной и рухнула в 1191 г. Церковь Пятницы, судя по тексту летописи, была деревянной, так как она упоминается после церквей, о которых говорится, как о деревянных («срубища»).

ких реставраций стоит до сих пор в Новгороде. В заморских купцах естественно видеть объединение новгородских купцов, ездивших и торговавших за морем, предполагать же в заморских купцах летописного известия немцев или других иноземцев совершенно невозможно, так как церковь Пятницы стоит на торгу, рядом с Николо-Дворищенским собором, поблизости от вечевой площади, иными словами, в центре административной и политической жизни Великого Новгорода.

Возможное указание на объединение купцов, торговавших с определённым городом, я видел в летописном известии 1165 г.: «Поставиша церковь святыя Троиця Щетиници» (вариант «Щетиници») [1]. Гедеонов также видел в «щетиницах» купцов, торговавших со славянским Щетином (Штетином). Но теперь эта догадка не представляется мне достаточно убедительной, так как она основана только на созвучии двух слов.

К тому же текст Синодального пергаменного списка в данном месте сильно испорчен, а варианты из других позднейших списков не позволяют исправить испорченный текст Синодального списка [2].

Новгородские купцы, торговавшие за границей, естественно, нуждались в объединениях, и, действительно, существование объединений новгородских купцов, торговавших с другими русскими княжествами и чужеземными странами, доказывается известиями о церквах, принадлежавших новгородцам в некоторых русских и иностранных городах. Подобная церковь должна была являться не столько местом для богомолья приезжавших купцов, сколько складочным местом, своего рода гостиным двором. Поэтому должность «сторожа», скромная по современным понятиям, имела столь крупное значение в Иванском сте, что упоминается в его уставе. Всеволод предлагает иванским старостам заботиться («призирати») наравне с церковным причтом о сторожах при церкви Ивана Предтечи на Опоках.

Мы вправе говорить о существовании новгородских гостиных дворов, аналогичных по назначению Готскому

---

[1] Новгородская летопись по Синодальному Харатейному списку, СПБ 1888, стр. 146; Новгородские летописи, изд. Археографической комиссии, СПБ 1879, указатель, стр. 54 (Щитная улица).

[2] См. *М. Н. Тихомиров,* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв., Госполитиздат, 1955, стр. 258—259.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

у вас в Великом Новегороде, и то вашим церквам у нас по нашим городам не быти же». Старосты и «все гости новогородские» выхлопотали немцам право поставить «ропату» [1].

Рассказанное предание дошло до нас в поздней обработке, едва ли более ранней, чем XVI в., но основа его древняя и покоится не только на устной легенде, но и на письменном источнике. В Новгороде были известны два посадника с именем Добрыни: первый — дядя Владимира Святославича — явно не подходит к нашему рассказу; другой Добрыня умер в 1117 г. [2] Это сказание может иметь в виду только второго Добрыню и рассказывает эпизод начала XII в. Самое, пожалуй, характерное во всём рассказе, — это боязнь новгородцев потерять свои церкви-дворы в чужеземных городах.

Распорядок жизни в русских дворах за границей нам не известен, но в основном он должен был напоминать порядки Готского или Немецкого двора в самом Новгороде. В договоре Смоленска с немцами 1229 г. действительно находим указание на существование старост в русских заграничных дворах [3].

О существовании купеческих объединений в других русских городах, помимо Новгорода, сказать значительно труднее, хотя в крупных городах, подобных Киеву и Полоцку, их существование не только вероятно, но почти обязательно. Однако историк не может ограничиться только предположениями, а вынужден привести хотя бы некоторые доказательства в защиту своей точки зрения, как бы эти доказательства ни были разрозненны и трудны для того, чтобы сделать по ним выводы.

Некоторые намёки на существование купеческих объединений в Киеве находим в известиях о купцах «гречниках». Летописные сообщения о «гречниках» не остав-

---

[1] *Н. М. Карамзин,* История государства Российского, т. III, СПБ 1892, стр. 191, примечание 244; «Памятники старинной русской литературы», изд. Кушелевым-Безбородко, вып. 1, СПБ 1860, стр. 251—253.

[2] Новгород. лет., стр. 20.

[3] «Русину же нельзя приставити детского (дружинника) на немчича в Смоленьске, но прежде известив ему старейшему; оже старейший его не уговорит, то может ему детского приставить. Также и немчичю в Риге и на Готском береге, нелзя ему на русина приставити детского» («Русско-ливонские акты», стр. 435; взят наиболее исправный вариант).

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

Ольга, когда прибыла в Царьград и осталась недовольной долгим стоянием вне города [1].

Отсутствие упоминаний о церкви св. Мамы у русских паломников, возможно, объясняется тем, что они останавливались в самом городе. Сама резиденция русских в Константинополе переместилась из неукреплённых окрестностей внутрь города в XI—XIII вв. Когда произошла эта перемена, точно неизвестно, но что она произошла, в этом нет никаких сомнений. Вероятно, перемещение русской колонии было связано с крещением Руси и договором Владимира с византийскими императорами, когда из враждебного народа русские сделались союзниками Византии.

О местоположении русского квартала в Константинополе можно судить по рассказу новгородского архиепископа Антония, посетившего византийскую столицу около 1200 г., несколько ранее или позже, во всяком случае до взятия города крестоносцами. В списке Антониева хождения, изданном Савваитовым, читаем: «а оттоле на уболе святаго Георгия святый Леонтей поп русин лежит в теле, велик человек; той бо Леонтий 3-жды во Иеросалим пешь ходил... Конец же Рускаго убола церковь 40 мученик» [2]. В другом списке после слов о церкви святого Платона добавлено: «и ту мощи его, и святый Иоанн Милостивый, и Борис ту в теле лежит».

Слово «убол» является испорченным греческим embolos. Антоний не случайно оставил это слово без перевода, так как «убол» обозначал не просто русскую улицу, а особый тип городской улицы в Константинополе. Исследователь левантской торговли Гейд следующим образом характеризует византийские кварталы: «В Константинополе византийского времени многие улицы, особенно в наиболее оживлённых частях города, были снабжены аркадами, так что по обеим их сторонам прохожие имели кров для защиты от дождя и солнечных лучей. Непосредственно к аркадам примыкали дома. Такие улицы с аркадами назывались емболос. Так как они особенно

---

[1] «Известия Русского археологического института в Константинополе», т. III, вып. 1—2, София 1909, стр. 261—316.

[2] *П. Савваитов*, Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия, СПБ 1872, стр. 152—154; поправка по списку А. И. Яцимирского («Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. IV, кн. 1, СПБ 1899, стр. 223—264).

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ников в русских городах XI—XIII вв. Производство пищевых припасов занимало, повидимому, очень ограниченное место в городском хозяйстве на Руси этого времени. Продукты покупались на рынке почти без участия посредников, да и то только в больших городах. Летописец, рассказывая о щедрости Владимира Святославича, рисует картину раздачи продовольствия больным и нищим: «На воза укладывали хлеб, мясо, рыбу, различные овощи, мёд и квас в бочёнках, и возили по городу». На княжеских пирах подавалось много мяса домашних животных и зверей, «бяше по изобилью от всего»[1]. Тут нет и намёка на покупку пищевых припасов: их доставляют из княжеских вотчин.

Хозяйство горожан было ещё сильно связано с земледелием и животноводством. Нивы и огороды, пригородные луга по долинам рек и низинам играли большую роль в городском хозяйстве. Поэтому так относительно часты указания на «болонья» — низменные или прибрежные места, служившие выгоном для городского стада. Натуральное хозяйство ещё довлело над городом.

3. Работа на заказ и товарное производство

Ремесленные мастерские Древней Руси неоднократно описывались на основании археологических исследований. Но эти исследования вскрывают перед нами в основном производственные процессы, условия жизни ремесленников и только косвенно помогают восстановить картину взаимоотношений ремесленников с их заказчиками и рынком.

Существование ряда литейных форм, употреблявшихся для выпуска ремесленных изделий одного и того же типа, привело некоторых исследователей к предположению о работе этих мастерских на рыночный сбыт. Так, А. С. Гущин отмечает существование в Киеве ремесленной мастерской, изготовлявшей «более дешёвый и ходовой товар, подражающий по формам наиболее распространённым украшениям господствующего класса»[2].

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 86.

[2] *А. С. Гущин,* Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв., стр. 26.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.
[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.
[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

узы общей собственности на определённую специальность; необходимость в общих зданиях для продажи своих товаров — ремесленники были в ту пору одновременно и торговцами — и связанное с этим недопущение в эти здания посторонних; противоположность интересов отдельных ремёсел между собой; необходимость охраны с таким трудом усвоенного ремесла; феодальная организация всей страны — таковы были причины объединения работников каждого отдельного ремесла в цехи». Таким образом, Маркс и Энгельс указывают ряд общих причин возникновения средневековых ремесленных организаций, связывая их с феодальной структурой всей страны. Они отмечают, что «феодальной структуре землевладения соответствовала в *городах* корпоративная собственность, феодальная организация ремесла»[1]. Как видим, феодальная организация ремесла в городе вытекает из природы феодализма. Город без этого является каким-то иным, не феодальным городом.

Вопрос о существовании ремесленных организаций на Руси рассматривался уже в нашей исторической литературе. Так, в 1945 г. этому была посвящена моя статья[2], в 1948 г. вышла книга Б. А. Рыбакова о ремесле в Древней Руси, где организациям городских ремесленников в XIV—XV вв. отведена особая глава.

Ясные черты ремесленных объединений проступают, действительно, в источниках XIV—XV вв., но зачатки их можно и должно отнести к более раннему времени, к XI—XIII вв. Доказательству этого положения и отведён данный раздел моей книги.

Одной из предпосылок к возникновению ремесленных объединений была концентрация ремесленников в определённых городских кварталах, получавших соответственные прозвания. Действительно, урочища «Гончары», «Кожемяки» и «Кузнецы» встречаем в ряде древнерусских городов. Гончарский конец составлял значительную часть Новгорода и получил своё название, несомненно, от постоянных поселений гончаров. Подобное же урочище существовало в Киеве и было расположено под горой, в районе Подола. Во Владимире известно старинное урочище Ременники, находившееся за пределами городского

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 3, издание второе, стр. 50—51, 23.

[2] *М. Н. Тихомиров*, О купеческих и ремесленных объединениях в Древней Руси («Вопросы истории» № 1, 1945 г., стр. 22—23).

вощники выполняли и некоторые общественные функции. Так, они мостили на свой счёт часть новгородской территории, прилегавшей к двору Ивана Предтечи («тысяцкому до вощник, от вощник посаднику до Великого ряду»). В целом перед нами очень яркая картина средневекового купеческого объединения.

Иванское сто носило характер замкнутой купеческой корпорации. «А кто хочет в купечество вложиться в Иванское, даст купцем пошлым вкладу пятьдесят гривен серебра, а тысяцкому сукно ипьское, ино купцам положить в святый Иван полътретьядцать гривен серебра; а не вложится кто в купечество, не даст пятьдесят гривен серебра, ино то не пошлый купець, а пошлым купцем ити им отчиною и вкладом». Это место устава вызывает невольный вопрос, куда же шли 25 (полътретьядцать) гривен серебра, которые не оставались в доме св. Ивана. Повидимому, они составляли особый фонд купеческого объединения, шедший на содержание патрональной церкви и на прочие расходы. Высокая сумма вклада объясняется тем, что вкладчик делался наследственным — «пошлым купцом», т. е. получал привилегии не только для себя, но и для потомства.

Нельзя не отметить, что устав купеческого объединения при церкви Ивана Предтечи на Опоках в Новгороде является одним из древнейших уставов средневековых гильдий на севере Европы. В этом смысле интересно привести справку, основанную на работе Дорена о времени возникновения купеческих гильдий в средние века [1]. В поле внимания Дорена были города Северной Франции (С. Омер, Валансьен, Париж, Руан) и Германии (Кёльн, Дортмунд, Гослар, Штендаль, Геттинген, Кассель). В основном статуты купеческих гильдий в этих городах возникли в XI—XII вв., причём больше в последнем, чем в первом столетии. Наиболее раннее развитие гильдий встречаем во Фландрии: так, в С. Омере гильдейский статут возник между 1083—1097 гг., а в Валансьене — в 1067 г. В немецких городах гильдейские статуты возникали значительно позже, например в Госларе только в 1200 г. Таким образом, древнерусский гильдейский статут появился не позже статутов соседних немецких

---

[1] *A. Doren,* Untersuchungen zur Geschichte der Kaufmannsgilden des Mittelalters, Leipzig 1893.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков*, Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

городах XVI в. ремесленники, производившие пищевые продукты для продажи на рынке, по численности мало уступали ремесленникам других специальностей. В Серпухове, Коломне и Можайске конца XVI в. более 22% всех ремесленников было занято приготовлением продуктов питания. Это были хлебники, мясники, пирожники, квасники и пр.[1] То же мы видим и в других русских городах того же столетия. Московский рынок XVII столетия был заполнен полками и скамьями колачников, яблочников и пивоваров.

Так было не только в русских городах. Объединение мясников считалось крупнейшим из парижских цехов средневекового времени. Наряду с ним существовали объединения хлебников и пр. Естественно поэтому предполагать существование подобных же ремесленных профессий и в городах Древней Руси.

К сожалению, наши письменные свидетельства почти не дают сведений о существовании таких ремесленных занятий в XI—XIII вв. Только позднее летописное известие 1485 г. показывает, что в это время мясники в Пскове составляли корпорацию, обладавшую общей кассой; мясники платили мастерам за постройку нового моста через реку Пскову[2]. Возможно, мясники были известны в Древней Руси под другим названием — прасолов. В русском языке (см. словарь В. Даля) под этим именем были известны скупщики мяса и рыбы для розничной, мелочной продажи, в более широком смысле — перекупщики товаров. В древнерусских памятниках это слово также обозначало продавца, а глагол «прасолити» был равнозначен понятию барышничать, торговать. «Если кто продает челядина, — читаем в древнем памятнике, — то столько же ему взять, сколько за него дал; если же больше, то окажется он берущим лишнее и торгующим («прасоля») живыми душами»[3].

Слабым указанием на то, что на рынках Древней Руси продавался готовый хлеб, следовательно, существо-

---

[1] *Н. Д. Чечулин*, Города Московского государства в XVI веке, СПБ 1889, стр. 197.

[2] «Псковичи поставиша новый мост черезо Пскову а даша мастером 60 рублей; а платиша то серебро мясники» (ПСРЛ, т. V, СПБ 1851, стр. 43).

[3] *И. И. Срезневский*, Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, СПБ 1876, стр. 332.

товара одолжение. При отдаче товара на хранение не требовалось даже иметь свидетелей [1].

Хранение товаров или денег нередко обозначалось специальным термином «соблюдение» (сблюдение).

В Печерском патерике находим интересный рассказ о двух друзьях, Иоанне и Сергии. Это были «два мужа некие от великих града того» (Киева). Они вступили в «духовное братство» друг с другом. Иоанн умер и оставил на попечение, «на соблюдение» Сергия своего пятилетнего сына Захария. Когда Захарий достиг 15 лет, он начал требовать от опекуна свою долю. Опекун должен был прийти в церковь и принести присягу перед иконой, «что не взял ни 1000 гривен серебра, ни 100 гривен золота» [2].

Подобный случай имеет в виду и Русская Правда. Если купец получил деньги на торговлю, то он, в случае нежелания их отдать, мог отделаться присягой, что денег не получал [3].

Нечего и говорить, что такие патриархальные обычаи создавали почву для всякого рода злоупотреблений. Поэтому так нередки сообщения наших источников о хранении денег в запечатанных кубышках, зарытых в землю. Кредит был связан с большим риском для отдающих деньги в рост или для торговли. Отсюда и те высокие проценты, которые средневековье знает при отдаче денег в кредит, нередко совпадающий с понятием ростовщичества.

6. Средневековая организация ремесла и торговли

Ремесленное производство в городах Древней Руси носило типично средневековый характер с регламентацией производства ремесленных изделий и продажи их на торгу.

В городах Древней Руси наблюдается довольно чёткое деление ремесленников на мастеров и учеников в том особом понятии этого слова, которое свойственно средневековью. Существование ученичества на Руси засвидетельствовано Псковской судной грамотой, памятником

---

[1] «Правда Русская», т. I, стр. 109.
[2] «Печерский патерик», стр. 9—10.
[3] «Правда Русская», т. I, стр. 109.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити»)[1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено[2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники[3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити»)[1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено[2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники[3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.
[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.
[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ГЛАВА 3

ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

1. Численность и состав городского населения

исленность населения в древнерусских городах фактически почти не поддаётся учёту, и по этому вопросу можно сделать только кое-какие приблизительные выкладки. Прежде всего очень ценны указания летописи на численность войска, выставленного тем или другим городом. Ярослав Мудрый в 1016 г. обманом перебил новгородцев: «собра вои славны тысящу, и, обольстив их, исече» [1]. Неизвестно, что надо понимать под словами «вои славны тысящу», не идёт ли речь о собирательном термине «тысяча», как об единице новгородского войска. Однако последнее толкование мало достоверно, так как слово «славны» относится к воинам («собрал воинов славных, тысячу»). Поэтому под тысячей легче понимать количество (1000 воинов). Новгородцы были далеко не все перебиты; Ярослав собрал на вече «избыток» новгородцев. В походе Ярослава на Киев приняло участие 4000 воинов; из них 3000 новгородцев и 1000 варягов.

Другое свидетельство о размерах новгородского войска относится к 1215 г. Под Торжком захвачены были «вси мужи и гостебници... а бяше всех новгородець боле 2000». После этого в Новгороде осталось мало воинов. Далее оказывается, что князь Мстислав, стоявший во главе новгородского ополчения, вёл с собою всего 500 человек, да и то с псковской помощью. Летописец противо-

---

[1] Новгород. лет., стр. 174.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ников в русских городах XI—XIII вв. Производство пищевых припасов занимало, повидимому, очень ограниченное место в городском хозяйстве на Руси этого времени. Продукты покупались на рынке почти без участия посредников, да и то только в больших городах. Летописец, рассказывая о щедрости Владимира Святославича, рисует картину раздачи продовольствия больным и нищим: «На воза укладывали хлеб, мясо, рыбу, различные овощи, мёд и квас в бочёнках, и возили по городу». На княжеских пирах подавалось много мяса домашних животных и зверей, «бяше по изобилью от всего»[1]. Тут нет и намёка на покупку пищевых припасов: их доставляют из княжеских вотчин.

Хозяйство горожан было ещё сильно связано с земледелием и животноводством. Нивы и огороды, пригородные луга по долинам рек и низинам играли большую роль в городском хозяйстве. Поэтому так относительно часты указания на «болонья» — низменные или прибрежные места, служившие выгоном для городского стада. Натуральное хозяйство ещё довлело над городом.

3. Работа на заказ и товарное производство

Ремесленные мастерские Древней Руси неоднократно описывались на основании археологических исследований. Но эти исследования вскрывают перед нами в основном производственные процессы, условия жизни ремесленников и только косвенно помогают восстановить картину взаимоотношений ремесленников с их заказчиками и рынком.

Существование ряда литейных форм, употреблявшихся для выпуска ремесленных изделий одного и того же типа, привело некоторых исследователей к предположению о работе этих мастерских на рыночный сбыт. Так, А. С. Гущин отмечает существование в Киеве ремесленной мастерской, изготовлявшей «более дешёвый и ходовой товар, подражающий по формам наиболее распространённым украшениям господствующего класса»[2].

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 86.

[2] *А. С. Гущин*, Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв., стр. 26.

товара одолжение. При отдаче товара на хранение не требовалось даже иметь свидетелей [1].

Хранение товаров или денег нередко обозначалось специальным термином «соблюдение» (сблюдение).

В Печерском патерике находим интересный рассказ о двух друзьях, Иоанне и Сергии. Это были «два мужа некие от великих града того» (Киева). Они вступили в «духовное братство» друг с другом. Иоанн умер и оставил на попечение, «на соблюдение» Сергия своего пятилетнего сына Захария. Когда Захарий достиг 15 лет, он начал требовать от опекуна свою долю. Опекун должен был прийти в церковь и принести присягу перед иконой, «что не взял ни 1000 гривен серебра, ни 100 гривен золота» [2].

Подобный случай имеет в виду и Русская Правда. Если купец получил деньги на торговлю, то он, в случае нежелания их отдать, мог отделаться присягой, что денег не получал [3].

Нечего и говорить, что такие патриархальные обычаи создавали почву для всякого рода злоупотреблений. Поэтому так нередки сообщения наших источников о хранении денег в запечатанных кубышках, зарытых в землю. Кредит был связан с большим риском для отдающих деньги в рост или для торговли. Отсюда и те высокие проценты, которые средневековье знает при отдаче денег в кредит, нередко совпадающий с понятием ростовщичества.

6. Средневековая организация ремесла и торговли

Ремесленное производство в городах Древней Руси носило типично средневековый характер с регламентацией производства ремесленных изделий и продажи их на торгу.

В городах Древней Руси наблюдается довольно чёткое деление ремесленников на мастеров и учеников в том особом понятии этого слова, которое свойственно средневековью. Существование ученичества на Руси засвидетельствовано Псковской судной грамотой, памятником

[1] «Правда Русская», т. I, стр. 109.
[2] «Печерский патерик», стр. 9—10.
[3] «Правда Русская», т. I, стр. 109.

ников в русских городах XI—XIII вв. Производство пищевых припасов занимало, повидимому, очень ограниченное место в городском хозяйстве на Руси этого времени. Продукты покупались на рынке почти без участия посредников, да и то только в больших городах. Летописец, рассказывая о щедрости Владимира Святославича, рисует картину раздачи продовольствия больным и нищим: «На воза укладывали хлеб, мясо, рыбу, различные овощи, мёд и квас в бочёнках, и возили по городу». На княжеских пирах подавалось много мяса домашних животных и зверей, «бяше по изобилью от всего» [1]. Тут нет и намёка на покупку пищевых припасов: их доставляют из княжеских вотчин.

Хозяйство горожан было ещё сильно связано с земледелием и животноводством. Нивы и огороды, пригородные луга по долинам рек и низинам играли большую роль в городском хозяйстве. Поэтому так относительно часты указания на «болонья» — низменные или прибрежные места, служившие выгоном для городского стада. Натуральное хозяйство ещё довлело над городом.

3. Работа на заказ и товарное производство

Ремесленные мастерские Древней Руси неоднократно описывались на основании археологических исследований. Но эти исследования вскрывают перед нами в основном производственные процессы, условия жизни ремесленников и только косвенно помогают восстановить картину взаимоотношений ремесленников с их заказчиками и рынком.

Существование ряда литейных форм, употреблявшихся для выпуска ремесленных изделий одного и того же типа, привело некоторых исследователей к предположению о работе этих мастерских на рыночный сбыт. Так, А. С. Гущин отмечает существование в Киеве ремесленной мастерской, изготовлявшей «более дешёвый и ходовой товар, подражающий по формам наиболее распространённым украшениям господствующего класса» [2].

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 86.

[2] *А. С. Гущин,* Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв., стр. 26.

товара одолжение. При отдаче товара на хранение не требовалось даже иметь свидетелей [1].

Хранение товаров или денег нередко обозначалось специальным термином «соблюдение» (сблюдение).

В Печерском патерике находим интересный рассказ о двух друзьях, Иоанне и Сергии. Это были «два мужа некие от великих града того» (Киева). Они вступили в «духовное братство» друг с другом. Иоанн умер и оставил на попечение, «на соблюдение» Сергия своего пятилетнего сына Захария. Когда Захарий достиг 15 лет, он начал требовать от опекуна свою долю. Опекун должен был прийти в церковь и принести присягу перед иконой, «что не взял ни 1000 гривен серебра, ни 100 гривен золота» [2].

Подобный случай имеет в виду и Русская Правда. Если купец получил деньги на торговлю, то он, в случае нежелания их отдать, мог отделаться присягой, что денег не получал [3].

Нечего и говорить, что такие патриархальные обычаи создавали почву для всякого рода злоупотреблений. Поэтому так нередки сообщения наших источников о хранении денег в запечатанных кубышках, зарытых в землю. Кредит был связан с большим риском для отдающих деньги в рост или для торговли. Отсюда и те высокие проценты, которые средневековье знает при отдаче денег в кредит, нередко совпадающий с понятием ростовщичества.

6. Средневековая организация ремесла и торговли

Ремесленное производство в городах Древней Руси носило типично средневековый характер с регламентацией производства ремесленных изделий и продажи их на торгу.

В городах Древней Руси наблюдается довольно чёткое деление ремесленников на мастеров и учеников в том особом понятии этого слова, которое свойственно средневековью. Существование ученичества на Руси засвидетельствовано Псковской судной грамотой, памятником

---

1 «Правда Русская», т. I, стр. 109.
2 «Печерский патерик», стр. 9—10.
3 «Правда Русская», т. I, стр. 109.

Перенося составление устава Иванского ста в XIV столетие, А. А. Зимин не обратил внимания даже на то, что торговый суд «на дворе святого Ивана перед посадником, тысяцким и купцами» существовал уже в 1269 г.[1], следовательно, задолго до XIV в. и предполагаемого построения церкви в 1364 г. Не обратил А. А. Зимин внимания и на то, что текст устава стоит в ближайшей связи с уставом того же Всеволода о торговых судах, что само появление Рукописания необъяснимо в XIV столетии и прекрасно объясняется событиями начала XII в. Да и сами анахронизмы, указанные А. А. Зиминым, ещё требуют проверки, были ли они действительно анахронизмами («мордки», тверской гость и пр.) или только такими представляются по недостаточному количеству источников. Отдельные подновления устава, таким образом, не мешают нам видеть в нём подлинный документ начала XII в.

В руках Иванского ста находился так называемый Иванский вес, т. е. монопольное право вешать воск и собирать соответствующую пошлину с местных и приезжих купцов, торговавших этим товаром. Размер и значение торговли воском измеряется тем, что в числе «гостей»-вощников названы купцы полоцкие, смоленские, новоторжские и низовские, т. е. суздальские. Но компетенция Иванского ста с самого начала приняла более широкие размеры, чем собирание пошлин за взвешивание воска.

Из устава Всеволода о церковных судах можно заключить, что Иванское сто совместно с новгородским епископом держало в своём ведении «мерила торговаа, скалвы вощеныи, пуд медовой, и гривенку рублевую, и локоть еваньскый». Устав всюду говорит о совместном заведовании торговыми мерилами как владыки, так и иванских старост, что, судя по всему, являлось новшеством XII в., так как понадобилась ссылка на церковный устав Владимира: «от бога тако установлено есть, епископу блюсти без пакости, ни умаливати, ни умножывати, а на всякий год извешивати».

Во главе Иванского ста стояли старосты. В дошедших до нас списках устава церкви Ивана Предтечи на Опоках имеется неясная фраза, не дающая возможности

---

[1] «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», М. — Л. 1949, стр. 60 (в дальнейшем — «Грамоты Великого Новгорода»).

ников в русских городах XI—XIII вв. Производство пищевых припасов занимало, повидимому, очень ограниченное место в городском хозяйстве на Руси этого времени. Продукты покупались на рынке почти без участия посредников, да и то только в больших городах. Летописец, рассказывая о щедрости Владимира Святославича, рисует картину раздачи продовольствия больным и нищим: «На воза укладывали хлеб, мясо, рыбу, различные овощи, мёд и квас в бочёнках, и возили по городу». На княжеских пирах подавалось много мяса домашних животных и зверей, «бяше по изобилью от всего» [1]. Тут нет и намёка на покупку пищевых припасов: их доставляют из княжеских вотчин.

Хозяйство горожан было ещё сильно связано с земледелием и животноводством. Нивы и огороды, пригородные луга по долинам рек и низинам играли большую роль в городском хозяйстве. Поэтому так относительно часты указания на «болонья» — низменные или прибрежные места, служившие выгоном для городского стада. Натуральное хозяйство ещё довлело над городом.

3. Работа на заказ и товарное производство

Ремесленные мастерские Древней Руси неоднократно описывались на основании археологических исследований. Но эти исследования вскрывают перед нами в основном производственные процессы, условия жизни ремесленников и только косвенно помогают восстановить картину взаимоотношений ремесленников с их заказчиками и рынком.

Существование ряда литейных форм, употреблявшихся для выпуска ремесленных изделий одного и того же типа, привело некоторых исследователей к предположению о работе этих мастерских на рыночный сбыт. Так, А. С. Гущин отмечает существование в Киеве ремесленной мастерской, изготовлявшей «более дешёвый и ходовой товар, подражающий по формам наиболее распространённым украшениям господствующего класса» [2].

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 86.

[2] *А. С. Гущин*, Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв., стр. 26.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

древнерусское поучение красочно описывает злоключения человека, разорённого ростовщиком, взимавшим великие проценты, «лихву». «Лихованый» обходит город в поисках пищи, а зимою ещё страдает от стужи в своих рубищах.

Рукодельные люди, ремесленники, особенно беднейшие среди них, были тем элементом, среди которого особенно распространялись еретические воззрения, враждебные официальной церкви. В житии Авраамия Смоленского говорится об его проповеди «рукодельным», что вызвало страшное негодование епископа и монахов. Авраамий не только хорошо читал священные тексты в церкви, но и умел их комментировать, объяснять («протолковати»). Духовенство называло Авраамия еретиком и обвиняло его в чтении «глубинных книг», еретической литературы, может быть богомильского характера [1].

Через столетие с лишним после времени деятельности Авраамия (конец XII — начало XIII в.) в Пскове и Новгороде появилась ересь стригольников. Она была также распространена среди ремесленников, как и более поздняя ересь — «жидовствующих». Протест против феодального строя и господствующей церкви, освящавшей этот строй, распространялся именно в ремесленной среде.

3. Холопы и другие категории зависимых людей в городах

Наряду со свободными ремесленниками в городах жили ремесленники-холопы, зависевшие от князей и бояр. Без них картина древнерусского города в средние века была бы совершенно неполной и даже неверной. Такие же несвободные ремесленники жили в городах средневековой Европы.

Яркий пример существования в одном городе свободных и несвободных ремесленников имеем в Боголюбове второй половины XII в. Этот город являлся созданием князя Андрея Юрьевича, так и прозванного Боголюбским. Центром города был обширный княжеский замок, остатки которого в виде церкви и каменных переходов к ней сохранились до нашего времени. В замке или в

[1] *С. П. Розанов,* Жития Авраамия Смоленского, СПБ 1912, стр. 7.

товара одолжение. При отдаче товара на хранение не требовалось даже иметь свидетелей [1].

Хранение товаров или денег нередко обозначалось специальным термином «соблюдение» (сблюдение).

В Печерском патерике находим интересный рассказ о двух друзьях, Иоанне и Сергии. Это были «два мужа некие от великих града того» (Киева). Они вступили в «духовное братство» друг с другом. Иоанн умер и оставил на попечение, «на соблюдение» Сергия своего пятилетнего сына Захария. Когда Захарий достиг 15 лет, он начал требовать от опекуна свою долю. Опекун должен был прийти в церковь и принести присягу перед иконой, «что не взял ни 1000 гривен серебра, ни 100 гривен золота» [2].

Подобный случай имеет в виду и Русская Правда. Если купец получил деньги на торговлю, то он, в случае нежелания их отдать, мог отделаться присягой, что денег не получал [3].

Нечего и говорить, что такие патриархальные обычаи создавали почву для всякого рода злоупотреблений. Поэтому так нередки сообщения наших источников о хранении денег в запечатанных кубышках, зарытых в землю. Кредит был связан с большим риском для отдающих деньги в рост или для торговли. Отсюда и те высокие проценты, которые средневековье знает при отдаче денег в кредит, нередко совпадающий с понятием ростовщичества.

6. Средневековая организация ремесла и торговли

Ремесленное производство в городах Древней Руси носило типично средневековый характер с регламентацией производства ремесленных изделий и продажи их на торгу.

В городах Древней Руси наблюдается довольно чёткое деление ремесленников на мастеров и учеников в том особом понятии этого слова, которое свойственно средневековью. Существование ученичества на Руси засвидетельствовано Псковской судной грамотой, памятником

---

[1] «Правда Русская», т. I, стр. 109.
[2] «Печерский патерик», стр. 9—10.
[3] «Правда Русская», т. I, стр. 109.

своего князя, на оружии, на боевых знамёнах княжеских войск. Княжеские знаки ставились на слитках серебра, принадлежавших князю, на княжеских товарах, отправляемых за границу. Княжескими знаками метили свои орудия производства ремесленники-холопы, работавшие на княжеском дворе, — гончары, кирпичники, златокузнецы. Княжескими знаками был помечен весь живой и мёртвый инвентарь княжеского хозяйства — кони, бортные ухожаи, земля». Рыбаков отмечает, что подавляющее количество предметов с княжескими знаками найдено в старинных княжеских городах Руси — Киеве, Чернигове, Белгороде, Родне, Вышгороде. Последнее наблюдение автора нуждается в поправках, как и мнение М. К. Каргера, на которое ссылается автор, об отсутствии княжеских знаков на кирпичах зданий в Новгороде, Полоцке и Пскове, где строительство производилось вольными дружинами. Ведь детального изучения древних построек в этих городах не производилось и делать решительные выводы очень трудно.

Выводы Б. А. Рыбакова о большом количестве предметов, производимых в княжеском хозяйстве, безусловно заслуживают всяческого внимания. Нетрудно наметить также и круг деятельности княжеских мастерских: это по преимуществу изготовление предметов роскоши, обработка драгоценных металлов. Совершенно правилен основной вывод автора, имеющий прямое отношение к нашей теме: «В XI—XII вв. города разрослись, значительно развилось свободное ремесло, но наряду с ним продолжали существовать на княжеских дворах и ремесленники-холопы» [1]. Ремесленники-холопы жили не только при княжеских дворах, но и при епископских домах. Только в этом смысле можно понять сообщение летописи о ремонте Успенского собора во Владимире после большого пожара. Собор был покрыт оловом и заново побелён известью, причём работали не мастера из немцев, «но клевреты святой богородицы и свои».

Кроме ремесленников существовали купцы-холопы. Русская Правда знает подобного купца-холопа, за которого должен отвечать его господин: «аже пустить холопа в торг, а одолжаеть, то выкупати его господину и не

---

[1] *Б. А. Рыбаков*, Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси («Советская археология» № 6, стр. 250—257).

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ников в русских городах XI—XIII вв. Производство пищевых припасов занимало, повидимому, очень ограниченное место в городском хозяйстве на Руси этого времени. Продукты покупались на рынке почти без участия посредников, да и то только в больших городах. Летописец, рассказывая о щедрости Владимира Святославича, рисует картину раздачи продовольствия больным и нищим: «На воза укладывали хлеб, мясо, рыбу, различные овощи, мёд и квас в бочёнках, и возили по городу». На княжеских пирах подавалось много мяса домашних животных и зверей, «бяше по изобилью от всего» [1]. Тут нет и намёка на покупку пищевых припасов: их доставляют из княжеских вотчин.

Хозяйство горожан было ещё сильно связано с земледелием и животноводством. Нивы и огороды, пригородные луга по долинам рек и низинам играли большую роль в городском хозяйстве. Поэтому так относительно часты указания на «болонья» — низменные или прибрежные места, служившие выгоном для городского стада. Натуральное хозяйство ещё довлело над городом.

3. Работа на заказ и товарное производство

Ремесленные мастерские Древней Руси неоднократно описывались на основании археологических исследований. Но эти исследования вскрывают перед нами в основном производственные процессы, условия жизни ремесленников и только косвенно помогают восстановить картину взаимоотношений ремесленников с их заказчиками и рынком.

Существование ряда литейных форм, употреблявшихся для выпуска ремесленных изделий одного и того же типа, привело некоторых исследователей к предположению о работе этих мастерских на рыночный сбыт. Так, А. С. Гущин отмечает существование в Киеве ремесленной мастерской, изготовлявшей «более дешёвый и ходовой товар, подражающий по формам наиболее распространённым украшениям господствующего класса» [2].

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 86.

[2] *А. С. Гущин*, Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв., стр. 26.

городах XVI в. ремесленники, производившие пищевые продукты для продажи на рынке, по численности мало уступали ремесленникам других специальностей. В Серпухове, Коломне и Можайске конца XVI в. более 22% всех ремесленников было занято приготовлением продуктов питания. Это были хлебники, мясники, пирожники, квасники и пр.[1] То же мы видим и в других русских городах того же столетия. Московский рынок XVII столетия был заполнен полками и скамьями колачников, яблочников и пивоваров.

Так было не только в русских городах. Объединение мясников считалось крупнейшим из парижских цехов средневекового времени. Наряду с ним существовали объединения хлебников и пр. Естественно поэтому предполагать существование подобных же ремесленных профессий и в городах Древней Руси.

К сожалению, наши письменные свидетельства почти не дают сведений о существовании таких ремесленных занятий в XI—XIII вв. Только позднее летописное известие 1485 г. показывает, что в это время мясники в Пскове составляли корпорацию, обладавшую общей кассой; мясники платили мастерам за постройку нового моста через реку Пскову[2]. Возможно, мясники были известны в Древней Руси под другим названием — прасолов. В русском языке (см. словарь В. Даля) под этим именем были известны скупщики мяса и рыбы для розничной, мелочной продажи, в более широком смысле — перекупщики товаров. В древнерусских памятниках это слово также обозначало продавца, а глагол «прасолити» был равнозначен понятию барышничать, торговать. «Если кто продает челядина, — читаем в древнем памятнике, — то столько же ему взять, сколько за него дал; если же больше, то окажется он берущим лишнее и торгующим («прасоля») живыми душами»[3].

Слабым указанием на то, что на рынках Древней Руси продавался готовый хлеб, следовательно, существо-

---

[1] *Н. Д. Чечулин*, Города Московского государства в XVI веке, СПБ 1889, стр. 197.

[2] «Псковичи поставиша новый мост черезо Пскову а даша мастером 60 рублей; а платиша то серебро мясники» (ПСРЛ, т. V, СПБ 1851, стр. 43).

[3] *И. И. Срезневский*, Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, СПБ 1876, стр. 332.

древнерусское поучение красочно описывает злоключения человека, разорённого ростовщиком, взимавшим великие проценты, «лихву». «Лихованый» обходит город в поисках пищи, а зимою ещё страдает от стужи в своих рубищах.

Рукодельные люди, ремесленники, особенно беднейшие среди них, были тем элементом, среди которого особенно распространялись еретические воззрения, враждебные официальной церкви. В житии Авраамия Смоленского говорится об его проповеди «рукодельным», что вызвало страшное негодование епископа и монахов. Авраамий не только хорошо читал священные тексты в церкви, но и умел их комментировать, объяснять («протолковати»). Духовенство называло Авраамия еретиком и обвиняло его в чтении «глубинных книг», еретической литературы, может быть богомильского характера [1].

Через столетие с лишним после времени деятельности Авраамия (конец XII — начало XIII в.) в Пскове и Новгороде появилась ересь стригольников. Она была также распространена среди ремесленников, как и более поздняя ересь — «жидовствующих». Протест против феодального строя и господствующей церкви, освящавшей этот строй, распространялся именно в ремесленной среде.

3. Холопы и другие категории зависимых людей в городах

Наряду со свободными ремесленниками в городах жили ремесленники-холопы, зависевшие от князей и бояр. Без них картина древнерусского города в средние века была бы совершенно неполной и даже неверной. Такие же несвободные ремесленники жили в городах средневековой Европы.

Яркий пример существования в одном городе свободных и несвободных ремесленников имеем в Боголюбове второй половины XII в. Этот город являлся созданием князя Андрея Юрьевича, так и прозванного Боголюбским. Центром города был обширный княжеский замок, остатки которого в виде церкви и каменных переходов к ней сохранились до нашего времени. В замке или в

[1] *С. П. Розанов,* Жития Авраамия Смоленского, СПБ 1912, стр. 7.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.
[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.
[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

товара одолжение. При отдаче товара на хранение не требовалось даже иметь свидетелей [1].

Хранение товаров или денег нередко обозначалось специальным термином «соблюдение» (сблюдение).

В Печерском патерике находим интересный рассказ о двух друзьях, Иоанне и Сергии. Это были «два мужа некие от великих града того» (Киева). Они вступили в «духовное братство» друг с другом. Иоанн умер и оставил на попечение, «на соблюдение» Сергия своего пятилетнего сына Захария. Когда Захарий достиг 15 лет, он начал требовать от опекуна свою долю. Опекун должен был прийти в церковь и принести присягу перед иконой, «что не взял ни 1000 гривен серебра, ни 100 гривен золота» [2].

Подобный случай имеет в виду и Русская Правда. Если купец получил деньги на торговлю, то он, в случае нежелания их отдать, мог отделаться присягой, что денег не получал [3].

Нечего и говорить, что такие патриархальные обычаи создавали почву для всякого рода злоупотреблений. Поэтому так нередки сообщения наших источников о хранении денег в запечатанных кубышках, зарытых в землю. Кредит был связан с большим риском для отдающих деньги в рост или для торговли. Отсюда и те высокие проценты, которые средневековье знает при отдаче денег в кредит, нередко совпадающий с понятием ростовщичества.

6. Средневековая организация ремесла и торговли

Ремесленное производство в городах Древней Руси носило типично средневековый характер с регламентацией производства ремесленных изделий и продажи их на торгу.

В городах Древней Руси наблюдается довольно чёткое деление ремесленников на мастеров и учеников в том особом понятии этого слова, которое свойственно средневековью. Существование ученичества на Руси засвидетельствовано Псковской судной грамотой, памятником

---

[1] «Правда Русская», т. I, стр. 109.
[2] «Печерский патерик», стр. 9—10.
[3] «Правда Русская», т. I, стр. 109.

«повоев» (головных уборов), наконец о насилиях над женщинами.

В одной рижской грамоте к витебскому князю, датируемой концом XIII в., имеем интересный рассказ из торговой практики немецких купцов. «Тогда была рать литовская под городом, — пишут рижские власти, говоря о злоключениях своего купца, — он же хотел идти в литовскую рать, чтобы купить девок, и взял с собой мечь по нашему обычаю. В дороге заблудился и попал к монастырю. И выскочили 3 чернеца, и четвертый человек иной с ними, тут его схватили, били и рвали, и мечь отняли у него силой». Интересен сам облик купца, отправляющегося из осаждённого Витебска во враждебный лагерь, чтобы купить рабынь, и попавшего в засаду у какого-то монастыря, вероятно на окраине города.

В том же документе рассказывается о вымогательстве князя и его дружины, об убийстве во время пира одним купцом другого и т. д.[1] Грубый, примитивный быт, постоянная опасность, подстерегающая купцов в дороге и в чужеземных городах, — всё это засвидетельствовано на страницах полоцких, смоленских, новгородских грамот, имеющих отношение к зарубежной торговле.

В городской жизни купцы играли крупную роль, рано выделившись в особую общественную группу, пользовавшуюся большим весом в политических делах. Во время длительной смуты, последовавшей во Владимиро-Суздальской земле после смерти Андрея Боголюбского, «всташа бояре и купци». Они требовали расправы с князьями — противниками Всеволода Большое Гнездо, попавшими к нему в плен. Летописец замечает по этому поводу — «бысть мятежь велик в граде Володимери». Всеволод должен был уступить и посадил пленных князей в темницу. Что владимирский летописец не оговорился, поставив рядом бояр и купцов, можно заключить из рассказа 1206 г. о проводах князя Константина в Новгород. Его провожали братья «и все бояре отца его, и все купцы»[2]. В обоих известиях купцы стоят на вершине общественной лестницы, тотчас же за боярами. То же самое, пожалуй в ещё более резкой форме, встречаем в Новгороде. Из ряда характерных примеров участия

---

[1] «Русско-ливонские акты», стр. 26—28.
[2] Лаврент. лет., стр. 365, 401.

ников в русских городах XI—XIII вв. Производство пищевых припасов занимало, повидимому, очень ограниченное место в городском хозяйстве на Руси этого времени. Продукты покупались на рынке почти без участия посредников, да и то только в больших городах. Летописец, рассказывая о щедрости Владимира Святославича, рисует картину раздачи продовольствия больным и нищим: «На воза укладывали хлеб, мясо, рыбу, различные овощи, мёд и квас в бочёнках, и возили по городу». На княжеских пирах подавалось много мяса домашних животных и зверей, «бяше по изобилью от всего» [1]. Тут нет и намёка на покупку пищевых припасов: их доставляют из княжеских вотчин.

Хозяйство горожан было ещё сильно связано с земледелием и животноводством. Нивы и огороды, пригородные луга по долинам рек и низинам играли большую роль в городском хозяйстве. Поэтому так относительно часты указания на «болонья» — низменные или прибрежные места, служившие выгоном для городского стада. Натуральное хозяйство ещё довлело над городом.

3. Работа на заказ и товарное производство

Ремесленные мастерские Древней Руси неоднократно описывались на основании археологических исследований. Но эти исследования вскрывают перед нами в основном производственные процессы, условия жизни ремесленников и только косвенно помогают восстановить картину взаимоотношений ремесленников с их заказчиками и рынком.

Существование ряда литейных форм, употреблявшихся для выпуска ремесленных изделий одного и того же типа, привело некоторых исследователей к предположению о работе этих мастерских на рыночный сбыт. Так, А. С. Гущин отмечает существование в Киеве ремесленной мастерской, изготовлявшей «более дешёвый и ходовой товар, подражающий по формам наиболее распространённым украшениям господствующего класса» [2].

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 86.

[2] *А. С. Гущин*, Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв., стр. 26.

вали ремесленники-хлебники, является одно место в Кириковом вопрошании XII в. с вопросом, можно ли служить литургию с одной просфорой там, где нельзя было достать другой просфоры. Ответ разрешал служить литургию, но только в том случае, если не будет близко торга, где можно купить [1]. Следовательно, на торгу продавались, если не готовые просфоры, то, по крайней мере, мука, из которой они выпекались.

Ряд указаний на существование торговли съестными припасами получаем из Печерского патерика. Между игуменом Печерского монастыря и экономом возникали споры, откуда достать деньги, «чим купити братии требованиа», т. е. потребное для пропитания монахов в их общей трапезе.

Рассказывая о первоначальном устройстве монастыря, Печерский патерик отмечает, что монахи занимались разными ремёслами и носили свои изделия на продажу в город, где покупали жито: «и так носили в город продавать, и на это покупали жито, разделяли его между собой, чтобы каждый перемолол его за ночь для приготовления хлебов».

Впрочем, один из продуктов питания, несомненно, продавался на рынке — это соль. В Киев её, например, привозили из Галича. Во время междоусобных княжеских распрей, когда подвоз соли прекращался, в Киеве наступал соляной голод, чем пользовались спекулянты, быстро взвинчивавшие цены на соль. Так случилось в самом конце XI в., когда купцы, торговавшие солью, не могли приехать в Киев из Перемышля и Галича [2]. О дороговизне соли рассказывает и Новгородская летопись под 1232 г. Таким образом, соль была одним из тех пищевых продуктов, которые рано сделались предметом торговли.

Небольшое количество даже не указаний, а намёков на существование ремесленников, производивших продукты питания, не может служить решительным доказательством того, что таких ремесленников в Древней Руси не было совсем. Тем не менее это является молчаливым доказательством незначительного количества ремеслен-

---

[1] «Аж будет далече, яко в селе, а негде будеть взяти другое просфуры, то достоить» («Русская историческая библиотека», т. VI, стб. 50—51).

[2] «Печерский патерик», стр. 108.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити»)[1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено[2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники[3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков*, Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити»)[1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено[2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники[3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.
[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.
[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити»)[1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено[2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники[3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ников в русских городах XI—XIII вв. Производство пищевых припасов занимало, повидимому, очень ограниченное место в городском хозяйстве на Руси этого времени. Продукты покупались на рынке почти без участия посредников, да и то только в больших городах. Летописец, рассказывая о щедрости Владимира Святославича, рисует картину раздачи продовольствия больным и нищим: «На воза укладывали хлеб, мясо, рыбу, различные овощи, мёд и квас в бочёнках, и возили по городу». На княжеских пирах подавалось много мяса домашних животных и зверей, «бяше по изобилью от всего» [1]. Тут нет и намёка на покупку пищевых припасов: их доставляют из княжеских вотчин.

Хозяйство горожан было ещё сильно связано с земледелием и животноводством. Нивы и огороды, пригородные луга по долинам рек и низинам играли большую роль в городском хозяйстве. Поэтому так относительно часты указания на «болонья» — низменные или прибрежные места, служившие выгоном для городского стада. Натуральное хозяйство ещё довлело над городом.

3. Работа на заказ и товарное производство

Ремесленные мастерские Древней Руси неоднократно описывались на основании археологических исследований. Но эти исследования вскрывают перед нами в основном производственные процессы, условия жизни ремесленников и только косвенно помогают восстановить картину взаимоотношений ремесленников с их заказчиками и рынком.

Существование ряда литейных форм, употреблявшихся для выпуска ремесленных изделий одного и того же типа, привело некоторых исследователей к предположению о работе этих мастерских на рыночный сбыт. Так, А. С. Гущин отмечает существование в Киеве ремесленной мастерской, изготовлявшей «более дешёвый и ходовой товар, подражающий по формам наиболее распространённым украшениям господствующего класса» [2].

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 86.

[2] *А. С. Гущин,* Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв., стр. 26.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

вощники выполняли и некоторые общественные функции. Так, они мостили на свой счёт часть новгородской территории, прилегавшей к двору Ивана Предтечи («тысяччкому до вощник, от вощник посаднику до Великого ряду»). В целом перед нами очень яркая картина средневекового купеческого объединения.

Иванское сто носило характер замкнутой купеческой корпорации. «А кто хочет в купечество вложиться в Иванское, даст купцем пошлым вкладу пятьдесят гривен серебра, а тысяцкому сукно ипьское, ино купцам положить в святый Иван полътретьядцать гривен серебра; а не вложится кто в купечество, не даст пятьдесят гривен серебра, ино то не пошлый купець, а пошлым купцем ити им отчиною и вкладом». Это место устава вызывает невольный вопрос, куда же шли 25 (полътретьядцать) гривен серебра, которые не оставались в доме св. Ивана. Повидимому, они составляли особый фонд купеческого объединения, шедший на содержание патрональной церкви и на прочие расходы. Высокая сумма вклада объясняется тем, что вкладчик делался наследственным — «пошлым купцом», т. е. получал привилегии не только для себя, но и для потомства.

Нельзя не отметить, что устав купеческого объединения при церкви Ивана Предтечи на Опоках в Новгороде является одним из древнейших уставов средневековых гильдий на севере Европы. В этом смысле интересно привести справку, основанную на работе Дорена о времени возникновения купеческих гильдий в средние века [1]. В поле внимания Дорена были города Северной Франции (С. Омер, Валансьен, Париж, Руан) и Германии (Кёльн, Дортмунд, Гослар, Штендаль, Геттинген, Кассель). В основном статуты купеческих гильдий в этих городах возникли в XI—XII вв., причём больше в последнем, чем в первом столетии. Наиболее раннее развитие гильдий встречаем во Фландрии: так, в С. Омере гильдейский статут возник между 1083—1097 гг., а в Валансьене — в 1067 г. В немецких городах гильдейские статуты возникали значительно позже, например в Госларе только в 1200 г. Таким образом, древнерусский гильдейский статут появился не позже статутов соседних немецких

---

[1] *A. Doren,* Untersuchungen zur Geschichte der Kaufmannsgilden des Mittelalters, Leipzig 1893.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ников в русских городах XI—XIII вв. Производство пищевых припасов занимало, повидимому, очень ограниченное место в городском хозяйстве на Руси этого времени. Продукты покупались на рынке почти без участия посредников, да и то только в больших городах. Летописец, рассказывая о щедрости Владимира Святославича, рисует картину раздачи продовольствия больным и нищим: «На воза укладывали хлеб, мясо, рыбу, различные овощи, мёд и квас в бочёнках, и возили по городу». На княжеских пирах подавалось много мяса домашних животных и зверей, «бяше по изобилью от всего» [1]. Тут нет и намёка на покупку пищевых припасов: их доставляют из княжеских вотчин.

Хозяйство горожан было ещё сильно связано с земледелием и животноводством. Нивы и огороды, пригородные луга по долинам рек и низинам играли большую роль в городском хозяйстве. Поэтому так относительно часты указания на «болонья» — низменные или прибрежные места, служившие выгоном для городского стада. Натуральное хозяйство ещё довлело над городом.

3. Работа на заказ и товарное производство

Ремесленные мастерские Древней Руси неоднократно описывались на основании археологических исследований. Но эти исследования вскрывают перед нами в основном производственные процессы, условия жизни ремесленников и только косвенно помогают восстановить картину взаимоотношений ремесленников с их заказчиками и рынком.

Существование ряда литейных форм, употреблявшихся для выпуска ремесленных изделий одного и того же типа, привело некоторых исследователей к предположению о работе этих мастерских на рыночный сбыт. Так, А. С. Гущин отмечает существование в Киеве ремесленной мастерской, изготовлявшей «более дешёвый и ходовой товар, подражающий по формам наиболее распространённым украшениям господствующего класса» [2].

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 86.

[2] *А. С. Гущин*, Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв., стр. 26.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити»)[1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено[2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники[3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронщиков, шорников и пр.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.
[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.
[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити»)[1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено[2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники[3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ников в русских городах XI—XIII вв. Производство пищевых припасов занимало, повидимому, очень ограниченное место в городском хозяйстве на Руси этого времени. Продукты покупались на рынке почти без участия посредников, да и то только в больших городах. Летописец, рассказывая о щедрости Владимира Святославича, рисует картину раздачи продовольствия больным и нищим: «На воза укладывали хлеб, мясо, рыбу, различные овощи, мёд и квас в бочёнках, и возили по городу». На княжеских пирах подавалось много мяса домашних животных и зверей, «бяше по изобилью от всего» [1]. Тут нет и намёка на покупку пищевых припасов: их доставляют из княжеских вотчин.

Хозяйство горожан было ещё сильно связано с земледелием и животноводством. Нивы и огороды, пригородные луга по долинам рек и низинам играли большую роль в городском хозяйстве. Поэтому так относительно часты указания на «болонья» — низменные или прибрежные места, служившие выгоном для городского стада. Натуральное хозяйство ещё довлело над городом.

3. Работа на заказ и товарное производство

Ремесленные мастерские Древней Руси неоднократно описывались на основании археологических исследований. Но эти исследования вскрывают перед нами в основном производственные процессы, условия жизни ремесленников и только косвенно помогают восстановить картину взаимоотношений ремесленников с их заказчиками и рынком.

Существование ряда литейных форм, употреблявшихся для выпуска ремесленных изделий одного и того же типа, привело некоторых исследователей к предположению о работе этих мастерских на рыночный сбыт. Так, А. С. Гущин отмечает существование в Киеве ремесленной мастерской, изготовлявшей «более дешёвый и ходовой товар, подражающий по формам наиболее распространённым украшениям господствующего класса» [2].

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 86.

[2] *А. С. Гущин*, Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв., стр. 26.

городах XVI в. ремесленники, производившие пищевые продукты для продажи на рынке, по численности мало уступали ремесленникам других специальностей. В Серпухове, Коломне и Можайске конца XVI в. более 22% всех ремесленников было занято приготовлением продуктов питания. Это были хлебники, мясники, пирожники, квасники и пр.[1] То же мы видим и в других русских городах того же столетия. Московский рынок XVII столетия был заполнен полками и скамьями колачников, яблочников и пивоваров.

Так было не только в русских городах. Объединение мясников считалось крупнейшим из парижских цехов средневекового времени. Наряду с ним существовали объединения хлебников и пр. Естественно поэтому предполагать существование подобных же ремесленных профессий и в городах Древней Руси.

К сожалению, наши письменные свидетельства почти не дают сведений о существовании таких ремесленных занятий в XI—XIII вв. Только позднее летописное известие 1485 г. показывает, что в это время мясники в Пскове составляли корпорацию, обладавшую общей кассой; мясники платили мастерам за постройку нового моста через реку Пскову[2]. Возможно, мясники были известны в Древней Руси под другим названием — прасолов. В русском языке (см. словарь В. Даля) под этим именем были известны скупщики мяса и рыбы для розничной, мелочной продажи, в более широком смысле — перекупщики товаров. В древнерусских памятниках это слово также обозначало продавца, а глагол «прасолити» был равнозначен понятию барышничать, торговать. «Если кто продает челядина, — читаем в древнем памятнике, — то столько же ему взять, сколько за него дал; если же больше, то окажется он берущим лишнее и торгующим («прасоля») живыми душами»[3].

Слабым указанием на то, что на рынках Древней Руси продавался готовый хлеб, следовательно, существо-

---

[1] *Н. Д. Чечулин,* Города Московского государства в XVI веке, СПБ 1889, стр. 197.

[2] «Псковичи поставиша новый мост черезо Пскову а даша мастером 60 рублей; а платиша то серебро мясники» (ПСРЛ, т. V, СПБ 1851, стр. 43).

[3] *И. И. Срезневский,* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, СПБ 1876, стр. 332.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити»)[1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено[2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники[3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ников в русских городах XI—XIII вв. Производство пищевых припасов занимало, повидимому, очень ограниченное место в городском хозяйстве на Руси этого времени. Продукты покупались на рынке почти без участия посредников, да и то только в больших городах. Летописец, рассказывая о щедрости Владимира Святославича, рисует картину раздачи продовольствия больным и нищим: «На воза укладывали хлеб, мясо, рыбу, различные овощи, мёд и квас в бочёнках, и возили по городу». На княжеских пирах подавалось много мяса домашних животных и зверей, «бяше по изобилью от всего» [1]. Тут нет и намёка на покупку пищевых припасов: их доставляют из княжеских вотчин.

Хозяйство горожан было ещё сильно связано с земледелием и животноводством. Нивы и огороды, пригородные луга по долинам рек и низинам играли большую роль в городском хозяйстве. Поэтому так относительно часты указания на «болонья» — низменные или прибрежные места, служившие выгоном для городского стада. Натуральное хозяйство ещё довлело над городом.

3. Работа на заказ и товарное производство

Ремесленные мастерские Древней Руси неоднократно описывались на основании археологических исследований. Но эти исследования вскрывают перед нами в основном производственные процессы, условия жизни ремесленников и только косвенно помогают восстановить картину взаимоотношений ремесленников с их заказчиками и рынком.

Существование ряда литейных форм, употреблявшихся для выпуска ремесленных изделий одного и того же типа, привело некоторых исследователей к предположению о работе этих мастерских на рыночный сбыт. Так, А. С. Гущин отмечает существование в Киеве ремесленной мастерской, изготовлявшей «более дешёвый и ходовой товар, подражающий по формам наиболее распространённым украшениям господствующего класса» [2].

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 86.

[2] *А. С. Гущин*, Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв., стр. 26.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити»)[1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено[2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники[3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

товара одолжение. При отдаче товара на хранение не требовалось даже иметь свидетелей [1].

Хранение товаров или денег нередко обозначалось специальным термином «соблюдение» (сблюдение).

В Печерском патерике находим интересный рассказ о двух друзьях, Иоанне и Сергии. Это были «два мужа некие от великих града того» (Киева). Они вступили в «духовное братство» друг с другом. Иоанн умер и оставил на попечение, «на соблюдение» Сергия своего пятилетнего сына Захария. Когда Захарий достиг 15 лет, он начал требовать от опекуна свою долю. Опекун должен был прийти в церковь и принести присягу перед иконой, «что не взял ни 1000 гривен серебра, ни 100 гривен золота» [2].

Подобный случай имеет в виду и Русская Правда. Если купец получил деньги на торговлю, то он, в случае нежелания их отдать, мог отделаться присягой, что денег не получал [3].

Нечего и говорить, что такие патриархальные обычаи создавали почву для всякого рода злоупотреблений. Поэтому так нередки сообщения наших источников о хранении денег в запечатанных кубышках, зарытых в землю. Кредит был связан с большим риском для отдающих деньги в рост или для торговли. Отсюда и те высокие проценты, которые средневековье знает при отдаче денег в кредит, нередко совпадающий с понятием ростовщичества.

6. Средневековая организация ремесла и торговли

Ремесленное производство в городах Древней Руси носило типично средневековый характер с регламентацией производства ремесленных изделий и продажи их на торгу.

В городах Древней Руси наблюдается довольно чёткое деление ремесленников на мастеров и учеников в том особом понятии этого слова, которое свойственно средневековью. Существование ученичества на Руси засвидетельствовано Псковской судной грамотой, памятником

---

[1] «Правда Русская», т. I, стр. 109.
[2] «Печерский патерик», стр. 9—10.
[3] «Правда Русская», т. I, стр. 109.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ников в русских городах XI—XIII вв. Производство пищевых припасов занимало, повидимому, очень ограниченное место в городском хозяйстве на Руси этого времени. Продукты покупались на рынке почти без участия посредников, да и то только в больших городах. Летописец, рассказывая о щедрости Владимира Святославича, рисует картину раздачи продовольствия больным и нищим: «На воза укладывали хлеб, мясо, рыбу, различные овощи, мёд и квас в бочёнках, и возили по городу». На княжеских пирах подавалось много мяса домашних животных и зверей, «бяше по изобилью от всего» [1]. Тут нет и намёка на покупку пищевых припасов: их доставляют из княжеских вотчин.

Хозяйство горожан было ещё сильно связано с земледелием и животноводством. Нивы и огороды, пригородные луга по долинам рек и низинам играли большую роль в городском хозяйстве. Поэтому так относительно часты указания на «болонья» — низменные или прибрежные места, служившие выгоном для городского стада. Натуральное хозяйство ещё довлело над городом.

3. Работа на заказ и товарное производство

Ремесленные мастерские Древней Руси неоднократно описывались на основании археологических исследований. Но эти исследования вскрывают перед нами в основном производственные процессы, условия жизни ремесленников и только косвенно помогают восстановить картину взаимоотношений ремесленников с их заказчиками и рынком.

Существование ряда литейных форм, употреблявшихся для выпуска ремесленных изделий одного и того же типа, привело некоторых исследователей к предположению о работе этих мастерских на рыночный сбыт. Так, А. С. Гущин отмечает существование в Киеве ремесленной мастерской, изготовлявшей «более дешёвый и ходовой товар, подражающий по формам наиболее распространённым украшениям господствующего класса» [2].

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 86.

[2] *А. С. Гущин*, Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв., стр. 26.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.
[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.
[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ГЛАВА 4

БОРЬБА ЗА ГОРОДСКИЕ ВОЛЬНОСТИ

1. Общие замечания

Историк Древней Руси сталкивается с одним в высокой степени замечательным фактом — несомненным усилением политической роли городов и городского населения. Летописи пестрят указаниями на вмешательство горожан в политические дела. Горожане сажают на княжеский стол своих кандидатов или, наоборот, отказывают некоторым князьям в помощи. На городских площадях разыгрываются бурные сцены, и княжеская власть отступает перед разъярёнными народными массами. Это усилившееся значение городского населения в политических делах с наибольшей отчётливостью заметно в крупных городских центрах, подобных Киеву и Новгороду. При благоприятных условиях русские города могли бы вырасти в такую же мощную силу, какой они сделались в Западной Европе, но этому помешали печальные обстоятельства — в первую очередь татарские погромы, опустошившие Русскую землю.

Из общего числа городов XII—XIII вв. лишь немногие остались впоследствии крупными экономическими центрами, причём общее число крупных городов в приднепровских областях даже несколько уменьшилось по сравнению с XI столетием (так потеряли прежнее значение Любеч, Искоростень, Овруч и Переяславль). Только в Ростово-Суздальской и Галицкой Руси мы наблюдаем появление новых больших городов, и этот факт лучше

каких-либо других доказательств подчёркивает действительное усиление этих окраинных земель в XII в.

Поэтому только в крупных центрах — Новгороде, Полоцке, Галиче, Смоленске и Киеве — мы можем наблюдать широкое развитие борьбы горожан за свои привилегии. Эта борьба, как ни слабо она отражена в наших источниках, близко напоминает борьбу горожан Западной Европы за образование городских коммун, хотя только в Новгороде, Полоцке и Пскове коммунальное устройство нашло себе место, да и то в весьма своеобразном виде.

Борьба горожан за городские привилегии с феодалами, стремившимися к установлению в городах своего господства, естественно, переплеталась с классовой борьбой среди самих горожан. Слишком разнородными были интересы купцов и ремесленников, мастеров и их учеников. «Порабощение неповинных», опутывание людей долговыми обязательствами было делом не только феодалов, но и верхушки городского общества — купцов и ремесленников-мастеров. Но тем не менее были и общие интересы, объединявшие горожан в их борьбе против князей и бояр, — это стремление расширить свои права, по крайней мере облегчить феодальные повинности.

С такими же явлениями мы встречаемся в Западной Европе, где городская торговля способствовала развитию городских вольностей. «Народам, занимавшимся преимущественно торговлей, не требовалось для этого никаких исключительных условий, свобода зародилась у них сама собой» [1].

Летописи пестрят указаниями на выступления городского населения против князей и их тиунов, против городского патрициата. Сведённые вместе, эти указания дают интереснейшую картину классовой борьбы в городах, включая и борьбу горожан за городские привилегии. С наибольшей полнотой эти явления прослеживаются на примере больших древнерусских городов [2].

2. Киев

Наиболее бурно и обострённо борьба за городские привилегии развивалась в Киеве, где рост классовых противоречий происходил гораздо быстрее, чем в других

---

[1] См. «Архив Маркса и Энгельса», т. V, М. 1938, стр. 412.
[2] См. подробнее *М. Н. Тихомиров,* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв.

ников в русских городах XI—XIII вв. Производство пищевых припасов занимало, повидимому, очень ограниченное место в городском хозяйстве на Руси этого времени. Продукты покупались на рынке почти без участия посредников, да и то только в больших городах. Летописец, рассказывая о щедрости Владимира Святославича, рисует картину раздачи продовольствия больным и нищим: «На воза укладывали хлеб, мясо, рыбу, различные овощи, мёд и квас в бочёнках, и возили по городу». На княжеских пирах подавалось много мяса домашних животных и зверей, «бяше по изобилью от всего» [1]. Тут нет и намёка на покупку пищевых припасов: их доставляют из княжеских вотчин.

Хозяйство горожан было ещё сильно связано с земледелием и животноводством. Нивы и огороды, пригородные луга по долинам рек и низинам играли большую роль в городском хозяйстве. Поэтому так относительно часты указания на «болонья» — низменные или прибрежные места, служившие выгоном для городского стада. Натуральное хозяйство ещё довлело над городом.

3. Работа на заказ и товарное производство

Ремесленные мастерские Древней Руси неоднократно описывались на основании археологических исследований. Но эти исследования вскрывают перед нами в основном производственные процессы, условия жизни ремесленников и только косвенно помогают восстановить картину взаимоотношений ремесленников с их заказчиками и рынком.

Существование ряда литейных форм, употреблявшихся для выпуска ремесленных изделий одного и того же типа, привело некоторых исследователей к предположению о работе этих мастерских на рыночный сбыт. Так, А. С. Гущин отмечает существование в Киеве ремесленной мастерской, изготовлявшей «более дешёвый и ходовой товар, подражающий по формам наиболее распространённым украшениям господствующего класса» [2].

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 86.

[2] *А. С. Гущин*, Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв., стр. 26.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити»)[1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено[2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники[3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити»)[1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено[2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники[3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити»)[1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено[2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники[3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити»)[1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено[2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники[3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити»)[1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено[2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники[3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити»)[1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено[2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники[3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков*, Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити»)[1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено[2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники[3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронщиков, шорников и пр.

товара одолжение. При отдаче товара на хранение не требовалось даже иметь свидетелей [1].

Хранение товаров или денег нередко обозначалось специальным термином «соблюдение» (сблюдение).

В Печерском патерике находим интересный рассказ о двух друзьях, Иоанне и Сергии. Это были «два мужа некие от великих града того» (Киева). Они вступили в «духовное братство» друг с другом. Иоанн умер и оставил на попечение, «на соблюдение» Сергия своего пятилетнего сына Захария. Когда Захарий достиг 15 лет, он начал требовать от опекуна свою долю. Опекун должен был прийти в церковь и принести присягу перед иконой, «что не взял ни 1000 гривен серебра, ни 100 гривен золота» [2].

Подобный случай имеет в виду и Русская Правда. Если купец получил деньги на торговлю, то он, в случае нежелания их отдать, мог отделаться присягой, что денег не получал [3].

Нечего и говорить, что такие патриархальные обычаи создавали почву для всякого рода злоупотреблений. Поэтому так нередки сообщения наших источников о хранении денег в запечатанных кубышках, зарытых в землю. Кредит был связан с большим риском для отдающих деньги в рост или для торговли. Отсюда и те высокие проценты, которые средневековье знает при отдаче денег в кредит, нередко совпадающий с понятием ростовщичества.

6. Средневековая организация ремесла и торговли

Ремесленное производство в городах Древней Руси носило типично средневековый характер с регламентацией производства ремесленных изделий и продажи их на торгу.

В городах Древней Руси наблюдается довольно чёткое деление ремесленников на мастеров и учеников в том особом понятии этого слова, которое свойственно средневековью. Существование ученичества на Руси засвидетельствовано Псковской судной грамотой, памятником

---

1 «Правда Русская», т. I, стр. 109.
2 «Печерский патерик», стр. 9—10.
3 «Правда Русская», т. I, стр. 109.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ников в русских городах XI—XIII вв. Производство пищевых припасов занимало, повидимому, очень ограниченное место в городском хозяйстве на Руси этого времени. Продукты покупались на рынке почти без участия посредников, да и то только в больших городах. Летописец, рассказывая о щедрости Владимира Святославича, рисует картину раздачи продовольствия больным и нищим: «На воза укладывали хлеб, мясо, рыбу, различные овощи, мёд и квас в бочёнках, и возили по городу». На княжеских пирах подавалось много мяса домашних животных и зверей, «бяше по изобилью от всего» [1]. Тут нет и намёка на покупку пищевых припасов: их доставляют из княжеских вотчин.

Хозяйство горожан было ещё сильно связано с земледелием и животноводством. Нивы и огороды, пригородные луга по долинам рек и низинам играли большую роль в городском хозяйстве. Поэтому так относительно часты указания на «болонья» — низменные или прибрежные места, служившие выгоном для городского стада. Натуральное хозяйство ещё довлело над городом.

3. Работа на заказ и товарное производство

Ремесленные мастерские Древней Руси неоднократно описывались на основании археологических исследований. Но эти исследования вскрывают перед нами в основном производственные процессы, условия жизни ремесленников и только косвенно помогают восстановить картину взаимоотношений ремесленников с их заказчиками и рынком.

Существование ряда литейных форм, употреблявшихся для выпуска ремесленных изделий одного и того же типа, привело некоторых исследователей к предположению о работе этих мастерских на рыночный сбыт. Так, А. С. Гущин отмечает существование в Киеве ремесленной мастерской, изготовлявшей «более дешёвый и ходовой товар, подражающий по формам наиболее распространённым украшениям господствующего класса» [2].

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 86.

[2] *А. С. Гущин*, Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв., стр. 26.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

вощники выполняли и некоторые общественные функции. Так, они мостили на свой счёт часть новгородской территории, прилегавшей к двору Ивана Предтечи («тысячкому до вощник, от вощник посаднику до Великого ряду»). В целом перед нами очень яркая картина средневекового купеческого объединения.

Иванское сто носило характер замкнутой купеческой корпорации. «А кто хочет в купечество вложиться в Иванское, даст купцем пошлым вкладу пятьдесят гривен серебра, а тысяцкому сукно ипьское, ино купцам положить в святый Иван полътретьядцать гривен серебра; а не вложится кто в купечество, не даст пятьдесят гривен серебра, ино то не пошлый купець, а пошлым купцем ити им отчиною и вкладом». Это место устава вызывает невольный вопрос, куда же шли 25 (полътретьядцать) гривен серебра, которые не оставались в доме св. Ивана. Повидимому, они составляли особый фонд купеческого объединения, шедший на содержание патрональной церкви и на прочие расходы. Высокая сумма вклада объясняется тем, что вкладчик делался наследственным — «пошлым купцом», т. е. получал привилегии не только для себя, но и для потомства.

Нельзя не отметить, что устав купеческого объединения при церкви Ивана Предтечи на Опоках в Новгороде является одним из древнейших уставов средневековых гильдий на севере Европы. В этом смысле интересно привести справку, основанную на работе Дорена о времени возникновения купеческих гильдий в средние века [1]. В поле внимания Дорена были города Северной Франции (С. Омер, Валансьен, Париж, Руан) и Германии (Кёльн, Дортмунд, Гослар, Штендаль, Геттинген, Кассель). В основном статуты купеческих гильдий в этих городах возникли в XI—XII вв., причём больше в последнем, чем в первом столетии. Наиболее раннее развитие гильдий встречаем во Фландрии: так, в С. Омере гильдейский статут возник между 1083—1097 гг., а в Валансьене — в 1067 г. В немецких городах гильдейские статуты возникали значительно позже, например в Госларе только в 1200 г. Таким образом, древнерусский гильдейский статут появился не позже статутов соседних немецких

---

[1] *A. Doren,* Untersuchungen zur Geschichte der Kaufmannsgilden des Mittelalters, Leipzig 1893.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.
[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.
[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

сами новгородцы. Нашему предположению как будто противоречит известие о приходе в 1129 г. Данилы из Киева посадничать в Новгороде [1]. Но это только попытка великого князя утвердить в Новгороде порядки более раннего времени, что и привело в дальнейшем к изгнанию Всеволода Мстиславича.

Новгородское восстание 1136 г. достаточно известно в исторической литературе, чтобы на нём необходимо было долго задерживать наше внимание, в особенности после работ Б. Д. Грекова. В истории Новгорода 1136 год должен считаться переломным, после которого в нём окончательно утверждается вечевой строй. Кто же был основной силой, направлявшей движение против Всеволода? Об этом узнаём из рассказа о попытке Всеволода снова сесть на княжение в Новгороде. Когда в Новгороде услышали о тайных переговорах Всеволода с некоторыми боярами, «мятеж был велик в Новгороде, не восхотели людье Всеволода». Далее оказывается, что новгородцы брали деньги на боярах, «кто Всеволоду приятель», и давали конфискованные деньги купцам для сборов на войну. Озлобление против Всеволода среди купцов и ремесленников было явным и открытым.

Возникает вопрос о том, какие силы принимали участие в свержении Всеволода, чем объясняются выступления против него горожан.

Некоторый ответ на это даёт привлечение других источников, кроме летописи, в первую очередь устава Всеволода церкви Ивана Предтечи на Опоках и церковного устава того же князя. Устав церкви Ивана Предтечи на Опоках связывается с двумя известиями Новгородской летописи 1127 и 1130 гг. о построении каменной церкви на Петрятине дворище. Можно предполагать, что вокруг Иванского ста объединились не только купцы-вощники, что это купеческое объединение носило более широкий характер. Так, в церковном уставе Всеволода упоминается «локоть еваньскый», т. е. мера длины, необходимая не для купцов-вощников, а для торговцев сукном и другими тканями. В том же церковном уставе названы некоторые лица, приглашённые князем на совещание о торговых весах и мерилах: староста Болеслав, би-

[1] Новгород. лет., стр. 22.

рич Мирошка, староста иванский Васята. Из них бирич Мирошка может быть отожествлён с Мирославом Гюрятиничем, дважды занимавшим посадничество в Новгороде, в 1126 и 1134 гг. Уменьшительное название Мирошка, вместо Мирослава, ни в какой степени не может помешать этому отожествлению, потому что в этой уменьшительной форме ничего не было обидного. Например, так прозывался знаменитый посадник конца XII в., дети которого также именовались Мирошкиничами. Указание на участие в совещании старосты Иванского ста обнаруживает, что совещание произошло уже после составления устава церкви Ивана Предтечи на Опоках.

Некоторые известия летописи действительно указывают на тесные связи Всеволода Мстиславича с новгородским владыкой Нифонтом. В 1135 г. Всеволод вместе с Нифонтом заложил каменную церковь Богородицы на торговище. Зимою Нифонт «ходил в Русь» мирить киевлян с черниговцами.

После изгнания Всеволода Нифонт отказался обвенчать нового князя Святослава Ольговича, женившегося в Новгороде. Тогда же «милостьници Всеволожи» стреляли в Святослава. В поход на Псков, где засел Всеволод, ходили «князь и людье» — выражение, подчёркивающее, из кого состояли сторонники Святослава Ольговича [1]. Близость Всеволода к духовенству, возможно, объясняет раннее начало почитания Всеволода как святого.

Борьба новгородцев за городские вольности не была закончена в 1136—1137 гг. Она развивалась и дальше, приведя в конечном итоге к созданию Новгородской феодальной республики, гордо именовавшей себя «господином Великим Новгородом». Окончательное завершение борьбы за городские вольности произошло в Новгороде уже в XIII столетии. Этому предшествовал ряд крупных восстаний, из числа которых наиболее значительным было восстание 1209 г. Классовая борьба в Новгороде была ожесточённой и сопровождалась многими кровавыми событиями. Но изложение её выходит уже за пределы поставленной нами темы.

---

[1] Новгород. лет., стр. 24—25.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити»)[1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено[2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники[3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити»)[1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено[2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники[3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

вощники выполняли и некоторые общественные функции. Так, они мостили на свой счёт часть новгородской территории, прилегавшей к двору Ивана Предтечи («тысяцкому до вощник, от вощник посаднику до Великого ряду»). В целом перед нами очень яркая картина средневекового купеческого объединения.

Иванское сто носило характер замкнутой купеческой корпорации. «А кто хочет в купечество вложиться в Иванское, даст купцем пошлым вкладу пятьдесят гривен серебра, а тысяцкому сукно ипьское, ино купцам положить в святый Иван полътретьядцать гривен серебра; а не вложится кто в купечество, не даст пятьдесят гривен серебра, ино то не пошлый купець, а пошлым купцем ити им отчиною и вкладом». Это место устава вызывает невольный вопрос, куда же шли 25 (полътретьядцать) гривен серебра, которые не оставались в доме св. Ивана. Повидимому, они составляли особый фонд купеческого объединения, шедший на содержание патрональной церкви и на прочие расходы. Высокая сумма вклада объясняется тем, что вкладчик делался наследственным — «пошлым купцом», т. е. получал привилегии не только для себя, но и для потомства.

Нельзя не отметить, что устав купеческого объединения при церкви Ивана Предтечи на Опоках в Новгороде является одним из древнейших уставов средневековых гильдий на севере Европы. В этом смысле интересно привести справку, основанную на работе Дорена о времени возникновения купеческих гильдий в средние века [1]. В поле внимания Дорена были города Северной Франции (С. Омер, Валансьен, Париж, Руан) и Германии (Кёльн, Дортмунд, Гослар, Штендаль, Геттинген, Кассель). В основном статуты купеческих гильдий в этих городах возникли в XI—XII вв., причём больше в последнем, чем в первом столетии. Наиболее раннее развитие гильдий встречаем во Фландрии: так, в С. Омере гильдейский статут возник между 1083—1097 гг., а в Валансьене — в 1067 г. В немецких городах гильдейские статуты возникали значительно позже, например в Госларе только в 1200 г. Таким образом, древнерусский гильдейский статут появился не позже статутов соседних немецких

---

[1] *A. Doren*, Untersuchungen zur Geschichte der Kaufmannsgilden des Mittelalters, Leipzig 1893.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити»)[1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено[2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники[3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити»)[1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено[2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники[3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.
[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.
[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

товара одолжение. При отдаче товара на хранение не требовалось даже иметь свидетелей [1].

Хранение товаров или денег нередко обозначалось специальным термином «соблюдение» (сблюдение).

В Печерском патерике находим интересный рассказ о двух друзьях, Иоанне и Сергии. Это были «два мужа некие от великих града того» (Киева). Они вступили в «духовное братство» друг с другом. Иоанн умер и оставил на попечение, «на соблюдение» Сергия своего пятилетнего сына Захария. Когда Захарий достиг 15 лет, он начал требовать от опекуна свою долю. Опекун должен был прийти в церковь и принести присягу перед иконой, «что не взял ни 1000 гривен серебра, ни 100 гривен золота» [2].

Подобный случай имеет в виду и Русская Правда. Если купец получил деньги на торговлю, то он, в случае нежелания их отдать, мог отделаться присягой, что денег не получал [3].

Нечего и говорить, что такие патриархальные обычаи создавали почву для всякого рода злоупотреблений. Поэтому так нередки сообщения наших источников о хранении денег в запечатанных кубышках, зарытых в землю. Кредит был связан с большим риском для отдающих деньги в рост или для торговли. Отсюда и те высокие проценты, которые средневековье знает при отдаче денег в кредит, нередко совпадающий с понятием ростовщичества.

6. Средневековая организация ремесла и торговли

Ремесленное производство в городах Древней Руси носило типично средневековый характер с регламентацией производства ремесленных изделий и продажи их на торгу.

В городах Древней Руси наблюдается довольно чёткое деление ремесленников на мастеров и учеников в том особом понятии этого слова, которое свойственно средневековью. Существование ученичества на Руси засвидетельствовано Псковской судной грамотой, памятником

[1] «Правда Русская», т. I, стр. 109.
[2] «Печерский патерик», стр. 9—10.
[3] «Правда Русская», т. I, стр. 109.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ников в русских городах XI—XIII вв. Производство пищевых припасов занимало, повидимому, очень ограниченное место в городском хозяйстве на Руси этого времени. Продукты покупались на рынке почти без участия посредников, да и то только в больших городах. Летописец, рассказывая о щедрости Владимира Святославича, рисует картину раздачи продовольствия больным и нищим: «На воза укладывали хлеб, мясо, рыбу, различные овощи, мёд и квас в бочёнках, и возили по городу». На княжеских пирах подавалось много мяса домашних животных и зверей, «бяше по изобилью от всего» [1]. Тут нет и намёка на покупку пищевых припасов: их доставляют из княжеских вотчин.

Хозяйство горожан было ещё сильно связано с земледелием и животноводством. Нивы и огороды, пригородные луга по долинам рек и низинам играли большую роль в городском хозяйстве. Поэтому так относительно часты указания на «болонья» — низменные или прибрежные места, служившие выгоном для городского стада. Натуральное хозяйство ещё довлело над городом.

3. Работа на заказ и товарное производство

Ремесленные мастерские Древней Руси неоднократно описывались на основании археологических исследований. Но эти исследования вскрывают перед нами в основном производственные процессы, условия жизни ремесленников и только косвенно помогают восстановить картину взаимоотношений ремесленников с их заказчиками и рынком.

Существование ряда литейных форм, употреблявшихся для выпуска ремесленных изделий одного и того же типа, привело некоторых исследователей к предположению о работе этих мастерских на рыночный сбыт. Так, А. С. Гущин отмечает существование в Киеве ремесленной мастерской, изготовлявшей «более дешёвый и ходовой товар, подражающий по формам наиболее распространённым украшениям господствующего класса» [2].

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 86.

[2] *А. С. Гущин,* Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв., стр. 26.

в связи с выходом книг Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова. Юшков критикует выводы Сергеевича, считая, что тот не видит никаких изменений в организации и значении веча. Не согласен он также и с В. О. Ключевским, что вече в основном было представлено массой торговцев и ремесленников областных городов. Собственный вывод Юшкова заключается в признании за вечем характера совещания «основных феодальных групп». Названный исследователь особенно настаивает на том, что «ни в одном совещании, которое могло бы претендовать на какое-либо политическое значение, основной силой не могла быть демократическая масса города — мелкие торговцы, ремесленники, наймиты и разного рода плебейские элементы» [1]. В доказательство своей мысли С. В. Юшков приводит вечевые собрания 1113 г., 1139 г. (у Туровой божницы), 1147 г. в Киеве и 1159 г. в Полоцке. «Нам думается, — замечает С. В. Юшков, — что в полном согласии с общими нашими взглядами на сущность власти в Киевской Руси мы можем установить, что основной социальной силой, которая направляла деятельность веча, были феодальные городские группы, а не широкая городская демократия торговцев и ремесленников» [2].

Нельзя не пожалеть, что слово «людие», которым обозначают горожан, игравших такую большую роль в городских восстаниях и вечевых собраниях XII—XIII вв., не привлекает к себе внимания Юшкова. При более полном анализе летописных известий его выводы имели бы, вероятно, несколько иной характер; тогда нельзя было бы утверждать, что вече в Полоцке 1159 г. «было сходкой, созванной для воодушевления заговорщиков и для агитации среди ещё не примкнувших к заговору» [3].

С. В. Юшков считает, что «печать чрезвычайности лежит на всех событиях, которые предшествовали

---

[1] *С. В. Юшков,* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, стр. 195.

[2] *С. В. Юшков,* Общественно-политический строй и право Киевского государства, стр. 350; см. также *его же,* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси; у С. В. Юшкова ошибка: собрание у Туровой божницы было не в 1139 г., а в 1146 г. (см. Ипат. лет., стр. 229).

[3] *С. В. Юшков,* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, стр. 206.

ников в русских городах XI—XIII вв. Производство пищевых припасов занимало, повидимому, очень ограниченное место в городском хозяйстве на Руси этого времени. Продукты покупались на рынке почти без участия посредников, да и то только в больших городах. Летописец, рассказывая о щедрости Владимира Святославича, рисует картину раздачи продовольствия больным и нищим: «На воза укладывали хлеб, мясо, рыбу, различные овощи, мёд и квас в бочёнках, и возили по городу». На княжеских пирах подавалось много мяса домашних животных и зверей, «бяше по изобилью от всего»[1]. Тут нет и намёка на покупку пищевых припасов: их доставляют из княжеских вотчин.

Хозяйство горожан было ещё сильно связано с земледелием и животноводством. Нивы и огороды, пригородные луга по долинам рек и низинам играли большую роль в городском хозяйстве. Поэтому так относительно часты указания на «болонья» — низменные или прибрежные места, служившие выгоном для городского стада. Натуральное хозяйство ещё довлело над городом.

3. Работа на заказ и товарное производство

Ремесленные мастерские Древней Руси неоднократно описывались на основании археологических исследований. Но эти исследования вскрывают перед нами в основном производственные процессы, условия жизни ремесленников и только косвенно помогают восстановить картину взаимоотношений ремесленников с их заказчиками и рынком.

Существование ряда литейных форм, употреблявшихся для выпуска ремесленных изделий одного и того же типа, привело некоторых исследователей к предположению о работе этих мастерских на рыночный сбыт. Так, А. С. Гущин отмечает существование в Киеве ремесленной мастерской, изготовлявшей «более дешёвый и ходовой товар, подражающий по формам наиболее распространённым украшениям господствующего класса»[2].

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 86.

[2] *А. С. Гущин,* Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв., стр. 26.

По мнению С. В. Юшкова, ни в одном вечевом совещании «не могла быть основной силой демократическая масса города — мелкие торговцы, ремесленники, наймиты и разного рода плебейские элементы». Поэтому и участники совещания 1113 г. в Киеве и даже веча у Туровой божницы в 1146 г. (у С. В. Юшкова опять ошибочно показан 1139 г.) представляются исследователю «не мелкими торговцами и ремесленниками», а «основной киевской феодальной группой», так как они явились на конях в полном вооружении, стало быть, были теми самыми крупными торговцами, являвшимися одновременно и землевладельцами. Прекращение вечевых собраний представляется Юшкову следствием того, что «местные феодалы перестали нуждаться в широких городских совещаниях».

Высказывания С. В. Юшкова стоят в явном противоречии с характером и значением вечевых собраний. Прежде всего Юшков в своих построениях точно забывает о классовой борьбе в русском городе XII — начала XIII в. Основная масса городского населения — ремесленники и мелкие торговцы — и составляла тех «чёрных людей», об участии которых в вечевых собраниях говорят новгородские летописи уже с начала XIII в. Вечевое собрание 1068 г. в Киеве было собранием «людей», а вовсе не феодальной верхушки. Юшков почему-то считает, что на конях могла появляться только верхушка городского населения, модернизируя понятие ремесленников и забывая о том, что в средневековом городе ремесленники являлись зажиточной группой населения, тесно связанной с торговлей, ещё не отделившейся от ремесла. В среде ремесленников были свои социальные различия, резко заметные между мастерами и учениками. Сам Юшков думает, что веча были «массовыми собраниями руководящих элементов города и земли для совета по наиболее важным вопросам», но почему-то не считает возможным признавать, что этими руководящими элементами могли быть порой и «чёрные люди». Таким образом, классовая борьба внутри города недостаточно освещена новейшим исследователем истории города в Киевской Руси, хотя история веча в средневековых русских городах совершенно неотделима от истории развития этих городов.

товара одолжение. При отдаче товара на хранение не требовалось даже иметь свидетелей [1].

Хранение товаров или денег нередко обозначалось специальным термином «соблюдение» (сблюдение).

В Печерском патерике находим интересный рассказ о двух друзьях, Иоанне и Сергии. Это были «два мужа некие от великих града того» (Киева). Они вступили в «духовное братство» друг с другом. Иоанн умер и оставил на попечение, «на соблюдение» Сергия своего пятилетнего сына Захария. Когда Захарий достиг 15 лет, он начал требовать от опекуна свою долю. Опекун должен был прийти в церковь и принести присягу перед иконой, «что не взял ни 1000 гривен серебра, ни 100 гривен золота» [2].

Подобный случай имеет в виду и Русская Правда. Если купец получил деньги на торговлю, то он, в случае нежелания их отдать, мог отделаться присягой, что денег не получал [3].

Нечего и говорить, что такие патриархальные обычаи создавали почву для всякого рода злоупотреблений. Поэтому так нередки сообщения наших источников о хранении денег в запечатанных кубышках, зарытых в землю. Кредит был связан с большим риском для отдающих деньги в рост или для торговли. Отсюда и те высокие проценты, которые средневековье знает при отдаче денег в кредит, нередко совпадающий с понятием ростовщичества.

6. Средневековая организация ремесла и торговли

Ремесленное производство в городах Древней Руси носило типично средневековый характер с регламентацией производства ремесленных изделий и продажи их на торгу.

В городах Древней Руси наблюдается довольно чёткое деление ремесленников на мастеров и учеников в том особом понятии этого слова, которое свойственно средневековью. Существование ученичества на Руси засвидетельствовано Псковской судной грамотой, памятником

[1] «Правда Русская», т. I, стр. 109.
[2] «Печерский патерик», стр. 9—10.
[3] «Правда Русская», т. I, стр. 109.

Климу и к тысяцкому Лазарю, и сказал им: «Созовите киевлян на двор к святой Софии, пусть мой посол скажет к ним мою речь и расскажет об обмане черниговских князей». Когда же все киевляне от мала до велика сошлись на двор к св. Софии и встали («въставшем же им в вечи») на вече, посол Изяслава им сказал: «Целует вас князь ваш, я вам объявил, вот думал я с братом своим Ростиславом и с Владимиром, с Изяславом Давыдовичем, пойти на своего дядю Юрия и вас с собой звал, а вы мне сказали — не можем поднять рук на племя Володимерово, на Юрия, но, если на Ольговичей, то, хоть с детьми, идем с тобою... Ныне же, братья киевляне, чего вы хотели, что мне обещали, идите за мной («по мне») к Чернигову на Ольговичей, собирайтесь от мала и до велика, кто имеет коня, кто же не имеет коня, то в ладье, те ведь не меня одного хотели убить, но и вас искоренить». Киевляне же сказали: «Рады, если нас бог тобою избавил от великого обмана, идем по тебе и с детьми, как хочешь»» [1].

Рассказ об этом же вече имеем в Лаврентьевской летописи в таком виде: «Изяслав... послал в Киев к брату Владимиру и к тысяцкому Лазарю 2 мужей, Добрынку и Радила: «Брат, поезжай к митрополиту и созови всех киевлян, пусть эти мужи расскажут об обмане черниговских князей». И Владимир поехал к митрополиту, приглашая киевлян. И пришло киевлян многое множество народу и сели у святой Софии слушать; и сказал Владимир митрополиту: «Вот прислал брат мой 2 мужей киевлян, пусть скажут своей братье». И выступили Добрынка и Радило и сказали: «Целовал тебя брат, а митрополиту клялся, и Лазаря целовал, и всех киевлян». Сказали киевляне: «Скажите, с чем вас прислал князь?» Они же сказали: «Так молвит князь: «Целовали ко мне крест Давыдовичи и Святослав Всеволодович, которому я сделал много добра, а теперь хотели меня убить обманом, но бог меня спас и честный крест, который они ко мне целовали; а теперь, братья, идите за мной («по мне») к Чернигову, кто имеет коня, если не имеет его, то в ладье, они ведь не меня одного хотели убить, но и вас искоренить»» [2]. Дальше в обеих летописях говорится о

---

[1] Ипат. лет., стр. 245—246.
[2] Лаврент. лет., стр. 299—300.

спорах на вече по поводу действий Игоря Ольговича и смерти последнего от толпы.

Свидетельства о киевском вече 1147 г. представляют нечто совершенно исключительное в наших летописях. Прежде всего становится ясным, что двор св. Софии в Киеве был постоянным местом вечевых собраний. Присутствующие сидели в ожидании начала веча. Сергеевич даже думал, что там были устроены скамьи, на которых народ мог сидеть. Картина сидящего народа очень далека от представлений о шумной и беспорядочной сходке.

Напрасно думать, что прения на вече шли сами собой, что первое слово говорил тот, кто собрал вече, как обычно изображается вече в нашей исторической литературе. В известии 1147 г. ясно видны лица, руководившие вечем: князь, митрополит, тысяцкий. Характерно само выражение, с которым посол Изяслава говорит от имени своего князя митрополиту: «а митрополиту ся поклонял». Тверской великий князь Михаил Ярославич (между 1295—1305 гг.) начинает свой договор с Новгородом словами: «поклон от князя от Михаила к отцу ко владыке». Перед нами уже сложившаяся терминология, которая сохранится на севере даже после татарских погромов. Одинаковая передача, хотя и с различными подробностями, вечевых споров 1147 г. в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях позволяет думать, вопреки Сергеевичу, о существовании протокольных записей вечевых решений. Новгородский вечевой дьяк появился не в XV в., а имел своих предшественников в более ранние столетия.

Процедура киевского веча была обычной и для вечевых собраний других городов. Это видно из свидетельства о новгородском вече 1218 г. Князь Святослав присылает на вече своего тысяцкого в качестве посла с требованием сменить посадника Твердислава, и Твердислав выступает на вече в свою защиту. Наши летописи рассказывают о вече только в исключительных случаях, но это не значит, что вечевая деятельность ограничивалась лишь теми моментами, о которых говорит летопись. «Люди» гораздо чаще «думали» вместе с князем или без него, чем это обычно представляется в нашей литературе. А самое главное, вечевая деятельность была характерна

для всех крупных русских городов. Верховные советы города Котора на Адриатическом побережье Балканского полуострова также назывались великим и малым вечем [1].

3. Городское управление

Городское население не было неорганизованным. Во главе его стояли тысяцкие и сотские. Однако правильное понимание значения этих должностей в древнерусском городе невозможно без некоторых предварительных изысканий. А. Е. Пресняков считал, что тысяча появилась у нас только при установлении княжеской власти. Как и другие исследователи, он был склонен думать, что тысяцкие были лишь представителями княжеской администрации в городах. Так понимали значение тысяцких и другие авторы, касавшиеся истории этой важной должности. Но уже Никитский в своих замечательных статьях об Иванском сте внёс решительные поправки в представление о тысяцких, как о воеводах, назначаемых князем для командования над городским населением. Новгородский тысяцкий в исследованиях Никитского выступает прежде всего как глава торгового суда и вообще как судья над городским населением [2]. Выводы Никитского для Новгорода являются неоспоримыми и подтверждаются нашими источниками. Но в какой мере они являются столь же неоспоримыми для Киевской Руси в целом? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего установить значение названий тысяча и тысяцкий.

Первый известный нам киевский тысяцкий Путята упоминается в 1097 г. как воевода князя Святополка Изяславича. Через два года тот же Путята был представителем Святополка на съезде в Уветичах, а в 1104 г. ходил как воевода с войском своего князя на Минск. В 1106 г. Путята вместе со своим братом Яном Вышатичем воевал против половцев. Таким образом, узнаём о принадлежности Путяты к знаменитому боярскому роду, родоначальник которого Вышата предводительствовал

---

[1] *И. Синдик,* Комунално уреджење Котора, Београд 1950, стр. 93 (на заседание великого веча созывали звоном).

[2] *А. Никитский,* Очерки из жизни Великого Новгорода (ЖМНП № 8, 1870 г., стр. 201—224).

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ников в русских городах XI—XIII вв. Производство пищевых припасов занимало, повидимому, очень ограниченное место в городском хозяйстве на Руси этого времени. Продукты покупались на рынке почти без участия посредников, да и то только в больших городах. Летописец, рассказывая о щедрости Владимира Святославича, рисует картину раздачи продовольствия больным и нищим: «На воза укладывали хлеб, мясо, рыбу, различные овощи, мёд и квас в бочёнках, и возили по городу». На княжеских пирах подавалось много мяса домашних животных и зверей, «бяше по изобилью от всего» [1]. Тут нет и намёка на покупку пищевых припасов: их доставляют из княжеских вотчин.

Хозяйство горожан было ещё сильно связано с земледелием и животноводством. Нивы и огороды, пригородные луга по долинам рек и низинам играли большую роль в городском хозяйстве. Поэтому так относительно часты указания на «болонья» — низменные или прибрежные места, служившие выгоном для городского стада. Натуральное хозяйство ещё довлело над городом.

3. Работа на заказ и товарное производство

Ремесленные мастерские Древней Руси неоднократно описывались на основании археологических исследований. Но эти исследования вскрывают перед нами в основном производственные процессы, условия жизни ремесленников и только косвенно помогают восстановить картину взаимоотношений ремесленников с их заказчиками и рынком.

Существование ряда литейных форм, употреблявшихся для выпуска ремесленных изделий одного и того же типа, привело некоторых исследователей к предположению о работе этих мастерских на рыночный сбыт. Так, А. С. Гущин отмечает существование в Киеве ремесленной мастерской, изготовлявшей «более дешёвый и ходовой товар, подражающий по формам наиболее распространённым украшениям господствующего класса» [2].

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 86.

[2] *А. С. Гущин*, Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв., стр. 26.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити») [1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено [2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники [3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

ников в русских городах XI—XIII вв. Производство пищевых припасов занимало, повидимому, очень ограниченное место в городском хозяйстве на Руси этого времени. Продукты покупались на рынке почти без участия посредников, да и то только в больших городах. Летописец, рассказывая о щедрости Владимира Святославича, рисует картину раздачи продовольствия больным и нищим: «На воза укладывали хлеб, мясо, рыбу, различные овощи, мёд и квас в бочёнках, и возили по городу». На княжеских пирах подавалось много мяса домашних животных и зверей, «бяше по изобилью от всего» [1]. Тут нет и намёка на покупку пищевых припасов: их доставляют из княжеских вотчин.

Хозяйство горожан было ещё сильно связано с земледелием и животноводством. Нивы и огороды, пригородные луга по долинам рек и низинам играли большую роль в городском хозяйстве. Поэтому так относительно часты указания на «болонья» — низменные или прибрежные места, служившие выгоном для городского стада. Натуральное хозяйство ещё довлело над городом.

3. Работа на заказ и товарное производство

Ремесленные мастерские Древней Руси неоднократно описывались на основании археологических исследований. Но эти исследования вскрывают перед нами в основном производственные процессы, условия жизни ремесленников и только косвенно помогают восстановить картину взаимоотношений ремесленников с их заказчиками и рынком.

Существование ряда литейных форм, употреблявшихся для выпуска ремесленных изделий одного и того же типа, привело некоторых исследователей к предположению о работе этих мастерских на рыночный сбыт. Так, А. С. Гущин отмечает существование в Киеве ремесленной мастерской, изготовлявшей «более дешёвый и ходовой товар, подражающий по формам наиболее распространённым украшениям господствующего класса» [2].

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 86.

[2] *А. С. Гущин*, Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв., стр. 26.

ника» (белиньника), а летопись говорит о побелке стен суздальского собора известью. Это свидетельство особенно интересно тем, что в нём показано существование разных специальностей по строительству и ремонту зданий: кровельщиков, оловяничников, белильщиков («иных олову льяти, иных крыти, иных извистью белити»)[1].

Иногда разные промысловые специальности сосредоточивались в руках одного ремесленника, в других случаях ремесленники занимались производством одного какого-либо предмета, рассчитанного на постоянный спрос. Таковы были седельники, лучники, тульники, сходившиеся в Холм к Даниилу Романовичу Галицкому. Поэтому Б. А. Рыбаков прав, замечая, что «не всегда можно быть уверенным, что данная специальность существовала совершенно самостоятельно, без сочетания с родственной». Гораздо труднее согласиться с ним в том, что число специальностей (64), указанное им в списке ремесленных профессий Древней Руси, скорее преуменьшено, чем преувеличено[2]. Так, можно сомневаться в существовании таких специальностей, как оружейники[3], волочильщики, гранильщики, корчажники, мастера по выделке пергамента и т. д. Впрочем, подобные поправки в отношении сокращения или пополнения списка ремесленных специальностей, составленного Б. А. Рыбаковым, не меняют общую картину большого ремесленного развития Древней Руси.

Сводя письменные свидетельства о ремёслах Древней Руси в целое, получим такой список ремесленных специальностей (по алфавиту):

1) белильщики (белиньники),
2) гвоздочники,
3) гончары,
4) городники,
5) древоделы,
6) замочные мастера,
7) зиждители,
8) златари,
9) иконники,

---

[1] Лаврент. лет., стр. 390.

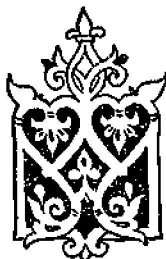
[2] *Б. А. Рыбаков,* Ремесло Древней Руси, стр. 509—510.

[3] Общее название мастеров оружейного дела, рядом с которыми Б. А. Рыбаков называет бронников, шорников и пр.

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна [1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

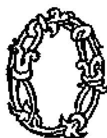

ГЛАВА 6

ВНЕШНИЙ ВИД ГОРОДОВ

1. Городские укрепления

тличительной чертой средневековых европейских городов многие исследователи считают наличие в них укреплений. Город — это прежде всего укреплённый пункт. Такое же значение имело древнее русское слово «город», что достаточно отмечено в нашей литературе, в частности Самоквасовым. Н. С. Державин указывает следующие параллели русскому термину «город» в славянских языках: «Термин же hrad в современном чешском языке сохранился только в его исконном значении — «замок». В таком же значении термин «город» сохранился и в польском языке — gród, укрепление меньших размеров, т. е. небольшой замок, — grodek» [1]. С этим последним словом почти полностью сходно название «градок», которое летописец присваивает древнейшему Киеву, построенному, по его словам, тремя братьями.

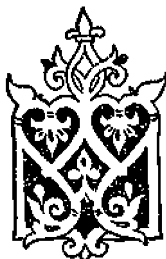
Центральная часть населённого пункта, его крепость, составляла собственно город. Насколько такое словоупотребление привилось в разговорном русском языке, показывает то обстоятельство, что ещё в начале XX столетия центральная часть Москвы, Кремль и Китай-город, в просторечии обозначалась термином «город». «Поехать

[1] *Н. С. Державин*, Из истории древнеславянского города («Вестник древней истории» № 3—4, 1940 г., стр. 147).

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна [1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

делавшими город недоступным с разных сторон. В лесистых и болотистых землях Северной Руси крепости располагались на невысоких холмах и пользовались как прикрытиями топкими низинами и болотами, являвшимися прекрасной защитой от нападения в течение большей части года. Для таких крепостей типичен высокий вал, как, например, в Дмитрове.

Основным видом городских укреплений в Древней Руси X—XIII вв. были деревянные стены. Вместо выражения «построить» город говорили «срубить» город, так же как писали о постройке деревянных церквей. Раскопки древнерусских городов выяснили интересные подробности устройства деревянных укреплений; эти укрепления в основном состояли из вала, на котором были возведены стены и башни, подобные таким же стенам и башням позднейших острогов[1]. Городские стены состояли из деревянных срубов, наполненных землёй, — городниц, плотно приставленных одна к другой и державшихся благодаря своей тяжести. Бывали случаи, когда городницы, составлявшие звенья стены, вываливались из неё вместе с оборонявшими их людьми. Такой случай произошёл в 1185 г. в небольшом городке Римове, в Киевской земле; во время нападения половцев «полетели две городницы с людьми и на сражающихся и на прочих горожан нашёл страх». Осаждавшие, воспользовавшись несчастьем, ворвались через образовавшуюся брешь и овладели крепостью.

На верху стен, составленных из городниц, имелась довольно широкая площадка, которую с внешней стороны от неприятельских стрел и камней прикрывал деревянный забор — «забрала», или «заборола». Иногда словом «заборола» обозначали и всю крепостную стену. В заборолах были устроены щели — «скважни» — для стрельбы в нападающих. Городские стены, повидимому, не отличались большой высотой, иначе для нас оставалось бы непонятным известие летописи о смердах, перескакивавших через заборола во время осады одного галицкого города Иваном Берладником.

На заборолах происходила ожесточённая борьба во время штурма городов, отсюда защитники города бро-

---

[1] *Н. Н. Воронин,* Крепостные сооружения («История культуры Древней Руси», т. I, стр. 439—470).

сали в нападающих камни, стрелы и копья. С заборола городской стены открывался обширный вид на окрестности. На забороле стены, по Слову о полку Игореве, плакала Ярославна, обращаясь взором к обширной и далёкой степи, где в плену находился её муж Игорь.

Стены укреплялись башнями — «вежами», — иногда на каменном фундаменте. Описание одной из веж находим под 1259 г. в Ипатьевской летописи. Башня стояла внутри крепости Холм, «якоже бити с нея окрест града». Фундамент башни на высоту в 15 локтей был сложен из камня, а сама она сделана из тёсаного дерева с побелкою, по своеобразному выражению летописи, — «убелена, яко сыр»[1]. Остатки древних каменных башен ещё в XIX столетии сохранялись в окрестностях Холма. В деревне Белавине имелись остатки старинной башни, от которой сохранилась западная стена шириною около 12 аршин и толщиною в 1,5 аршина; высота башни — до 30 аршин. Она сложена из дикого белого и синего камня, скреплённого извёсткой. Вероятным назначением её было прикрытие переправы через болота и речку. В 10 *км* от Холма, у селения Столпье, стояла четырёхугольная башня высотою до 20 аршин, сложенная из дикого камня, поблизости от неё находились остатки каменного фундамента[2]. Впрочем, обе башни не входили в состав городских стен, а были особыми укреплениями.

В город вели ворота, количество которых зависело от размеров поселения. В Киеве было по меньшей мере 4 ворот (Золотые, Жидовские, Лядские, Угорские), во Владимире на Клязьме — 4 (Волжские, Золотые, Иринины, Медяные), в маленьких крепостях довольствовались одними воротами. Значение ворот для города подчёркивается тем, что термин «отворити ворота» обозначал сдачу города.

В больших княжеских городах заметно стремление к выделению особых парадных ворот. В Киеве они получили название Золотых, вероятно, в подражание Золотым воротам в Константинополе. Парадность киевских Золотых ворот подчёркивалась устройством над ними надвратной церкви Благовещения. Митрополит Иларион в своём слове придавал этой церкви особое значение,

---

[1] Ипат. лет., стр. 436, 178, 341, 559.

[2] *П. Н. Батюшков*, Холмская Русь, СПБ 1887, приложения, стр. 36—37.

делавшими город недоступным с разных сторон. В лесистых и болотистых землях Северной Руси крепости располагались на невысоких холмах и пользовались как прикрытиями топкими низинами и болотами, являвшимися прекрасной защитой от нападения в течение большей части года. Для таких крепостей типичен высокий вал, как, например, в Дмитрове.

Основным видом городских укреплений в Древней Руси X—XIII вв. были деревянные стены. Вместо выражения «построить» город говорили «срубить» город, так же как писали о постройке деревянных церквей. Раскопки древнерусских городов выяснили интересные подробности устройства деревянных укреплений; эти укрепления в основном состояли из вала, на котором были возведены стены и башни, подобные таким же стенам и башням позднейших острогов[1]. Городские стены состояли из деревянных срубов, наполненных землёй, — городниц, плотно приставленных одна к другой и державшихся благодаря своей тяжести. Бывали случаи, когда городницы, составлявшие звенья стены, вываливались из неё вместе с оборонявшими их людьми. Такой случай произошёл в 1185 г. в небольшом городке Римове, в Киевской земле; во время нападения половцев «полетели две городницы с людьми и на сражающихся и на прочих горожан нашёл страх». Осаждавшие, воспользовавшись несчастьем, ворвались через образовавшуюся брешь и овладели крепостью.

На верху стен, составленных из городниц, имелась довольно широкая площадка, которую с внешней стороны от неприятельских стрел и камней прикрывал деревянный забор — «забрала», или «заборола». Иногда словом «заборола» обозначали и всю крепостную стену. В забороласх были устроены щели — «скважни» — для стрельбы в нападающих. Городские стены, повидимому, не отличались большой высотой, иначе для нас оставалось бы непонятным известие летописи о смердах, перескакивавших через заборола во время осады одного галицкого города Иваном Берладником.

На забороласх происходила ожесточённая борьба во время штурма городов, отсюда защитники города бро-

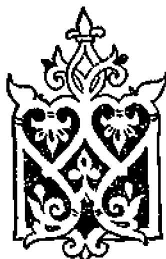
---

[1] *Н. Н. Воронин*, Крепостные сооружения («История культуры Древней Руси», т. I, стр. 439—470).

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна [1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

В больших городах укрепления состояли из внутренней крепости, детинца (вышгорода), и наружных укреплений. Кроме Новгорода о существовании детинцев, или внутренних замков, известно в Чернигове и Владимире Залесском. В Новгороде Детинец иногда назывался «Кромным городом» — название, прочно утвердившееся в Пскове, где внутренний замок именовался Кромом, повидимому от слова «кромьство» — внутренность. К этому же корню, весьма вероятно, восходит московское название Кремль. В Пскове термины «Детинец» и «Кром» обозначали одинаково внутренний замок. В этом смысле любопытно употребление слова «детинец» в славянском переводе Иудейской войны Иосифа Флавия: «Церковный ведь град был граду самому, как детинец», т. е. иерусалимский храм по отношению к городу Иерусалиму был как бы детинцем. На юге Руси внутренняя крепость, или замок, имела очень распространённое в славянских странах название «вышгород». В известных глоссах к Библии 1499 г. «вышгород» переводится словом «замок» (arx), «в вышгороде — ин арсе» (in arce) [1].

Разросшиеся города скоро не стали вмещаться в узкие пределы детинцев, к которым пригораживались ближайшие части города, окружённые новой стеной. Последняя составляла внешний укреплённый пояс. В больших центрах в черту города постепенно включались городские предместья, окружённые лёгкими укреплениями в виде частокола, поставленного на невысоком валу. Подобное укрепление называлось «острогом» и окружало, например, Чернигов. «И билася дружина моя с ним, — рассказывает Владимир Мономах об обороне Чернигова от Олега с половцами, — 8 дней за малым валом, не давая им проникнуть в острог» [2]. Мономах хотел этим подчеркнуть храбрость своей дружины, успешно защищавшей слабые укрепления острога, т. е. частокола, поставленного на валах.

Нередко осаждающие успевали взять только острог, тогда как внутренний город, или детинец, оставался невредимым. В Киеве XII в. ограда из деревянных столбов,

---

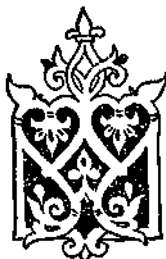
[1] *И. И. Срезневский,* Материалы, т. I, стб. 795, 457. «Обиташе Давид в крому, ин арсе или в вышегородце» (там же, стб. 1327).

[2] Лаврент. лет., стр. 240.

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна [1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

Прямое указание на существование каменных стен в Переяславле имеем в летописи под 1090 г. (в Лаврентьевской — под 1089 г.). Епископ Ефрем заложил в Переяславле каменный город («град заложил камен от церкви святого мученика Феодора»). Это место, испорченное в ряде списков, может быть понято в том смысле, что Ефрем заложил часть городской стены, начиная от церкви св. Феодора, а не целиком «каменный град». Церковь стояла на каменных воротах, от которых начата была постройка каменных стен в Переяславле. Слова «сего же не бысть в Руси», которые в Ипатьевской летописи поставлены так, что их можно отнести к каменному городу, в Лаврентьевской отнесены к каменной бане, — следовательно, не обозначают удивления перед постройкой каменных крепостей на Руси. «Город камен» был построен Андреем Юрьевичем в Боголюбове.

Кроме того, есть указания на существование каменного города в Новгороде уже в XI в. Об этом читаем положительные известия в Летописце Новгородском церквам божиим: «Ходил великий князь Ярослав Владимирович на Литву; а на весну заложил Новгород и сделал на Софийской стороне каменный» [1]. Однако это известие внушает мало доверия, ибо названный Летописец возник не ранее конца XVI в., впитав в себя, что самое главное, множество позднейших легенд, припоминаний и просто домыслов. Достаточно сказать, что в более древних летописцах сказано о походе Владимира Ярославича, а не его отца; Владимир же, по этим летописцам, заложил и Новгород, причём нет никаких добавлений о каменном городе.

Ещё менее достоверны домыслы о построении каменного города в Киеве. Никакой опоры для этого в письменных источниках мы не имеем. Во время осады Киева осадные машины действовали днём и ночью, и «выбили стены и взошли горожане на остаток стены». Когда татары взяли первый город, киевляне сделали другой город, у Десятинной церкви [2]. В летописи нигде нет намёка на каменный город в Киеве. Вероятно, и потребность в таких каменных городах на востоке Европы появилась поздно, так как укрепления из дерева и земли были до-

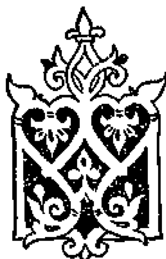
---

[1] «Новгородские летописи», стр. 181.
[2] Ипат. лет., стр. 522.

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна [1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

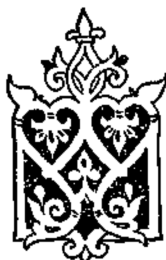
[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна [1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

что не раз отмечалось в нашей исторической литературе, правда, иной раз в несколько примитивной форме.

Жители предградья, или посада, старались селиться в непосредственной близости к стенам крепости, служившей защитой для новых поселенцев, но не слишком удаляясь от реки. Основная масса жителей посада принадлежала к ремесленникам и торговцам, для которых особенно важно было иметь удобный доступ к воде, в большом количестве требовавшейся для таких ремёсел, как гончарное и кожевенное. Поэтому, если крепость, населённая княжескими слугами и дружиной, стремилась взгромоздиться на вершины холмов, предградье спускалось вниз, к воде. Так складывалась яркая противоположность между аристократической «горой» и демократическим «подолом», где располагались дворы ремесленников, оседавшие отдельными слободами гончаров, кожевников, плотников и т. д. Само название «подол», обозначавшее низменную часть города, под горой, на которой возвышался детинец, встречается во многих городах, не только в Киеве, но и в Чернигове, в Новгороде, в Москве. Эту противоположность между аристократическими и демократическими частями города можно проследить на примере нескольких городов. Пожалуй, наиболее типичен Киев, разбросанный по холмам и прибрежной низине на громадное пространство. В нём резко сказывалось различие между аристократической «Горой» и ремесленным кварталом — «Подолом». Первоначальный город строился на высоких холмах, защищённых обрывистыми оврагами, а Подол вырос позже, когда развились ремёсла и торговля, что вызвало прилив населения к реке.

Чернигов был построен также на холме и рос в сторону от Десны в силу естественных условий, мешавших населению располагаться непосредственно у реки; поэтому в нём не было столь решительного контраста между горой и подолом.

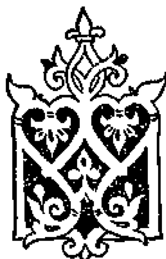
План Владимира-на-Клязьме несколько напоминает план Киева. Первоначально город был заложен над рекой Клязьмой, на крутом холме, окружённом глубокими и обрывистыми оврагами. Он разрастался по соседним холмам. Близость планировки Владимира к планировке Киева находит своё объяснение в сознательном подражании южнорусской столице. Недаром во Владимире, как и в Киеве, находим не только Золотые ворота, но и ручей

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна[1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

---

[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

целавшими город недоступным с разных сторон. В лесистых и болотистых землях Северной Руси крепости располагались на невысоких холмах и пользовались как прикрытиями топкими низинами и болотами, являвшимися прекрасной защитой от нападения в течение большей части года. Для таких крепостей типичен высокий вал, как, например, в Дмитрове.

Основным видом городских укреплений в Древней Руси X—XIII вв. были деревянные стены. Вместо выражения «построить» город говорили «срубить» город, так же как писали о постройке деревянных церквей. Раскопки древнерусских городов выяснили интересные подробности устройства деревянных укреплений; эти укрепления в основном состояли из вала, на котором были возведены стены и башни, подобные таким же стенам и башням позднейших острогов[1]. Городские стены состояли из деревянных срубов, наполненных землёй, — городниц, плотно приставленных одна к другой и державшихся благодаря своей тяжести. Бывали случаи, когда городницы, составлявшие звенья стены, вываливались из неё вместе с оборонявшими их людьми. Такой случай произошёл в 1185 г. в небольшом городке Римове, в Киевской земле; во время нападения половцев «полетели две городницы с людьми и на сражающихся и на прочих горожан нашёл страх». Осаждавшие, воспользовавшись несчастьем, ворвались через образовавшуюся брешь и овладели крепостью.

На верху стен, составленных из городниц, имелась довольно широкая площадка, которую с внешней стороны от неприятельских стрел и камней прикрывал деревянный забор — «забрала», или «заборола». Иногда словом «заборола» обозначали и всю крепостную стену. В заборолах были устроены щели — «скважни» — для стрельбы в нападающих. Городские стены, повидимому, не отличались большой высотой, иначе для нас оставалось бы непонятным известие летописи о смердах, перескакивавших через заборола во время осады одного галицкого города Иваном Берладником.

На заборолах происходила ожесточённая борьба во время штурма городов, отсюда защитники города бро-

---

[1] *Н. Н. Воронин*, Крепостные сооружения («История культуры Древней Руси», т. I, стр. 439—470).

которой раньше обозначалась «за полем». Возможно, Боркова улица ведёт своё название от слова «борок» — небольшой лесок. Наконец, имеется ещё группа названий, связанных с церквами (Фёдорова, Яковлева, Ильина, Михайлова).

Даже этот небольшой и несовершенный экскурс позволяет считать, что улицы чаще всего получали названия от имён лиц, имевших на этих улицах чем-либо выдающиеся дворы или явившихся первыми насельниками этих улиц. Город строился постепенно, и стихийно оформлялись названия его улиц. Вот, кажется, вывод, который можно сделать из сказанного выше.

Другое название, «конец», обозначало кварталы города («Копырев конец в Киеве»), впоследствии сделавшиеся отдельными городскими частями.

Никаких известий о регулировании городских планов у нас не имеется. Поэтому улицы весьма прихотливо извиваются даже на планах русских городов XVIII в., несмотря на их регулирование в царствование Екатерины II [1]. Само оформление улиц как пространства, ограниченного с двух сторон домами, возникло только постепенно, по мере роста и расширения города и выяснявшегося удобства располагать дома в определённом порядке. В ряде городов можно наблюдать, как направление улиц было тесно связано с направлением первоначальных дорог, сходившихся к городу-крепости.

Ширина городских улиц была незначительной. Незадолго до Великой Отечественной войны в Новгородском кремле были произведены раскопки на месте прежней Епископской (Пискуплей) улицы. Обнаружилась интересная картина уличной жизни XVI—XVII вв. Ясно видно было направление деревянной мостовой, вокруг которой стояли остатки небольших жилых строений. Незначительная ширина улицы позволяла с трудом разъехаться двум повозкам [2]. Едва ли городские улицы домонгольской поры имели значительно бо̀льшую ширину.

Наша мысль подтверждается археологическими исследованиями древних новгородских мостовых. Исследова-

---

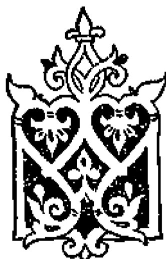
[1] Планы изданы в особом томе приложений к Полному собранию законов Российской империи.

[2] Раскопки производились А. А. Строковым и В. А. Богусевичем.

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна [1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

Прямое указание на существование каменных стен в Переяславле имеем в летописи под 1090 г. (в Лаврентьевской — под 1089 г.). Епископ Ефрем заложил в Переяславле каменный город («град заложил камен от церкви святого мученика Феодора»). Это место, испорченное в ряде списков, может быть понято в том смысле, что Ефрем заложил часть городской стены, начиная от церкви св. Феодора, а не целиком «каменный град». Церковь стояла на каменных воротах, от которых начата была постройка каменных стен в Переяславле. Слова «сего же не бысть в Руси», которые в Ипатьевской летописи поставлены так, что их можно отнести к каменному городу, в Лаврентьевской отнесены к каменной бане, — следовательно, не обозначают удивления перед постройкой каменных крепостей на Руси. «Город камен» был построен Андреем Юрьевичем в Боголюбове.

Кроме того, есть указания на существование каменного города в Новгороде уже в XI в. Об этом читаем положительные известия в Летописце Новгородском церквам божиим: «Ходил великий князь Ярослав Владимирович на Литву; а на весну заложил Новгород и сделал на Софийской стороне каменный» [1]. Однако это известие внушает мало доверия, ибо названный Летописец возник не ранее конца XVI в., впитав в себя, что самое главное, множество позднейших легенд, припоминаний и просто домыслов. Достаточно сказать, что в более древних летописцах сказано о походе Владимира Ярославича, а не его отца; Владимир же, по этим летописцам, заложил и Новгород, причём нет никаких добавлений о каменном городе.

Ещё менее достоверны домыслы о построении каменного города в Киеве. Никакой опоры для этого в письменных источниках мы не имеем. Во время осады Киева осадные машины действовали днём и ночью, и «выбили стены и взошли горожане на остаток стены». Когда татары взяли первый город, киевляне сделали другой город, у Десятинной церкви [2]. В летописи нигде нет намёка на каменный город в Киеве. Вероятно, и потребность в таких каменных городах на востоке Европы появилась поздно, так как укрепления из дерева и земли были до-

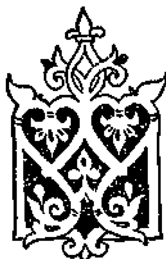
---

[1] «Новгородские летописи», стр. 181.
[2] Ипат. лет., стр. 522.

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна[1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

В больших городах укрепления состояли из внутренней крепости, детинца (вышгорода), и наружных укреплений. Кроме Новгорода о существовании детинцев, или внутренних замков, известно в Чернигове и Владимире Залесском. В Новгороде Детинец иногда назывался «Кромным городом» — название, прочно утвердившееся в Пскове, где внутренний замок именовался Кромом, по-видимому от слова «кромьство» — внутренность. К этому же корню, весьма вероятно, восходит московское название Кремль. В Пскове термины «Детинец» и «Кром» обозначали одинаково внутренний замок. В этом смысле любопытно употребление слова «детинец» в славянском переводе Иудейской войны Иосифа Флавия: «Церковный ведь град был граду самому, как детинец», т. е. иерусалимский храм по отношению к городу Иерусалиму был как бы детинцем. На юге Руси внутренняя крепость, или замок, имела очень распространённое в славянских странах название «вышгород». В известных глоссах к Библии 1499 г. «вышгород» переводится словом «замок» (arx), «в вышгороде — ин арсе» (in arce) [1].

Разросшиеся города скоро не стали вмещаться в узкие пределы детинцев, к которым пригораживались ближайшие части города, окружённые новой стеной. Последняя составляла внешний укреплённый пояс. В больших центрах в черту города постепенно включались городские предместья, окружённые лёгкими укреплениями в виде частокола, поставленного на невысоком валу. Подобное укрепление называлось «острогом» и окружало, например, Чернигов. «И билася дружина моя с ним, — рассказывает Владимир Мономах об обороне Чернигова от Олега с половцами, — 8 дней за малым валом, не давая им проникнуть в острог» [2]. Мономах хотел этим подчеркнуть храбрость своей дружины, успешно защищавшей слабые укрепления острога, т. е. частокола, поставленного на валах.

Нередко осаждающие успевали взять только острог, тогда как внутренний город, или детинец, оставался невредимым. В Киеве XII в. ограда из деревянных столбов,

---

[1] *И. И. Срезневский,* Материалы, т. I, стб. 795, 457. «Обиташе Давид в крому, ин арсе или в вышегородце» (там же, стб. 1327).

[2] Лаврент. лет., стр. 240.

Пятницы, в действительности распространившийся на Руси с появлением в ней христианства.

Однако общая идея Некрасова о заимствовании фигуры Николы из западноевропейской практики представляется правильной. Николай Мирликийский почитался в Западной Европе патроном купцов, матросов, льняного промысла и пр. Он изображался в одежде епископа с моделью церкви в руках [1]. В России Никола Мирликийский был также патроном купцов и плавающих по воде, отчего церкви Николы Мокрого нередко возникали у пристаней. Собор Николы Гостунского в Московском кремле был построен на месте старой церкви Николы Льняного. Значит, Никола и на Руси был патроном купцов, торговавших льном.

Пятница Параскева изображалась обычно, как мученица, с крестом в руках. Позднее происхождение сохранившихся статуй Пятницы не является доказательством позднего возникновения её культа. Во всяком случае, выясняется одна важная особенность в почитании резных фигур и культа Николы и Пятницы — их связь с городскими рынками, с купечеством, патронами которых они состояли. Особенно характерно изображение меча в руках Николы. Позволим себе сделать предположение, не имел ли этот меч символическое значение и не стояла ли фигура Николы первоначально в нише церковной стены или в часовне, отчего появляется обычай ставить её в киоте — «храмце». Фигура Николая, стоящая в «храмце», служила символом охраны и неприкосновенности торга, наподобие знаменитых фигур Роланда — обязательной принадлежности торговых площадей в средневековой Германии. Подобный же характер могла иметь первоначально статуя Пятницы с крестом в руках. Трудно, впрочем, сказать, какая символическая фигура появилась раньше; по нашему мнению, Пятница.

Что Древняя Русь хорошо была знакома с обычаями, строго охранявшими порядок на рынке, видно из одной скандинавской саги, содержание которой весьма живо напоминает нам некоторые постановления Русской Правды. Вот что мы в ней читаем.

---

[1] *R. Pfleiderer*, Die Attribute der Heiligen, Ulm 1898; Die Patronate der Heiligen, Ulm 1905.

Прямое указание на существование каменных стен в Переяславле имеем в летописи под 1090 г. (в Лаврентьевской — под 1089 г.). Епископ Ефрем заложил в Переяславле каменный город («град заложил камен от церкви святого мученика Феодора»). Это место, испорченное в ряде списков, может быть понято в том смысле, что Ефрем заложил часть городской стены, начиная от церкви св. Феодора, а не целиком «каменный град». Церковь стояла на каменных воротах, от которых начата была постройка каменных стен в Переяславле. Слова «сего же не бысть в Руси», которые в Ипатьевской летописи поставлены так, что их можно отнести к каменному городу, в Лаврентьевской отнесены к каменной бане, — следовательно, не обозначают удивления перед постройкой каменных крепостей на Руси. «Город камен» был построен Андреем Юрьевичем в Боголюбове.

Кроме того, есть указания на существование каменного города в Новгороде уже в XI в. Об этом читаем положительные известия в Летописце Новгородском церквам божиим: «Ходил великий князь Ярослав Владимирович на Литву; а на весну заложил Новгород и сделал на Софийской стороне каменный»[1]. Однако это известие внушает мало доверия, ибо названный Летописец возник не ранее конца XVI в., впитав в себя, что самое главное, множество позднейших легенд, припоминаний и просто домыслов. Достаточно сказать, что в более древних летописцах сказано о походе Владимира Ярославича, а не его отца; Владимир же, по этим летописцам, заложил и Новгород, причём нет никаких добавлений о каменном городе.

Ещё менее достоверны домыслы о построении каменного города в Киеве. Никакой опоры для этого в письменных источниках мы не имеем. Во время осады Киева осадные машины действовали днём и ночью, и «выбили стены и взошли горожане на остаток стены». Когда татары взяли первый город, киевляне сделали другой город, у Десятинной церкви[2]. В летописи нигде нет намёка на каменный город в Киеве. Вероятно, и потребность в таких каменных городах на востоке Европы появилась поздно, так как укрепления из дерева и земли были до-

---

[1] «Новгородские летописи», стр. 181.
[2] Ипат. лет., стр. 522.

В больших городах укрепления состояли из внутренней крепости, детинца (вышгорода), и наружных укреплений. Кроме Новгорода о существовании детинцев, или внутренних замков, известно в Чернигове и Владимире Залесском. В Новгороде Детинец иногда назывался «Кромным городом» — название, прочно утвердившееся в Пскове, где внутренний замок именовался Кромом, по-видимому от слова «кромьство» — внутренность. К этому же корню, весьма вероятно, восходит московское название Кремль. В Пскове термины «Детинец» и «Кром» обозначали одинаково внутренний замок. В этом смысле любопытно употребление слова «детинец» в славянском переводе Иудейской войны Иосифа Флавия: «Церковный ведь град был граду самому, как детинец», т. е. иерусалимский храм по отношению к городу Иерусалиму был как бы детинцем. На юге Руси внутренняя крепость, или замок, имела очень распространённое в славянских странах название «вышгород». В известных глоссах к Библии 1499 г. «вышгород» переводится словом «замок» (arx), «в вышгороде — ин арсе» (in arce) [1].

Разросшиеся города скоро не стали вмещаться в узкие пределы детинцев, к которым пригораживались ближайшие части города, окружённые новой стеной. Последняя составляла внешний укреплённый пояс. В больших центрах в черту города постепенно включались городские предместья, окружённые лёгкими укреплениями в виде частокола, поставленного на невысоком валу. Подобное укрепление называлось «острогом» и окружало, например, Чернигов. «И билася дружина моя с ним, — рассказывает Владимир Мономах об обороне Чернигова от Олега с половцами, — 8 дней за малым валом, не давая им проникнуть в острог» [2]. Мономах хотел этим подчеркнуть храбрость своей дружины, успешно защищавшей слабые укрепления острога, т. е. частокола, поставленного на валах.

Нередко осаждающие успевали взять только острог, тогда как внутренний город, или детинец, оставался невредимым. В Киеве XII в. ограда из деревянных столбов,

---

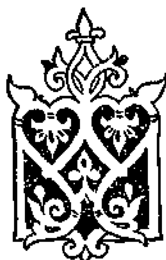
[1] *И. И. Срезневский,* Материалы, т. I, стб. 795, 457. «Обнташе Давид в крому, ин арсе или в вышегородце» (там же, стб. 1327).

[2] Лаврент. лет., стр. 240.

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна [1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

целавшими город недоступным с разных сторон. В лесистых и болотистых землях Северной Руси крепости располагались на невысоких холмах и пользовались как прикрытиями топкими низинами и болотами, являвшимися прекрасной защитой от нападения в течение большей части года. Для таких крепостей типичен высокий вал, как, например, в Дмитрове.

Основным видом городских укреплений в Древней Руси X—XIII вв. были деревянные стены. Вместо выражения «построить» город говорили «срубить» город, так же как писали о постройке деревянных церквей. Раскопки древнерусских городов выяснили интересные подробности устройства деревянных укреплений; эти укрепления в основном состояли из вала, на котором были возведены стены и башни, подобные таким же стенам и башням позднейших острогов[1]. Городские стены состояли из деревянных срубов, наполненных землёй, — городниц, плотно приставленных одна к другой и державшихся благодаря своей тяжести. Бывали случаи, когда городницы, составлявшие звенья стены, вываливались из неё вместе с оборонявшими их людьми. Такой случай произошёл в 1185 г. в небольшом городке Римове, в Киевской земле; во время нападения половцев «полетели две городницы с людьми и на сражающихся и на прочих горожан нашёл страх». Осаждавшие, воспользовавшись несчастьем, ворвались через образовавшуюся брешь и овладели крепостью.

На верху стен, составленных из городниц, имелась довольно широкая площадка, которую с внешней стороны от неприятельских стрел и камней прикрывал деревянный забор — «забрала», или «заборола». Иногда словом «заборола» обозначали и всю крепостную стену. В забороЛах были устроены щели — «скважни» — для стрельбы в нападающих. Городские стены, повидимому, не отличались большой высотой, иначе для нас оставалось бы непонятным известие летописи о смердах, перескакивавших через заборола во время осады одного галицкого города Иваном Берладником.

На забороЛах происходила ожесточённая борьба во время штурма городов, отсюда защитники города бро-

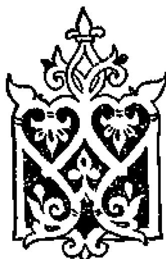
---

[1] *Н. Н. Воронин,* Крепостные сооружения («История культуры Древней Руси», т. I, стр. 439—470).

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна[1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

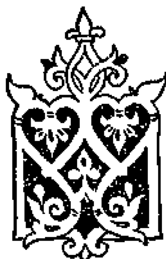
[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна [1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

Прямое указание на существование каменных стен в Переяславле имеем в летописи под 1090 г. (в Лаврентьевской — под 1089 г.). Епископ Ефрем заложил в Переяславле каменный город («град заложил камен от церкви святого мученика Феодора»). Это место, испорченное в ряде списков, может быть понято в том смысле, что Ефрем заложил часть городской стены, начиная от церкви св. Феодора, а не целиком «каменный град». Церковь стояла на каменных воротах, от которых начата была постройка каменных стен в Переяславле. Слова «сего же не бысть в Руси», которые в Ипатьевской летописи поставлены так, что их можно отнести к каменному городу, в Лаврентьевской отнесены к каменной бане, — следовательно, не обозначают удивления перед постройкой каменных крепостей на Руси. «Город камен» был построен Андреем Юрьевичем в Боголюбове.

Кроме того, есть указания на существование каменного города в Новгороде уже в XI в. Об этом читаем положительные известия в Летописце Новгородском церквам божиим: «Ходил великий князь Ярослав Владимирович на Литву; а на весну заложил Новгород и сделал на Софийской стороне каменный» [1]. Однако это известие внушает мало доверия, ибо названный Летописец возник не ранее конца XVI в., впитав в себя, что самое главное, множество позднейших легенд, припоминаний и просто домыслов. Достаточно сказать, что в более древних летописцах сказано о походе Владимира Ярославича, а не его отца; Владимир же, по этим летописцам, заложил и Новгород, причём нет никаких добавлений о каменном городе.

Ещё менее достоверны домыслы о построении каменного города в Киеве. Никакой опоры для этого в письменных источниках мы не имеем. Во время осады Киева осадные машины действовали днём и ночью, и «выбили стены и взошли горожане на остаток стены». Когда татары взяли первый город, киевляне сделали другой город, у Десятинной церкви [2]. В летописи нигде нет намёка на каменный город в Киеве. Вероятно, и потребность в таких каменных городах на востоке Европы появилась поздно, так как укрепления из дерева и земли были до-

---

[1] «Новгородские летописи», стр. 181.
[2] Ипат. лет., стр. 522.

«града» и составлявший особую усадьбу — теремный двор. Палата или часть палат (может быть, только каменный переход) Андрея Боголюбского стоит до сих пор в Боголюбове. Однако каменное гражданское строительство всё-таки не характерно для Киевской Руси, удачно воплощавшей художественные замыслы в дереве. Восхищение богатством и убранством княжеских дворов выражалось словом «красный» (красивый, прекрасный), как их иногда называли современники. А вот обличительные слова древнего проповедника, направленные против роскоши: «Любим злато и берем имение, любим храмы светлы и домы украшены»[1]. Недаром в былинах так часто встречаем упоминание о светлой гриднице, где расхаживает князь Владимир Красное солнышко со своими могучими богатырями.

В сборнике поучений XII в. находим любопытнейшее слово, ярко рисующее перед нами жизнь богатого горожанина, хищнически накопившего богатства. Проповедник укоризненно противополагает жадного богача бедному человеку: «Ты ешь тетеревов, гусей, рябчиков, кур, голубей и прочее кушанье различное, а убогий хлеба не имеет, чем чрево насытить; ты же облачаешься и ходишь в паволоках и мехах, а убогий рубища не имеет на теле; ты живешь в доме, расписав повалушу, а убогий не имеет где главы подклонити. Но и ты богатый умрешь и останется дом твой, всегда обличая твоя деяния. Каждый от мимоходящих скажет: се дом оного хищника... сей сирот ограбил... вот двор его пуст»[2].

В этом обличении хорошо показано изумление перед богатствами боярского или купеческого двора, выдававшегося среди скромных построек горожан. Феодальные порядки порождали резкие классовые противоречия в городах. Эти противоречия кричали о себе на улицах и площадях древнерусских городов, так же как и городов французских, польских, армянских, узбекских и т. д. Богатая усадьба с садом, владелец которой иногда именовал её «раем» или «самораем», располагалась рядом с каменным собором или боярским дворцом. Но тут же

---

[1] Рукопись Государственной Библиотеки СССР имени В. И. Ленина, Румянцевское собр. № 406. Сборник полов. XV в., л. 26 об.

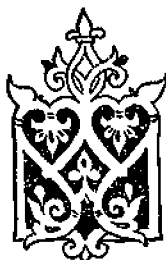
[2] *И. И. Срезневский,* Древние памятники русского письма и языка, СПБ 1863, стр. 203.

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна [1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

---

[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

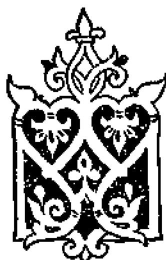

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна[1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

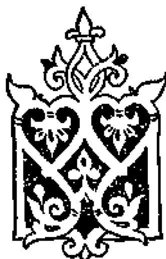
[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна[1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

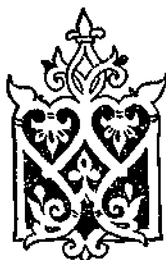
[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна[1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

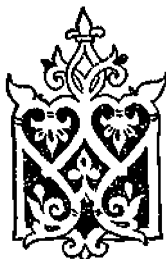
[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна[1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

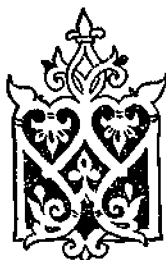
[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна[1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

Прямое указание на существование каменных стен в Переяславле имеем в летописи под 1090 г. (в Лаврентьевской — под 1089 г.). Епископ Ефрем заложил в Переяславле каменный город («град заложил камен от церкви святого мученика Феодора»). Это место, испорченное в ряде списков, может быть понято в том смысле, что Ефрем заложил часть городской стены, начиная от церкви св. Феодора, а не целиком «каменный град». Церковь стояла на каменных воротах, от которых начата была постройка каменных стен в Переяславле. Слова «сего же не бысть в Руси», которые в Ипатьевской летописи поставлены так, что их можно отнести к каменному городу, в Лаврентьевской отнесены к каменной бане, — следовательно, не обозначают удивления перед постройкой каменных крепостей на Руси. «Город камен» был построен Андреем Юрьевичем в Боголюбове.

Кроме того, есть указания на существование каменного города в Новгороде уже в XI в. Об этом читаем положительные известия в Летописце Новгородском церквам божиим: «Ходил великий князь Ярослав Владимирович на Литву; а на весну заложил Новгород и сделал на Софийской стороне каменный»[1]. Однако это известие внушает мало доверия, ибо названный Летописец возник не ранее конца XVI в., впитав в себя, что самое главное, множество позднейших легенд, припоминаний и просто домыслов. Достаточно сказать, что в более древних летописцах сказано о походе Владимира Ярославича, а не его отца; Владимир же, по этим летописцам, заложил и Новгород, причём нет никаких добавлений о каменном городе.

Ещё менее достоверны домыслы о построении каменного города в Киеве. Никакой опоры для этого в письменных источниках мы не имеем. Во время осады Киева осадные машины действовали днём и ночью, и «выбили стены и взошли горожане на остаток стены». Когда татары взяли первый город, киевляне сделали другой город, у Десятинной церкви[2]. В летописи нигде нет намёка на каменный город в Киеве. Вероятно, и потребность в таких каменных городах на востоке Европы появилась поздно, так как укрепления из дерева и земли были до-

[1] «Новгородские летописи», стр. 181.
[2] Ипат. лет., стр. 522.

деревянная чашка с надписью «смова», найденные в новгородских раскопках, свидетельствуют о том, что письменность в Киевской Руси не была достоянием только феодалов. Она имела распространение среди торговых и ремесленных кругов древнерусских городов XI—XIII вв. Конечно, распространение письменности среди ремесленников не приходится преувеличивать. Грамотность была необходима для мастеров немногих профессий и была распространена по преимуществу в больших городах, но и в этом случае археологические находки последних лет уводят нас далеко от обычных представлений о бесписьменной Руси, по которым только монастыри да дворцы князей и бояр являлись очагами культуры.

Потребность в грамоте и письменности особенно сказывалась в купеческой среде. «Ряд» — договор — известен нам и по Русской Правде и по другим источникам. Древнейший частный письменный «ряд» (Тешаты и Якима) относится уже ко второй половине XIII в., но это не значит, что подобных письменных документов не существовало раньше.

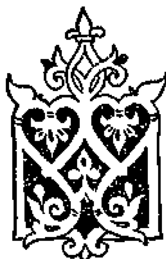
Об этом свидетельствует употребление терминов, связанных с письменностью, в юридических памятниках древнего времени. Обычно в доказательство того, что Древняя Русь не знала широкого распространения частных актов, ссылались на Русскую Правду, которая будто бы не упоминает о письменных документах. Однако в пространной редакции Правды назван «мех», особый сбор, который шёл в пользу писца: «писцю 10 кун, перекладного 5 кун, на мех две ногате». Такой знаток древней письменности, как И. И. Срезневский, переводит термин «мех» в Русской Правде именно как «кожа для письма». Сама Русская Правда указывает, что и «перекладное» и пошлина «на мех» шли писцу. Указание на пошлину с письменных сделок и записей имеем в Рукописании Всеволода Мстиславича («Руская пись»).

Среди городского населения была и такая прослойка, для которой письменность являлась обязательной, — это приходское духовенство, в первую очередь попы, дьяконы, дьячки, читавшие и певшие в церкви. Попов сын, не научившийся грамоте, представлялся для людей Древней Руси своего рода недорослем, человеком, потерявшим право на свою профессию, наряду с задолжавшим

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна [1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

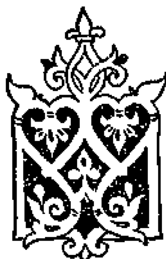
[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна [1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

В больших городах укрепления состояли из внутренней крепости, детинца (вышгорода), и наружных укреплений. Кроме Новгорода о существовании детинцев, или внутренних замков, известно в Чернигове и Владимире Залесском. В Новгороде Детинец иногда назывался «Кромным городом» — название, прочно утвердившееся в Пскове, где внутренний замок именовался Кромом, по-видимому от слова «кромьство» — внутренность. К этому же корню, весьма вероятно, восходит московское название Кремль. В Пскове термины «Детинец» и «Кром» обозначали одинаково внутренний замок. В этом смысле любопытно употребление слова «детинец» в славянском переводе Иудейской войны Иосифа Флавия: «Церковный ведь град был граду самому, как детинец», т. е. иерусалимский храм по отношению к городу Иерусалиму был как бы детинцем. На юге Руси внутренняя крепость, или замок, имела очень распространённое в славянских странах название «вышгород». В известных глоссах к Библии 1499 г. «вышгород» переводится словом «замок» (arx), «в вышгороде — ин арсе» (in arce) [1].

Разросшиеся города скоро не стали вмещаться в узкие пределы детинцев, к которым пригораживались ближайшие части города, окружённые новой стеной. Последняя составляла внешний укреплённый пояс. В больших центрах в черту города постепенно включались городские предместья, окружённые лёгкими укреплениями в виде частокола, поставленного на невысоком валу. Подобное укрепление называлось «острогом» и окружало, например, Чернигов. «И билася дружина моя с ним, — рассказывает Владимир Мономах об обороне Чернигова от Олега с половцами, — 8 дней за малым валом, не давая им проникнуть в острог» [2]. Мономах хотел этим подчеркнуть храбрость своей дружины, успешно защищавшей слабые укрепления острога, т. е. частокола, поставленного на валах.

Нередко осаждающие успевали взять только острог, тогда как внутренний город, или детинец, оставался невредимым. В Киеве XII в. ограда из деревянных столбов,

---

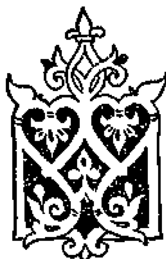
[1] *И. И. Срезневский*, Материалы, т. I, стб. 795, 457. «Обнташе Давид в крому, ин арсе или в вышегородце» (там же, стб. 1327).

[2] Лаврент. лет., стр. 240.

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна[1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

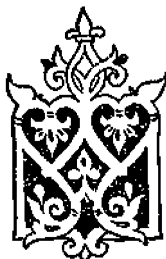
[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна[1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

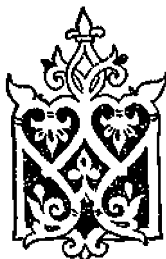

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна[1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

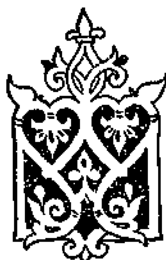
[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна[1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

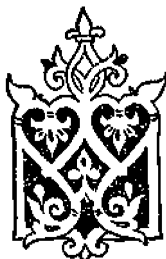
[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна[1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

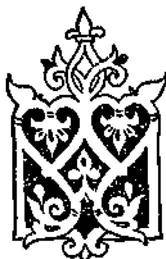
[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна [1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

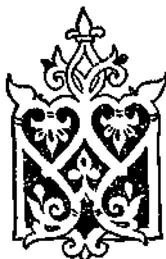
[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна [1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

летописцем, хронографом или с церковными статьями. Рукопись, заключавшая «Слово о полку Игореве», представляла собой сборник, в который входили хронограф и Временник, «еже нарицается летописание Русских князей и земля Русская». «Поучение Владимира Мономаха» дошло в составе Лаврентьевской летописи. «Слово о погибели Русской земли» оказалось в соседстве с житием Александра Невского, как это показывают оба его сохранившихся списка.

Иными словами, памятники гражданской литературы Древней Руси сохранились до нашего времени преимущественно при посредстве летописных или церковных произведений. Между тем гражданская литература Киевской Руси вовсе не исчерпывалась одиночными памятниками вроде «Слова о полку Игореве» или «Моления Даниила Заточника». В этом убеждают русские летописи XI—XIII вв., которые сохранили немалое количество памятников гражданской литературы, представлявших собой когда-то особые повести.

Уже К. Н. Бестужев-Рюмин подметил, что некоторые повести, известные нам теперь по летописи, когда-то представляли собой отдельные сочинения. Между тем в курсах истории русской литературы такие повести редко изучаются в виде отдельных произведений, а рассматриваются под общей рубрикой летописей, чем создаётся неверное представление об односторонности русской литературной традиции.

Можно указать несколько повестей, включённых в состав летописей XI—XIII вв., которые не имеют никакого отношения к церкви и не могут быть приписаны официальным княжеским историографам. Так, Бестужев-Рюмин указывал на существование особого сказания об Изяславе Мстиславиче, положенного в основание известий за 1146—1152 гг. в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях [1].

Действительно, события названных лет описаны в Ипатьевской летописи не только подробно, но и с определённой точки зрения, враждебной Юрию Долгорукому и его союзникам, черниговским князьям Ольговичам. Но не эта черта сказаний об Изяславе, давно уже

---

[1] *К. Бестужев-Рюмин*, О составе русских летописей до конца XIV века, СПБ 1868, стр. 79—105.

Прямое указание на существование каменных стен в Переяславле имеем в летописи под 1090 г. (в Лаврентьевской — под 1089 г.). Епископ Ефрем заложил в Переяславле каменный город («град заложил камен от церкви святого мученика Феодора»). Это место, испорченное в ряде списков, может быть понято в том смысле, что Ефрем заложил часть городской стены, начиная от церкви св. Феодора, а не целиком «каменный град». Церковь стояла на каменных воротах, от которых начата была постройка каменных стен в Переяславле. Слова «сего же не бысть в Руси», которые в Ипатьевской летописи поставлены так, что их можно отнести к каменному городу, в Лаврентьевской отнесены к каменной бане, — следовательно, не обозначают удивления перед постройкой каменных крепостей на Руси. «Город камен» был построен Андреем Юрьевичем в Боголюбове.

Кроме того, есть указания на существование каменного города в Новгороде уже в XI в. Об этом читаем положительные известия в Летописце Новгородском церквам божиим: «Ходил великий князь Ярослав Владимирович на Литву; а на весну заложил Новгород и сделал на Софийской стороне каменный» [1]. Однако это известие внушает мало доверия, ибо названный Летописец возник не ранее конца XVI в., впитав в себя, что самое главное, множество позднейших легенд, припоминаний и просто домыслов. Достаточно сказать, что в более древних летописцах сказано о походе Владимира Ярославича, а не его отца; Владимир же, по этим летописцам, заложил и Новгород, причём нет никаких добавлений о каменном городе.

Ещё менее достоверны домыслы о построении каменного города в Киеве. Никакой опоры для этого в письменных источниках мы не имеем. Во время осады Киева осадные машины действовали днём и ночью, и «выбили стены и взошли горожане на остаток стены». Когда татары взяли первый город, киевляне сделали другой город, у Десятинной церкви [2]. В летописи нигде нет намёка на каменный город в Киеве. Вероятно, и потребность в таких каменных городах на востоке Европы появилась поздно, так как укрепления из дерева и земли были до-

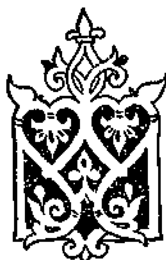
---

[1] «Новгородские летописи», стр. 181.
[2] Ипат. лет., стр. 522.

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна [1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

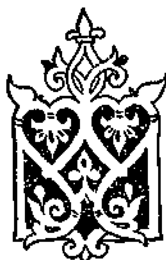
[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна[1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

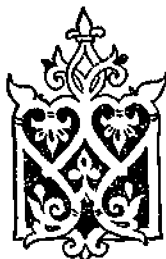
[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна [1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

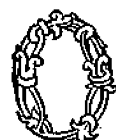
часть

II

крупнейшие древнерусские города

ГЛАВА 1

КИЕВСКАЯ И ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ ЗЕМЛИ [1]

Обширная и богатая Киевская земля, бывшая в X—XI вв. центром Древней Руси, занимала пространство по правому берегу Днепра с его притоками Росью и Тетеревом, а также по нижнему течению Припяти. Название «Киевская земля» условное, оно не употреблялось в источниках, так как Киевская земля именовалась в древности «Русью» или Русской землёй. Отсюда, а не от мифической скандинавской Руси получила своё название и вся Русская земля.

Летописи упоминают в Киевской земле несколько десятков населённых мест, в том числе городов. Наиболее крупные города, за исключением Вручего (Овруча), стояли поблизости от Киева (Вышгород, Белгород,

---

[1] Общее количество городов в Киевской Руси ко времени монгольского завоевания измеряется сотнями, но нетрудно заметить, что словом «город» одинаково называется и большое поселение, подобное Переяславлю или Чернигову, и небольшой укреплённый замок. В обзоре городов в дальнейшем будет приниматься во внимание только первый вид поселения: город, состоявший из детинца и примыкавшего к нему посада. Только в таком городе мы находим постоянное население, занятое ремеслом и торговлей; следовательно, только в таких поселениях могли возникнуть условия для создания городских порядков, «городского строя», с вечевыми традициями и участием горожан в политической жизни.

Обзор городов удобнее всего вести по отдельным землям Киевской Руси, как они сложились в IX—XIII вв., начиная от центра Руси — Киевской земли. На картах предполагаемое местонахождение городов обозначено квадратом, а не кружком.

Прямое указание на существование каменных стен в Переяславле имеем в летописи под 1090 г. (в Лаврентьевской — под 1089 г.). Епископ Ефрем заложил в Переяславле каменный город («град заложил камен от церкви святого мученика Феодора»). Это место, испорченное в ряде списков, может быть понято в том смысле, что Ефрем заложил часть городской стены, начиная от церкви св. Феодора, а не целиком «каменный град». Церковь стояла на каменных воротах, от которых начата была постройка каменных стен в Переяславле. Слова «сего же не бысть в Руси», которые в Ипатьевской летописи поставлены так, что их можно отнести к каменному городу, в Лаврентьевской отнесены к каменной бане, — следовательно, не обозначают удивления перед постройкой каменных крепостей на Руси. «Город камен» был построен Андреем Юрьевичем в Боголюбове.

Кроме того, есть указания на существование каменного города в Новгороде уже в XI в. Об этом читаем положительные известия в Летописце Новгородском церквам божиим: «Ходил великий князь Ярослав Владимирович на Литву; а на весну заложил Новгород и сделал на Софийской стороне каменный» [1]. Однако это известие внушает мало доверия, ибо названный Летописец возник не ранее конца XVI в., впитав в себя, что самое главное, множество позднейших легенд, припоминаний и просто домыслов. Достаточно сказать, что в более древних летописцах сказано о походе Владимира Ярославича, а не его отца; Владимир же, по этим летописцам, заложил и Новгород, причём нет никаких добавлений о каменном городе.

Ещё менее достоверны домыслы о построении каменного города в Киеве. Никакой опоры для этого в письменных источниках мы не имеем. Во время осады Киева осадные машины действовали днём и ночью, и «выбили стены и взошли горожане на остаток стены». Когда татары взяли первый город, киевляне сделали другой город, у Десятинной церкви [2]. В летописи нигде нет намёка на каменный город в Киеве. Вероятно, и потребность в таких каменных городах на востоке Европы появилась поздно, так как укрепления из дерева и земли были до-

---

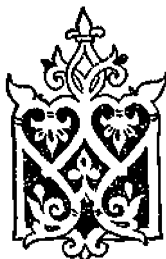
[1] «Новгородские летописи», стр. 181.
[2] Ипат. лет., стр. 522.

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна[1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

---

[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

деревянная чашка с надписью «смова», найденные в новгородских раскопках, свидетельствуют о том, что письменность в Киевской Руси не была достоянием только феодалов. Она имела распространение среди торговых и ремесленных кругов древнерусских городов XI—XIII вв. Конечно, распространение письменности среди ремесленников не приходится преувеличивать. Грамотность была необходима для мастеров немногих профессий и была распространена по преимуществу в больших городах, но и в этом случае археологические находки последних лет уводят нас далеко от обычных представлений о бесписьменной Руси, по которым только монастыри да дворцы князей и бояр являлись очагами культуры.

Потребность в грамоте и письменности особенно сказывалась в купеческой среде. «Ряд» — договор — известен нам и по Русской Правде и по другим источникам. Древнейший частный письменный «ряд» (Тешаты и Якима) относится уже ко второй половине XIII в., но это не значит, что подобных письменных документов не существовало раньше.

Об этом свидетельствует употребление терминов, связанных с письменностью, в юридических памятниках древнего времени. Обычно в доказательство того, что Древняя Русь не знала широкого распространения частных актов, ссылались на Русскую Правду, которая будто бы не упоминает о письменных документах. Однако в пространной редакции Правды назван «мех», особый сбор, который шёл в пользу писца: «писцю 10 кун, перекладного 5 кун, на мех две ногате». Такой знаток древней письменности, как И. И. Срезневский, переводит термин «мех» в Русской Правде именно как «кожа для письма». Сама Русская Правда указывает, что и «перекладное» и пошлина «на мех» шли писцу. Указание на пошлину с письменных сделок и записей имеем в Рукописании Всеволода Мстиславича («Руская пись»).

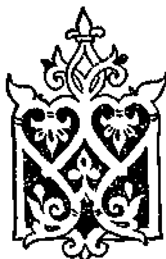
Среди городского населения была и такая прослойка, для которой письменность являлась обязательной, — это приходское духовенство, в первую очередь попы, дьяконы, дьячки, читавшие и певшие в церкви. Попов сын, не научившийся грамоте, представлялся для людей Древней Руси своего рода недорослем, человеком, потерявшим право на свою профессию, наряду с задолжавшим

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна [1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

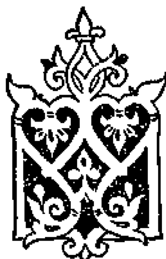
[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна[1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

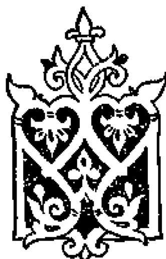

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна[1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

---

[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

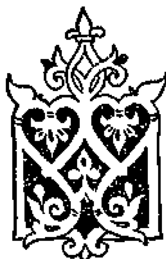

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна [1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

---

[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

целавшими город недоступным с разных сторон. В лесистых и болотистых землях Северной Руси крепости располагались на невысоких холмах и пользовались как прикрытиями топкими низинами и болотами, являвшимися прекрасной защитой от нападения в течение большей части года. Для таких крепостей типичен высокий вал, как, например, в Дмитрове.

Основным видом городских укреплений в Древней Руси X—XIII вв. были деревянные стены. Вместо выражения «построить» город говорили «срубить» город, так же как писали о постройке деревянных церквей. Раскопки древнерусских городов выяснили интересные подробности устройства деревянных укреплений; эти укрепления в основном состояли из вала, на котором были возведены стены и башни, подобные таким же стенам и башням позднейших острогов[1]. Городские стены состояли из деревянных срубов, наполненных землёй, — городниц, плотно приставленных одна к другой и державшихся благодаря своей тяжести. Бывали случаи, когда городницы, составлявшие звенья стены, вываливались из неё вместе с оборонявшими их людьми. Такой случай произошёл в 1185 г. в небольшом городке Римове, в Киевской земле; во время нападения половцев «полетели две городницы с людьми и на сражающихся и на прочих горожан нашёл страх». Осаждавшие, воспользовавшись несчастьем, ворвались через образовавшуюся брешь и овладели крепостью.

На верху стен, составленных из городниц, имелась довольно широкая площадка, которую с внешней стороны от неприятельских стрел и камней прикрывал деревянный забор — «забрала», или «заборола». Иногда словом «заборола» обозначали и всю крепостную стену. В заборолах были устроены щели — «скважни» — для стрельбы в нападающих. Городские стены, повидимому, не отличались большой высотой, иначе для нас оставалось бы непонятным известие летописи о смердах, перескакивавших через заборола во время осады одного галицкого города Иваном Берладником.

На заборолах происходила ожесточённая борьба во время штурма городов, отсюда защитники города бро-

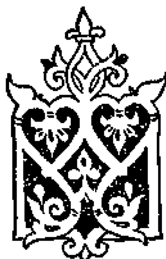
---

[1] *Н. Н. Воронин*, Крепостные сооружения («История культуры Древней Руси», т. I, стр. 439—470).

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна [1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

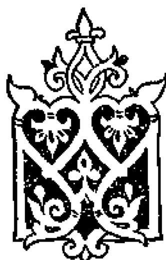
[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

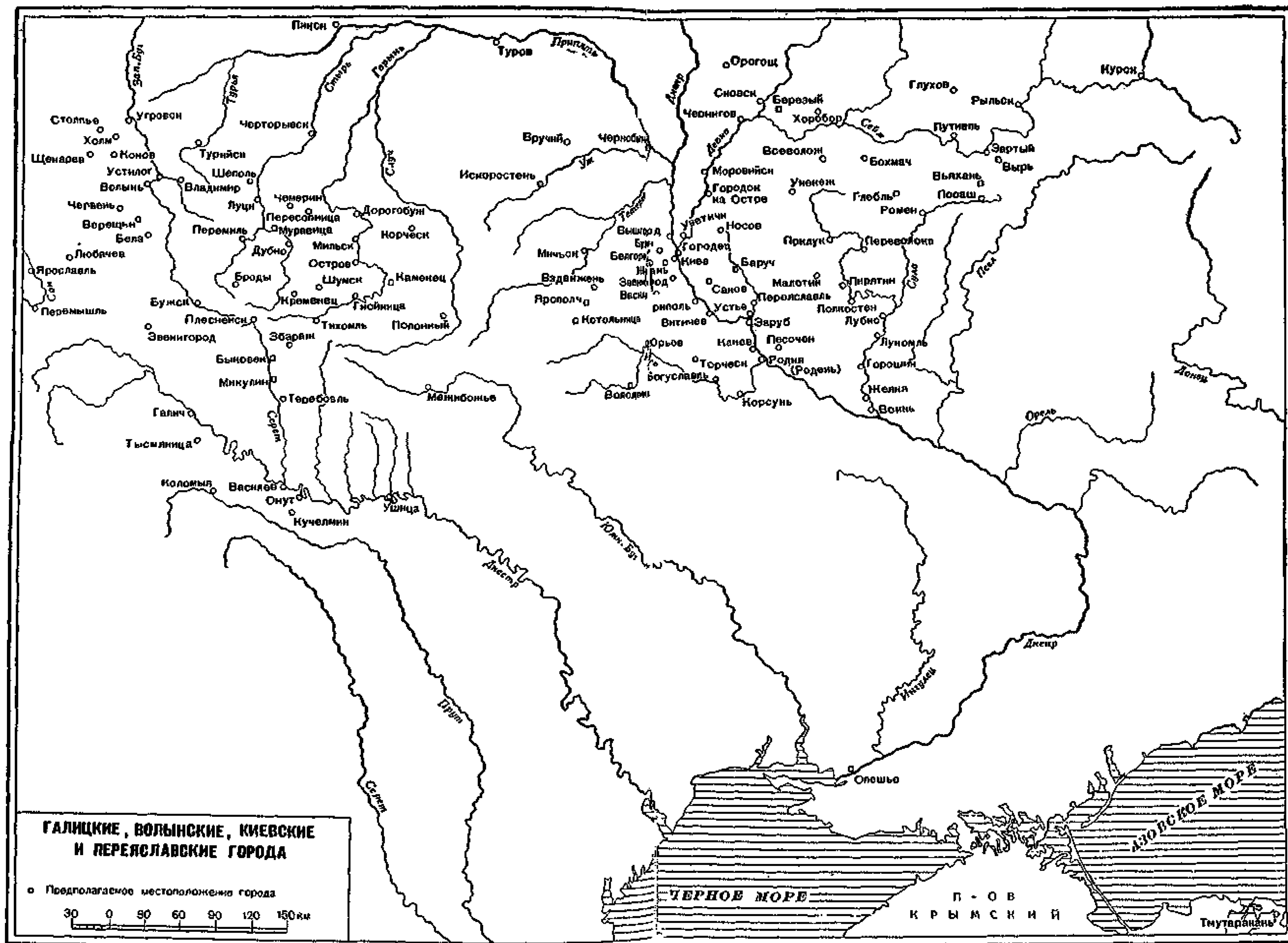

В XII в. мы наблюдаем и ещё одно любопытное явление — установление постоянных мест вечевых собраний и местопребывания посадников или тысяцких. В Новгороде таким местом был Ярославль двор — для посадника, церковь Ивана Предтечи на Опоках — для тысяцкого. Такое же значение получает Ярославль двор в Киеве, находившийся на Горе. Сюда в 1146 г. сходятся киевляне, чтобы целовать крест Игорю Ольговичу. Сюда приезжает в 1150 г. Изяслав со множеством киевлян, там торжественно провозглашён был князем, «сел» на киевский стол, Вячеслав. Этот двор именуется «великим двором». На нём устраиваются развлечения и празднества, тут венгры удивляют киевлян конскими ристаниями; на «великом дворе» хранится княжеская казна [1]. Случайное ли совпадение имеем в названиях дворов в Новгороде и Киеве? Вернее другое: Ярославли дворы сделались в обоих городах своего рода городскими ратушами, ибо они были крепко связаны с именем Ярослава Мудрого как первого князя, начавшего утверждать городские привилегии.

Городские порядки, складывавшиеся в XI—XIII столетиях, не прошли бесследно для будущих поколений. Даже псковский летописец употребляет слово «вечь» для обозначения народных собраний начала XVII в. «Всполошный колокол» XVI—XVII вв. нередко в дни восстаний заменял собой вечевой колокол. Самоуправление городских посадов в русских северных городах — явление не позднее, а столь же исконное, как в городах Литовского великого княжества. Имена сотского Ставра, тысяцкого Путяты, тысяцкого Демьяна остались в народных былинах нашего севера. Русские города киевской поры жили полнокровной жизнью и шли по пути развития «городского строя», как и города в соседних странах Западной Европы.

[1] Ипат. лет., стр. 229, 276, 279, 288, 326.

ГАЛИЦКИЕ, ВОЛЫНСКИЕ, КИЕВСКИЕ И ПЕРЕЯСЛАВСКИЕ ГОРОДА
Предполагаемое местоположение города
30 0 30 60 90 120 150 км
Пинск
Туров
Припять
Зап. Буг
Турья
Стырь
Горынь
Случь
Днепр
Орогощ
Сновск
Березый
Чернигов
Хоробор
Сейм
Глухов
Рыльск
Курск
Путивль
Вырь
Столпье
Угровск
Холм
Черторыеск
Вручий
Чернобыль
Щенарев
Конов
Турийск
Устилог
Шеполь
Волынь
Владимир
Уж
Искоростень
Всеволож
Бохмач
Моровийск
Городок на Остре
Глебль
Ромен
Чемерин
Пересопница
Дорогобуж
Луцк
Червень
Перемиль
Муравица
Корческ
Бела
Дубно
Мильск
Любачев
Ярославль
Остров
Броды
Шумск
Каменец
Кременец
Гнойница
Сан
Перемышль
Бужск
Плеснеск
Тихомль
Полонный
Звенигород
Збараж
Быковен
Микулин
Теребовль
Межибожье
Галич
Тысмяница
Коломыя
Онут
Кучелмин
Ушица
Серет
Днестр
Прут
Юж. Буг
Тетерев
Вышгород
Мичьск
Белгород
Киев
Городец
Носов
Баруч
Сакoв
Переяславль
Устье
Ярополч
Котельница
Витичев
Заруб
Песочен
Канев
Юрьев
Торческ
Родня (Родень)
Богуславль
Корсунь
Переволока
Малотин
Пирятин
Полкостен
Лубно
Лукомль
Горошин
Желни
Воинь
Сула
Псел
Орель
Донец
Ингулец
Олешье
ЧЕРНОЕ МОРЕ
П-ОВ КРЫМСКИЙ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
Тмутаракань

многое множество (людей) как пчел, по всему городу, и по стенам и по заборолам».

В городе кипела оживлённая жизнь. Сказания о Борисе и Глебе говорят о пирах старейшины «огородников» Ждана (христианское имя Никола), о хоромах, где устраивали пир, о снующих взад и вперёд слугах, как бы не замечающих голодного нищего у порога. Во время перенесения мощей Бориса и Глеба собирается множество людей. Для того чтобы расчистить путь среди толпы, князья приказывают «метати людям» дорогие ткани, меха, деньги. Рядом с картинами пиров и всенародных сборищ те же сказания рисуют Вышгород как место заключения людей, провинившихся или оклеветанных перед князьями, оказавшихся на долгое время «в забытьи» князьями. Заключённые сидят в глубоком погребе, под замком, в железных оковах. На ночь лестницу, по которой спускаются в погреб, вынимают, и наступает полная тьма. Так рисуется нам феодальная тюрьма XI—XII вв. со всеми её ужасами — «тьмою, холодом и забвением»[1].

Открытие в Вышгороде мощей Бориса и Глеба ещё более возвысило значение этого города, куда стали направляться многочисленные паломничества. Это не только создавало из Вышгорода религиозный центр, но и притягивало к нему литературные силы. По крайней мере о некоторых записях, относящихся к чудесам Бориса и Глеба, можно сказать утвердительно, что они были написаны в Вышгороде. Таково, например, обращение к Вышгороду в одном памятнике XI в., где Борис и Глеб прославляются как защитники Руси: «Стенам твоим, Вышгород, я устроил стражу на все дни и ночи. Не уснёт она и не задремлет, охраняя и утверждая отчину свою Русскую землю от супостатов и от усобной войны»[2].

Характер княжеского замка в значительной мере имел **Белгород.** Название этого города чисто славянское и очень распространено в славянских землях, где имеется несколько Белгородов, из которых самый известный Белград в Сербии. Древнерусский Белгород был любимым замком Владимира, который в 991 г. «заложил

---

[1] *Д. И. Абрамович,* Жития Бориса и Глеба, стр. 52—66 и др.

[2] Там же, стр. 118.

град Белгород и собрал в него от иных городов, и много людей свел в него, потому что любил град сей»[1]. Из этого известия вытекает, что Белгород был основан в 991 г., но летописец называет этот город раньше, говоря, что в нём Владимир держал до крещения 300 наложниц. Возможно, речь идёт о новом замке, построенном в Белгороде. Впрочем, слова о наложницах в Белгороде не имеют характера решительного свидетельства о существовании этого города до 991 г., если припомнить, что они взяты из жития Владимира, где немало легендарных подробностей.

Своё значение передового замка на подступах к Киеву Белгород оправдал уже во время набега печенегов в 997 г., длительную осаду которых он успешно выдержал.

Киевские князья, видимо, всячески способствовали процветанию Белгорода, где находился их замок. Этим можно объяснить существование особой белгородской епископии. В начале XII в. значение Белгорода как ближайшего города близ Киева подчёркивается тем, что в нём Владимир Мономах посадил своего старшего сына Мстислава с явным намерением передать ему Киев[2]. Юрий Долгорукий, заняв Киев в 1149 г., также окружил Киев кольцом городов, где сидели подручные князья. В Белгороде существовали Детинец и острог; следовательно, первоначальный княжеский замок в XII столетии уже разросся и был окружён предградьем.

В конце прошлого столетия село Белгородка вместе с прилегающим к нему полем было окружено высоким валом, упирающимся двумя концами в реку Ирпень. Длина вала — 2 версты, а очертание его — четырёхугольное. В западном углу городища помещался Детинец, состоявший из двух соприкасающихся между собой четырёхугольников, обведённых валами; в более обширном из них находилась церковь[3]. Возможно, это каменная церковь св. Апостолов в Белгороде, о строении которой сообщается в 1197 г.[4] Два замка, помещающиеся внутри вала, быть может, показывают место двух дворов —

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. I, стр. 83.
[2] Ипат. лет., стр. 204.
[3] *В. Б. Антонович*, Археологическая карта Киевской губернии, стр. 19—20.
[4] Ипат. лет., стр. 473.

княжеского и епископского. Княжеские погреба («княжа медуша») появляются уже в первом летописном известии о Белгороде. Яркую картину древнего Белгорода дают известные изыскания В. В. Хвойка, основанные на тщательном археологическом изучении памятников прошлого [1].

Укрепления Белгорода были незаурядными для своего времени, но в 1150 г. они чуть не были взяты внезапным нападением. Этому помешал мытник, переметавший мост, по которому можно было проникнуть в город. В это время князь Борис, сын Юрия Долгорукого, «пил в Белгороде на сеньнице с дружиною своею и белгородскими попами». Услышав звуки трубы, возвещавшие о прибытии врагов, Борис бежал из города, а белгородцы «вборзе помостили мост и впустили в город» войско врагов его отца.

В летописных известиях X—XII вв. выступают «белгородцы», горожане, в отличие от княжеской дружины. В полулегендарном рассказе об осаде Белгорода печенегами в 997 г. главная роль принадлежит «людям», «горожанам» во главе с их старейшинами. Судьба города решается на вече. Но в летописных известиях XII в. о Белгороде ясно проступает зависимость города от киевских князей. В ответ на требование открыть городские ворота белгородцы отвечают Юрию Долгорукому: «а Киев их тебе отворил?» [2] Смысл ответа: будешь киевским князем, тогда и мы тебе подчинимся.

Новые раскопки в Белгороде, вероятно, покажут ремесленный характер этого города и связь его ремесла с киевским хозяйством.

В оборонительную сеть укреплений, построенных Владимиром вокруг Киева, входил город **Василев.** Летописец сообщает об этом городе несколько противоречивые сведения. В рассказе о нападении печенегов в 996 г. говорится о Василеве так, как будто этот город уже существовал. Владимир, будто бы не выдержав печенежского нападения, скрылся под мостом и в память своего спасения поставил в Василеве церковь Спаса Преображения, так как бой с печенегами произошёл в день Пре-

---

[1] *В. В. Хвойка,* Древние обитатели Среднего Приднепровья, стр. 76—94.

[2] Ипат. лет., стр. 288, 300. См. ещё о битвах под Белгородом в 1159 г. (Ипат. лет., стр. 343—344).

княжеского и епископского. Княжеские погреба («княжа медуша») появляются уже в первом летописном известии о Белгороде. Яркую картину древнего Белгорода дают известные изыскания В. В. Хвойка, основанные на тщательном археологическом изучении памятников прошлого [1].

Укрепления Белгорода были незаурядными для своего времени, но в 1150 г. они чуть не были взяты внезапным нападением. Этому помешал мытник, переметавший мост, по которому можно было проникнуть в город. В это время князь Борис, сын Юрия Долгорукого, «пил в Белгороде на сеньнице с дружиною своею и белгородскими попами». Услышав звуки трубы, возвещавшие о прибытии врагов, Борис бежал из города, а белгородцы «вборзе помостили мост и впустили в город» войско врагов его отца.

В летописных известиях X—XII вв. выступают «белгородцы», горожане, в отличие от княжеской дружины. В полулегендарном рассказе об осаде Белгорода печенегами в 997 г. главная роль принадлежит «людям», «горожанам» во главе с их старейшинами. Судьба города решается на вече. Но в летописных известиях XII в. о Белгороде ясно проступает зависимость города от киевских князей. В ответ на требование открыть городские ворота белгородцы отвечают Юрию Долгорукому: «а Киев их тебе отворил?» [2] Смысл ответа: будешь киевским князем, тогда и мы тебе подчинимся.

Новые раскопки в Белгороде, вероятно, покажут ремесленный характер этого города и связь его ремесла с киевским хозяйством.

В оборонительную сеть укреплений, построенных Владимиром вокруг Киева, входил город **Василев.** Летописец сообщает об этом городе несколько противоречивые сведения. В рассказе о нападении печенегов в 996 г. говорится о Василеве так, как будто этот город уже существовал. Владимир, будто бы не выдержав печенежского нападения, скрылся под мостом и в память своего спасения поставил в Василеве церковь Спаса Преображения, так как бой с печенегами произошёл в день Пре-

---

[1] *В. В. Хвойка,* Древние обитатели Среднего Приднепровья, стр. 76—94.

[2] Ипат. лет., стр. 288, 300. См. ещё о битвах под Белгородом в 1159 г. (Ипат. лет., стр. 343—344).

княжеского и епископского. Княжеские погреба («княжа медуша») появляются уже в первом летописном известии о Белгороде. Яркую картину древнего Белгорода дают известные изыскания В. В. Хвойка, основанные на тщательном археологическом изучении памятников прошлого [1].

Укрепления Белгорода были незаурядными для своего времени, но в 1150 г. они чуть не были взяты внезапным нападением. Этому помешал мытник, переметавший мост, по которому можно было проникнуть в город. В это время князь Борис, сын Юрия Долгорукого, «пил в Белгороде на сеньнице с дружиною своею и белгородскими попами». Услышав звуки трубы, возвещавшие о прибытии врагов, Борис бежал из города, а белгородцы «вборзе помостили мост и впустили в город» войско врагов его отца.

В летописных известиях X—XII вв. выступают «белгородцы», горожане, в отличие от княжеской дружины. В полулегендарном рассказе об осаде Белгорода печенегами в 997 г. главная роль принадлежит «людям», «горожанам» во главе с их старейшинами. Судьба города решается на вече. Но в летописных известиях XII в. о Белгороде ясно проступает зависимость города от киевских князей. В ответ на требование открыть городские ворота белгородцы отвечают Юрию Долгорукому: «а Киев их тебе отворил?» [2] Смысл ответа: будешь киевским князем, тогда и мы тебе подчинимся.

Новые раскопки в Белгороде, вероятно, покажут ремесленный характер этого города и связь его ремесла с киевским хозяйством.

В оборонительную сеть укреплений, построенных Владимиром вокруг Киева, входил город **Василев.** Летописец сообщает об этом городе несколько противоречивые сведения. В рассказе о нападении печенегов в 996 г. говорится о Василеве так, как будто этот город уже существовал. Владимир, будто бы не выдержав печенежского нападения, скрылся под мостом и в память своего спасения поставил в Василеве церковь Спаса Преображения, так как бой с печенегами произошёл в день Пре-

---

[1] *В. В. Хвойка,* Древние обитатели Среднего Приднепровья, стр. 76—94.

[2] Ипат. лет., стр. 288, 300. См. ещё о битвах под Белгородом в 1159 г. (Ипат. лет., стр. 343—344).

княжеского и епископского. Княжеские погреба («княжа медуша») появляются уже в первом летописном известии о Белгороде. Яркую картину древнего Белгорода дают известные изыскания В. В. Хвойка, основанные на тщательном археологическом изучении памятников прошлого [1].

Укрепления Белгорода были незаурядными для своего времени, но в 1150 г. они чуть не были взяты внезапным нападением. Этому помешал мытник, переметавший мост, по которому можно было проникнуть в город. В это время князь Борис, сын Юрия Долгорукого, «пил в Белгороде на сеньнице с дружиною своею и белгородскими попами». Услышав звуки трубы, возвещавшие о прибытии врагов, Борис бежал из города, а белгородцы «вборзе помостили мост и впустили в город» войско врагов его отца.

В летописных известиях X—XII вв. выступают «белгородцы», горожане, в отличие от княжеской дружины. В полулегендарном рассказе об осаде Белгорода печенегами в 997 г. главная роль принадлежит «людям», «горожанам» во главе с их старейшинами. Судьба города решается на вече. Но в летописных известиях XII в. о Белгороде ясно проступает зависимость города от киевских князей. В ответ на требование открыть городские ворота белгородцы отвечают Юрию Долгорукому: «а Киев их тебе отворил?» [2] Смысл ответа: будешь киевским князем, тогда и мы тебе подчинимся.

Новые раскопки в Белгороде, вероятно, покажут ремесленный характер этого города и связь его ремесла с киевским хозяйством.

В оборонительную сеть укреплений, построенных Владимиром вокруг Киева, входил город **Василев.** Летописец сообщает об этом городе несколько противоречивые сведения. В рассказе о нападении печенегов в 996 г. говорится о Василеве так, как будто этот город уже существовал. Владимир, будто бы не выдержав печенежского нападения, скрылся под мостом и в память своего спасения поставил в Василеве церковь Спаса Преображения, так как бой с печенегами произошёл в день Пре-

---

[1] *В. В. Хвойка,* Древние обитатели Среднего Приднепровья, стр. 76—94.

[2] Ипат. лет., стр. 288, 300. См. ещё о битвах под Белгородом в 1159 г. (Ипат. лет., стр. 343—344).

земли, — пишет он, — до наших дней высятся десятки древних городищ — «градов» древлянских, пока, к сожалению, почти не привлекавших внимания археологов». Среди них П. Н. Третьяков отмечает городища Искоростеня, хорошо известного по летописи.

Древлянский город **Искоростень** известен был в X столетии как столица Древлянской земли. Он стоял в том месте, где река Уж прорезает скалистую гряду. Высокие берега подходят здесь друг к другу, русло реки завалено огромными камнями. «Городища расположены на мысах по обоим берегам реки. Это были небольшие укрепления с валами и рвами». Здесь найдены были обломки глиняной посуды VIII—X вв. [1]

Разрушенный Искоростень запустел, и во второй половине X столетия центром Древлянской земли сделался город **Вручий (Овруч)**. Название города — славянское (глаголы — въручитися, върущатися и пр.). Вручий — один из древнейших русских городов, впервые появляющийся на страницах летописи под 977 г. [2] В это время в нём уже находился замок с городскими воротами и мостом перед ними, перекинутым через овраг; в городе сидел Олег, второй сын Святослава. После этого Вручий надолго исчезает из летописных известий и снова упоминается только в конце XII в., когда он стал столицей Рюрика Ростиславича.

Раньше уже говорилось о шиферном промысле в Овруче и в его окрестностях [3]. Немалое значение для развития Овруча могло иметь его местоположение в благоприятной для земледелия части Древлянской земли, где изредка попадается чернозём и возможны хорошие урожаи. Современный Овруч стоит на высотах, окружённых глубокими и крутыми оврагами. От киевского периода в Овруче сохранились остатки церкви Василия, неизвестно когда построенной. Старое предание приписывало её построение Владимиру Святославичу, но создание её с большей вероятностью можно приписать Рюрику

---

[1] *П. Н. Третьяков*, Древлянские «грады» («Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия», стр. 64—68).

[2] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 53.

[3] *Г. О. Оссовский*, Откуда привозился красный шифер («Труды III Археологического съезда в Киеве», т. II, Киев 1878, стр. 159—164).

княжеского и епископского. Княжеские погреба («княжа медуша») появляются уже в первом летописном известии о Белгороде. Яркую картину древнего Белгорода дают известные изыскания В. В. Хвойка, основанные на тщательном археологическом изучении памятников прошлого [1].

Укрепления Белгорода были незаурядными для своего времени, но в 1150 г. они чуть не были взяты внезапным нападением. Этому помешал мытник, переметавший мост, по которому можно было проникнуть в город. В это время князь Борис, сын Юрия Долгорукого, «пил в Белгороде на сеньнице с дружиною своею и белгородскими попами». Услышав звуки трубы, возвещавшие о прибытии врагов, Борис бежал из города, а белгородцы «вборзе помостили мост и впустили в город» войско врагов его отца.

В летописных известиях X—XII вв. выступают «белгородцы», горожане, в отличие от княжеской дружины. В полулегендарном рассказе об осаде Белгорода печенегами в 997 г. главная роль принадлежит «людям», «горожанам» во главе с их старейшинами. Судьба города решается на вече. Но в летописных известиях XII в. о Белгороде ясно проступает зависимость города от киевских князей. В ответ на требование открыть городские ворота белгородцы отвечают Юрию Долгорукому: «а Киев их тебе отворил?» [2] Смысл ответа: будешь киевским князем, тогда и мы тебе подчинимся.

Новые раскопки в Белгороде, вероятно, покажут ремесленный характер этого города и связь его ремесла с киевским хозяйством.

В оборонительную сеть укреплений, построенных Владимиром вокруг Киева, входил город **Василев.** Летописец сообщает об этом городе несколько противоречивые сведения. В рассказе о нападении печенегов в 996 г. говорится о Василеве так, как будто этот город уже существовал. Владимир, будто бы не выдержав печенежского нападения, скрылся под мостом и в память своего спасения поставил в Василеве церковь Спаса Преображения, так как бой с печенегами произошёл в день Пре-

---

[1] *В. В. Хвойка,* Древние обитатели Среднего Приднепровья, стр. 76—94.

[2] Ипат. лет., стр. 288, 300. См. ещё о битвах под Белгородом в 1159 г. (Ипат. лет., стр. 343—344).

земли, — пишет он, — до наших дней высятся десятки древних городищ — «градов» древлянских, пока, к сожалению, почти не привлекавших внимания археологов». Среди них П. Н. Третьяков отмечает городища Искоростеня, хорошо известного по летописи.

Древлянский город **Искоростень** известен был в X столетии как столица Древлянской земли. Он стоял в том месте, где река Уж прорезает скалистую гряду. Высокие берега подходят здесь друг к другу, русло реки завалено огромными камнями. «Городища расположены на мысах по обоим берегам реки. Это были небольшие укрепления с валами и рвами». Здесь найдены были обломки глиняной посуды VIII—X вв.[1]

Разрушенный Искоростень запустел, и во второй половине X столетия центром Древлянской земли сделался город **Вручий (Овруч)**. Название города — славянское (глаголы — вървучитися, вързущатися и пр.). Вручий — один из древнейших русских городов, впервые появляющийся на страницах летописи под 977 г.[2] В это время в нём уже находился замок с городскими воротами и мостом перед ними, перекинутым через овраг; в городе сидел Олег, второй сын Святослава. После этого Вручий надолго исчезает из летописных известий и снова упоминается только в конце XII в., когда он стал столицей Рюрика Ростиславича.

Раньше уже говорилось о шиферном промысле в Овруче и в его окрестностях[3]. Немалое значение для развития Овруча могло иметь его местоположение в благоприятной для земледелия части Древлянской земли, где изредка попадается чернозём и возможны хорошие урожаи. Современный Овруч стоит на высотах, окружённых глубокими и крутыми оврагами. От киевского периода в Овруче сохранились остатки церкви Василия, неизвестно когда построенной. Старое предание приписывало её построение Владимиру Святославичу, но создание её с большей вероятностью можно приписать Рюрику

---

[1] *П. Н. Третьяков*, Древлянские «грады» («Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия», стр. 64—68).

[2] «Повесть врем. лет», ч. I, стр. 53.

[3] *Г. О. Оссовский*, Откуда привозился красный шифер («Труды III Археологического съезда в Киеве», т. II, Киев 1878, стр. 159—164).

княжеского и епископского. Княжеские погреба («княжа медуша») появляются уже в первом летописном известии о Белгороде. Яркую картину древнего Белгорода дают известные изыскания В. В. Хвойка, основанные на тщательном археологическом изучении памятников прошлого [1].

Укрепления Белгорода были незаурядными для своего времени, но в 1150 г. они чуть не были взяты внезапным нападением. Этому помешал мытник, переметавший мост, по которому можно было проникнуть в город. В это время князь Борис, сын Юрия Долгорукого, «пил в Белгороде на сеньнице с дружиною своею и белгородскими попами». Услышав звуки трубы, возвещавшие о прибытии врагов, Борис бежал из города, а белгородцы «вборзе помостили мост и впустили в город» войско врагов его отца.

В летописных известиях X—XII вв. выступают «белгородцы», горожане, в отличие от княжеской дружины. В полулегендарном рассказе об осаде Белгорода печенегами в 997 г. главная роль принадлежит «людям», «горожанам» во главе с их старейшинами. Судьба города решается на вече. Но в летописных известиях XII в. о Белгороде ясно проступает зависимость города от киевских князей. В ответ на требование открыть городские ворота белгородцы отвечают Юрию Долгорукому: «а Киев их тебе отворил?» [2] Смысл ответа: будешь киевским князем, тогда и мы тебе подчинимся.

Новые раскопки в Белгороде, вероятно, покажут ремесленный характер этого города и связь его ремесла с киевским хозяйством.

В оборонительную сеть укреплений, построенных Владимиром вокруг Киева, входил город **Василев.** Летописец сообщает об этом городе несколько противоречивые сведения. В рассказе о нападении печенегов в 996 г. говорится о Василеве так, как будто этот город уже существовал. Владимир, будто бы не выдержав печенежского нападения, скрылся под мостом и в память своего спасения поставил в Василеве церковь Спаса Преображения, так как бой с печенегами произошёл в день Пре-

---

[1] *В. В. Хвойка*, Древние обитатели Среднего Приднепровья, стр. 76—94.

[2] Ипат. лет., стр. 288, 300. См. ещё о битвах под Белгородом в 1159 г. (Ипат. лет., стр. 343—344).

княжеского и епископского. Княжеские погреба («княжа медуша») появляются уже в первом летописном известии о Белгороде. Яркую картину древнего Белгорода дают известные изыскания В. В. Хвойка, основанные на тщательном археологическом изучении памятников прошлого[1].

Укрепления Белгорода были незаурядными для своего времени, но в 1150 г. они чуть не были взяты внезапным нападением. Этому помешал мытник, переметавший мост, по которому можно было проникнуть в город. В это время князь Борис, сын Юрия Долгорукого, «пил в Белгороде на сеньнице с дружиною своею и белгородскими попами». Услышав звуки трубы, возвещавшие о прибытии врагов, Борис бежал из города, а белгородцы «вборзе помостили мост и впустили в город» войско врагов его отца.

В летописных известиях X—XII вв. выступают «белгородцы», горожане, в отличие от княжеской дружины. В полулегендарном рассказе об осаде Белгорода печенегами в 997 г. главная роль принадлежит «людям», «горожанам» во главе с их старейшинами. Судьба города решается на вече. Но в летописных известиях XII в. о Белгороде ясно проступает зависимость города от киевских князей. В ответ на требование открыть городские ворота белгородцы отвечают Юрию Долгорукому: «а Киев их тебе отворил?»[2] Смысл ответа: будешь киевским князем, тогда и мы тебе подчинимся.

Новые раскопки в Белгороде, вероятно, покажут ремесленный характер этого города и связь его ремесла с киевским хозяйством.

В оборонительную сеть укреплений, построенных Владимиром вокруг Киева, входил город **Василев.** Летописец сообщает об этом городе несколько противоречивые сведения. В рассказе о нападении печенегов в 996 г. говорится о Василеве так, как будто этот город уже существовал. Владимир, будто бы не выдержав печенежского нападения, скрылся под мостом и в память своего спасения поставил в Василеве церковь Спаса Преображения, так как бой с печенегами произошёл в день Пре-

---

[1] *В. В. Хвойка,* Древние обитатели Среднего Приднепровья, стр. 76—94.

[2] Ипат. лет., стр. 288, 300. См. ещё о битвах под Белгородом в 1159 г. (Ипат. лет., стр. 343—344).

княжеского и епископского. Княжеские погреба («княжа медуша») появляются уже в первом летописном известии о Белгороде. Яркую картину древнего Белгорода дают известные изыскания В. В. Хвойка, основанные на тщательном археологическом изучении памятников прошлого [1].

Укрепления Белгорода были незаурядными для своего времени, но в 1150 г. они чуть не были взяты внезапным нападением. Этому помешал мытник, переметавший мост, по которому можно было проникнуть в город. В это время князь Борис, сын Юрия Долгорукого, «пил в Белгороде на сеньнице с дружиною своею и белгородскими попами». Услышав звуки трубы, возвещавшие о прибытии врагов, Борис бежал из города, а белгородцы «вборзе помостили мост и впустили в город» войско врагов его отца.

В летописных известиях X—XII вв. выступают «белгородцы», горожане, в отличие от княжеской дружины. В полулегендарном рассказе об осаде Белгорода печенегами в 997 г. главная роль принадлежит «людям», «горожанам» во главе с их старейшинами. Судьба города решается на вече. Но в летописных известиях XII в. о Белгороде ясно проступает зависимость города от киевских князей. В ответ на требование открыть городские ворота белгородцы отвечают Юрию Долгорукому: «а Киев их тебе отворил?» [2] Смысл ответа: будешь киевским князем, тогда и мы тебе подчинимся.

Новые раскопки в Белгороде, вероятно, покажут ремесленный характер этого города и связь его ремесла с киевским хозяйством.

В оборонительную сеть укреплений, построенных Владимиром вокруг Киева, входил город **Василев.** Летописец сообщает об этом городе несколько противоречивые сведения. В рассказе о нападении печенегов в 996 г. говорится о Василеве так, как будто этот город уже существовал. Владимир, будто бы не выдержав печенежского нападения, скрылся под мостом и в память своего спасения поставил в Василеве церковь Спаса Преображения, так как бой с печенегами произошёл в день Пре-

---

[1] *В. В. Хвойка,* Древние обитатели Среднего Приднепровья, стр. 76—94.

[2] Ипат. лет., стр. 288, 300. См. ещё о битвах под Белгородом в 1159 г. (Ипат. лет., стр. 343—344).

княжеского и епископского. Княжеские погреба («княжа медуша») появляются уже в первом летописном известии о Белгороде. Яркую картину древнего Белгорода дают известные изыскания В. В. Хвойка, основанные на тщательном археологическом изучении памятников прошлого [1].

Укрепления Белгорода были незаурядными для своего времени, но в 1150 г. они чуть не были взяты внезапным нападением. Этому помешал мытник, переметавший мост, по которому можно было проникнуть в город. В это время князь Борис, сын Юрия Долгорукого, «пил в Белгороде на сеньнице с дружиною своею и белгородскими попами». Услышав звуки трубы, возвещавшие о прибытии врагов, Борис бежал из города, а белгородцы «вборзе помостили мост и впустили в город» войско врагов его отца.

В летописных известиях X—XII вв. выступают «белгородцы», горожане, в отличие от княжеской дружины. В полулегендарном рассказе об осаде Белгорода печенегами в 997 г. главная роль принадлежит «людям», «горожанам» во главе с их старейшинами. Судьба города решается на вече. Но в летописных известиях XII в. о Белгороде ясно проступает зависимость города от киевских князей. В ответ на требование открыть городские ворота белгородцы отвечают Юрию Долгорукому: «а Киев их тебе отворил?» [2] Смысл ответа: будешь киевским князем, тогда и мы тебе подчинимся.

Новые раскопки в Белгороде, вероятно, покажут ремесленный характер этого города и связь его ремесла с киевским хозяйством.

В оборонительную сеть укреплений, построенных Владимиром вокруг Киева, входил город **Василев.** Летописец сообщает об этом городе несколько противоречивые сведения. В рассказе о нападении печенегов в 996 г. говорится о Василеве так, как будто этот город уже существовал. Владимир, будто бы не выдержав печенежского нападения, скрылся под мостом и в память своего спасения поставил в Василеве церковь Спаса Преображения, так как бой с печенегами произошёл в день Пре-

---

[1] *В. В. Хвойка,* Древние обитатели Среднего Приднепровья, стр. 76—94.

[2] Ипат. лет., стр. 288, 300. См. ещё о битвах под Белгородом в 1159 г. (Ипат. лет., стр. 343—344).

многое множество (людей) как пчел, по всему городу, и по стенам и по забором».

В городе кипела оживлённая жизнь. Сказания о Борисе и Глебе говорят о пирах старейшины «огородников» Ждана (христианское имя Никола), о хоромах, где устраивали пир, о снующих взад и вперёд слугах, как бы не замечающих голодного нищего у порога. Во время перенесения мощей Бориса и Глеба собирается множество людей. Для того чтобы расчистить путь среди толпы, князья приказывают «метати людям» дорогие ткани, меха, деньги. Рядом с картинами пиров и всенародных сборищ те же сказания рисуют Вышгород как место заключения людей, провинившихся или оклеветанных перед князьями, оказавшихся на долгое время «в забытьи» князьями. Заключённые сидят в глубоком погребе, под замком, в железных оковах. На ночь лестницу, по которой спускаются в погреб, вынимают, и наступает полная тьма. Так рисуется нам феодальная тюрьма XI—XII вв. со всеми её ужасами — «тьмою, холодом и забвением» [1].

Открытие в Вышгороде мощей Бориса и Глеба ещё более возвысило значение этого города, куда стали направляться многочисленные паломничества. Это не только создавало из Вышгорода религиозный центр, но и притягивало к нему литературные силы. По крайней мере о некоторых записях, относящихся к чудесам Бориса и Глеба, можно сказать утвердительно, что они были написаны в Вышгороде. Таково, например, обращение к Вышгороду в одном памятнике XI в., где Борис и Глеб прославляются как защитники Руси: «Стенам твоим, Вышгород, я устроил стражу на все дни и ночи. Не уснёт она и не задремлет, охраняя и утверждая отчину свою Русскую землю от супостатов и от усобной войны» [2].

Характер княжеского замка в значительной мере имел **Белгород.** Название этого города чисто славянское и очень распространено в славянских землях, где имеется несколько Белгородов, из которых самый известный Белград в Сербии. Древнерусский Белгород был любимым замком Владимира, который в 991 г. «заложил

---

[1] *Д. И. Абрамович,* Жития Бориса и Глеба, стр. 52—66 и др.
[2] Там же, стр. 118.

княжеского и епископского. Княжеские погреба («княжа медуша») появляются уже в первом летописном известии о Белгороде. Яркую картину древнего Белгорода дают известные изыскания В. В. Хвойка, основанные на тщательном археологическом изучении памятников прошлого [1].

Укрепления Белгорода были незаурядными для своего времени, но в 1150 г. они чуть не были взяты внезапным нападением. Этому помешал мытник, переметавший мост, по которому можно было проникнуть в город. В это время князь Борис, сын Юрия Долгорукого, «пил в Белгороде на сеньнице с дружиною своею и белгородскими попами». Услышав звуки трубы, возвещавшие о прибытии врагов, Борис бежал из города, а белгородцы «вборзе помостили мост и впустили в город» войско врагов его отца.

В летописных известиях X—XII вв. выступают «белгородцы», горожане, в отличие от княжеской дружины. В полулегендарном рассказе об осаде Белгорода печенегами в 997 г. главная роль принадлежит «людям», «горожанам» во главе с их старейшинами. Судьба города решается на вече. Но в летописных известиях XII в. о Белгороде ясно проступает зависимость города от киевских князей. В ответ на требование открыть городские ворота белгородцы отвечают Юрию Долгорукому: «а Киев их тебе отворил?» [2] Смысл ответа: будешь киевским князем, тогда и мы тебе подчинимся.

Новые раскопки в Белгороде, вероятно, покажут ремесленный характер этого города и связь его ремесла с киевским хозяйством.

В оборонительную сеть укреплений, построенных Владимиром вокруг Киева, входил город **Василев.** Летописец сообщает об этом городе несколько противоречивые сведения. В рассказе о нападении печенегов в 996 г. говорится о Василеве так, как будто этот город уже существовал. Владимир, будто бы не выдержав печенежского нападения, скрылся под мостом и в память своего спасения поставил в Василеве церковь Спаса Преображения, так как бой с печенегами произошёл в день Пре-

---

[1] *В. В. Хвойка,* Древние обитатели Среднего Приднепровья, стр. 76—94.

[2] Ипат. лет., стр. 288, 300. См. ещё о битвах под Белгородом в 1159 г. (Ипат. лет., стр. 343—344).

княжеского и епископского. Княжеские погреба («княжа медуша») появляются уже в первом летописном известии о Белгороде. Яркую картину древнего Белгорода дают известные изыскания В. В. Хвойка, основанные на тщательном археологическом изучении памятников прошлого [1].

Укрепления Белгорода были незаурядными для своего времени, но в 1150 г. они чуть не были взяты внезапным нападением. Этому помешал мытник, переметавший мост, по которому можно было проникнуть в город. В это время князь Борис, сын Юрия Долгорукого, «пил в Белгороде на сеньнице с дружиною своею и белгородскими попами». Услышав звуки трубы, возвещавшие о прибытии врагов, Борис бежал из города, а белгородцы «вборзе помостили мост и впустили в город» войско врагов его отца.

В летописных известиях X—XII вв. выступают «белгородцы», горожане, в отличие от княжеской дружины. В полулегендарном рассказе об осаде Белгорода печенегами в 997 г. главная роль принадлежит «людям», «горожанам» во главе с их старейшинами. Судьба города решается на вече. Но в летописных известиях XII в. о Белгороде ясно проступает зависимость города от киевских князей. В ответ на требование открыть городские ворота белгородцы отвечают Юрию Долгорукому: «а Киев их тебе отворил?» [2] Смысл ответа: будешь киевским князем, тогда и мы тебе подчинимся.

Новые раскопки в Белгороде, вероятно, покажут ремесленный характер этого города и связь его ремесла с киевским хозяйством.

В оборонительную сеть укреплений, построенных Владимиром вокруг Киева, входил город **Василев.** Летописец сообщает об этом городе несколько противоречивые сведения. В рассказе о нападении печенегов в 996 г. говорится о Василеве так, как будто этот город уже существовал. Владимир, будто бы не выдержав печенежского нападения, скрылся под мостом и в память своего спасения поставил в Василеве церковь Спаса Преображения, так как бой с печенегами произошёл в день Пре-

---

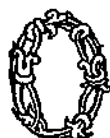
[1] *В. В. Хвойка,* Древние обитатели Среднего Приднепровья, стр. 76—94.

[2] Ипат. лет., стр. 288, 300. См. ещё о битвах под Белгородом в 1159 г. (Ипат. лет., стр. 343—344).

2

ВОЛЫНСКАЯ ЗЕМЛЯ

Обширная Волынская земля занимала окраинное положение на западе Русской земли. Впрочем, границы этой земли, показанные в атласе Замысловского, очень условны и непонятны, если изучать историю Волынской земли отдельно от соседней Галицкой. Собственно Волынь представляла собой богатый обособленный край, сложившийся с отдалённых времён. Своё название Волынская земля получила от древнего города Волынь, местоположение которого указывают в 20 *км* от современного Владимира Волынского, заменившего собой этот старый племенной центр. Древняя Волынь, или Велынь, принадлежала к числу тех славянских городов, происхождение которых теряется в самых отдалённых веках. Уже Ходаковский, а вслед за ним другие историки указывали, что на месте Волыни теперь сохранился обширный вал с особым городком «Словенским» и множеством могил внутри его [1]. Описание Волынского городища даёт В. Б. Антонович: «На полуострове, омываемом извилиною Буга, урочище, называемое Старгород». Здесь находится «городище неправильно круглой формы; от него простирается более низкий вал, окружавший посад, в 3/4 версты от полуострова вал в 1½ версты длиною. По предположению, это, может быть, древний

[1] *А. М. Андрияшев,* Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия, Киев 1887, стр. 58.

многое множество (людей) как пчел, по всему городу, и по стенам и по заборолам».

В городе кипела оживлённая жизнь. Сказания о Борисе и Глебе говорят о пирах старейшины «огородников» Ждана (христианское имя Никола), о хоромах, где устраивали пир, о снующих взад и вперёд слугах, как бы не замечающих голодного нищего у порога. Во время перенесения мощей Бориса и Глеба собирается множество людей. Для того чтобы расчистить путь среди толпы, князья приказывают «метати людям» дорогие ткани, меха, деньги. Рядом с картинами пиров и всенародных сборищ те же сказания рисуют Вышгород как место заключения людей, провинившихся или оклеветанных перед князьями, оказавшихся на долгое время «в забытьи» князьями. Заключённые сидят в глубоком погребе, под замком, в железных оковах. На ночь лестницу, по которой спускаются в погреб, вынимают, и наступает полная тьма. Так рисуется нам феодальная тюрьма XI—XII вв. со всеми её ужасами — «тьмою, холодом и забвением» [1].

Открытие в Вышгороде мощей Бориса и Глеба ещё более возвысило значение этого города, куда стали направляться многочисленные паломничества. Это не только создавало из Вышгорода религиозный центр, но и притягивало к нему литературные силы. По крайней мере о некоторых записях, относящихся к чудесам Бориса и Глеба, можно сказать утвердительно, что они были написаны в Вышгороде. Таково, например, обращение к Вышгороду в одном памятнике XI в., где Борис и Глеб прославляются как защитники Руси: «Стенам твоим, Вышгород, я устроил стражу на все дни и ночи. Не уснёт она и не задремлет, охраняя и утверждая отчину свою Русскую землю от супостатов и от усобной войны» [2].

Характер княжеского замка в значительной мере имел **Белгород.** Название этого города чисто славянское и очень распространено в славянских землях, где имеется несколько Белгородов, из которых самый известный Белград в Сербии. Древнерусский Белгород был любимым замком Владимира, который в 991 г. «заложил

---

[1] *Д. И. Абрамович,* Жития Бориса и Глеба, стр. 52—66 и пр.
[2] Там же, стр. 118.

в некотором отдалении от Днепра, на небольшой реке Трубеже, при впадении которой в Днепр также находился городок с названием Устье.

Нельзя, впрочем, пройти мимо распространённого в нашей литературе представления об ещё более раннем возникновении Владимира. Это мнение держится на известии древней венгерской хроники нотария короля Белы. В хронике сообщается, что венгры вышли из Киева в сопровождении русских и «прибыли в город Лодомер». Князь Лодомера принял венгров с почётом, дал им в заложники двух своих сыновей и богатые подарки[1]. Но название «Лодомер» (Lodomer) — это испорченная венгерская передача русского названия Владимир. Упоминание о Галиции ведёт нас также к позднему времени, когда от города Галича и вся окружающая область получила своё прозвание. Нотарий Белы, писавший во второй половине XIII в.[2], когда венгерские феодалы пытались овладеть Галицкой землёй, старался доказать, что Владимир и Галич якобы давно зависели от Венгрии.

Владимир с самого начала своего существования стал стольным городом особого княжения, хотя волынской династии князей, наподобие черниговской, не устанавливается, может быть и по случайным обстоятельствам. Довольно рано возникает владимирская епископия. Среди епископов Владимира знаем Иосафа и Василия «от Святые горы», монастыря в окрестностях Владимира. Об этом монастыре упоминается в Печерском патерике в рассказе, относящемся ко времени Изяслава Ярославича (1054—1076 гг.)[3].

Черты большого города явственно выступают в письменных свидетельствах о былой истории Владимира. Это был прежде всего хорошо укреплённый город, с деревянной стеною и башнями (вежами). На владимирских стенах во время осады города был убит князь Мстислав Святополкович через «скважину» (бойницу) в досках забора («заборола»), устраиваемого для защиты бойцов,

---

[1] Перевод этого места из хроники нотария Белы см. у Н. М. Карамзина («История государства Российского», СПБ, первое издание, стр. 392, примечание 302).

[2] *C. Horváth, A. Kardos, A. Endrödi,* Histoire de la littérature hongroise, Budapest, Paris.

[3] Ипат. лет., стр. 494; «Печерский патерик», стр. 32.

княжеского и епископского. Княжеские погреба («княжа медуша») появляются уже в первом летописном известии о Белгороде. Яркую картину древнего Белгорода дают известные изыскания В. В. Хвойка, основанные на тщательном археологическом изучении памятников прошлого [1].

Укрепления Белгорода были незаурядными для своего времени, но в 1150 г. они чуть не были взяты внезапным нападением. Этому помешал мытник, переметавший мост, по которому можно было проникнуть в город. В это время князь Борис, сын Юрия Долгорукого, «пил в Белгороде на сеньнице с дружиною своею и белгородскими попами». Услышав звуки трубы, возвещавшие о прибытии врагов, Борис бежал из города, а белгородцы «вборзе помостили мост и впустили в город» войско врагов его отца.

В летописных известиях X—XII вв. выступают «белгородцы», горожане, в отличие от княжеской дружины. В полулегендарном рассказе об осаде Белгорода печенегами в 997 г. главная роль принадлежит «людям», «горожанам» во главе с их старейшинами. Судьба города решается на вече. Но в летописных известиях XII в. о Белгороде ясно проступает зависимость города от киевских князей. В ответ на требование открыть городские ворота белгородцы отвечают Юрию Долгорукому: «а Киев их тебе отворил?» [2] Смысл ответа: будешь киевским князем, тогда и мы тебе подчинимся.

Новые раскопки в Белгороде, вероятно, покажут ремесленный характер этого города и связь его ремесла с киевским хозяйством.

В оборонительную сеть укреплений, построенных Владимиром вокруг Киева, входил город **Василев.** Летописец сообщает об этом городе несколько противоречивые сведения. В рассказе о нападении печенегов в 996 г. говорится о Василеве так, как будто этот город уже существовал. Владимир, будто бы не выдержав печенежского нападения, скрылся под мостом и в память своего спасения поставил в Василеве церковь Спаса Преображения, так как бой с печенегами произошёл в день Пре-

---

[1] *В. В. Хвойка,* Древние обитатели Среднего Приднепровья, стр. 76—94.

[2] Ипат. лет., стр. 288, 300. См. ещё о битвах под Белгородом в 1159 г. (Ипат. лет., стр. 343—344).

её. Под храмом обнаружены шесть великокняжеских и две епископские гробницы, остатки фресок и т. д. [1]

В 1 *км* от города, близ деревни Фёдоровцы, сохранились остатки фундаментов, известных под названием «старая катедра». Это остатки собора Успения. О впечатлении, которое Владимир Волынский производил на иноземцев, читаем в рассказе о походе венгров в 1231 г. Когда венгерский король подошёл к Владимиру, он подивился на него и сказал: «Такого города я не видел и в Немецких странах». На укреплениях стояли воины (оружники), блестели щиты и оружие, подобно солнцу. Из дальнейшего рассказа летописи выясняется, что воевода Мирослав, командовавший городским гарнизоном, сидел во Владимире с большим количеством людей («с великими вои») [2].

О больших размерах укреплений во Владимире узнаём из другого свидетельства, относящегося уже к 1261 г. Татарский полководец Бурундай требовал уничтожения городских стен Владимира, как, впрочем, и ряда других городов. Василько Романович вынужден был на это согласиться, и «так как невозможно было вскоре разбросать город из-за его размеров («величества»), повелел зажечь его» [3]. Из этого известия видно, что стены Владимира сделаны были из дерева; их можно было разбросать и зажечь.

Большой материал для истории Владимира дают археологические изыскания. Владимирский замок, «город», находился при слиянии Смочи с Лугом. Защитой для него служили обширные болота, окружавшие его почти с трёх сторон. Размеры первоначальной крепости, видимо, были незначительны. Вскоре вокруг неё вырос большой город. О его границах можно судить по валам, на которых должны были стоять деревянные стены и башни, известные нам по летописи. Общий контур сохранившихся валов напоминает неправильный полукруг. Но город XI—XIII вв. уже не вмещался в их пределы. К северу от валов, в непосредственной близости к ним, стояли Пятницкая и Никольская церкви, в предместье

---

[1] Сообщения проф. Прахова на VIII Археологическом съезде в Москве в 1890 г.

[2] Ипат. лет., стр. 510.

[3] Там же, стр. 562.

княжеского и епископского. Княжеские погреба («княжа медуша») появляются уже в первом летописном известии о Белгороде. Яркую картину древнего Белгорода дают известные изыскания В. В. Хвойка, основанные на тщательном археологическом изучении памятников прошлого [1].

Укрепления Белгорода были незаурядными для своего времени, но в 1150 г. они чуть не были взяты внезапным нападением. Этому помешал мытник, переметавший мост, по которому можно было проникнуть в город. В это время князь Борис, сын Юрия Долгорукого, «пил в Белгороде на сеньнице с дружиною своею и белгородскими попами». Услышав звуки трубы, возвещавшие о прибытии врагов, Борис бежал из города, а белгородцы «вборзе помостили мост и впустили в город» войско врагов его отца.

В летописных известиях X—XII вв. выступают «белгородцы», горожане, в отличие от княжеской дружины. В полулегендарном рассказе об осаде Белгорода печенегами в 997 г. главная роль принадлежит «людям», «горожанам» во главе с их старейшинами. Судьба города решается на вече. Но в летописных известиях XII в. о Белгороде ясно проступает зависимость города от киевских князей. В ответ на требование открыть городские ворота белгородцы отвечают Юрию Долгорукому: «а Киев их тебе отворил?» [2] Смысл ответа: будешь киевским князем, тогда и мы тебе подчинимся.

Новые раскопки в Белгороде, вероятно, покажут ремесленный характер этого города и связь его ремесла с киевским хозяйством.

В оборонительную сеть укреплений, построенных Владимиром вокруг Киева, входил город **Василев.** Летописец сообщает об этом городе несколько противоречивые сведения. В рассказе о нападении печенегов в 996 г. говорится о Василеве так, как будто этот город уже существовал. Владимир, будто бы не выдержав печенежского нападения, скрылся под мостом и в память своего спасения поставил в Василеве церковь Спаса Преображения, так как бой с печенегами произошёл в день Пре-

---

[1] *В. В. Хвойка,* Древние обитатели Среднего Приднепровья, стр. 76—94.

[2] Ипат. лет., стр. 288, 300. См. ещё о битвах под Белгородом в 1159 г. (Ипат. лет., стр. 343—344).

В политической жизни города большое участие принимали горожане. Владимирское вече уже в конце XI столетия заставило князя Давыда подчиниться своим решениям. Участниками вече были «горожане», «люди». Непосредственно с ними вели переговоры князья Василько и Володарь, говоря, что они пришли не на город, а на своих врагов (на Туряка, Лазаря и Василя). «Горожане же, слышав это, созвонили вече. И сказали Давыду людье на вече: «Выдай этих мужей, мы не бьемся за них, а за тебя можем биться, а за тех не бьемся; если же нет, то отворим город, и промышляй сам о себе». И была неволя их выдать». Туряк с товарищами бежали из города (Туряк в Киев, а Лазарь и Василь в Турийск). «И слышали люди, что они в Турийске, и кликнули люди на Давыда: «Выдай, кого требуют у тебя; если нет, то сдадимся»». Князь вынужден был выдать Лазаря и Василя, повешенных на заре и расстрелянных воинами Василька, ослеплённого раньше по их наущению [1].

В конце XIII столетия владимирские горожане, видимо, имели уже своё управление. Догадку такого рода сделал Грушевский, ссылаясь на летописный рассказ 1288 г. и грамоту владимирских горожан в Штральзунд 1324 г. Завещание владимирского князя Владимира Васильковича было прочитано в соборной церкви, «во епископьи», куда он созвал «бояры володимерьския брата своего и местиче русци и немце». «Местич» — это позднейшее название горожанина на Украине. Следовательно, совещание во Владимире было прототипом земского собора или генеральных штатов с участием духовенства (епископа), феодалов (бояр) и горожан — «местичей», как русских, так и немецких, осевших в это время в городе. Особые отношения Владимира Васильковича к горожанам подчёркиваются летописью в рассказе об его похоронах: «горожане же от мала до велика, мужи и жены и дети, с плачем великим проводили своего господина». Особо отмечается печаль «лепших» мужей владимирских: «хорошо было бы нам, господин, с тобою умереть, сделавшему толикую свободу, как и дед твой Роман освободил от всех обид» [2].

---

[1] Ипат. лет., стр. 175.
[2] Там же, стр. 596, 604—605.

в некотором отдалении от Днепра, на небольшой реке Трубеже, при впадении которой в Днепр также находился городок с названием Устье.

Нельзя, впрочем, пройти мимо распространённого в нашей литературе представления об ещё более раннем возникновении Владимира. Это мнение держится на известии древней венгерской хроники нотария короля Белы. В хронике сообщается, что венгры вышли из Киева в сопровождении русских и «прибыли в город Лодомер». Князь Лодомера принял венгров с почётом, дал им в заложники двух своих сыновей и богатые подарки [1]. Но название «Лодомер» (Lodomer) — это испорченная венгерская передача русского названия Владимир. Упоминание о Галиции ведёт нас также к позднему времени, когда от города Галича и вся окружающая область получила своё прозвание. Нотарий Белы, писавший во второй половине XIII в. [2], когда венгерские феодалы пытались овладеть Галицкой землёй, старался доказать, что Владимир и Галич якобы давно зависели от Венгрии.

Владимир с самого начала своего существования стал стольным городом особого княжения, хотя волынской династии князей, наподобие черниговской, не устанавливается, может быть и по случайным обстоятельствам. Довольно рано возникает владимирская епископия. Среди епископов Владимира знаем Иосафа и Василия «от Святые горы», монастыря в окрестностях Владимира. Об этом монастыре упоминается в Печерском патерике в рассказе, относящемся ко времени Изяслава Ярославича (1054—1076 гг.) [3].

Черты большого города явственно выступают в письменных свидетельствах о былой истории Владимира. Это был прежде всего хорошо укреплённый город, с деревянной стеною и башнями (вежами). На владимирских стенах во время осады города был убит князь Мстислав Святополкович через «скважину» (бойницу) в досках забора («заборола»), устраиваемого для защиты бойцов,

---

[1] Перевод этого места из хроники нотария Белы см. у Н. М. Карамзина («История государства Российского», СПБ, первое издание, стр. 392, примечание 302).

[2] *C. Horváth, A. Kardos, A. Endrödi,* Histoire de la littérature hongroise, Budapest, Paris.

[3] Ипат. лет., стр. 494; «Печерский патерик», стр. 32.

княжеского и епископского. Княжеские погреба («княжа медуша») появляются уже в первом летописном известии о Белгороде. Яркую картину древнего Белгорода дают известные изыскания В. В. Хвойка, основанные на тщательном археологическом изучении памятников прошлого [1].

Укрепления Белгорода были незаурядными для своего времени, но в 1150 г. они чуть не были взяты внезапным нападением. Этому помешал мытник, переметавший мост, по которому можно было проникнуть в город. В это время князь Борис, сын Юрия Долгорукого, «пил в Белгороде на сеньнице с дружиною своею и белгородскими попами». Услышав звуки трубы, возвещавшие о прибытии врагов, Борис бежал из города, а белгородцы «вборзе помостили мост и впустили в город» войско врагов его отца.

В летописных известиях X—XII вв. выступают «белгородцы», горожане, в отличие от княжеской дружины. В полулегендарном рассказе об осаде Белгорода печенегами в 997 г. главная роль принадлежит «людям», «горожанам» во главе с их старейшинами. Судьба города решается на вече. Но в летописных известиях XII в. о Белгороде ясно проступает зависимость города от киевских князей. В ответ на требование открыть городские ворота белгородцы отвечают Юрию Долгорукому: «а Киев их тебе отворил?» [2] Смысл ответа: будешь киевским князем, тогда и мы тебе подчинимся.

Новые раскопки в Белгороде, вероятно, покажут ремесленный характер этого города и связь его ремесла с киевским хозяйством.

В оборонительную сеть укреплений, построенных Владимиром вокруг Киева, входил город **Василев.** Летописец сообщает об этом городе несколько противоречивые сведения. В рассказе о нападении печенегов в 996 г. говорится о Василеве так, как будто этот город уже существовал. Владимир, будто бы не выдержав печенежского нападения, скрылся под мостом и в память своего спасения поставил в Василеве церковь Спаса Преображения, так как бой с печенегами произошёл в день Пре-

---

[1] *В. В. Хвойка,* Древние обитатели Среднего Приднепровья, стр. 76—94.

[2] Ипат. лет., стр. 288, 300. См. ещё о битвах под Белгородом в 1159 г. (Ипат. лет., стр. 343—344).

впоследствии волынян («зане седоша по Бугу, после же велыняне»)[1]. Между тем древность племени волынян засвидетельствована арабскими источниками, которые приписывают им первоначальное объединение славян. Предание о том, что бужане позже назвались волынянами, отражает какое-то древнее припоминание, может быть имеющее бо̀льшую ценность, чем это можно первоначально предполагать. Писатель VI в. Иордан рассказывает о победе готского короля Винитара над антским вождём Божем, который был распят вместе с 70 старейшинами. Славянское имя Божа давно уже привлекало к себе внимание историков, по своему же корню оно совпадает с племенным названием бужан (впоследствии волынян), в стране которых надо искать первые государственные объединения среди восточных славян. Замечательно, что Бужск иногда назывался Бозком.

Однако история Бужска в XI—XIII вв. гораздо менее замечательна, чем его возможное прошлое. Город был яблоком раздора между галицкими и владимирскими князьями, ибо находился на границе их владений[2]. Во второй половине XII в. в нём сидят порой отдельные князья, но это всё-таки второстепенный центр, каким он и остаётся в течение всего киевского времени.

Пересопница впервые упоминается под 1149 г. Название своё город получил, повидимому, от земляного укрепления — «переспа»[3]. Город был хорошо укреплён («бе утвержден город»), в нём сидели особые князья из числа младших членов княжеских родов. Пересопница имела значение передового замка Волынской земли; в этом смысле она и упоминается в летописях. По мнению Антоновича, древний город прежде находился на реке Струбел; здесь было большое городище, обнесённое рвом и громадным валом («переспа») до 10 *м* высоты с наружной стороны[4].

Значительно больше сведений имеем о Дорогобуже, впервые упоминаемом под 1084 г., когда он был отдан

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. I, стр. 177, 13.
[2] Ипат. лет., стр. 487, 313.
[3] «И пришедше сташа у пересны» под Новгородом Северским (Ипат. лет., стр. 270, 235).
[4] Ипат. лет., стр. 281, 284. «Труды XI Археологического съезда в Киеве», стр. 54, 153.

в княжение Давыду Игоревичу[1]. **Дорогобуж**, впрочем, возник значительно раньше и упоминается в Правде Ярославичей. В ней говорится, что за убийство старого (старшего) конюха при стаде надо платить 80 гривен виры, «его же убили дорогобудьци». Штраф на дорогобужцев был установлен Изяславом Ярославичем (умер в 1078 г.), по моему предположению, в связи с киевским восстанием 1068 г., для подавления которого Изяслав с войском шёл из Польши[2]. Название Дорогобуж было распространено на Руси, где известен другой город Дорогобуж — в Смоленской земле.

На довольно крупное значение Дорогобужа в конце XI в. указывает то обстоятельство, что он был дан Давыду Игоревичу взамен Владимира Волынского. В 1150 г. «дорогобужьци» встретили крестным ходом Изяслава Мстиславича, шедшего со вспомогательным венгерским отрядом. Слова Изяслава Мстиславича, обращённые к дорогобужцам, — «вы есте людие деда моего и отца моего» — говорят о том, что под дорогобужцами понимаются летописью в первую очередь горожане[3].

По словам Андрияшева, Детинец Дорогобужа стоял на самом возвышенном месте города; с севера и запада он примыкал к речке и пруду, а с остальных сторон его окружали вал и рвы. Город был расположен на восток от Детинца на низменности и занимал всё пространство до нынешней деревни Подоляне, около которой и теперь видны остатки рвов и валов[4]. Название «Подоляне» можно сопоставить со словом «Подол», как нередко называлась ремесленная часть городов Киевской Руси, но для этого следовало бы более подробно изучить топографию Дорогобужа.

Одним из ранних городов Волынской земли был **Червень**, по названию которого одно время именовались и другие русские города на западной окраине. О взятии Червеня, ранее захваченного поляками, летопись сообщает под 981 г.[5] Название города — славянское; червень обозначал тёмнокрасную ткань, а червец — пурпур или багряную краску; в переносном смысле это могло обо-

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 135.
[2] *М. Н. Тихомиров,* Исследование о Русской Правде, стр. 46.
[3] Ипат. лет., стр. 285.
[4] *А. Андрияшев,* Очерк истории Волынской земли, стр. 76.
[5] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 58.

значать красивый город или город, стоявший в красивой местности. Местонахождение древнего Червеня было не вполне ясно. Раскопки польских археологов доказали, что древний Червень находился на месте городища у современного Чермно, на реке Гучве, притоке Западного Буга. Городок был создан примерно в начале X в. Материал, найденный на городище, указывает на то, что Червень принадлежал к числу древнерусских городов. В этом же районе находились и другие русские городки и деревни с характерными названиями Переспа, Майдан Переспа и Вакеево[1].

Название деревни «Вакеево» совпадает с именем некоего Вакея, по имени которого во Владимире Волынском был известен двор Вакеев конца XI. в. Близость деревни Вакеева к Владимиру позволяет видеть в этой деревне одно из древнейших сельских поселений.

В середине XII в. Червень был укреплённым городом[2], игравшим немалую роль в столкновении русских с поляками.

В непосредственной близости к Червеню находился Белз. В летописях Белз впервые упоминается в 1030 г.: «Ярослав взял Белз». Об этом событии говорится в непосредственной связи с сообщением о походе Ярослава в Польшу и взятии Червенских городов. Повидимому, уже в это время Белз был относительно крупным городом. Позже Белз указывается в числе значительных волынских городов в связи с княжеской междоусобной борьбой 1188 г. В это время он был княжеской резиденцией, правда, одного из младших волынских князей. Такое же значение Белз сохранял в начале XIII в.[3], хотя известия о нём крайне отрывочны.

Понятие о древнем Белзе XI—XIII вв. дают остатки его укреплений. Город стоял на берегах реки Солокии, впадающей в Западный Буг. Эта река двумя своими рукавами образует небольшой остров в виде неправильного четырёхугольника с общей поверхностью приблизительно в 38 тыс. *кв. м.* С трёх сторон городок был окружён валом, а с южной стороны, где вала нет, защищён крутым

---

[1] *Aleksander Gieysztor,* Polskie badania na Grodach Czerwieńskich w latach 1952 i 1953 («Kwartalnik Instytutu Polsko Radzieckiego» № 1 (6), Warszawa 1954, стр. 149—150).

[2] Ипат. лет., стр. 334, 483.

[3] Там же, стр. 105, 446, 487.

спуском. По валу, надо предполагать, шла деревянная стена, окружавшая город и продолжавшаяся там, где не было вала.

Внутри городок разделён был поперечным валом, отделявшим, видимо, Детинец от предградья, или окольного города. При земляных работах на территории городища находили пряслица из белого и красного шифера, стеклянные бусы, черепки и пр., относящиеся к временам Волынского княжества. В XVI в. в Белзе ещё жило больше украинцев, чем поляков [1].

К числу волынских городов я отношу также Пинск и Берестье, хотя и можно говорить о Пинской и Берестейской землях как особых районах.

Известия о Пинске крайне скудны и отрывочны. Впервые **Пинск** упоминается в 1097 г. в качестве крепкого города, выдержавшего семинедельную осаду [2]. Название своё город получил от реки Пины: он стоит при впадении реки Струмень в Пину. Местоположение Пинска очень выгодное: к нему как бы сходятся многочисленные реки, образующие Припять. В летописи Пинск упоминается обычно наряду с Туровом и Берестьем. Во второй половине XIII в. становятся известны «пинские князья» [3], — видимо, мелкие феодалы. В целом же письменные известия о Пинске так отрывочны, что не могут дать представления об этом городе.

Ещё дальше к западу находилось **Берестье** — позднейший Брест-Литовск. Название города — славянское (берестье — берёзовая кора). Своё значение он получил благодаря расположению на Западном Буге, там, где в него впадает река Мухавец. Берестье было связано этой рекой с системой Припяти. Город упоминается уже в 1019 г. в связи с бегством Святополка Окаянного в Польшу и рисуется как последний русский пункт перед Польской землёй. Опираясь на Берестье, Ярослав Ярополчич в 1101 г. воевал со Святополком Изяславичем [4]. В начале XIII в. «приехали берестьяне» к польскому князю Лешку и просили на княжение детей Романа Мстиславича. По их просьбе польский князь Лешко

---

[1] «Записки Наукового товариства імени Шевченка», т. CLIV, Львів 1937, стр. 15—31.

[2] «Повесть врем. лет», ч. I, стр. 171.

[3] Ипат. лет., стр. 543.

[4] «Повесть врем. лет», ч. I, стр. 98, 182.

княжеского и епископского. Княжеские погреба («княжа медуша») появляются уже в первом летописном известии о Белгороде. Яркую картину древнего Белгорода дают известные изыскания В. В. Хвойка, основанные на тщательном археологическом изучении памятников прошлого [1].

Укрепления Белгорода были незаурядными для своего времени, но в 1150 г. они чуть не были взяты внезапным нападением. Этому помешал мытник, переметавший мост, по которому можно было проникнуть в город. В это время князь Борис, сын Юрия Долгорукого, «пил в Белгороде на сеньнице с дружиною своею и белгородскими попами». Услышав звуки трубы, возвещавшие о прибытии врагов, Борис бежал из города, а белгородцы «вборзе помостили мост и впустили в город» войско врагов его отца.

В летописных известиях X—XII вв. выступают «белгородцы», горожане, в отличие от княжеской дружины. В полулегендарном рассказе об осаде Белгорода печенегами в 997 г. главная роль принадлежит «людям», «горожанам» во главе с их старейшинами. Судьба города решается на вече. Но в летописных известиях XII в. о Белгороде ясно проступает зависимость города от киевских князей. В ответ на требование открыть городские ворота белгородцы отвечают Юрию Долгорукому: «а Киев их тебе отворил?» [2] Смысл ответа: будешь киевским князем, тогда и мы тебе подчинимся.

Новые раскопки в Белгороде, вероятно, покажут ремесленный характер этого города и связь его ремесла с киевским хозяйством.

В оборонительную сеть укреплений, построенных Владимиром вокруг Киева, входил город **Василев.** Летописец сообщает об этом городе несколько противоречивые сведения. В рассказе о нападении печенегов в 996 г. говорится о Василеве так, как будто этот город уже существовал. Владимир, будто бы не выдержав печенежского нападения, скрылся под мостом и в память своего спасения поставил в Василеве церковь Спаса Преображения, так как бой с печенегами произошёл в день Пре-

[1] *В. В. Хвойка,* Древние обитатели Среднего Приднепровья, стр. 76—94.

[2] Ипат. лет., стр. 288, 300. См. ещё о битвах под Белгородом в 1159 г. (Ипат. лет., стр. 343—344).

ГЛАВА 3

ГАЛИЦКАЯ ЗЕМЛЯ

Небольшая по размерам, но густо населённая Галицкая земля тем не менее не может похвастаться обилием крупных городов, что, впрочем, характерно и для нынешней Галичины. Современный Львов вырос после монгольского нашествия, а до него крупнейшим городом этой земли был Галич, появляющийся на страницах летописи очень поздно, только в середине XII в. Между тем оформление Галицкой земли в особую область произошло гораздо раньше, по крайней мере в XI в. Отсутствие сколько-нибудь крупного центра в Галицкой земле до XII в. — явление весьма своеобразное и требующее особого объяснения. Возможно, что оно связано с поздним обособлением русских земель на этой окраине от Польши и Венгрии.

Сколько-нибудь значительными размерами во всей Галицкой земле отличались только Галич, Перемышль, Звенигород, Теребовль, позже Холм. Впрочем, о Теребовле известно крайне мало. За исключением Перемышля, остальные города появляются на страницах летописи очень поздно: Звенигород и Теребовль с конца XI в., а Галич только с первой половины XII в. Звенигород и Теребовль очень быстро сходят со сцены и теряют своё прежнее значение.

Случайное ли это явление или оно связано с какими-то сдвигами населения? Раннее возвышение Теребовля, лежавшего на юге Галицкой земли, как будто указывает

на последнее. Падение первого Болгарского царства вызвало отлив населения из Болгарии на северные берега Дуная, где галицкие князья создают своё княжество в Берладе. Позже набеги половцев сбивают русское население на север, а с конца XII в. притягательным центром для придунайских областей становится второе Болгарское царство, что почти совпадает со смертью Ярослава Осмомысла, который распространял свою власть до Дуная, по свидетельству Слова о полку Игореве.

Главный город Галицкой земли принадлежал к числу крупнейших русских городских центров. Галич появляется в наших летописях как бы внезапно в 1140 г., когда в нём оказывается князем знаменитый Володимерко Володаревич [1]. Длугош, однако, сообщает, что отец Володимерка — Володарь после своего поражения от польского короля в начале XII в. бежал в Галич, где собирал войско [2]. Следовательно, город возник ранее, и, вероятно, значительно ранее 1140 г. В первой половине XIII в. ещё существовало предание о Галиче, начало которого связывалось с соседней «Галичиной могилой» — каким-то высоким курганом. Название «Галичина могила» указывает на некоего Галича, основателя города, жившего ещё в языческие времена, судя по характеру его погребения в виде насыпной могилы. Конечно, преданию XIII в. нельзя придавать значение решительного свидетельства, но оно всё-таки очень показательно. Во всяком случае, название города — славянское (галити — радоваться, галичь — галочий крик и пр.).

Рост Галича объясняется прежде всего его центральным положением в Галицкой земле. Река Днестр была значительным торговым путём, а в районе Галича имеются залежи соли. Печерский патерик рассказывает, что во время войны киевского князя Святополка Изяславича с Володарем и Василько в конце XI в. прекратился приезд купцов и подвоз соли «из Галича» [3].

Известия о Галиче рисуют его как крупный город. Во второй половине XII в. появляется особая галицкая

---

[1] Ипат. лет., стр. 218—219.

[2] Длугош, стр. 184.

[3] «И не пустиша гостий из Галича и лодий с Перемышля, и соли не бысть во всей Русьской земли» («Печерский патерик», стр. 207).

княжеского и епископского. Княжеские погреба («княжа медуша») появляются уже в первом летописном известии о Белгороде. Яркую картину древнего Белгорода дают известные изыскания В. В. Хвойка, основанные на тщательном археологическом изучении памятников прошлого [1].

Укрепления Белгорода были незаурядными для своего времени, но в 1150 г. они чуть не были взяты внезапным нападением. Этому помешал мытник, переметавший мост, по которому можно было проникнуть в город. В это время князь Борис, сын Юрия Долгорукого, «пил в Белгороде на сеньнице с дружиною своею и белгородскими попами». Услышав звуки трубы, возвещавшие о прибытии врагов, Борис бежал из города, а белгородцы «вборзе помостили мост и впустили в город» войско врагов его отца.

В летописных известиях X—XII вв. выступают «белгородцы», горожане, в отличие от княжеской дружины. В полулегендарном рассказе об осаде Белгорода печенегами в 997 г. главная роль принадлежит «людям», «горожанам» во главе с их старейшинами. Судьба города решается на вече. Но в летописных известиях XII в. о Белгороде ясно проступает зависимость города от киевских князей. В ответ на требование открыть городские ворота белгородцы отвечают Юрию Долгорукому: «а Киев их тебе отворил?» [2] Смысл ответа: будешь киевским князем, тогда и мы тебе подчинимся.

Новые раскопки в Белгороде, вероятно, покажут ремесленный характер этого города и связь его ремесла с киевским хозяйством.

В оборонительную сеть укреплений, построенных Владимиром вокруг Киева, входил город **Василев.** Летописец сообщает об этом городе несколько противоречивые сведения. В рассказе о нападении печенегов в 996 г. говорится о Василеве так, как будто этот город уже существовал. Владимир, будто бы не выдержав печенежского нападения, скрылся под мостом и в память своего спасения поставил в Василеве церковь Спаса Преображения, так как бой с печенегами произошёл в день Пре-

---

[1] *В. В. Хвойка,* Древние обитатели Среднего Приднепровья, стр. 76—94.

[2] Ипат. лет., стр. 288, 300. См. ещё о битвах под Белгородом в 1159 г. (Ипат. лет., стр. 343—344).

он стоит теперь, представляется мне наиболее отвечающим известиям о Галиче. На Старом Крилосе находилась епископия, стоял величественный собор. Другой собор мог находиться в самом городе. Летопись, действительно, сообщает не об одном соборе, а о соборах в Галиче («передо всими сборы»)[1]. Такое же расположение города с княжеским замком отдельно от резиденции епископа можно видеть во Владимире Волынском, о чём говорилось в предыдущей главе[2].

Тем не менее раскопки на Крилосе бросают яркий свет на древний Галич, известия о котором в письменных документах так неясны и противоречивы.

Раскопки открыли фундаменты древней церкви Успения, отличавшейся большими размерами. Галицкая соборная церковь занимала площадь 32,5 *м* × 37,5 *м* и значительно превышала размеры остальных галицких церквей, фундаменты которых были раскопаны. Большими размерами в украинских землях отличались только собор св. Софии и Десятинная церковь в Киеве. Подобно Софийскому собору, Успенская церковь имела 5 кораблей, или отделений. Стены её были сложены из тёсаного камня с забутовкой внутри по типу владимиро-суздальских храмов. Архитектурные резные украшения указывают на вторую половину XII в. как на время построения собора, церковь была построена при Ярославе Осмомысле (умер в 1187 г.).

В фундаментах церкви найден был каменный саркофаг со скелетом старого человека, в котором видят останки Ярослава, а также гроб молодой женщины, может быть княжны, судя по золототканной повязке на голове[3], а также ряд разнообразных предметов.

Местоположение древней епископской резиденции рисуется в таком виде: она находилась на широком и плоском хребте, который острым языком тянется на север и с трёх сторон (с запада, севера, востока) ограждён крутыми скатами в долину Луквы и в овраг Мозолевого

---

[1] Ипат. лет., стр. 442.

[2] Литература и полный свод сведений о Галиче имеется в книге Пеленьского: *Józef Peleński*, Halicz w dziejach sztuki średniowiecznej, Kraków 1914.

[3] «Записки Наукового товариства імени Шевченка», т. CLIV, Львів 1937.

потока. В этом месте так называемая Крилосская гора достигает приблизительно 75 *м* высоты. Замок был доступен только с юга, где валы защищали подступы к Детинцу. Южную часть городка занимал Успенский собор, сложенный из белого камня.

Здесь надо искать двор галицких епископов, власть которых пережила галицких князей и дала название всей местности (Крилос от греческого клирос — собор духовенства). Первоначальный замок был расширен в южную сторону, где между Луквой и Мозолевым потоком была сооружена новая оборонительная линия из трёх параллельных валов. Площадь между этими валами и замком известна была под названием «Качків»; в древности она составляла территорию внешнего замка.

На другом, низменном берегу реки Луквы находилось «підгородде». Это название представляется многообещающим в смысле будущих археологических раскопок, потому что оно напоминает нам «передгородье» киевского времени, когда этим термином обозначалась не укреплённая или слабо укреплённая часть города с ремесленным населением, посад, как его называли бы в XVI—XVII вв.

Процветание Галича продолжалось примерно 100 лет, после чего его постигла печальная участь. Крилос остался как центр епископии, а пристань в устье Луквы сохранила некоторое торговое значение и сохранила название Галича.

В XIV в. город сделался беззащитным и не имел стен (locus sine muris), о чём узнаём из одного документа [1].

Раскопки в районе древнего Галича показали, что этот город был крупным ремесленным центром. Найдено было большое количество разнообразной керамики, бронзовые украшения, золотые перстни. При раскопках «Юрьевского» урочища были обнаружены бесформенные куски бронзовых сплавов, три матрицы для отливки бронзовых крестиков, железные ножи, железный шлак, гончарная печь и т. д. Если бы внимание археологов устремлялось бы не столько на описание «золотых токов» для воображаемых турниров, мы могли бы пред-

---

[1] Historica Russiae Monumenta (изд. А. И. Тургеневым), т. 1, стр. 34, № XXXVII, документ ошибочно отнесён к 1232 г. Он дан был в Авиньоне, вероятно, папою Григорием XI (1370—1378 гг.).

княжеского и епископского. Княжеские погреба («княжа медуша») появляются уже в первом летописном известии о Белгороде. Яркую картину древнего Белгорода дают известные изыскания В. В. Хвойка, основанные на тщательном археологическом изучении памятников прошлого [1].

Укрепления Белгорода были незаурядными для своего времени, но в 1150 г. они чуть не были взяты внезапным нападением. Этому помешал мытник, переметавший мост, по которому можно было проникнуть в город. В это время князь Борис, сын Юрия Долгорукого, «пил в Белгороде на сеньнице с дружиною своею и белгородскими попами». Услышав звуки трубы, возвещавшие о прибытии врагов, Борис бежал из города, а белгородцы «вборзе помостили мост и впустили в город» войско врагов его отца.

В летописных известиях X—XII вв. выступают «белгородцы», горожане, в отличие от княжеской дружины. В полулегендарном рассказе об осаде Белгорода печенегами в 997 г. главная роль принадлежит «людям», «горожанам» во главе с их старейшинами. Судьба города решается на вече. Но в летописных известиях XII в. о Белгороде ясно проступает зависимость города от киевских князей. В ответ на требование открыть городские ворота белгородцы отвечают Юрию Долгорукому: «а Киев их тебе отворил?» [2] Смысл ответа: будешь киевским князем, тогда и мы тебе подчинимся.

Новые раскопки в Белгороде, вероятно, покажут ремесленный характер этого города и связь его ремесла с киевским хозяйством.

В оборонительную сеть укреплений, построенных Владимиром вокруг Киева, входил город **Василев.** Летописец сообщает об этом городе несколько противоречивые сведения. В рассказе о нападении печенегов в 996 г. говорится о Василеве так, как будто этот город уже существовал. Владимир, будто бы не выдержав печенежского нападения, скрылся под мостом и в память своего спасения поставил в Василеве церковь Спаса Преображения, так как бой с печенегами произошёл в день Пре-

---

[1] *В. В. Хвойка*, Древние обитатели Среднего Приднепровья, стр. 76—94.

[2] Ипат. лет., стр. 288, 300. См. ещё о битвах под Белгородом в 1159 г. (Ипат. лет., стр. 343—344).

земли, — пишет он, — до наших дней высятся десятки древних городищ — «градов» древлянских, пока, к сожалению, почти не привлекавших внимания археологов». Среди них П. Н. Третьяков отмечает городища Искоростеня, хорошо известного по летописи.

Древлянский город **Искоростень** известен был в X столетии как столица Древлянской земли. Он стоял в том месте, где река Уж прорезает скалистую гряду. Высокие берега подходят здесь друг к другу, русло реки завалено огромными камнями. «Городища расположены на мысах по обоим берегам реки. Это были небольшие укрепления с валами и рвами». Здесь найдены были обломки глиняной посуды VIII—X вв. [1]

Разрушенный Искоростень запустел, и во второй половине X столетия центром Древлянской земли сделался город **Вручий (Овруч)**. Название города — славянское (глаголы — въручитися, върущатися и пр.). Вручий — один из древнейших русских городов, впервые появляющийся на страницах летописи под 977 г. [2] В это время в нём уже находился замок с городскими воротами и мостом перед ними, перекинутым через овраг; в городе сидел Олег, второй сын Святослава. После этого Вручий надолго исчезает из летописных известий и снова упоминается только в конце XII в., когда он стал столицей Рюрика Ростиславича.

Раньше уже говорилось о шиферном промысле в Овруче и в его окрестностях [3]. Немалое значение для развития Овруча могло иметь его местоположение в благоприятной для земледелия части Древлянской земли, где изредка попадается чернозём и возможны хорошие урожаи. Современный Овруч стоит на высотах, окружённых глубокими и крутыми оврагами. От киевского периода в Овруче сохранились остатки церкви Василия, неизвестно когда построенной. Старое предание приписывало её построение Владимиру Святославичу, но создание её с большей вероятностью можно приписать Рюрику

---

[1] *П. Н. Третьяков,* Древлянские «грады» («Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия», стр. 64—68).

[2] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 53.

[3] *Г. О. Оссовский,* Откуда привозился красный шифер («Труды III Археологического съезда в Киеве», т. II, Киев 1878, стр. 159—164).

XI — начале XII в. В значительном числе найдены были в Звенигороде медные и каменные крестики, иконки. Эти находки указывают на действительное существование в районе Звенигорода поселения в XI—XIII столетиях. Ещё в 1705 г. Звенигород назывался «градом», хотя с середины XV в. это было уже село [1].

В Звенигороде сидел Иван Ростиславич, когда за ним прислали галичане с призывом сесть у них в городе. Выгнанный из Галича дядею Володимерком, Иван бежал к Дунаю и основался в Берладе. Киевский князь Всеволод Ольгович в 1144 г. ходил войною против Володимерка, подошёл к Звенигороду и остановился с одной стороны города, а Володимерко — с другой. Врагов разделяла река Белка, после перехода которой Всеволод занял горы в тылу Володимерка, расположившегося «в болоньи», т. е. на низменном месте. Рассказ о том же походе помещён в Ипатьевской летописи дважды — под 1144 г. и под 1146 г., но в разных редакциях.

Что речь идёт об одном и том же походе, видно из перечисления его участников. К сожалению, в Ипатьевском своде текст дефектный, что отчасти восполняется Московским сводом конца XV в., опиравшимся на какую-то южнорусскую летопись, где событие отнесено, как и следовало, к 1144 г. Из неё узнаём о существовании вокруг города острога, сожжённого уже в первый день осады. За острогом находился город, около которого на третий день осады шёл бой от ранней зари до поздней вечерни. Город был зажжён в трёх местах, но «граждане» погасили огонь. Замечательно, что перед этим «звенигородци» хотели сдаться и созвали вече, но воевода Володимерка сбросил со стен города трёх заговорщиков и тем испугал горожан [2].

Сведения о Звенигороде, взятые нами из русских летописей, дополняются известиями Длугоша. По его словам, Звенигород после смерти Володаря перешёл во владение его сына Владимирка. Между последним и его двоюродным братом Ростиславом разгорелась жестокая вражда. Ростислав осадил Звенигород (castrum Swini-

---

[1] «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», 1899 г., т. XXXI и XXXII, стр. 22—28.

[2] Лаврент. лет., стр. 295; Ипат. лет., стр. 225—226, 228; ПСРЛ, т. XXV, стр. 36.

княжеского и епископского. Княжеские погреба («княжа медуша») появляются уже в первом летописном известии о Белгороде. Яркую картину древнего Белгорода дают известные изыскания В. В. Хвойка, основанные на тщательном археологическом изучении памятников прошлого [1].

Укрепления Белгорода были незаурядными для своего времени, но в 1150 г. они чуть не были взяты внезапным нападением. Этому помешал мытник, переметавший мост, по которому можно было проникнуть в город. В это время князь Борис, сын Юрия Долгорукого, «пил в Белгороде на сеньнице с дружиною своею и белгородскими попами». Услышав звуки трубы, возвещавшие о прибытии врагов, Борис бежал из города, а белгородцы «вборзе помостили мост и впустили в город» войско врагов его отца.

В летописных известиях X—XII вв. выступают «белгородцы», горожане, в отличие от княжеской дружины. В полулегендарном рассказе об осаде Белгорода печенегами в 997 г. главная роль принадлежит «людям», «горожанам» во главе с их старейшинами. Судьба города решается на вече. Но в летописных известиях XII в. о Белгороде ясно проступает зависимость города от киевских князей. В ответ на требование открыть городские ворота белгородцы отвечают Юрию Долгорукому: «а Киев их тебе отворил?» [2] Смысл ответа: будешь киевским князем, тогда и мы тебе подчинимся.

Новые раскопки в Белгороде, вероятно, покажут ремесленный характер этого города и связь его ремесла с киевским хозяйством.

В оборонительную сеть укреплений, построенных Владимиром вокруг Киева, входил город **Василев.** Летописец сообщает об этом городе несколько противоречивые сведения. В рассказе о нападении печенегов в 996 г. говорится о Василеве так, как будто этот город уже существовал. Владимир, будто бы не выдержав печенежского нападения, скрылся под мостом и в память своего спасения поставил в Василеве церковь Спаса Преображения, так как бой с печенегами произошёл в день Пре-

---

[1] *В. В. Хвойка,* Древние обитатели Среднего Приднепровья, стр. 76—94.

[2] Ипат. лет., стр. 288, 300. См. ещё о битвах под Белгородом в 1159 г. (Ипат. лет., стр. 343—344).

в некотором отдалении от Днепра, на небольшой реке Трубеже, при впадении которой в Днепр также находился городок с названием Устье.

Нельзя, впрочем, пройти мимо распространённого в нашей литературе представления об ещё более раннем возникновении Владимира. Это мнение держится на известии древней венгерской хроники нотария короля Белы. В хронике сообщается, что венгры вышли из Киева в сопровождении русских и «прибыли в город Лодомер». Князь Лодомера принял венгров с почётом, дал им в заложники двух своих сыновей и богатые подарки[1]. Но название «Лодомер» (Lodomer) — это испорченная венгерская передача русского названия Владимир. Упоминание о Галиции ведёт нас также к позднему времени, когда от города Галича и вся окружающая область получила своё прозвание. Нотарий Белы, писавший во второй половине XIII в.[2], когда венгерские феодалы пытались овладеть Галицкой землёй, старался доказать, что Владимир и Галич якобы давно зависели от Венгрии.

Владимир с самого начала своего существования стал стольным городом особого княжения, хотя волынской династии князей, наподобие черниговской, не устанавливается, может быть и по случайным обстоятельствам. Довольно рано возникает владимирская епископия. Среди епископов Владимира знаем Иосафа и Василия «от Святые горы», монастыря в окрестностях Владимира. Об этом монастыре упоминается в Печерском патерике в рассказе, относящемся ко времени Изяслава Ярославича (1054—1076 гг.)[3].

Черты большого города явственно выступают в письменных свидетельствах о былой истории Владимира. Это был прежде всего хорошо укреплённый город, с деревянной стеною и башнями (вежами). На владимирских стенах во время осады города был убит князь Мстислав Святополкович через «скважину» (бойницу) в досках забора («заборола»), устраиваемого для защиты бойцов,

---

[1] Перевод этого места из хроники нотария Белы см. у Н. М. Карамзина («История государства Российского», СПБ, первое издание, стр. 392, примечание 302).

[2] *C. Horváth, A. Kardos, A. Endrödi,* Histoire de la littérature hongroise, Budapest, Paris.

[3] Ипат. лет., стр. 494; «Печерский патерик», стр. 32.

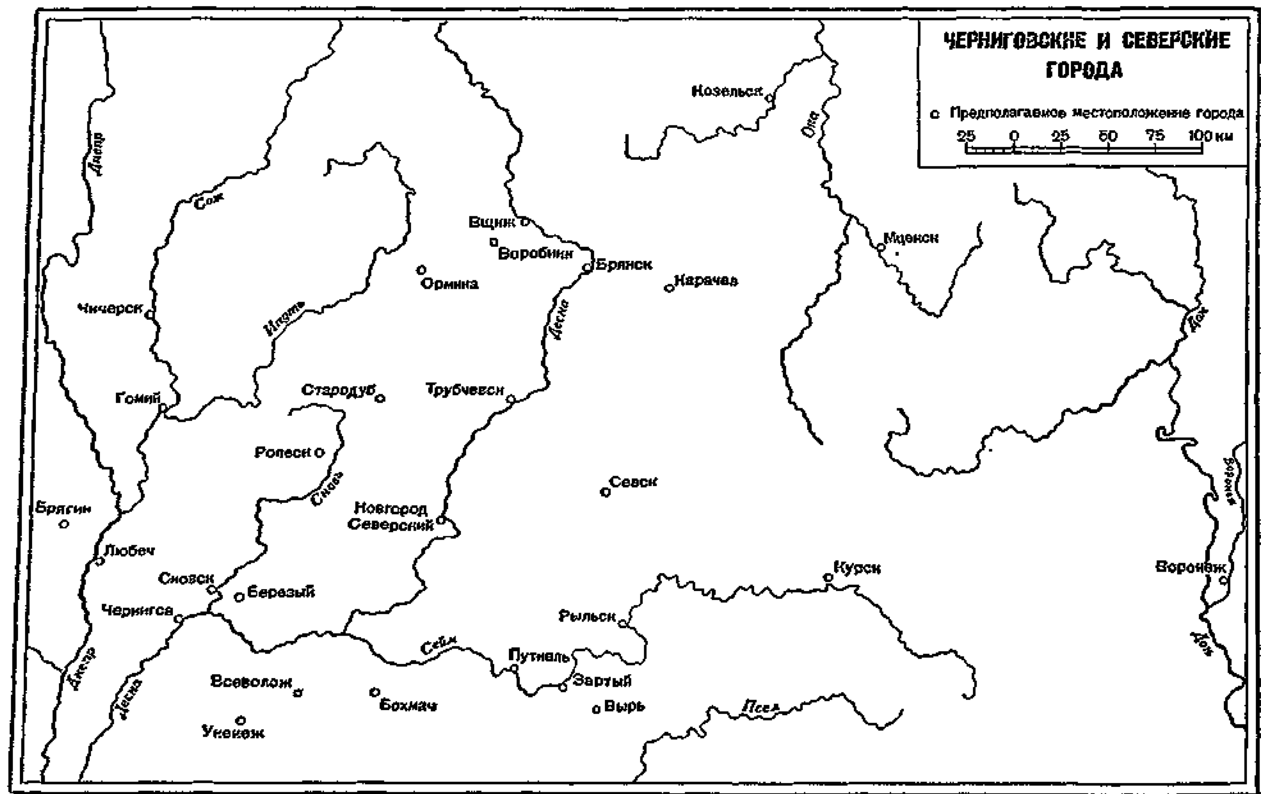
ГЛАВА 4

ЧЕРНИГОВСКАЯ ЗЕМЛЯ

Обширная Черниговская земля в основном лежала по течению Десны с её левым притоком Сеймом. В ней упоминается значительное количество городов, но подавляющее большинство из них были небольшими населёнными пунктами-крепостями. Выделялись только немногие города — Новгород Северский, Путивль, Брянск, не говоря о самом Чернигове, одном из крупнейших центров Киевской Руси. Небольшое количество крупных городов Черниговской земли объясняется тем, что она лежала далеко от больших водных путей. Только Десна в той или иной мере могла считаться важной водной артерией. По ней в основном располагались крупнейшие города Черниговской земли. Характерно, что и позже, даже в XVIII—XIX вв., на всей территории бывшей Черниговской земли отсутствовали крупные торговые города. Эта область продолжала оставаться районом мелких городков и местечек.

Чернигов был единственным подлинно большим городом Черниговской земли. Его возникновение восходит к отдалённой древности. Он упоминается в договоре Руси с Греками 907 г. в числе русских городов, получавших дань от греков. В науке существует сомнение о подлинности этого договора, но участие Чернигова в получении дани с Византии подтверждается несомненным свидетельством договора 945 г., в котором упомянуты три города: Киев, Чернигов и Переяславль[1]. Константин Багряно-

[1] «Повесть врем. лет», ч. I, стр. 25, 36.

ЧЕРНИГОВСКИЕ И СЕВЕРСКИЕ ГОРОДА
Предполагаемое местоположение города
25 0 25 50 75 100 км
Днепр
Сож
Ипуть
Десна
Снов
Ока
Сейм
Псел
Дон
Воронеж
Козельск
Вщиж
Воробийн
Брянск
Карачев
Мценск
Ормина
Чичерск
Гомий
Стародуб
Трубчевск
Ропеск
Новгород Северский
Севск
Брягин
Любеч
Сновск
Березый
Чернигов
Курск
Воронеж
Рыльск
Путивль
Зартый
Вырь
Всеволож
Бохмач
Уненеж

родный также знает Чернигов под именем Чернигога, в котором нетрудно узнать его подлинное название. Название Чернигова — славянское, хотя этимология его неясна.

Причины раннего возвышения города и его позднейшее значение понятны. Чернигов лежит в том месте, где река Десна резко поворачивает на юг к слиянию с Днепром. Таким образом, к Чернигову сходились пути по Десне и Сейму, которые охватывали обширную площадь, населённую северянами. В смысле удобства географического положения ни один город Северской земли не мог конкурировать с Черниговом. Поэтому совершенно правы исследователи древних судеб Киевской земли, когда они пишут, что Чернигов для Северской земли был тем же, чем был Киев для всей Руси.

Крупное экономическое значение Чернигова подтверждается его политической историей. В X в. в Чернигове, повидимому, сидит один из тех «светлых князей», о которых упоминается в договоре Руси с Греками 911 г. Поразительнее всего, что Чернигов не упомянут в числе городов, розданных Владимиром Святославичем своим сыновьям, хотя он уже существовал как крупный центр Руси. Это можно объяснить или тем, что Чернигов остался за самим Владимиром до его смерти как один из городов, ближайших к Киеву, или тем, что в Чернигове сохранялась своя династия князей, подвластных киевскому князю, подобно тому как в Древлянской земле сидел князь Мал, а в Полоцке княжил Рогволод. Существование «Чёрной могилы» с её погребением неизвестного князя X в. говорит в пользу второго предположения.

В 1024 г. в Чернигове стал княжить Мстислав Владимирович, брат Ярослава Мудрого, пришедший из Тмутаракани. Только после смерти Мстислава Черниговская земля отошла под власть киевского князя (1036 г.). Черниговское княжество стало вновь самостоятельным в 1054 г., когда оно перешло в руки Святослава Ярославича. Во владении его потомков Чернигов с областью оставался и в последующее время. Таким образом, в Черниговской земле мы наблюдаем почти столь же раннее образование постоянной княжеской династии, как и в Полоцке, — прямое указание на раннее обособление Черниговского княжества от других русских земель.

Чернигов стоит на холмах над рекою Стрижень, недалеко от того места, где она впадает с правой стороны в

Десну. Пространство между городом и Десной в самом узком месте занимает около 150 сажен. В отдалённые времена река Стрижень была значительно шире, чем в настоящее время, по крайней мере по описаниям XVIII в. она имела до 10 сажен ширины; устье её в половодье могло служить пристанью для небольших судов.

Местоположение Детинца определяется холмом, примыкающим к реке Стрижень. Что именно в этом месте надо искать Детинец, доказывается тем, что здесь были построены собор Спаса Преображения и древняя Борисоглебская церковь. В этом месте Черниговский кремль показан уже на плане реконструкции древнего Чернигова, помещённом в историческом атласе Погодина [1].

В XII в. город состоял из Детинца и острога, или предгородья. О Детинце и остроге Чернигова идёт речь в древней заметке об осаде Чернигова в 1078 г. Владимир Мономах «приступил ко вратам восточным, от Стрежени, и взял врата, и взяли град окольный, и пожгли его, люди же вбегали в днешный град» [2]. «Днешный град» обозначает внутреннюю крепость от слова «днешьный» — внутренний. Окольный город — соседний, окрестный. Позже «окольный» город существовал в Пскове. Следовательно, «днешный град» обозначает детинец, окольный город — предгородье, или острог. Черниговский детинец, возможно, был сложен из камня, однако никаких определённых доказательств в пользу такого мнения привести нельзя.

Окольный город, или предгородье, было обнесено валом и острогом, т. е. оградой из брёвен. Черниговское предгородье занимало большую площадь; протяжение вала в окружности измеряется в $3^1/_2$ версты. Площадь древнего города впоследствии уменьшилась, и внутри древнего вала был проведён новый. Новое уменьшение города отмечается в конце XVII в., когда был построен другой внутренний вал окружностью не более чем в $1^1/_2$ версты [3]. В цветущие времена Чернигова городские строения не вмещались даже в пределах большого вала.

---

[1] *М. Погодин,* Древняя русская история, т. III, отд. 1, Атлас исторический, М. 1871.

[2] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 133; см. Ипат. лет., стр. 315, под 1152 г.

[3] *П. Смолічев,* Чернигів та його околиці за часів великокнязівських («Чернигів і північне Лівобережжя», 1928, стр. 127—128). В статье *Б. А. Рыбакова* «Древности Чернигова» («Материалы и

Под горою на южной стороне города в XVIII в. помещалось предместье с древним названием «Подол». По словам Шафонского, писавшего в конце XVIII в., «Подол для того называется, что он под горою внизу лежит». Впрочем, в Чернигове поселение на Подоле не получило большого развития. На это указывает отсутствие здесь древних каменных строений. Площадь города расширялась в сторону Пятницкой церкви, которая в XVIII в. находилась «за старым земляным валом, где торговая площадь на скатистом месте». Она обозначалась «за старым валом на торговой площади, где скотопродажная часть» [1]. Вал этот в начале XII в. был невысоким. По словам Владимира Мономаха, он защищал Чернигов «8 дней о малу греблю (вал), и не вдадуче внити им (врагам) в острог» [2]. Таким образом, ремесленная часть начиналась от Кремля на север, где находился окольный город, предгородье, или острог, т. е. городское предместье, обнесённое валом. Пятницкая церковь является постройкой XII или начала XIII в. [3]

Цветущее состояние Чернигова в домонгольское время подтверждается каменными постройками и их остатками, восходящими к XI—XIII вв. Черниговские строения отличаются не только архитектурными достоинствами, но и своей величественностью. Спасо-Преображенский собор, начатый постройкой между 1024—1036 гг. и оконченный в середине XI в., представляет обширное здание, достойное стольного города сильных черниговских князей. Величественным памятником черниговской архитектуры является Успенская церковь Елецкого монастыря, создание которой относят к XII в., как и постройку Пятницкой церкви на торге. Такая датировка позволяет думать, что каменное строительство в Чернигове не прекращалось и в XII в., следовательно, не снижалось и значение Чернигова как городского центра [4].

исследования по археологии СССР» № 11, стр. 7—93) черниговские укрепления показаны в виде четырёх примыкающих друг к другу городов: 1) днешный град или детинец, 2) окольный город, 3) третьяк, 4) передгородье.

[1] *А. Шафонский,* Черниговского наместничества топографическое описание, Киев 1851 (описание Чернигова).

[2] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 160.

[3] «Очерк истории города Чернигова. 907—1907», Чернигов 1908.

[4] «Чернигів і північне Лівобережжя» (статья И. Моргилевского).

Десну. Пространство между городом и Десной в самом узком месте занимает около 150 сажен. В отдалённые времена река Стрижень была значительно шире, чем в настоящее время, по крайней мере по описаниям XVIII в. она имела до 10 сажен ширины; устье её в половодье могло служить пристанью для небольших судов.

Местоположение Детинца определяется холмом, примыкающим к реке Стрижень. Что именно в этом месте надо искать Детинец, доказывается тем, что здесь были построены собор Спаса Преображения и древняя Борисоглебская церковь. В этом месте Черниговский кремль показан уже на плане реконструкции древнего Чернигова, помещённом в историческом атласе Погодина [1].

В XII в. город состоял из Детинца и острога, или передгородья. О Детинце и остроге Чернигова идёт речь в древней заметке об осаде Чернигова в 1078 г. Владимир Мономах «приступил ко вратам восточным, от Стрежени, и взял врата, и взяли град окольный, и пожгли его, люди же вбегали в днешный град» [2]. «Днешный град» обозначает внутреннюю крепость от слова «днешьный» — внутренний. Окольный город — соседний, окрестный. Позже «окольный» город существовал в Пскове. Следовательно, «днешный град» обозначает детинец, окольный город — предгородье, или острог. Черниговский детинец, возможно, был сложен из камня, однако никаких определённых доказательств в пользу такого мнения привести нельзя.

Окольный город, или предгородье, было обнесено валом и острогом, т. е. оградой из брёвен. Черниговское предгородье занимало большую площадь; протяжение вала в окружности измеряется в $3^1/_2$ версты. Площадь древнего города впоследствии уменьшилась, и внутри древнего вала был проведён новый. Новое уменьшение города отмечается в конце XVII в., когда был построен другой внутренний вал окружностью не более чем в $1^1/_2$ версты [3]. В цветущие времена Чернигова городские строения не вмещались даже в пределах большого вала.

---

[1] *М. Погодин,* Древняя русская история, т. III, отд. 1, Атлас исторический, М. 1871.

[2] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 133; см. Ипат. лет., стр. 315, под 1152 г.

[3] *П. Смолічев,* Чернигів та його околиці за часів великокнязівських («Чернигів і північне Лівобережжя», 1928, стр. 127—128). В статье *Б. А. Рыбакова* «Древности Чернигова» («Материалы и

родный также знает Чернигов под именем Чернигога, в котором нетрудно узнать его подлинное название. Название Чернигова — славянское, хотя этимология его неясна.

Причины раннего возвышения города и его позднейшее значение понятны. Чернигов лежит в том месте, где река Десна резко поворачивает на юг к слиянию с Днепром. Таким образом, к Чернигову сходились пути по Десне и Сейму, которые охватывали обширную площадь, населённую северянами. В смысле удобства географического положения ни один город Северской земли не мог конкурировать с Черниговом. Поэтому совершенно правы исследователи древних судеб Киевской земли, когда они пишут, что Чернигов для Северской земли был тем же, чем был Киев для всей Руси.

Крупное экономическое значение Чернигова подтверждается его политической историей. В X в. в Чернигове, повидимому, сидит один из тех «светлых князей», о которых упоминается в договоре Руси с Греками 911 г. Поразительнее всего, что Чернигов не упомянут в числе городов, розданных Владимиром Святославичем своим сыновьям, хотя он уже существовал как крупный центр Руси. Это можно объяснить или тем, что Чернигов остался за самим Владимиром до его смерти как один из городов, ближайших к Киеву, или тем, что в Чернигове сохранялась своя династия князей, подвластных киевскому князю, подобно тому как в Древлянской земле сидел князь Мал, а в Полоцке княжил Рогволод. Существование «Чёрной могилы» с её погребением неизвестного князя X в. говорит в пользу второго предположения.

В 1024 г. в Чернигове стал княжить Мстислав Владимирович, брат Ярослава Мудрого, пришедший из Тмутаракани. Только после смерти Мстислава Черниговская земля отошла под власть киевского князя (1036 г.). Черниговское княжество стало вновь самостоятельным в 1054 г., когда оно перешло в руки Святослава Ярославича. Во владении его потомков Чернигов с областью оставался и в последующее время. Таким образом, в Черниговской земле мы наблюдаем почти столь же раннее образование постоянной княжеской династии, как и в Полоцке, — прямое указание на раннее обособление Черниговского княжества от других русских земель.

Чернигов стоит на холмах над рекою Стрижень, недалеко от того места, где она впадает с правой стороны в

родный также знает Чернигов под именем Чернигога, в котором нетрудно узнать его подлинное название. Название Чернигова — славянское, хотя этимология его неясна.

Причины раннего возвышения города и его позднейшее значение понятны. Чернигов лежит в том месте, где река Десна резко поворачивает на юг к слиянию с Днепром. Таким образом, к Чернигову сходились пути по Десне и Сейму, которые охватывали обширную площадь, населённую северянами. В смысле удобства географического положения ни один город Северской земли не мог конкурировать с Черниговом. Поэтому совершенно правы исследователи древних судеб Киевской земли, когда они пишут, что Чернигов для Северской земли был тем же, чем был Киев для всей Руси.

Крупное экономическое значение Чернигова подтверждается его политической историей. В X в. в Чернигове, повидимому, сидит один из тех «светлых князей», о которых упоминается в договоре Руси с Греками 911 г. Поразительнее всего, что Чернигов не упомянут в числе городов, розданных Владимиром Святославичем своим сыновьям, хотя он уже существовал как крупный центр Руси. Это можно объяснить или тем, что Чернигов остался за самим Владимиром до его смерти как один из городов, ближайших к Киеву, или тем, что в Чернигове сохранялась своя династия князей, подвластных киевскому князю, подобно тому как в Древлянской земле сидел князь Мал, а в Полоцке княжил Рогволод. Существование «Чёрной могилы» с её погребением неизвестного князя X в. говорит в пользу второго предположения.

В 1024 г. в Чернигове стал княжить Мстислав Владимирович, брат Ярослава Мудрого, пришедший из Тмутаракани. Только после смерти Мстислава Черниговская земля отошла под власть киевского князя (1036 г.). Черниговское княжество стало вновь самостоятельным в 1054 г., когда оно перешло в руки Святослава Ярославича. Во владении его потомков Чернигов с областью оставался и в последующее время. Таким образом, в Черниговской земле мы наблюдаем почти столь же раннее образование постоянной княжеской династии, как и в Полоцке, — прямое указание на раннее обособление Черниговского княжества от других русских земель.

Чернигов стоит на холмах над рекою Стрижень, недалеко от того места, где она впадает с правой стороны в

Путивль стоит на нижнем течении реки Сейма. Городком в Путивле именовался «утёсистый холм посреди города между реками Сеймом и Путивлькой, который был укреплён высоким валом, срытым после взрыва порохового погреба в начале XIX в.» [1] Город мог получить своё название от речки Путивльки, но точно так же от какого-нибудь личного имени — Путша или Путята (ср. Мстиславль, Изяславль, Ярославль и т. д.). Впервые Путивль упоминается под 1146 г. как город, уже существовавший ранее. Во всяком случае, в это время Путивль был городом, который оказал упорное сопротивление большой воинской силе. Путивльцы («путивлечи») крепко бились с городских укреплений; в городе у них сидел посадник черниговского князя Святослава. Летопись отмечает особое богатство двора Святослава под Путивлем, где в погребах находилось 500 берковцев мёда и 80 корчаг вина. В летописном известии 1146 г. Путивль рисуется крупным городом со значительным населением. Во второй половине XII в. Путивль становится стольным городом одной из линий черниговского княжеского дома. В битве при Калке принимали участие «путивлици» со своим князем [2]. О Путивле говорится в Слове о полку Игореве. На забороле городской стены Ярославна оплакивала своего мужа и русских воинов.

В верховьях Сейма стоял **Курск**, расположенный на берегах Тускори и Кура, при впадении Тускори в Сейм. От реки Кур он и получил своё название: Куреск — Курск (ср. Видбеск, Друтеск и пр.). Отметим здесь же, что в древности существовал другой Курск, в Новгородской земле. В летописи Курск впервые упоминается под 1095 г., причём уже в качестве города, где сидел свой князь. В борьбе Владимира Мономаха с Ольговичами Курск также выступает как самостоятельный город [3]. Но Курск возник гораздо раньше, чем о нём упоминает летопись. Сведения о нём мы находим в житии Феодосия Печерского. Родители Феодосия жили первоначально в Василеве под Киевом, откуда по княжескому приказанию переселились в Курск (Куреск). Это произошло в ранней юности Феодосия, т. е. примерно в начале княжения

---

[1] *В. П. Семёнов*, Россия, т. II, Центрально-Чернозёмная область, стр. 616.

[2] Ипат. лет., стр. 236—237, 496.

[3] Лаврент. лет., стр. 221, 282.

родный также знает Чернигов под именем Чернигога, в котором нетрудно узнать его подлинное название. Название Чернигова — славянское, хотя этимология его неясна.

Причины раннего возвышения города и его позднейшее значение понятны. Чернигов лежит в том месте, где река Десна резко поворачивает на юг к слиянию с Днепром. Таким образом, к Чернигову сходились пути по Десне и Сейму, которые охватывали обширную площадь, населённую северянами. В смысле удобства географического положения ни один город Северской земли не мог конкурировать с Черниговом. Поэтому совершенно правы исследователи древних судеб Киевской земли, когда они пишут, что Чернигов для Северской земли был тем же, чем был Киев для всей Руси.

Крупное экономическое значение Чернигова подтверждается его политической историей. В X в. в Чернигове, повидимому, сидит один из тех «светлых князей», о которых упоминается в договоре Руси с Греками 911 г. Поразительнее всего, что Чернигов не упомянут в числе городов, розданных Владимиром Святославичем своим сыновьям, хотя он уже существовал как крупный центр Руси. Это можно объяснить или тем, что Чернигов остался за самим Владимиром до его смерти как один из городов, ближайших к Киеву, или тем, что в Чернигове сохранялась своя династия князей, подвластных киевскому князю, подобно тому как в Древлянской земле сидел князь Мал, а в Полоцке княжил Рогволод. Существование «Чёрной могилы» с её погребением неизвестного князя X в. говорит в пользу второго предположения.

В 1024 г. в Чернигове стал княжить Мстислав Владимирович, брат Ярослава Мудрого, пришедший из Тмутаракани. Только после смерти Мстислава Черниговская земля отошла под власть киевского князя (1036 г.). Черниговское княжество стало вновь самостоятельным в 1054 г., когда оно перешло в руки Святослава Ярославича. Во владении его потомков Чернигов с областью оставался и в последующее время. Таким образом, в Черниговской земле мы наблюдаем почти столь же раннее образование постоянной княжеской династии, как и в Полоцке, — прямое указание на раннее обособление Черниговского княжества от других русских земель.

Чернигов стоит на холмах над рекою Стрижень, недалеко от того места, где она впадает с правой стороны в

Десну. Пространство между городом и Десной в самом узком месте занимает около 150 сажен. В отдалённые времена река Стрижень была значительно шире, чем в настоящее время, по крайней мере по описаниям XVIII в. она имела до 10 сажен ширины; устье её в половодье могло служить пристанью для небольших судов.

Местоположение Детинца определяется холмом, примыкающим к реке Стрижень. Что именно в этом месте надо искать Детинец, доказывается тем, что здесь были построены собор Спаса Преображения и древняя Борисоглебская церковь. В этом месте Черниговский кремль показан уже на плане реконструкции древнего Чернигова, помещённом в историческом атласе Погодина [1].

В XII в. город состоял из Детинца и острога, или передгородья. О Детинце и остроге Чернигова идёт речь в древней заметке об осаде Чернигова в 1078 г. Владимир Мономах «приступил ко вратам восточным, от Стрежени, и взял врата, и взяли град окольный, и пожгли его, люди же вбегали в днешный град» [2]. «Днешный град» обозначает внутреннюю крепость от слова «днешьный» — внутренний. Окольный город — соседний, окрестный. Позже «окольный» город существовал в Пскове. Следовательно, «днешный град» обозначает детинец, окольный город — предгородье, или острог. Черниговский детинец, возможно, был сложен из камня, однако никаких определённых доказательств в пользу такого мнения привести нельзя.

Окольный город, или предгородье, было обнесено валом и острогом, т. е. оградой из брёвен. Черниговское предгородье занимало большую площадь; протяжение вала в окружности измеряется в $3^1/_2$ версты. Площадь древнего города впоследствии уменьшилась, и внутри древнего вала был проведён новый. Новое уменьшение города отмечается в конце XVII в., когда был построен другой внутренний вал окружностью не более чем в $1^1/_2$ версты [3]. В цветущие времена Чернигова городские строения не вмещались даже в пределах большого вала.

---

[1] *М. Погодин,* Древняя русская история, т. III, отд. 1, Атлас исторический, М. 1871.

[2] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 133; см. Ипат. лет., стр. 315, под 1152 г.

[3] *П. Смолічев,* Чернигів та його околиці за часів великокнязівських («Чернигів і північне Лівобережжя», 1928, стр. 127—128). В статье *Б. А. Рыбакова* «Древности Чернигова» («Материалы и

В XII в. гораздо большее значение имел соседний Вщиж на Десне, впервые появляющийся в летописях в 1142 г. В 1156 г. «бежал Володимирич, племянник Изяслава из Березого во Вщижь, и отнял у него все города подесненские». Здесь Вщиж выступает как головной город всей округи, прилегавшей к верхнему течению Десны. Город был хорошо укреплён и в 1160 г. выдержал пятинедельную осаду[1]. В середине XII в. в нём длительное время сидел князем Святослав Владимирович, умерший в 1167 г.

Вщижское городище предстало перед нами в совсем новом виде, после того как были опубликованы результаты сделанных на нём в последнее время раскопок.

Заселение «вщижского мыса», где впоследствии стоял город, произошло, по Б. А. Рыбакову, в IX—X столетиях. Позже, в XI—XII вв. «Вщиж представлял собой небольшую крепость на мысу, занимавшую примерно половину позднейшего Детинца». Уже в это время поселения не ограничивались Детинцем, а выходили за пределы рва и вала. Следовательно, во Вщиже существовал посад или по крайней мере населённые слободы. Решительное расширение городской территории произошло в середине XII в., когда Вщиж сделался столицей княжества. Территория Детинца была расширена, а посад окружён оборонительными сооружениями. Вокруг Детинца появилась новая стена, составленная из больших городен в 3×5 *м* и усиленная деревянной же башней. К этому времени относится построение каменной церкви на посаде.

Инвентарь, найденный во Вщиже, отличается большим разнообразием. Здесь различные предметы обихода и мастерства (топоры, кирки, долота, зубила, сковороды и т. д.), украшения (бусы, стеклянные браслеты и пр.). Особенно многочисленны предметы гончарного производства. По наблюдениям Б. А. Рыбакова, одновременно во Вщиже работало около 15—20 гончаров[2].

На территории Вщижа найдены были ценные художественные предметы. Так, давно известны бронзовые арки работы мастера Константина, найденные во Вщиже. В 1945 г. был найден бронзовый водолей XII—XIII вв.

---

[1] Ипат. лет., стр. 333, 349.

[2] *Б. А. Рыбаков,* Раскопки во Вщиже в 1948—1949 гг. («Краткие сообщения ИИМК», XXXVIII, 1951 г., стр. 34—41); *его же,* Вщиж — удельный город XII века (там же, XLI, стр. 56).

родный также знает Чернигов под именем Чернигога, в котором нетрудно узнать его подлинное название. Название Чернигова — славянское, хотя этимология его неясна.

Причины раннего возвышения города и его позднейшее значение понятны. Чернигов лежит в том месте, где река Десна резко поворачивает на юг к слиянию с Днепром. Таким образом, к Чернигову сходились пути по Десне и Сейму, которые охватывали обширную площадь, населённую северянами. В смысле удобства географического положения ни один город Северской земли не мог конкурировать с Черниговом. Поэтому совершенно правы исследователи древних судеб Киевской земли, когда они пишут, что Чернигов для Северской земли был тем же, чем был Киев для всей Руси.

Крупное экономическое значение Чернигова подтверждается его политической историей. В X в. в Чернигове, повидимому, сидит один из тех «светлых князей», о которых упоминается в договоре Руси с Греками 911 г. Поразительнее всего, что Чернигов не упомянут в числе городов, розданных Владимиром Святославичем своим сыновьям, хотя он уже существовал как крупный центр Руси. Это можно объяснить или тем, что Чернигов остался за самим Владимиром до его смерти как один из городов, ближайших к Киеву, или тем, что в Чернигове сохранялась своя династия князей, подвластных киевскому князю, подобно тому как в Древлянской земле сидел князь Мал, а в Полоцке княжил Рогволод. Существование «Чёрной могилы» с её погребением неизвестного князя X в. говорит в пользу второго предположения.

В 1024 г. в Чернигове стал княжить Мстислав Владимирович, брат Ярослава Мудрого, пришедший из Тмутаракани. Только после смерти Мстислава Черниговская земля отошла под власть киевского князя (1036 г.). Черниговское княжество стало вновь самостоятельным в 1054 г., когда оно перешло в руки Святослава Ярославича. Во владении его потомков Чернигов с областью оставался и в последующее время. Таким образом, в Черниговской земле мы наблюдаем почти столь же раннее образование постоянной княжеской династии, как и в Полоцке, — прямое указание на раннее обособление Черниговского княжества от других русских земель.

Чернигов стоит на холмах над рекою Стрижень, недалеко от того места, где она впадает с правой стороны в

родный также знает Чернигов под именем Чернигога, в котором нетрудно узнать его подлинное название. Название Чернигова — славянское, хотя этимология его неясна.

Причины раннего возвышения города и его позднейшее значение понятны. Чернигов лежит в том месте, где река Десна резко поворачивает на юг к слиянию с Днепром. Таким образом, к Чернигову сходились пути по Десне и Сейму, которые охватывали обширную площадь, населённую северянами. В смысле удобства географического положения ни один город Северской земли не мог конкурировать с Черниговом. Поэтому совершенно правы исследователи древних судеб Киевской земли, когда они пишут, что Чернигов для Северской земли был тем же, чем был Киев для всей Руси.

Крупное экономическое значение Чернигова подтверждается его политической историей. В X в. в Чернигове, повидимому, сидит один из тех «светлых князей», о которых упоминается в договоре Руси с Греками 911 г. Поразительнее всего, что Чернигов не упомянут в числе городов, розданных Владимиром Святославичем своим сыновьям, хотя он уже существовал как крупный центр Руси. Это можно объяснить или тем, что Чернигов остался за самим Владимиром до его смерти как один из городов, ближайших к Киеву, или тем, что в Чернигове сохранялась своя династия князей, подвластных киевскому князю, подобно тому как в Древлянской земле сидел князь Мал, а в Полоцке княжил Рогволод. Существование «Чёрной могилы» с её погребением неизвестного князя X в. говорит в пользу второго предположения.

В 1024 г. в Чернигове стал княжить Мстислав Владимирович, брат Ярослава Мудрого, пришедший из Тмутаракани. Только после смерти Мстислава Черниговская земля отошла под власть киевского князя (1036 г.). Черниговское княжество стало вновь самостоятельным в 1054 г., когда оно перешло в руки Святослава Ярославича. Во владении его потомков Чернигов с областью оставался и в последующее время. Таким образом, в Черниговской земле мы наблюдаем почти столь же раннее образование постоянной княжеской династии, как и в Полоцке, — прямое указание на раннее обособление Черниговского княжества от других русских земель.

Чернигов стоит на холмах над рекою Стрижень, недалеко от того места, где она впадает с правой стороны в

ГЛАВА 5

СМОЛЕНСКАЯ ЗЕМЛЯ

В верховьях Днепра и Западной Двины, издавна населённых кривичами, располагалась Смоленская земля. Крупнейшими городами в ней были Смоленск и Торопец.

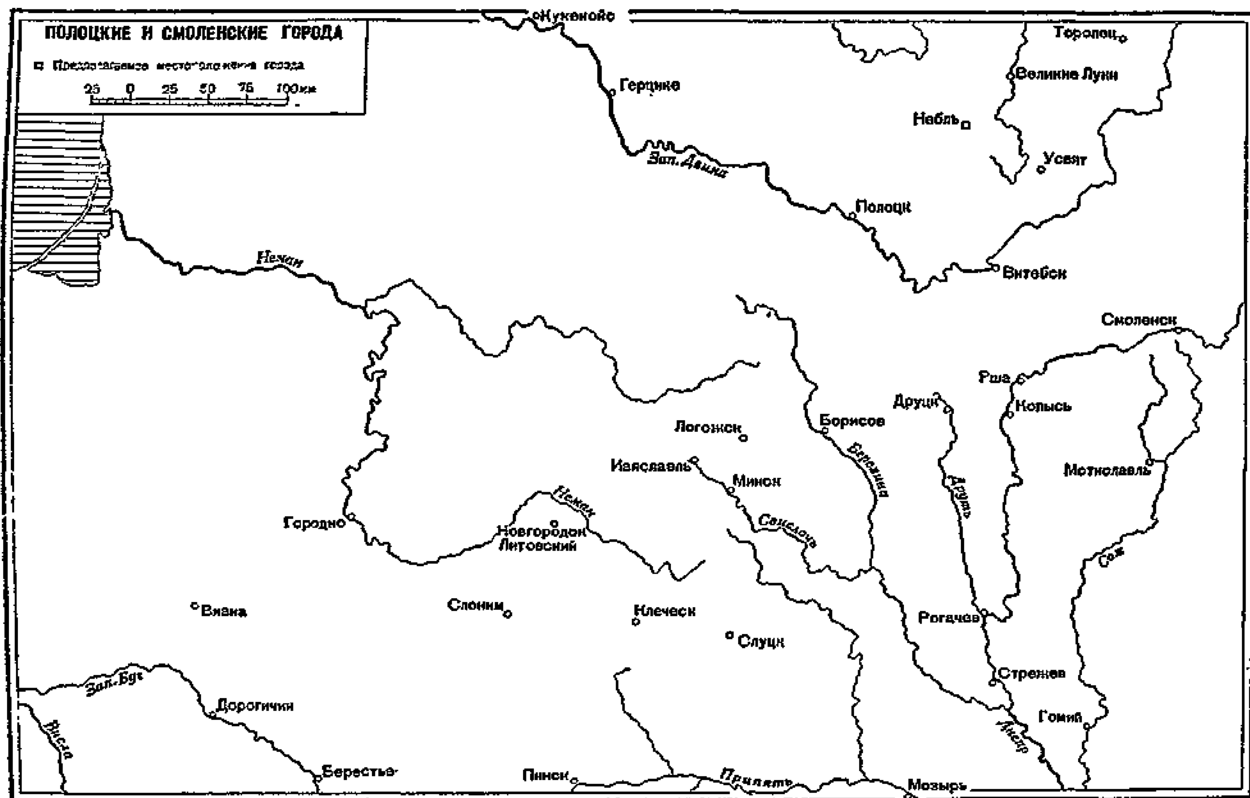
Смоленск, по начальной летописи, был городом кривичей. Летописи относят его возникновение к древнейшим временам; впервые он назван под 882 г. как уже существовавший город [1]. Название города — славянское. Имя смолян было известно не только на верховьях Днепра, но и далеко на юге, на Балканском полуострове.

По своему географическому положению Смоленск выгодно выделяется из общего ряда других городов. Смоленск стоит на Днепре, там, где к нему близко подходит Касгля, приток Западной Двины. Здесь находился древний волок между Двиной и Днепром. С юга к Смоленску подходят верховья Сожа, течение которого образует как бы вторую водную дорогу, текущую параллельно Днепру, с севера на юг. Днепр соединял Смоленск с Киевской землёй, а далее с бассейном Чёрного моря. Таким образом, Смоленск стоял на великом пути «из Варяг в Греки».

Верховья Днепра связывали Смоленск с Волгой (через Вазузу) и Окой (через Угру). Древность волжской дороги из Смоленска в Ростово-Суздальскую землю доказывается тем, что по ней ехал в 1015 г. князь Глеб,

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 13, 20

ПОЛОЦКИЕ И СМОЛЕНСКИЕ ГОРОДА
25 0 25 50 75 100 км
Кукенойс
Герцике
Торопец
Великие Луки
Небль
Усвят
Зап. Двина
Полоцк
Витебск
Неман
Смоленск
Рша
Копысь
Друцк
Борисов
Логожск
Изяславль
Минск
Березина
Друть
Мстиславль
Свислочь
Неман
Городно
Новгородок Литовский
Сож
Вилна
Слоним
Клеческ
Слуцк
Рогачев
Стрежев
Гомий
Днепр
Зап. Буг
Дорогичин
Висла
Берестье
Пинск
Припять
Мозырь

направлявшийся из Мурома в Киев. Из Смоленска он предполагал направиться в Киев на корабле.

Смоленск принадлежал к числу древнейших русских городов и был известен уже Константину Багрянородному. Гнездовский могильник говорит нам о большом политическом и хозяйственном значении города в X в., после чего в развитии его происходит какая-то неясная для нас заминка. Отдельные известия XI в. указывают на относительно незначительное положение Смоленска среди других русских городов. В числе городов, розданных Владимиром Святославичем сыновьям, Смоленск не упоминается. В 1054 г., после смерти Ярослава Мудрого, Смоленск попадает в руки его сына Вячеслава, пятого по старшинству. Княжение Вячеслава продолжалось до 1057 г., после чего в Смоленске до 1060 г. сидит его брат Игорь. Обособлению Смоленского княжества, видимо, мешает не только случайное вымирание княжеских ветвей, на долю которых он достаётся, но и другие причины. В этом убеждает нас раздел Смоленска между тремя старшими Ярославичами, происшедший в 1060 г.: «Разделили Ярославичи Смоленск на три части»[1].

Политический подъём Смоленска начинается с конца XI в. В 1095 г. на смоленский стол садится один из черниговских князей — Давыд Святославич, а в следующем году активно выступают «смолняне», отказывающиеся принять Олега Святославича в свой город[2]. Таким образом, жители Смоленска уже самостоятельно действуют в годы княжеских усобиц.

Как видно, XI век был столетием, мало благоприятным для развития Смоленска. Объяснение этому можно видеть в том, что в это столетие происходит постепенное снижение торгового значения пути «из Варяг в Греки», которое приводит к запустению некоторых городских пунктов, лежавших по Днепру. Таковы Любеч и Витичев, упоминаемые Константином Багрянородным как крупные города. В конце XI в. холм Витичева был пустым. В XII столетии происходит постепенное запустение Пе-

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 109. Известие о разделе Смоленска в 1060 г. имеется в Тверской и Львовской летописях; в Воскресенской и Софийской оно отнесено к 1054 г., но по Повести временных лет (ч. 1, стр. 109) Смоленск в этом году достался Вячеславу.

[2] «И не прияша его смоляне» («Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 151)

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий черноризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

[1] *И. П. Виноградов*, Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).
[2] Ипат. лет., стр. 181.
[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий черноризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

---

[1] *И. П. Виноградов,* Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий черноризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

---

[1] *И. П. Виноградов,* Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

церкви на речке Рачевке найдены пилястры романского характера, но знаки на кирпичах этой постройки аналогичны знакам на кирпичах Свирской церкви. Этот факт говорит о связях смоленской архитектуры с романской, однако нельзя видеть в ней «восприятие смоленскими мастерами опыта романских зодчих»[1]. Отличающийся прекрасными качествами смоленский кирпич выделывался в Смоленске, где найдена печь для обжига кирпича XII—XIII вв.

Повидимому, крепость (или собственно «город») уже в XI—XII вв. помещалась на Соборной горе, где Владимир Мономах построил собор Богородицы. В строительстве городов Мономахом проявляются некоторые общие черты. Для города было выбрано высокое место, как и во Владимире-на-Клязьме, но в некотором отдалении от реки. О размерах древнего Смоленска можно судить по тому обстоятельству, что в позднейшее время в городской стене, обращённой к церкви Иоанна Богослова на посаде, находим Пятницкую башню и Пятницкие ворота. Здесь протекал Пятницкий ручей, известный под таким названием ещё в середине XIX в. Это и было место Пятницкого конца. «Саженях в 50» от церкви Иоанна Богослова была найдена стена «толщиною более двух аршин», а при ней несколько черепов, что заставляет предполагать существование в этом месте церкви[2]. Пятницкая церковь и дала название концу. Она, как и другие церкви того же наименования, обычно стояла на торговой площади на посаде, вне городских укреплений.

Судя по расположению церквей, население Смоленска жило разбросанно, причём занимало не только нагорную часть города, но и приречные районы. По словам Голубовского, «город разделялся на Гору и на Подолие», о котором упоминается в житии Меркурия Смоленского. Место Смоленского подола неизвестно; возможно, он находился на правом берегу Днепра, где сохранилась древняя Петропавловская церковь.

Особую часть Смоленска представляла собой Смядынь. Это был княжеский замок типа Вышгорода и

---

[1] *И. М. Хозеров,* Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска («Краткие сообщения ИИМК», XI, 1945 г., стр. 20—26).

[2] «Историко-статистическое описание Смоленской епархии», СПБ 1864, стр. 222.

направлявшийся из Мурома в Киев. Из Смоленска он предполагал направиться в Киев на корабле.

Смоленск принадлежал к числу древнейших русских городов и был известен уже Константину Багрянородному. Гнездовский могильник говорит нам о большом политическом и хозяйственном значении города в X в., после чего в развитии его происходит какая-то неясная для нас заминка. Отдельные известия XI в. указывают на относительно незначительное положение Смоленска среди других русских городов. В числе городов, розданных Владимиром Святославичем сыновьям, Смоленск не упоминается. В 1054 г., после смерти Ярослава Мудрого, Смоленск попадает в руки его сына Вячеслава, пятого по старшинству. Княжение Вячеслава продолжалось до 1057 г., после чего в Смоленске до 1060 г. сидит его брат Игорь. Обособлению Смоленского княжества, видимо, мешает не только случайное вымирание княжеских ветвей, на долю которых он достаётся, но и другие причины. В этом убеждает нас раздел Смоленска между тремя старшими Ярославичами, происшедший в 1060 г.: «Разделили Ярославичи Смоленск на три части» [1].

Политический подъём Смоленска начинается с конца XI в. В 1095 г. на смоленский стол садится один из черниговских князей — Давыд Святославич, а в следующем году активно выступают «смолняне», отказывающиеся принять Олега Святославича в свой город [2]. Таким образом, жители Смоленска уже самостоятельно действуют в годы княжеских усобиц.

Как видно, XI век был столетием, мало благоприятным для развития Смоленска. Объяснение этому можно видеть в том, что в это столетие происходит постепенное снижение торгового значения пути «из Варяг в Греки», которое приводит к запустению некоторых городских пунктов, лежавших по Днепру. Таковы Любеч и Витичев, упоминаемые Константином Багрянородным как крупные города. В конце XI в. холм Витичева был пустым. В XII столетии происходит постепенное запустение Пе-

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 109. Известие о разделе Смоленска в 1060 г. имеется в Тверской и Львовской летописях; в Воскресенской и Софийской оно отнесено к 1054 г., но по Повести временных лет (ч. 1, стр. 109) Смоленск в этом году достался Вячеславу.

[2] «И не прияша его смоляне» («Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 151)

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий черноризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

---

[1] *И. П. Виноградов,* Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

направлявшийся из Мурома в Киев. Из Смоленска он предполагал направиться в Киев на корабле.

Смоленск принадлежал к числу древнейших русских городов и был известен уже Константину Багрянородному. Гнездовский могильник говорит нам о большом политическом и хозяйственном значении города в X в., после чего в развитии его происходит какая-то неясная для нас заминка. Отдельные известия XI в. указывают на относительно незначительное положение Смоленска среди других русских городов. В числе городов, розданных Владимиром Святославичем сыновьям, Смоленск не упоминается. В 1054 г., после смерти Ярослава Мудрого, Смоленск попадает в руки его сына Вячеслава, пятого по старшинству. Княжение Вячеслава продолжалось до 1057 г., после чего в Смоленске до 1060 г. сидит его брат Игорь. Обособлению Смоленского княжества, видимо, мешает не только случайное вымирание княжеских ветвей, на долю которых он достаётся, но и другие причины. В этом убеждает нас раздел Смоленска между тремя старшими Ярославичами, происшедший в 1060 г.: «Разделили Ярославичи Смоленск на три части» [1].

Политический подъём Смоленска начинается с конца XI в. В 1095 г. на смоленский стол садится один из черниговских князей — Давыд Святославич, а в следующем году активно выступают «смолняне», отказывающиеся принять Олега Святославича в свой город [2]. Таким образом, жители Смоленска уже самостоятельно действуют в годы княжеских усобиц.

Как видно, XI век был столетием, мало благоприятным для развития Смоленска. Объяснение этому можно видеть в том, что в это столетие происходит постепенное снижение торгового значения пути «из Варяг в Греки», которое приводит к запустению некоторых городских пунктов, лежавших по Днепру. Таковы Любеч и Витичев, упоминаемые Константином Багрянородным как крупные города. В конце XI в. холм Витичева был пустым. В XII столетии происходит постепенное запустение Пе-

---

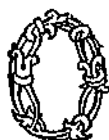
[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 109. Известие о разделе Смоленска в 1060 г. имеется в Тверской и Львовской летописях; в Воскресенской и Софийской оно отнесено к 1064 г., но по Повести временных лет (ч. 1, стр. 109) Смоленск в этом году достался Вячеславу.

[2] «И не прияша его смоляне» («Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 151)

ГЛАВА 6

ПОЛОЦКАЯ ЗЕМЛЯ

Обширная Полоцкая земля охватывала большую часть современной Белоруссии и лежала в основном по Западной Двине, Неману и Березине с их притоками. Границы Полоцкой земли, показанные в Атласе Замысловского[1], сильно преуменьшены на западе. Владения полоцких князей доходили почти до Рижского залива, поблизости от которого на Западной Двине стояли города Герцике и Кукенойс, где княжили русские князья. Русское население жило также в районе Гродно (Городно), хотя неясно, относилась ли так называемая Чёрная Русь к Полоцкой или Волынской земле.

В отличие от Смоленской земли Полоцкое княжество насчитывало несколько относительно крупных городов, в том числе таких, как Витебск и Минск.

Центром земли был **Полоцк** — несомненно, один из древнейших русских городов, начало которого восходит к незапамятной древности. Название своё он получил от реки Полоты, впадающей в Западную Двину. Полоцк, или Полотеск, — город, стоящий на реке Полоте; словообразование, подобное Торопцу от реки Торопы, Витебску — от реки Видьбы и т. д.

Ранний рост и процветание города тесно связаны с его удобным географическим положением. Полоцк

[1] *Е. Замысловский*, Учебный атлас по русской истории, табл. № 2.

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий черноризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

---

[1] *И. П. Виноградов*, Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

замок и территория на другом берегу реки Полоты, так называемое Заполотье.

Известия о древнем Полоцке так малочисленны и настолько мало изучены, что о топографии древнего города можно сделать только несколько беглых замечаний. В Полоцке довольно чётко бросается в глаза деление города на два квартала — аристократический верхний город (Верхний замок) и Подол. В этом смысле любопытно свидетельство Гейденштейна конца XVI в.: «Полоцк состоит из двух замков — Верхнего, лежащего на возвышенном месте, и Нижнего, или, как его называют москвитяне, Стрелецкого, и города Заполотья. Город некогда стоял на левой стороне Полоты внизу холма»[1]. В этом свидетельстве надо видеть отголоски предания о существовании поселений непосредственно под замком, у берегов Западной Двины, так называемого Подола. Современное Заполотье, видимо, явилось следствием дальнейшего расширения города.

Внутренняя история Полоцкой земли слабо известна, и нам трудно представить даже её политическую историю. Однако и то, что мы знаем, рисует Полоцк как один из крупнейших центров Киевской Руси. Прежде всего бросается в глаза выдающееся положение полоцких князей в X—XII вв. В конце X в. в Полоцке сидел самостоятельный князь Рогволод. Независимое положение Полоцка подчёркивается утверждением в нём потомков Владимира Святославича от Рогнеды, т. е. ветви старинных полоцких князей по женской линии, первым из которых был Изяслав. Летописец объясняет этим страшную вражду между полоцкими князьями и потомками Ярослава: «И оттоле мечь взимають Роговоложи внуки противу Ярославли внуков»[2].

С развитием ремесла и торговли Полоцк стал крупнейшим городом Древней Руси, стоявшим на уровне таких городов, как Новгород и Смоленск. Памятниками его прошлого являются каменный собор Софии, церковь Спаса в Евфросиниевом монастыре, развалины на Бельчицах. Великолепным памятником полоцкого искусства является драгоценный крест полоцкой княжны Евфросинии, сделанный в 1161 г. Делал крест Лазарь, наречён-

---

[1] См. *В. П. Семёнов*, Россия, т. IX, Верхнее Поднепровье и Белоруссия, СПБ 1905, стр. 503.

[2] Лаврент. лет., стр. 226—227, 284—285.

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий чернorизец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

---

[1] *И. П. Виноградов,* Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий черноризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

---

[1] *И. П. Виноградов,* Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий черноризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

---

[1] *И. П. Виноградов*, Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

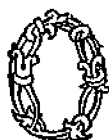
[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

ГЛАВА 6

ПОЛОЦКАЯ ЗЕМЛЯ

Обширная Полоцкая земля охватывала большую часть современной Белоруссии и лежала в основном по Западной Двине, Неману и Березине с их притоками. Границы Полоцкой земли, показанные в Атласе Замысловского [1], сильно преуменьшены на западе. Владения полоцких князей доходили почти до Рижского залива, поблизости от которого на Западной Двине стояли города Герцике и Кукенойс, где княжили русские князья. Русское население жило также в районе Гродно (Городно), хотя неясно, относилась ли так называемая Чёрная Русь к Полоцкой или Волынской земле.

В отличие от Смоленской земли Полоцкое княжество насчитывало несколько относительно крупных городов, в том числе таких, как Витебск и Минск.

Центром земли был **Полоцк** — несомненно, один из древнейших русских городов, начало которого восходит к незапамятной древности. Название своё он получил от реки Полоты, впадающей в Западную Двину. Полоцк, или Полотеск, — город, стоящий на реке Полоте; словообразование, подобное Торопцу от реки Торопы, Витебску — от реки Видьбы и т. д.

Ранний рост и процветание города тесно связаны его удобным географическим положением. Полоцк

---

[1] *Е. Замысловский*, Учебный атлас по русской истории, табл. № 2.

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий черноризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

---

[1] *И. П. Виноградов,* Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий черноризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

---

[1] *И. П. Виноградов,* Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

что в 1102 г. «Борис Всеславич Полоцкий ходил на ятвяг и победя их возвратясь поставил град Борисов во свое имя и людьми населил»[1]. Подобное происхождение города вполне вероятно, тем более что поздние западнорусские летописи также сообщают, что князь Борис построил «во свое имя» город Борисов на реке Березине, впрочем путая полоцких князей с литовскими[2].

Некоторое значение имел **Логожск**, стоящий на реке Гайне, близко подходящей к верховьям рек бассейна Вилии. Логожск и «логожане» впервые упомянуты в 1128 г., о них говорит и Владимир Мономах. Своё название Логожск, повидимому, получил от слова «лог» — долина, так как лежит в долине среди возвышенностей[3].

Одним из древнейших городов Минской округи был **Изяславль**. По летописному сказанию, он был построен Владимиром Святославичем, который назвал его в честь своего сына Изяслава, родоначальника полоцких князей, Изяславлем[4]. Город стоит в верховьях реки Свислочь, которая, как мы выше видели, выводила к бассейну Вилии. О судьбах этого города известно очень мало, если отвлечься от легенд и домыслов о крупном значении Изяславля в XI в.[5] Вполне достоверное сведение об Изяславле находим под 1127 г. по случаю войны Мстислава Владимировича с полоцкими князьями. В Изяславле в это время, несомненно, был укреплённый замок[6]. Под городом указывают озеро, будто бы носившее название Рогнедь, а также валы. Церковь Спаса Преображения считается построенной на месте монастыря Рогнеды, в крещении Анастасии, — предание, может быть, и вероятное, так как соборные храмы древних городов нередко получали наименование в честь Спаса Преображения. Впрочем, где легенда и где истина в рассказах о древностях Изяславля, отличить почти нельзя. Археологические раскопки А. Н. Лявданского установили позднейшее (не ранее XV в.) происхождение валов Изя-

---

[1] Ипат. лет., стр. 210; см. *В. Н. Татищев,* История Российская, кн. 2, М. 1773, стр. 199.

[2] ПСРЛ, т. XVII, стр. 479.

[3] Ипат. лет., стр. 210; Лаврент. лет., стр. 239; *В. П. Семёнов,* Россия, т. IX, стр. 410.

[4] Лаврент. лет., стр. 285.

[5] *В. П. Семёнов,* Россия, т. IX, стр. 516; здесь передаются легендарные сведения о могиле Рогнеды и пр.

[6] Лаврент. лет., стр. 283.

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий черноризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

---

[1] *И. П. Виноградов,* Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий черноризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

---

[1] *И. П. Виноградов*, Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

направлявшийся из Мурома в Киев. Из Смоленска он предполагал направиться в Киев на корабле.

Смоленск принадлежал к числу древнейших русских городов и был известен уже Константину Багрянородному. Гнездовский могильник говорит нам о большом политическом и хозяйственном значении города в X в., после чего в развитии его происходит какая-то неясная для нас заминка. Отдельные известия XI в. указывают на относительно незначительное положение Смоленска среди других русских городов. В числе городов, розданных Владимиром Святославичем сыновьям, Смоленск не упоминается. В 1054 г., после смерти Ярослава Мудрого, Смоленск попадает в руки его сына Вячеслава, пятого по старшинству. Княжение Вячеслава продолжалось до 1057 г., после чего в Смоленске до 1060 г. сидит его брат Игорь. Обособлению Смоленского княжества, видимо, мешает не только случайное вымирание княжеских ветвей, на долю которых он достаётся, но и другие причины. В этом убеждает нас раздел Смоленска между тремя старшими Ярославичами, происшедший в 1060 г.: «Разделили Ярославичи Смоленск на три части» [1].

Политический подъём Смоленска начинается с конца XI в. В 1095 г. на смоленский стол садится один из черниговских князей — Давыд Святославич, а в следующем году активно выступают «смолняне», отказывающиеся принять Олега Святославича в свой город [2]. Таким образом, жители Смоленска уже самостоятельно действуют в годы княжеских усобиц.

Как видно, XI век был столетием, мало благоприятным для развития Смоленска. Объяснение этому можно видеть в том, что в это столетие происходит постепенное снижение торгового значения пути «из Варяг в Греки», которое приводит к запустению некоторых городских пунктов, лежавших по Днепру. Таковы Любеч и Витичев, упоминаемые Константином Багрянородным как крупные города. В конце XI в. холм Витичева был пустым. В XII столетии происходит постепенное запустение Пе-

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 109. Известие о разделе Смоленска в 1060 г. имеется в Тверской и Львовской летописях; в Воскресенской и Софийской оно отнесено к 1054 г., но по Повести временных лет (ч. 1, стр. 109) Смоленск в этом году достался Вячеславу.

[2] «И не прияша его смоляне» («Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 151)

ГЛАВА

7

НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ

Характерной особенностью Новгородской земли являлось небольшое количество городов, разбросанных к тому же на значительном пространстве. Только Старая Руса находилась в 60—70 *км* от Новгорода, отделённая от него мощной водной преградой озера Ильмень; остальные новгородские города — Ладога, Торжок и Псков — были отделены от стольного города расстоянием в 200—250 *км*.

Сам **Новгород** отличался невиданными размерами по сравнению с другими городами на севере Древней Руси.

Исключительный рост Новгорода объясняется прежде всего его центральным положением на разветвлённой водной системе Ильменя и Волхова. Город лежал на великом пути «из Варяг в Греки», как раз в том месте, где к этому пути ближе всего подходит верховье Волги. Таким образом, он был местом стыка двух величайших водных дорог Восточноевропейской равнины.

Река Волхов соединяла Новгород с Ладожским озером и далее через Неву — с Финским заливом. Волховские пороги не представляли непроходимого препятствия для торговых судов, направляемых местными лоцманами, но затрудняли в то же время возможность внезапных пиратских нападений на Новгород, в особенности набегов шведских феодалов, которые так часто посещали берега Финляндии и никогда не могли продвинуться в новгородские пределы далее Ладоги.

что в 1102 г. «Борис Всеславич Полоцкий ходил на ятвяг и победя их возвратясь поставил град Борисов во свое имя и людьми населил»[1]. Подобное происхождение города вполне вероятно, тем более что поздние западнорусские летописи также сообщают, что князь Борис построил «во свое имя» город Борисов на реке Березине, впрочем путая полоцких князей с литовскими[2].

Некоторое значение имел **Логожск**, стоящий на реке Гайне, близко подходящей к верховьям рек бассейна Вилии. Логожск и «логожане» впервые упомянуты в 1128 г., о них говорит и Владимир Мономах. Своё название Логожск, повидимому, получил от слова «лог» — долина, так как лежит в долине среди возвышенностей[3].

Одним из древнейших городов Минской округи был **Изяславль**. По летописному сказанию, он был построен Владимиром Святославичем, который назвал его в честь своего сына Изяслава, родоначальника полоцких князей, Изяславлем[4]. Город стоит в верховьях реки Свислочь, которая, как мы выше видели, выводила к бассейну Вилии. О судьбах этого города известно очень мало, если отвлечься от легенд и домыслов о крупном значении Изяславля в XI в.[5] Вполне достоверное сведение об Изяславле находим под 1127 г. по случаю войны Мстислава Владимировича с полоцкими князьями. В Изяславле в это время, несомненно, был укреплённый замок[6]. Под городом указывают озеро, будто бы носившее название Рогнедь, а также валы. Церковь Спаса Преображения считается построенной на месте монастыря Рогнеды, в крещении Анастасии, — предание, может быть, и вероятное, так как соборные храмы древних городов нередко получали наименование в честь Спаса Преображения. Впрочем, где легенда и где истина в рассказах о древностях Изяславля, отличить почти нельзя. Археологические раскопки А. Н. Лявданского установили позднейшее (не ранее XV в.) происхождение валов Изя-

---

[1] Ипат. лет., стр. 210; см. *В. Н. Татищев,* История Российская, кн. 2, М. 1773, стр. 199.

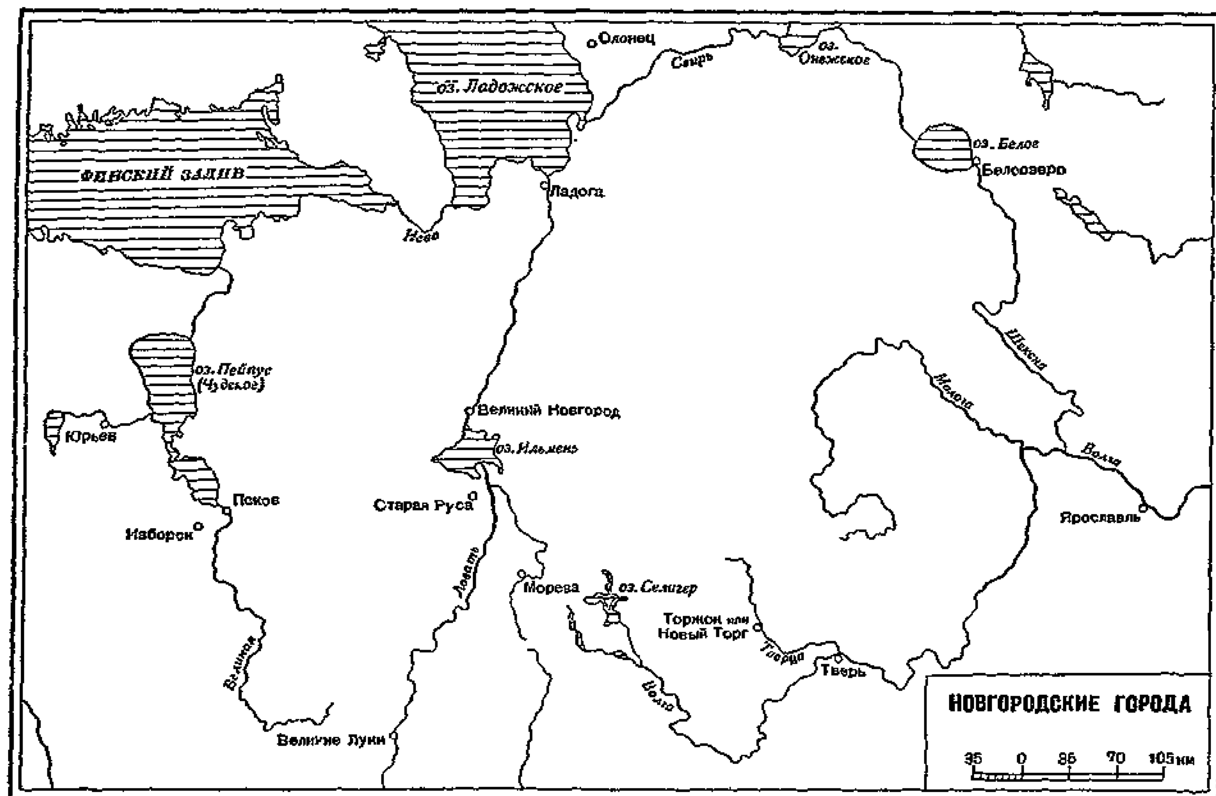
[2] ПСРЛ, т. XVII, стр. 479.

[3] Ипат. лет., стр. 210; Лаврент. лет., стр. 239; *В. П. Семёнов,* Россия, т. IX, стр. 410.

[4] Лаврент. лет., стр. 285.

[5] *В. П. Семёнов,* Россия, т. IX, стр. 516; здесь передаются легендарные сведения о могиле Рогнеды и пр.

[6] Лаврент. лет., стр. 283.

Олонец
Свирь
оз. Онежское
оз. Ладожское
Финский залив
оз. Белое
Белоозеро
Ладога
Нево
Шексна
оз. Пейпус (Чудское)
Молога
Великий Новгород
Юрьев
оз. Ильмень
Волга
Псков
Старая Руса
Ярославль
Изборск
Ловать
Морева
оз. Селигер
Торжок или Новый Торг
Тверца
Великая
Тверь
Волга
НОВГОРОДСКИЕ ГОРОДА
Великие Луки
35 0 35 70 105 км

считать Новгород одним из древнейших городов, существовавших уже в IX в. В следующем столетии он выступает в качестве крупнейшего русского города после Киева, вследствие чего в Новгороде сидят обычно сыновья великих князей: при Игоре — его сын Святослав, как об этом говорит Константин Багрянородный, позже — Владимир.

Традиционное деление Новгорода на две стороны — Софийскую и Торговую — восходит уже к XI в., как это видно из сообщения о пожаре 1097 г. в Новгороде: «На весну погорела другая половина, а на 3-ий день Детинец, сгорел город» [1]. В этом известии выясняется существование трёх частей города: это Детинец, Торговая и Софийская стороны.

До самого последнего времени древнейшей частью Новгорода считался Славенский конец. Археологические исследования А. В. Арциховского на холме Славно, раскопки А. А. Строкова и В. А. Богусевича на Ярославовом дворище сильно подорвали эту уверенность. На месте Дворища был открыт дохристианский могильник X в., а это заставляет думать, что Дворище не было в это столетие заселено; наоборот, «здесь было важное культовое урочище древнего Новгородского поселения» [2].

Таким образом, есть основания предполагать, что древнейшей частью Новгорода была не Торговая, а Софийская сторона с Детинцем. Во всяком случае, «город», т. е. Детинец, существовал уже в 989 г. [3] В нём была построена деревянная церковь Софии, стоявшая в конце Епископли, или Бискупли, улицы.

Отсутствие указаний на заселение Славенского конца и даже Ярославова дворища до XI в., что подтверждается и археологическими раскопками, позволяет сделать вывод, что новгородский посад стал складываться в основном с X в. В известии 1016 г. о ссоре Ярослава с новгородцами довольно рельефно выступают небольшие размеры города. Новгородцы, возмущённые насилиями

---

[1] Новгород. лет., стр. 202.

[2] «Новгородский исторический сборник», вып. III—IV, стр. 199—205. То же мнение на основании новых раскопок на Дворище высказывает А. В. Арциховский («Материалы и исследования по археологии СССР» № 11, стр. 158—159).

[3] «И иде пидьблянин рано на реку, хотя горъшци вести в город» (Новгород. лет., стр. 160).

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий черноризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

---

[1] *И. П. Виноградов*, Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

направлявшийся из Мурома в Киев. Из Смоленска он предполагал направиться в Киев на корабле.

Смоленск принадлежал к числу древнейших русских городов и был известен уже Константину Багрянородному. Гнездовский могильник говорит нам о большом политическом и хозяйственном значении города в X в., после чего в развитии его происходит какая-то неясная для нас заминка. Отдельные известия XI в. указывают на относительно незначительное положение Смоленска среди других русских городов. В числе городов, розданных Владимиром Святославичем сыновьям, Смоленск не упоминается. В 1054 г., после смерти Ярослава Мудрого, Смоленск попадает в руки его сына Вячеслава, пятого по старшинству. Княжение Вячеслава продолжалось до 1057 г., после чего в Смоленске до 1060 г. сидит его брат Игорь. Обособлению Смоленского княжества, видимо, мешает не только случайное вымирание княжеских ветвей, на долю которых он достаётся, но и другие причины. В этом убеждает нас раздел Смоленска между тремя старшими Ярославичами, происшедший в 1060 г.: «Разделили Ярославичи Смоленск на три части» [1].

Политический подъём Смоленска начинается с конца XI в. В 1095 г. на смоленский стол садится один из черниговских князей — Давыд Святославич, а в следующем году активно выступают «смолняне», отказывающиеся принять Олега Святославича в свой город [2]. Таким образом, жители Смоленска уже самостоятельно действуют в годы княжеских усобиц.

Как видно, XI век был столетием, мало благоприятным для развития Смоленска. Объяснение этому можно видеть в том, что в это столетие происходит постепенное снижение торгового значения пути «из Варяг в Греки», которое приводит к запустению некоторых городских пунктов, лежавших по Днепру. Таковы Любеч и Витичев, упоминаемые Константином Багрянородным как крупные города. В конце XI в. холм Витичева был пустым. В XII столетии происходит постепенное запустение Пе-

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 109. Известие о разделе Смоленска в 1060 г. имеется в Тверской и Львовской летописях; в Воскресенской и Софийской оно отнесено к 1054 г., но по Повести временных лет (ч. 1, стр. 109) Смоленск в этом году достался Вячеславу.

[2] «И не прияша его смоляне» («Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 151)

направлявшийся из Мурома в Киев. Из Смоленска он предполагал направиться в Киев на корабле.

Смоленск принадлежал к числу древнейших русских городов и был известен уже Константину Багрянородному. Гнездовский могильник говорит нам о большом политическом и хозяйственном значении города в X в., после чего в развитии его происходит какая-то неясная для нас заминка. Отдельные известия XI в. указывают на относительно незначительное положение Смоленска среди других русских городов. В числе городов, розданных Владимиром Святославичем сыновьям, Смоленск не упоминается. В 1054 г., после смерти Ярослава Мудрого, Смоленск попадает в руки его сына Вячеслава, пятого по старшинству. Княжение Вячеслава продолжалось до 1057 г., после чего в Смоленске до 1060 г. сидит его брат Игорь. Обособлению Смоленского княжества, видимо, мешает не только случайное вымирание княжеских ветвей, на долю которых он достаётся, но и другие причины. В этом убеждает нас раздел Смоленска между тремя старшими Ярославичами, происшедший в 1060 г.: «Разделили Ярославичи Смоленск на три части» [1].

Политический подъём Смоленска начинается с конца XI в. В 1095 г. на смоленский стол садится один из черниговских князей — Давыд Святославич, а в следующем году активно выступают «смолняне», отказывающиеся принять Олега Святославича в свой город [2]. Таким образом, жители Смоленска уже самостоятельно действуют в годы княжеских усобиц.

Как видно, XI век был столетием, мало благоприятным для развития Смоленска. Объяснение этому можно видеть в том, что в это столетие происходит постепенное снижение торгового значения пути «из Варяг в Греки», которое приводит к запустению некоторых городских пунктов, лежавших по Днепру. Таковы Любеч и Витичев, упоминаемые Константином Багрянородным как крупные города. В конце XI в. холм Витичева был пустым. В XII столетии происходит постепенное запустение Пе-

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 109. Известие о разделе Смоленска в 1060 г. имеется в Тверской и Львовской летописях; в Воскресенской и Софийской оно отнесено к 1054 г., но по Повести временных лет (ч. 1, стр. 109) Смоленск в этом году достался Вячеславу.

[2] «И не прияша его смоляне» («Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 151)

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий черноризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

---

[1] *И. П. Виноградов*, Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

направлявшийся из Мурома в Киев. Из Смоленска он предполагал направиться в Киев на корабле.

Смоленск принадлежал к числу древнейших русских городов и был известен уже Константину Багрянородному. Гнездовский могильник говорит нам о большом политическом и хозяйственном значении города в X в., после чего в развитии его происходит какая-то неясная для нас заминка. Отдельные известия XI в. указывают на относительно незначительное положение Смоленска среди других русских городов. В числе городов, розданных Владимиром Святославичем сыновьям, Смоленск не упоминается. В 1054 г., после смерти Ярослава Мудрого, Смоленск попадает в руки его сына Вячеслава, пятого по старшинству. Княжение Вячеслава продолжалось до 1057 г., после чего в Смоленске до 1060 г. сидит его брат Игорь. Обособлению Смоленского княжества, видимо, мешает не только случайное вымирание княжеских ветвей, на долю которых он достаётся, но и другие причины. В этом убеждает нас раздел Смоленска между тремя старшими Ярославичами, происшедший в 1060 г.: «Разделили Ярославичи Смоленск на три части» [1].

Политический подъём Смоленска начинается с конца XI в. В 1095 г. на смоленский стол садится один из черниговских князей — Давыд Святославич, а в следующем году активно выступают «смолняне», отказывающиеся принять Олега Святославича в свой город [2]. Таким образом, жители Смоленска уже самостоятельно действуют в годы княжеских усобиц.

Как видно, XI век был столетием, мало благоприятным для развития Смоленска. Объяснение этому можно видеть в том, что в это столетие происходит постепенное снижение торгового значения пути «из Варяг в Греки», которое приводит к запустению некоторых городских пунктов, лежавших по Днепру. Таковы Любеч и Витичев, упоминаемые Константином Багрянородным как крупные города. В конце XI в. холм Витичева был пустым. В XII столетии происходит постепенное запустение Пе-

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 109. Известие о разделе Смоленска в 1060 г. имеется в Тверской и Львовской летописях; в Воскресенской и Софийской оно отнесено к 1054 г., но по Повести временных лет (ч. 1, стр. 109) Смоленск в этом году достался Вячеславу.

[2] «И не прияша его смоляне» («Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 151)

церкви на речке Рачевке найдены пилястры романского характера, но знаки на кирпичах этой постройки аналогичны знакам на кирпичах Свирской церкви. Этот факт говорит о связях смоленской архитектуры с романской, однако нельзя видеть в ней «восприятие смоленскими мастерами опыта романских зодчих»[1]. Отличающийся прекрасными качествами смоленский кирпич выделывался в Смоленске, где найдена печь для обжига кирпича XII—XIII вв.

Повидимому, крепость (или собственно «город») уже в XI—XII вв. помещалась на Соборной горе, где Владимир Мономах построил собор Богородицы. В строительстве городов Мономахом проявляются некоторые общие черты. Для города было выбрано высокое место, как и во Владимире-на-Клязьме, но в некотором отдалении от реки. О размерах древнего Смоленска можно судить по тому обстоятельству, что в позднейшее время в городской стене, обращённой к церкви Иоанна Богослова на посаде, находим Пятницкую башню и Пятницкие ворота. Здесь протекал Пятницкий ручей, известный под таким названием ещё в середине XIX в. Это и было место Пятницкого конца. «Саженях в 50» от церкви Иоанна Богослова была найдена стена «толщиною более двух аршин», а при ней несколько черепов, что заставляет предполагать существование в этом месте церкви[2]. Пятницкая церковь и дала название концу. Она, как и другие церкви того же наименования, обычно стояла на торговой площади на посаде, вне городских укреплений.

Судя по расположению церквей, население Смоленска жило разбросанно, причём занимало не только нагорную часть города, но и приречные районы. По словам Голубовского, «город разделялся на Гору и на Подолие», о котором упоминается в житии Меркурия Смоленского. Место Смоленского подола неизвестно; возможно, он находился на правом берегу Днепра, где сохранилась древняя Петропавловская церковь.

Особую часть Смоленска представляла собой Смядынь. Это был княжеский замок типа Вышгорода и

---

[1] *И. М. Хозеров,* Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска («Краткие сообщения ИИМК», XI, 1945 г., стр. 20—26).

[2] «Историко-статистическое описание Смоленской епархии», СПБ 1864, стр. 222.

ления древнейшей Ладоги к восточным славянам несомненна.

На древность поселений в районе Ладоги указывают находки арабских монет VIII—IX вв. около древней Георгиевской церкви в крепости.

С установлением постоянных торговых и политических сношений Новгорода с Ростово-Суздальской землёй по верхнему течению Волги значение Ладоги сильно упало, так как открылись более близкие и безопасные пути на восток. Тем не менее Ладога долго оставалась крупнейшим городом на севере Новгородской земли. В Ладоге были построены каменные церкви и воздвигнут в 1116 г. каменный замок, заложенный ладожским посадником Павлом [1]. Большое значение Ладоги объясняет участие ладожан в решении важнейших политических вопросов, касавшихся Новгородской земли в целом, хотя замечается подчинённое положение Ладоги по отношению к Новгороду.

В торговом отношении Ладога имела значение перевалочного пункта, которое она сохраняла ещё в XIII в., когда в Ладоге находилась католическая церковь св. Николая. При ней надо предполагать существование двора для приезжих купцов, как это было в Новгороде. Из проекта договора Новгорода с Готландом XIII в. видно, что церковь была построена в давнее время, так как пользовалась «как и в старину», особыми отведёнными ей лугами. Повидимому, она находилась на Варяжской улице, упоминаемой в переписной книге Ладоги 1500 г. [2] Из той же переписной книги выясняется, что в Ладоге был посад с несколькими улицами и церквами. О существовании его известно уже по летописному рассказу о нападении шведов на Ладогу в 1164 г. [3]

Другой новгородский пригород — **Торжок**, или Новый Торг своё название получил от торга, ярмарки (торжка), образовавшегося на Тверце, на пути из Новгорода к Волге. По всей видимости, это был пункт, где новгородские купцы встречались с купцами из Владимиро-

---

[1] Новгород. лет., стр. 20.

[2] *Н. Е. Бранденбург*, Старая Ладога, стр. 50—51.

[3] «Придоша Свье (Свея) под Ладугу и пожьгоша ладожане хоромы своя, а сами затворишася в граде» (Новгород. лет., стр. 31). Как видно, речь идёт о сожжении посада, лежавшего вне города.

Суздальской Руси, и это значение Торжок сохранил даже после возникновения Твери. Путь по Мсте и Тверце, конечными пунктами которого с XIII в. были Новгород на северо-западе и Тверь на юго-востоке, быстро приобрёл большое значение по сравнению с менее удобными дорогами от Ильменя к верхнему течению Волги. Уже в 1147 г. новгородское войско ходило войной на Суздаль по новому пути и «воротишася на Новемь Търгу».

Местоположение Торжка оказалось очень выгодным, потому что рядом мелких рек он был соединён с озером Селигер и, таким образом, со старинным Селигерским путём, с одной стороны, с рекой Медведицей — с другой. Название «Торжок» появилось относительно поздно, и в древнейших известиях город носит ещё название Нового Торга, поэтому и жители его обычно именуются *новоторжцами*. Центральное и выгодное торговое положение Торжка выясняется из летописного известия 1196 г., по которому Ярослав Всеволодович был на княжении «на Торжку в своей волости, и дани поимал на всему Верху и на Мсте и за Волоком взял дань»[1]. Впрочем, в изучаемый период Торжок не получил ещё того крупного значения, которое он приобрёл в более позднее время.

В Торжке имелся укреплённый замок, способный выдержать длительную осаду, вокруг которого надо предполагать существование посада.

Земляной вал на Борисоглебской стороне города даёт представление о Кремле Торжка. По описаниям позднейшего времени, этот вал имел в вышину 6 сажен и простирался в длину на 150 сажен. С востока крепость примыкала к реке Тверце. В позднем житии Ефрема Новоторжского говорится, будто бы Ефрем был родом угрин, т. е. венгерец, и приходился родным братом Георгию, отроку Бориса, убитому на Альте. Ефрем принял монашество и построил Борисоглебский монастырь в Торжке (умер в 1058 г.). Сказочность жития Ефрема доказывается уже тем, что Борис и Глеб не были ещё канонизированы в 1058 г., когда Ефрем будто бы построил в их честь монастырь. Поэтому относить построение Торжка

---

[1] Новгород. лет., стр. 27, 43.

ления древнейшей Ладоги к восточным славянам несомненна.

На древность поселений в районе Ладоги указывают находки арабских монет VIII—IX вв. около древней Георгиевской церкви в крепости.

С установлением постоянных торговых и политических сношений Новгорода с Ростово-Суздальской землёй по верхнему течению Волги значение Ладоги сильно упало, так как открылись более близкие и безопасные пути на восток. Тем не менее Ладога долго оставалась крупнейшим городом на севере Новгородской земли. В Ладоге были построены каменные церкви и воздвигнут в 1116 г. каменный замок, заложенный ладожским посадником Павлом [1]. Большое значение Ладоги объясняет участие ладожан в решении важнейших политических вопросов, касавшихся Новгородской земли в целом, хотя замечается подчинённое положение Ладоги по отношению к Новгороду.

В торговом отношении Ладога имела значение перевалочного пункта, которое она сохраняла ещё в XIII в., когда в Ладоге находилась католическая церковь св. Николая. При ней надо предполагать существование двора для приезжих купцов, как это было в Новгороде. Из проекта договора Новгорода с Готландом XIII в. видно, что церковь была построена в давнее время, так как пользовалась «как и в старину», особыми отведёнными ей лугами. Повидимому, она находилась на Варяжской улице, упоминаемой в переписной книге Ладоги 1500 г. [2] Из той же переписной книги выясняется, что в Ладоге был посад с несколькими улицами и церквами. О существовании его известно уже по летописному рассказу о нападении шведов на Ладогу в 1164 г. [3]

Другой новгородский пригород — **Торжок**, или Новый Торг своё название получил от торга, ярмарки (торжка), образовавшегося на Тверце, на пути из Новгорода к Волге. По всей видимости, это был пункт, где новгородские купцы встречались с купцами из Владимиро-

---

[1] Новгород. лет., стр. 20.

[2] *Н. Е. Бранденбург*, Старая Ладога, стр. 50—51.

[3] «Придоша Свье (Свея) под Ладугу и пожьгоша ладожане хоромы своя, а сами затворишася в граде» (Новгород. лет., стр. 31). Как видно, речь идёт о сожжении посада, лежавшего вне города.

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий черноризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

---

[1] *И. П. Виноградов,* Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

направлявшийся из Мурома в Киев. Из Смоленска он предполагал направиться в Киев на корабле.

Смоленск принадлежал к числу древнейших русских городов и был известен уже Константину Багрянородному. Гнездовский могильник говорит нам о большом политическом и хозяйственном значении города в X в., после чего в развитии его происходит какая-то неясная для нас заминка. Отдельные известия XI в. указывают на относительно незначительное положение Смоленска среди других русских городов. В числе городов, розданных Владимиром Святославичем сыновьям, Смоленск не упоминается. В 1054 г., после смерти Ярослава Мудрого, Смоленск попадает в руки его сына Вячеслава, пятого по старшинству. Княжение Вячеслава продолжалось до 1057 г., после чего в Смоленске до 1060 г. сидит его брат Игорь. Обособлению Смоленского княжества, видимо, мешает не только случайное вымирание княжеских ветвей, на долю которых он достаётся, но и другие причины. В этом убеждает нас раздел Смоленска между тремя старшими Ярославичами, происшедший в 1060 г.: «Разделили Ярославичи Смоленск на три части» [1].

Политический подъём Смоленска начинается с конца XI в. В 1095 г. на смоленский стол садится один из черниговских князей — Давыд Святославич, а в следующем году активно выступают «смолняне», отказывающиеся принять Олега Святославича в свой город [2]. Таким образом, жители Смоленска уже самостоятельно действуют в годы княжеских усобиц.

Как видно, XI век был столетием, мало благоприятным для развития Смоленска. Объяснение этому можно видеть в том, что в это столетие происходит постепенное снижение торгового значения пути «из Варяг в Греки», которое приводит к запустению некоторых городских пунктов, лежавших по Днепру. Таковы Любеч и Витичев, упоминаемые Константином Багрянородным как крупные города. В конце XI в. холм Витичева был пустым. В XII столетии происходит постепенное запустение Пе-

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 109. Известие о разделе Смоленска в 1060 г. имеется в Тверской и Львовской летописях; в Воскресенской и Софийской оно отнесено к 1054 г., но по Повести временных лет (ч. 1, стр. 109) Смоленск в этом году достался Вячеславу.

[2] «И не прияша его смоляне» («Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 151)

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий черноризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

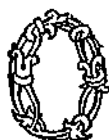
[1] *И. П. Виноградов,* Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

ПОЛОЦКАЯ ЗЕМЛЯ

Обширная Полоцкая земля охватывала большую часть современной Белоруссии и лежала в основном по Западной Двине, Неману и Березине с их притоками. Границы Полоцкой земли, показанные в Атласе Замысловского [1], сильно преуменьшены на западе. Владения полоцких князей доходили почти до Рижского залива, поблизости от которого на Западной Двине стояли города Герцике и Кукенойс, где княжили русские князья. Русское население жило также в районе Гродно (Городно), хотя неясно, относилась ли так называемая Чёрная Русь к Полоцкой или Волынской земле.

В отличие от Смоленской земли Полоцкое княжество насчитывало несколько относительно крупных городов, в том числе таких, как Витебск и Минск.

Центром земли был **Полоцк** — несомненно, один из древнейших русских городов, начало которого восходит к незапамятной древности. Название своё он получил от реки Полоты, впадающей в Западную Двину. Полоцк, или Полотеск, — город, стоящий на реке Полоте; словообразование, подобное Торопцу от реки Торопы, Витебску — от реки Видьбы и т. д.

Ранний рост и процветание города тесно связаны его удобным географическим положением. Полоцк

[1] *Е. Замысловский,* Учебный атлас по русской истории, табл. № 2.

направлявшийся из Мурома в Киев. Из Смоленска он предполагал направиться в Киев на корабле.

Смоленск принадлежал к числу древнейших русских городов и был известен уже Константину Багрянородному. Гнездовский могильник говорит нам о большом политическом и хозяйственном значении города в X в., после чего в развитии его происходит какая-то неясная для нас заминка. Отдельные известия XI в. указывают на относительно незначительное положение Смоленска среди других русских городов. В числе городов, розданных Владимиром Святославичем сыновьям, Смоленск не упоминается. В 1054 г., после смерти Ярослава Мудрого, Смоленск попадает в руки его сына Вячеслава, пятого по старшинству. Княжение Вячеслава продолжалось до 1057 г., после чего в Смоленске до 1060 г. сидит его брат Игорь. Обособлению Смоленского княжества, видимо, мешает не только случайное вымирание княжеских ветвей, на долю которых он достаётся, но и другие причины. В этом убеждает нас раздел Смоленска между тремя старшими Ярославичами, происшедший в 1060 г.: «Разделили Ярославичи Смоленск на три части» [1].

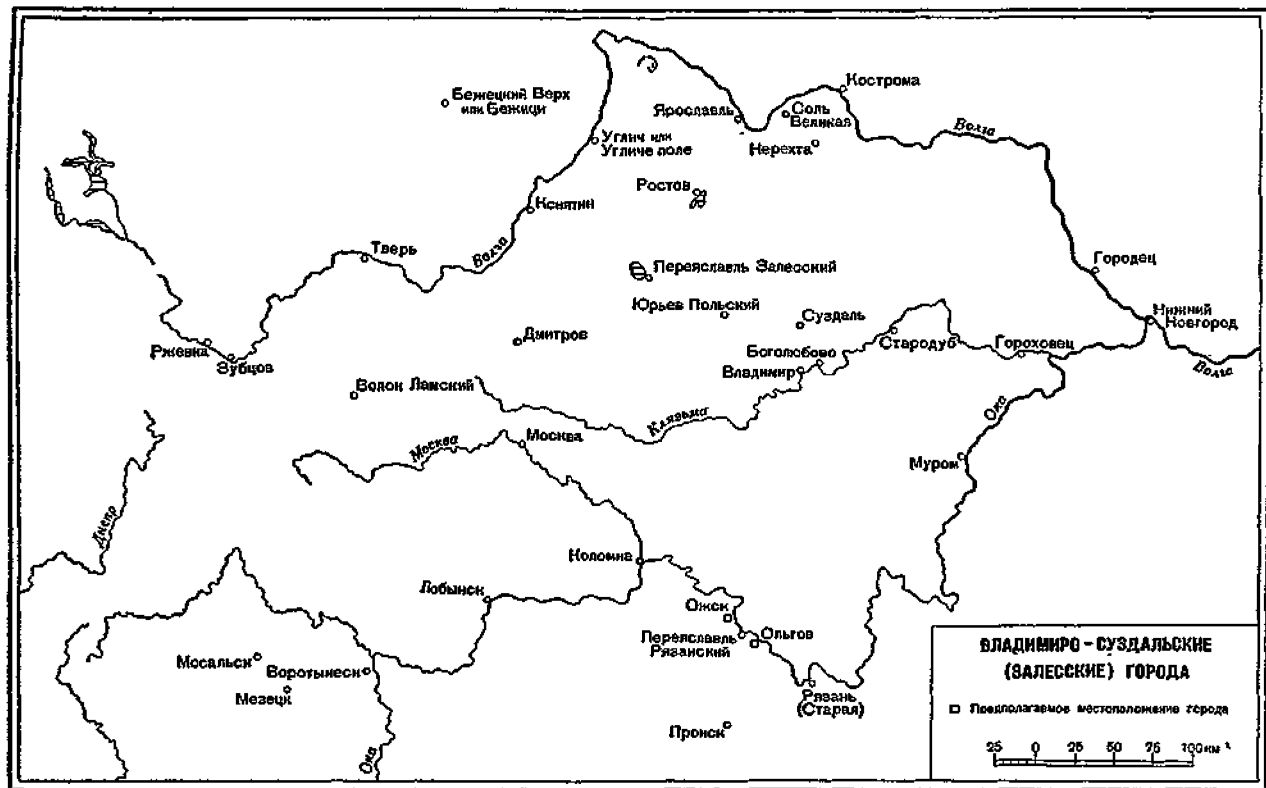
Политический подъём Смоленска начинается с конца XI в. В 1095 г. на смоленский стол садится один из черниговских князей — Давыд Святославич, а в следующем году активно выступают «смолняне», отказывающиеся принять Олега Святославича в свой город [2]. Таким образом, жители Смоленска уже самостоятельно действуют в годы княжеских усобиц.

Как видно, XI век был столетием, мало благоприятным для развития Смоленска. Объяснение этому можно видеть в том, что в это столетие происходит постепенное снижение торгового значения пути «из Варяг в Греки», которое приводит к запустению некоторых городских пунктов, лежавших по Днепру. Таковы Любеч и Витичев, упоминаемые Константином Багрянородным как крупные города. В конце XI в. холм Витичева был пустым. В XII столетии происходит постепенное запустение Пе-

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 109. Известие о разделе Смоленска в 1060 г. имеется в Тверской и Львовской летописях; в Воскресенской и Софийской оно отнесено к 1054 г., но по Повести временных лет (ч. 1, стр. 109) Смоленск в этом году достался Вячеславу.

[2] «И не прияша его смоляне» («Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 151)

Бежецкий Верх или Бежици
Кострома
Ярославль
Соль Великая
Волга
Углич или Угличе поле
Нерехта
Ростов
Кснятин
Тверь
Волга
Переяславль Залесский
Городец
Юрьев Польский
Суздаль
Нижний Новгород
Дмитров
Стародуб
Гороховец
Ржевка
Боголюбово
Зубцов
Владимир
Волга
Волок Ламский
Клязьма
Ока
Москва
Москва
Муром
Днепр
Коломна
Лобынск
Ожск
Переяславль Рязанский
Ольгов
Мосальск
Воротынеск
Мезецк
Рязань (Старая)
Пронск
Ока
ВЛАДИМИРО - СУЗДАЛЬСКИЕ (ЗАЛЕССКИЕ) ГОРОДА
Предполагаемое местоположение города
25 0 25 50 75 100 км

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий черноризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

---

[1] *И. П. Виноградов*, Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий черноризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

---

[1] *И. П. Виноградов,* Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий черноризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

---

[1] *И. П. Виноградов,* Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

направлявшийся из Мурома в Киев. Из Смоленска он предполагал направиться в Киев на корабле.

Смоленск принадлежал к числу древнейших русских городов и был известен уже Константину Багрянородному. Гнездовский могильник говорит нам о большом политическом и хозяйственном значении города в X в., после чего в развитии его происходит какая-то неясная для нас заминка. Отдельные известия XI в. указывают на относительно незначительное положение Смоленска среди других русских городов. В числе городов, розданных Владимиром Святославичем сыновьям, Смоленск не упоминается. В 1054 г., после смерти Ярослава Мудрого, Смоленск попадает в руки его сына Вячеслава, пятого по старшинству. Княжение Вячеслава продолжалось до 1057 г., после чего в Смоленске до 1060 г. сидит его брат Игорь. Обособлению Смоленского княжества, видимо, мешает не только случайное вымирание княжеских ветвей, на долю которых он достаётся, но и другие причины. В этом убеждает нас раздел Смоленска между тремя старшими Ярославичами, происшедший в 1060 г.: «Разделили Ярославичи Смоленск на три части» [1].

Политический подъём Смоленска начинается с конца XI в. В 1095 г. на смоленский стол садится один из черниговских князей — Давыд Святославич, а в следующем году активно выступают «смолняне», отказывающиеся принять Олега Святославича в свой город [2]. Таким образом, жители Смоленска уже самостоятельно действуют в годы княжеских усобиц.

Как видно, XI век был столетием, мало благоприятным для развития Смоленска. Объяснение этому можно видеть в том, что в это столетие происходит постепенное снижение торгового значения пути «из Варяг в Греки», которое приводит к запустению некоторых городских пунктов, лежавших по Днепру. Таковы Любеч и Витичев, упоминаемые Константином Багрянородным как крупные города. В конце XI в. холм Витичева был пустым. В XII столетии происходит постепенное запустение Пе-

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 109. Известие о разделе Смоленска в 1060 г. имеется в Тверской и Львовской летописях; в Воскресенской и Софийской оно отнесено к 1064 г., но по Повести временных лет (ч. 1, стр. 109) Смоленск в этом году достался Вячеславу.

[2] «И не прияша его смоляне» («Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 151)

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий черноризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

---

[1] *И. П. Виноградов*, Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

крупного бутового камня, выровненного по всему периметру двумя рядами плиткообразного кирпича»[1]. Это новое здание не простояло и сотни лет; в 1222 г. суздальский собор уже падал «старостью и безнарядьем».

Здесь мы как бы присутствуем при рождении каменного строительства во Владимиро-Суздальской земле. Суздальские мастера искали новые строительные способы, но не сумели ещё применить их к обширным зданиям. Перестройка собора в 1222—1225 гг. обнаруживает возросшее мастерство строителей, умело использовавших остатки собора 1148 г.

О развитии строительного дела в Суздале говорит и летописное известие 1233 г. о замощении собора красивым разноцветным мрамором[2]. «От этого убранства при раскопках найдены обломки майоликовых плиток (жёлтого, зелёного, тёмнокрасного и чёрного цвета) иногда со знаками мастеров на обороте»[3].

К концу XII в. строительное дело в Суздале достигло таких успехов, что при епископе Иоанне смогли капитально отремонтировать собор Рождества Богородицы при помощи только местных мастеров. «И покрыта была оловом от верху до закомар и до притворов; и то чуду подобно, молитвою святой богородицы и его верою, а что не искал он мастеров у немцев, но нашел мастеров из слуг святой богородицы и своих, одних олово лить, иных крыть, иных известью белить».

Замечание о чудоподобном явлении, что не обращались к немцам, вызвало целую бурю в исторической литературе как доказательство неуменья русских строить и украшать каменные здания. Между тем перед нами типичный литературный приём для возвышения действий епископа Иоанна, применённый одним из клириков, — «отверзены ему были от бога очи сердечные на церковную вещь, чтобы заботиться о церковных вещах и о клириках»[4]. Упоминание о немцах имеет определённую направленность, понятную в устах суздальского клиро-

---

[1] *А. Д. Варганов,* К архитектурной истории суздальского собора («Краткие сообщения ИИМК», XI, стр. 99—106).

[2] «Измощена моромором красным разноличным» (Лаврент. лет., стр. 437).

[3] См. *А. Д. Варганов,* К архитектурной истории суздальского собора («Краткие сообщения ИИМК», XI, стр. 104).

[4] Лаврент. лет., стр. 390—391.

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий черноризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

---

[1] *И. П. Виноградов,* Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий черноризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

---

[1] *И. П. Виноградов*, Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

направлявшийся из Мурома в Киев. Из Смоленска он предполагал направиться в Киев на корабле.

Смоленск принадлежал к числу древнейших русских городов и был известен уже Константину Багрянородному. Гнездовский могильник говорит нам о большом политическом и хозяйственном значении города в X в., после чего в развитии его происходит какая-то неясная для нас заминка. Отдельные известия XI в. указывают на относительно незначительное положение Смоленска среди других русских городов. В числе городов, розданных Владимиром Святославичем сыновьям, Смоленск не упоминается. В 1054 г., после смерти Ярослава Мудрого, Смоленск попадает в руки его сына Вячеслава, пятого по старшинству. Княжение Вячеслава продолжалось до 1057 г., после чего в Смоленске до 1060 г. сидит его брат Игорь. Обособлению Смоленского княжества, видимо, мешает не только случайное вымирание княжеских ветвей, на долю которых он достаётся, но и другие причины. В этом убеждает нас раздел Смоленска между тремя старшими Ярославичами, происшедший в 1060 г.: «Разделили Ярославичи Смоленск на три части» [1].

Политический подъём Смоленска начинается с конца XI в. В 1095 г. на смоленский стол садится один из черниговских князей — Давыд Святославич, а в следующем году активно выступают «смолняне», отказывающиеся принять Олега Святославича в свой город [2]. Таким образом, жители Смоленска уже самостоятельно действуют в годы княжеских усобиц.

Как видно, XI век был столетием, мало благоприятным для развития Смоленска. Объяснение этому можно видеть в том, что в это столетие происходит постепенное снижение торгового значения пути «из Варяг в Греки», которое приводит к запустению некоторых городских пунктов, лежавших по Днепру. Таковы Любеч и Витичев, упоминаемые Константином Багрянородным как крупные города. В конце XI в. холм Витичева был пустым. В XII столетии происходит постепенное запустение Пе-

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 109. Известие о разделе Смоленска в 1060 г. имеется в Тверской и Львовской летописях; в Воскресенской и Софийской оно отнесено к 1054 г., но по Повести временных лет (ч. 1, стр. 109) Смоленск в этом году достался Вячеславу.

[2] «И не прияша его смоляне» («Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 151)

церкви на речке Рачевке найдены пилястры романского характера, но знаки на кирпичах этой постройки аналогичны знакам на кирпичах Свирской церкви. Этот факт говорит о связях смоленской архитектуры с романской, однако нельзя видеть в ней «восприятие смоленскими мастерами опыта романских зодчих»[1]. Отличающийся прекрасными качествами смоленский кирпич выделывался в Смоленске, где найдена печь для обжига кирпича XII—XIII вв.

Повидимому, крепость (или собственно «город») уже в XI—XII вв. помещалась на Соборной горе, где Владимир Мономах построил собор Богородицы. В строительстве городов Мономахом проявляются некоторые общие черты. Для города было выбрано высокое место, как и во Владимире-на-Клязьме, но в некотором отдалении от реки. О размерах древнего Смоленска можно судить по тому обстоятельству, что в позднейшее время в городской стене, обращённой к церкви Иоанна Богослова на посаде, находим Пятницкую башню и Пятницкие ворота. Здесь протекал Пятницкий ручей, известный под таким названием ещё в середине XIX в. Это и было место Пятницкого конца. «Саженях в 50» от церкви Иоанна Богослова была найдена стена «толщиною более двух аршин», а при ней несколько черепов, что заставляет предполагать существование в этом месте церкви[2]. Пятницкая церковь и дала название концу. Она, как и другие церкви того же наименования, обычно стояла на торговой площади на посаде, вне городских укреплений.

Судя по расположению церквей, население Смоленска жило разбросанно, причём занимало не только нагорную часть города, но и приречные районы. По словам Голубовского, «город разделялся на Гору и на Подолие», о котором упоминается в житии Меркурия Смоленского. Место Смоленского подола неизвестно; возможно, он находился на правом берегу Днепра, где сохранилась древняя Петропавловская церковь.

Особую часть Смоленска представляла собой Смядынь. Это был княжеский замок типа Вышгорода и

---

[1] *И. М. Хозеров,* Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска («Краткие сообщения ИИМК», XI, 1945 г., стр. 20—26).

[2] «Историко-статистическое описание Смоленской епархии», СПБ 1864, стр. 222.

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий черноризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

---

[1] *И. П. Виноградов,* Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий черноризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

---

[1] *И. П. Виноградов*, Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий черноризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

---

[1] *И. П. Виноградов,* Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий черноризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

---

[1] *И. П. Виноградов*, Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий черноризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

---

[1] *И. П. Виноградов,* Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

ширные торговые связи: на западе до Германии, на востоке до Средней Азии и Армении. Однако наблюдения М. Г. Рабиновича основаны на ряде произвольных допущений. Разве находка диргемов в том или ином месте обязательно свидетельствует о непосредственной связи этого места со Средней Азией? Ведь это следы торгового движения в районе Верхнего Поволжья. Диргемы могли совершить сложный и долгий путь раньше, чем попасть в Москву. То же самое можно сказать о пломбе, которую Рабинович точно датирует концом XI в., хотя надпись на пломбе прочитать не удалось. Позволительно сомневаться в том, что груз с пломбой прямым трактом был доставлен, скажем, из Кёльна в Москву в конце XI в.[1] Удивляет также и то обстоятельство, что почти все находки в Зарядье датируются Рабиновичем X—XI вв.; к XII в. отнесена только сапожная мастерская, а находок XIII в., видимо, не было сделано вовсе. Выходит, что Москва была более богатой в X—XI вв., а в XII—XIII столетиях наступил какой-то необъяснимый регресс. Датировка археологических памятников в данном случае требует уточнения.

М. Г. Рабинович много сделал для изучения древней Москвы, но напрасно оторвал понятие «посада» от города; ведь посад — это только городской квартал, где жили ремесленники и торговцы. Без крепости, «города», посад в XII столетии не мог существовать, а все свидетельства, как летописи, так и сказания, единогласно указывают на Юрия Долгорукого, как на основателя города Москвы, хотя это вовсе не значит, что в районе Москвы до этого не было поселений и даже укреплённых городков.

Тем не менее раскопки в Зарядье проливают новый свет на историю Москвы с тем только условием, что «ремесленный посад, где было развито металлургическое, литейно-ювелирное и кожевенно-сапожное производство», надо передвинуть в XII—XIII вв. Летописное известие о разорении Москвы татаро-монголами в 1237 году говорит о ней, как о богатом и цветущем городе[2]. При всех условиях, находки М. Г. Рабиновича заставляют пересмотреть взгляд на Москву, как на захудалый древнерусский город.

---

[1] *М. Г. Рабинович*, Раскопки в Москве в 1950 году («Краткие сообщения ИИМК», XLIV, стр. 116—124).

[2] См. *М. Н. Тихомиров*, Древняя Москва, М. 1947.

церкви на речке Рачевке найдены пилястры романского характера, но знаки на кирпичах этой постройки аналогичны знакам на кирпичах Свирской церкви. Этот факт говорит о связях смоленской архитектуры с романской, однако нельзя видеть в ней «восприятие смоленскими мастерами опыта романских зодчих» [1]. Отличающийся прекрасными качествами смоленский кирпич выделывался в Смоленске, где найдена печь для обжига кирпича XII—XIII вв.

Повидимому, крепость (или собственно «город») уже в XI—XII вв. помещалась на Соборной горе, где Владимир Мономах построил собор Богородицы. В строительстве городов Мономахом проявляются некоторые общие черты. Для города было выбрано высокое место, как и во Владимире-на-Клязьме, но в некотором отдалении от реки. О размерах древнего Смоленска можно судить по тому обстоятельству, что в позднейшее время в городской стене, обращённой к церкви Иоанна Богослова на посаде, находим Пятницкую башню и Пятницкие ворота. Здесь протекал Пятницкий ручей, известный под таким названием ещё в середине XIX в. Это и было место Пятницкого конца. «Саженях в 50» от церкви Иоанна Богослова была найдена стена «толщиною более двух аршин», а при ней несколько черепов, что заставляет предполагать существование в этом месте церкви [2]. Пятницкая церковь и дала название концу. Она, как и другие церкви того же наименования, обычно стояла на торговой площади на посаде, вне городских укреплений.

Судя по расположению церквей, население Смоленска жило разбросанно, причём занимало не только нагорную часть города, но и приречные районы. По словам Голубовского, «город разделялся на Гору и на Подолие», о котором упоминается в житии Меркурия Смоленского. Место Смоленского подола неизвестно; возможно, он находился на правом берегу Днепра, где сохранилась древняя Петропавловская церковь.

Особую часть Смоленска представляла собой Смядынь. Это был княжеский замок типа Вышгорода и

---

[1] *И. М. Хозеров,* Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска («Краткие сообщения ИИМК», XI, 1945 г., стр. 20—26).

[2] «Историко-статистическое описание Смоленской епархии», СПБ 1864, стр. 222.

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий черноризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

---

[1] *И. П. Виноградов*, Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

церкви на речке Рачевке найдены пилястры романского характера, но знаки на кирпичах этой постройки аналогичны знакам на кирпичах Свирской церкви. Этот факт говорит о связях смоленской архитектуры с романской, однако нельзя видеть в ней «восприятие смоленскими мастерами опыта романских зодчих»[1]. Отличающийся прекрасными качествами смоленский кирпич выделывался в Смоленске, где найдена печь для обжига кирпича XII—XIII вв.

Повидимому, крепость (или собственно «город») уже в XI—XII вв. помещалась на Соборной горе, где Владимир Мономах построил собор Богородицы. В строительстве городов Мономахом проявляются некоторые общие черты. Для города было выбрано высокое место, как и во Владимире-на-Клязьме, но в некотором отдалении от реки. О размерах древнего Смоленска можно судить по тому обстоятельству, что в позднейшее время в городской стене, обращённой к церкви Иоанна Богослова на посаде, находим Пятницкую башню и Пятницкие ворота. Здесь протекал Пятницкий ручей, известный под таким названием ещё в середине XIX в. Это и было место Пятницкого конца. «Саженях в 50» от церкви Иоанна Богослова была найдена стена «толщиною более двух аршин», а при ней несколько черепов, что заставляет предполагать существование в этом месте церкви[2]. Пятницкая церковь и дала название концу. Она, как и другие церкви того же наименования, обычно стояла на торговой площади на посаде, вне городских укреплений.

Судя по расположению церквей, население Смоленска жило разбросанно, причём занимало не только нагорную часть города, но и приречные районы. По словам Голубовского, «город разделялся на Гору и на Подолие», о котором упоминается в житии Меркурия Смоленского. Место Смоленского подола неизвестно; возможно, он находился на правом берегу Днепра, где сохранилась древняя Петропавловская церковь.

Особую часть Смоленска представляла собой Смядынь. Это был княжеский замок типа Вышгорода и

---

[1] *И. М. Хозеров,* Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска («Краткие сообщения ИИМК», XI, 1945 г., стр. 20—26).

[2] «Историко-статистическое описание Смоленской епархии», СПБ 1864, стр. 222.

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий черноризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

---

[1] *И. П. Виноградов,* Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий черноризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

---

[1] *И. П. Виноградов,* Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

направлявшийся из Мурома в Киев. Из Смоленска он предполагал направиться в Киев на корабле.

Смоленск принадлежал к числу древнейших русских городов и был известен уже Константину Багрянородному. Гнездовский могильник говорит нам о большом политическом и хозяйственном значении города в X в., после чего в развитии его происходит какая-то неясная для нас заминка. Отдельные известия XI в. указывают на относительно незначительное положение Смоленска среди других русских городов. В числе городов, розданных Владимиром Святославичем сыновьям, Смоленск не упоминается. В 1054 г., после смерти Ярослава Мудрого, Смоленск попадает в руки его сына Вячеслава, пятого по старшинству. Княжение Вячеслава продолжалось до 1057 г., после чего в Смоленске до 1060 г. сидит его брат Игорь. Обособлению Смоленского княжества, видимо, мешает не только случайное вымирание княжеских ветвей, на долю которых он достаётся, но и другие причины. В этом убеждает нас раздел Смоленска между тремя старшими Ярославичами, происшедший в 1060 г.: «Разделили Ярославичи Смоленск на три части» [1].

Политический подъём Смоленска начинается с конца XI в. В 1095 г. на смоленский стол садится один из черниговских князей — Давыд Святославич, а в следующем году активно выступают «смолняне», отказывающиеся принять Олега Святославича в свой город [2]. Таким образом, жители Смоленска уже самостоятельно действуют в годы княжеских усобиц.

Как видно, XI век был столетием, мало благоприятным для развития Смоленска. Объяснение этому можно видеть в том, что в это столетие происходит постепенное снижение торгового значения пути «из Варяг в Греки», которое приводит к запустению некоторых городских пунктов, лежавших по Днепру. Таковы Любеч и Витичев, упоминаемые Константином Багрянородным как крупные города. В конце XI в. холм Витичева был пустым. В XII столетии происходит постепенное запустение Пе-

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 109. Известие о разделе Смоленска в 1060 г. имеется в Тверской и Львовской летописях; в Воскресенской и Софийской оно отнесено к 1054 г., но по Повести временных лет (ч. 1, стр. 109) Смоленск в этом году достался Вячеславу.

[2] «И не прияша его смоляне» («Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 151)

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий черноризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

---

[1] *И. П. Виноградов*, Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

направлявшийся из Мурома в Киев. Из Смоленска он предполагал направиться в Киев на корабле.

Смоленск принадлежал к числу древнейших русских городов и был известен уже Константину Багрянородному. Гнездовский могильник говорит нам о большом политическом и хозяйственном значении города в X в., после чего в развитии его происходит какая-то неясная для нас заминка. Отдельные известия XI в. указывают на относительно незначительное положение Смоленска среди других русских городов. В числе городов, розданных Владимиром Святославичем сыновьям, Смоленск не упоминается. В 1054 г., после смерти Ярослава Мудрого, Смоленск попадает в руки его сына Вячеслава, пятого по старшинству. Княжение Вячеслава продолжалось до 1057 г., после чего в Смоленске до 1060 г. сидит его брат Игорь. Обособлению Смоленского княжества, видимо, мешает не только случайное вымирание княжеских ветвей, на долю которых он достаётся, но и другие причины. В этом убеждает нас раздел Смоленска между тремя старшими Ярославичами, происшедший в 1060 г.: «Разделили Ярославичи Смоленск на три части» [1].

Политический подъём Смоленска начинается с конца XI в. В 1095 г. на смоленский стол садится один из черниговских князей — Давыд Святославич, а в следующем году активно выступают «смолняне», отказывающиеся принять Олега Святославича в свой город [2]. Таким образом, жители Смоленска уже самостоятельно действуют в годы княжеских усобиц.

Как видно, XI век был столетием, мало благоприятным для развития Смоленска. Объяснение этому можно видеть в том, что в это столетие происходит постепенное снижение торгового значения пути «из Варяг в Греки», которое приводит к запустению некоторых городских пунктов, лежавших по Днепру. Таковы Любеч и Витичев, упоминаемые Константином Багрянородным как крупные города. В конце XI в. холм Витичева был пустым. В XII столетии происходит постепенное запустение Пе-

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 109. Известие о разделе Смоленска в 1060 г. имеется в Тверской и Львовской летописях; в Воскресенской и Софийской оно отнесено к 1064 г., но по Повести временных лет (ч. 1, стр. 109) Смоленск в этом году достался Вячеславу.

[2] «И не прияша его смоляне» («Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 151)

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий черноризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

[1] *И. П. Виноградов,* Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

направлявшийся из Мурома в Киев. Из Смоленска он предполагал направиться в Киев на корабле.

Смоленск принадлежал к числу древнейших русских городов и был известен уже Константину Багрянородному. Гнездовский могильник говорит нам о большом политическом и хозяйственном значении города в X в., после чего в развитии его происходит какая-то неясная для нас заминка. Отдельные известия XI в. указывают на относительно незначительное положение Смоленска среди других русских городов. В числе городов, розданных Владимиром Святославичем сыновьям, Смоленск не упоминается. В 1054 г., после смерти Ярослава Мудрого, Смоленск попадает в руки его сына Вячеслава, пятого по старшинству. Княжение Вячеслава продолжалось до 1057 г., после чего в Смоленске до 1060 г. сидит его брат Игорь. Обособлению Смоленского княжества, видимо, мешает не только случайное вымирание княжеских ветвей, на долю которых он достаётся, но и другие причины. В этом убеждает нас раздел Смоленска между тремя старшими Ярославичами, происшедший в 1060 г.: «Разделили Ярославичи Смоленск на три части» [1].

Политический подъём Смоленска начинается с конца XI в. В 1095 г. на смоленский стол садится один из черниговских князей — Давыд Святославич, а в следующем году активно выступают «смолняне», отказывающиеся принять Олега Святославича в свой город [2]. Таким образом, жители Смоленска уже самостоятельно действуют в годы княжеских усобиц.

Как видно, XI век был столетием, мало благоприятным для развития Смоленска. Объяснение этому можно видеть в том, что в это столетие происходит постепенное снижение торгового значения пути «из Варяг в Греки», которое приводит к запустению некоторых городских пунктов, лежавших по Днепру. Таковы Любеч и Витичев, упоминаемые Константином Багрянородным как крупные города. В конце XI в. холм Витичева был пустым. В XII столетии происходит постепенное запустение Пе-

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 109. Известие о разделе Смоленска в 1060 г. имеется в Тверской и Львовской летописях; в Воскресенской и Софийской оно отнесено к 1064 г., но по Повести временных лет (ч. 1, стр. 109) Смоленск в этом году достался Вячеславу.

[2] «И не прияша его смоляне» («Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 151)

направлявшийся из Мурома в Киев. Из Смоленска он предполагал направиться в Киев на корабле.

Смоленск принадлежал к числу древнейших русских городов и был известен уже Константину Багрянородному. Гнездовский могильник говорит нам о большом политическом и хозяйственном значении города в X в., после чего в развитии его происходит какая-то неясная для нас заминка. Отдельные известия XI в. указывают на относительно незначительное положение Смоленска среди других русских городов. В числе городов, розданных Владимиром Святославичем сыновьям, Смоленск не упоминается. В 1054 г., после смерти Ярослава Мудрого, Смоленск попадает в руки его сына Вячеслава, пятого по старшинству. Княжение Вячеслава продолжалось до 1057 г., после чего в Смоленске до 1060 г. сидит его брат Игорь. Обособлению Смоленского княжества, видимо, мешает не только случайное вымирание княжеских ветвей, на долю которых он достаётся, но и другие причины. В этом убеждает нас раздел Смоленска между тремя старшими Ярославичами, происшедший в 1060 г.: «Разделили Ярославичи Смоленск на три части» [1].

Политический подъём Смоленска начинается с конца XI в. В 1095 г. на смоленский стол садится один из черниговских князей — Давыд Святославич, а в следующем году активно выступают «смолняне», отказывающиеся принять Олега Святославича в свой город [2]. Таким образом, жители Смоленска уже самостоятельно действуют в годы княжеских усобиц.

Как видно, XI век был столетием, мало благоприятным для развития Смоленска. Объяснение этому можно видеть в том, что в это столетие происходит постепенное снижение торгового значения пути «из Варяг в Греки», которое приводит к запустению некоторых городских пунктов, лежавших по Днепру. Таковы Любеч и Витичев, упоминаемые Константином Багрянородным как крупные города. В конце XI в. холм Витичева был пустым. В XII столетии происходит постепенное запустение Пе-

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 109. Известие о разделе Смоленска в 1060 г. имеется в Тверской и Львовской летописях; в Воскресенской и Софийской оно отнесено к 1054 г., но по Повести временных лет (ч. 1, стр. 109) Смоленск в этом году достался Вячеславу.

[2] «И не прияша его смоляне» («Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 151)

церкви на речке Рачевке найдены пилястры романского характера, но знаки на кирпичах этой постройки аналогичны знакам на кирпичах Свирской церкви. Этот факт говорит о связях смоленской архитектуры с романской, однако нельзя видеть в ней «восприятие смоленскими мастерами опыта романских зодчих» [1]. Отличающийся прекрасными качествами смоленский кирпич выделывался в Смоленске, где найдена печь для обжига кирпича XII—XIII вв.

Повидимому, крепость (или собственно «город») уже в XI—XII вв. помещалась на Соборной горе, где Владимир Мономах построил собор Богородицы. В строительстве городов Мономахом проявляются некоторые общие черты. Для города было выбрано высокое место, как и во Владимире-на-Клязьме, но в некотором отдалении от реки. О размерах древнего Смоленска можно судить по тому обстоятельству, что в позднейшее время в городской стене, обращённой к церкви Иоанна Богослова на посаде, находим Пятницкую башню и Пятницкие ворота. Здесь протекал Пятницкий ручей, известный под таким названием ещё в середине XIX в. Это и было место Пятницкого конца. «Саженях в 50» от церкви Иоанна Богослова была найдена стена «толщиною более двух аршин», а при ней несколько черепов, что заставляет предполагать существование в этом месте церкви [2]. Пятницкая церковь и дала название концу. Она, как и другие церкви того же наименования, обычно стояла на торговой площади на посаде, вне городских укреплений.

Судя по расположению церквей, население Смоленска жило разбросанно, причём занимало не только нагорную часть города, но и приречные районы. По словам Голубовского, «город разделялся на Гору и на Подолие», о котором упоминается в житии Меркурия Смоленского. Место Смоленского подола неизвестно; возможно, он находился на правом берегу Днепра, где сохранилась древняя Петропавловская церковь.

Особую часть Смоленска представляла собой Смядынь. Это был княжеский замок типа Вышгорода и

---

[1] *И. М. Хозеров,* Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска («Краткие сообщения ИИМК», XI, 1945 г., стр. 20—26).

[2] «Историко-статистическое описание Смоленской епархии», СПБ 1864, стр. 222.

направлявшийся из Мурома в Киев. Из Смоленска он предполагал направиться в Киев на корабле.

Смоленск принадлежал к числу древнейших русских городов и был известен уже Константину Багрянородному. Гнездовский могильник говорит нам о большом политическом и хозяйственном значении города в X в., после чего в развитии его происходит какая-то неясная для нас заминка. Отдельные известия XI в. указывают на относительно незначительное положение Смоленска среди других русских городов. В числе городов, розданных Владимиром Святославичем сыновьям, Смоленск не упоминается. В 1054 г., после смерти Ярослава Мудрого, Смоленск попадает в руки его сына Вячеслава, пятого по старшинству. Княжение Вячеслава продолжалось до 1057 г., после чего в Смоленске до 1060 г. сидит его брат Игорь. Обособлению Смоленского княжества, видимо, мешает не только случайное вымирание княжеских ветвей, на долю которых он достаётся, но и другие причины. В этом убеждает нас раздел Смоленска между тремя старшими Ярославичами, происшедший в 1060 г.: «Разделили Ярославичи Смоленск на три части» [1].

Политический подъём Смоленска начинается с конца XI в. В 1095 г. на смоленский стол садится один из черниговских князей — Давыд Святославич, а в следующем году активно выступают «смолняне», отказывающиеся принять Олега Святославича в свой город [2]. Таким образом, жители Смоленска уже самостоятельно действуют в годы княжеских усобиц.

Как видно, XI век был столетием, мало благоприятным для развития Смоленска. Объяснение этому можно видеть в том, что в это столетие происходит постепенное снижение торгового значения пути «из Варяг в Греки», которое приводит к запустению некоторых городских пунктов, лежавших по Днепру. Таковы Любеч и Витичев, упоминаемые Константином Багрянородным как крупные города. В конце XI в. холм Витичева был пустым. В XII столетии происходит постепенное запустение Пе-

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 109. Известие о разделе Смоленска в 1060 г. имеется в Тверской и Львовской летописях; в Воскресенской и Софийской оно отнесено к 1054 г., но по Повести временных лет (ч. 1, стр. 109) Смоленск в этом году достался Вячеславу.

[2] «И не прияша его смоляне» («Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 151)

что в 1102 г. «Борис Всеславич Полоцкий ходил на ятвяг и победя их возвратясь поставил град Борисов во свое имя и людьми населил»[1]. Подобное происхождение города вполне вероятно, тем более что поздние западнорусские летописи также сообщают, что князь Борис построил «во свое имя» город Борисов на реке Березине, впрочем путая полоцких князей с литовскими[2].

Некоторое значение имел **Логожск**, стоящий на реке Гайне, близко подходящей к верховьям рек бассейна Вилии. Логожск и «логожане» впервые упомянуты в 1128 г., о них говорит и Владимир Мономах. Своё название Логожск, повидимому, получил от слова «лог» — долина, так как лежит в долине среди возвышенностей[3].

Одним из древнейших городов Минской округи был **Изяславль**. По летописному сказанию, он был построен Владимиром Святославичем, который назвал его в честь своего сына Изяслава, родоначальника полоцких князей, Изяславлем[4]. Город стоит в верховьях реки Свислочь, которая, как мы выше видели, выводила к бассейну Вилии. О судьбах этого города известно очень мало, если отвлечься от легенд и домыслов о крупном значении Изяславля в XI в.[5] Вполне достоверное сведение об Изяславле находим под 1127 г. по случаю войны Мстислава Владимировича с полоцкими князьями. В Изяславле в это время, несомненно, был укреплённый замок[6]. Под городом указывают озеро, будто бы носившее название Рогнедь, а также валы. Церковь Спаса Преображения считается построенной на месте монастыря Рогнеды, в крещении Анастасии, — предание, может быть, и вероятное, так как соборные храмы древних городов нередко получали наименование в честь Спаса Преображения. Впрочем, где легенда и где истина в рассказах о древностях Изяславля, отличить почти нельзя. Археологические раскопки А. Н. Лявданского установили позднейшее (не ранее XV в.) происхождение валов Изя-

---

[1] Ипат. лет., стр. 210; см. *В. Н. Татищев,* История Российская, кн. 2, М. 1773, стр. 199.

[2] ПСРЛ, т. XVII, стр. 479.

[3] Ипат. лет., стр. 210; Лаврент. лет., стр. 239; *В. П. Семёнов,* Россия, т. IX, стр. 410.

[4] Лаврент. лет., стр. 285.

[5] *В. П. Семёнов,* Россия, т. IX, стр. 516; здесь передаются легендарные сведения о могиле Рогнеды и пр.

[6] Лаврент. лет., стр. 283.

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий чернеризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

---

[1] *И. П. Виноградов,* Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

ГЛАВА 9

РЯЗАНСКАЯ ЗЕМЛЯ

По списку русских городов конца XIV — начала XV в. в Рязанской земле насчитывалось значительное число городских поселений, но все эти населённые места были, повидимому, просто укреплёнными пунктами с незначительным городским населением [1]. Во всей Рязанской земле можно указать 4 города с более или менее многочисленным населением — Рязань, Муром, Пронск и, может быть, Переяславль Рязанский.

Рязань, называемая теперь Старой Рязанью, стояла на возвышенном правом берегу Оки, несколько ниже впадения в неё реки Прони. Впервые Рязань упоминается под 1096 г. по случаю войны Олега Святославича с Владимиром Мономахом, но, несомненно, она существовала ранее [2]. Д. И. Иловайский производил название города от местного слова «ряса», обозначавшего топкое, несколько болотистое место [3]. Но этот домысел нельзя назвать удачным. Гораздо вероятнее название «Рязань» искать в корнях мордовских слов и сближать его с племенным названием мордвы — «эрзя».

В источниках Рязань появляется поздно, только с 1096 г., но с этого времени Рязань и рязанцы уже не сходят со страниц летописи. Рязанцы и рязанские князья

---

[1] *М. Н. Тихомиров,* «Список русских городов дальних и ближних» («Исторические Записки» № 40, 1952, стр. 214—259).

[2] Лаврент. лет., стр. 223.

[3] *Д. Иловайский,* История Рязанского княжества, М. 1858, стр. 23.

ведут постоянную борьбу с великими князьями владимирскими за преобладание в Северо-Восточной Руси. К сожалению, характер известий о Рязани таков, что мы с трудом можем из них извлечь сведения о самом городе, кое-как пополняемые только с помощью археологии.

Рязанская земля по течению Оки и Прони была населена в XII—XIII вв. довольно густо, как об этом можно судить по указаниям на отдельные поселения в этом районе. Верховья Прони близко подходили к верхнему течению Дона. Рязань как бы замыкала собой один из караванных путей от междуречья Волги и Оки к берегам Азовского моря. Роскошные заливные луга, река, богатая рыбой, плодородная почва создавали здесь особые условия для роста города.

Крупнейшим рязанским городом была **Старая Рязань.**

Остатки древнего вала сохранились в Старой Рязани до настоящего времени. Вал окружал город с трёх сторон, с четвёртой Рязань была прикрыта природной крутизной речного берега. Город по размерам занятой площади выделялся из числа обыкновенных укреплённых замков.

А. Л. Монгайт, наиболее полно исследовавший за последнее время топографию Старой Рязани, так описывает её городище: «Старорязанское городище, в настоящее время представляющее собой распаханное поле, с южной и восточной сторон обнесено валом и глубоким рвом. Северная сторона городища упирается в овраг, по дну которого протекает ручей Серебрянка, впадающий в Оку. Южная сторона городища частично примыкает к правому берегу Чёрной речки, а западная омывается Окой. Вал отделяет от поля территорию древнего города, по площади равную 48 гектарам, в плане близкую к четырёхугольнику» [1].

Важной особенностью Староярязанского городища является наличие на нём возвышенной северной части, холма, отделённого от остального городища оврагом, размытым на месте рва. Монгайт предполагает, что здесь и возникло древнейшее славянское поселение X в., которое потом распространилось на всю территорию, отделённую теперь внутренним валом. В XI столетии тут

---

[1] *А. Л. Монгайт,* Топография Старой Рязани («Краткие сообщения ИИМК», XLIV, стр. 104—115).

находился Кремль Старой Рязани. В XII в. Рязань была окружена обширными валами; князь и бояре переселились в более удобную южную часть города, в район Успенского и Борисоглебского соборов.

Схема, предложенная А. Л. Монгайтом, заслуживает ещё дальнейшей проверки, но очень вероятна. В частности, она находит аналогию в топографии древнего Киева, где первоначальный город сосредоточивался в районе Десятинной церкви, а позже передвинулся к Софийскому собору. Сомнительно, впрочем, чтобы валы окружали все кварталы города, так как некоторые ремесленные производства требуют большого количества воды и обычно располагались на низменных речных берегах. Как далеко шли ремесленные слободы Старой Рязани, сказать невозможно, ибо в позднейшее время город потерял своё прежнее значение и память об его прежней топографии стёрлась. Во всяком случае, остатки их надо искать поблизости от городка, может быть в районе современного села Старая Рязань.

В городе стояли каменные Успенский и Борисоглебский соборы. В крестчатом плане Борисоглебского собора некоторые исследователи видят несомненное влияние кавказской архитектуры XII в., как и в церкви Ольгова городка при впадении Прони в Оку[1]. Это наблюдение имеет для историка большой интерес, если вспомнить о несомненных связях соседней Залесской земли с Кавказом.

О былом богатстве Рязани говорят клады, найденные на её территории. В 1822 г. местные крестьяне внутри вала наткнулись на клад золотых предметов, находившийся на глубине до 0,6 *м* (3/4 аршина) в истлевшем кожаном мешке. Клад заключал 11 круглых блях нагрудного убора («бармы»), украшенных самоцветными камнями, эмалью и жемчугом. Уже первые издатели клада отметили, что медальон с изображением Ирины имеет надпись «Орина», что указывает на русского мастера[2].

Толстой и Кондаков прямо говорят, что некоторые медальоны клада — «местной рязанской работы». Они

---

[1] *А. И. Некрасов,* Очерки по истории древнерусского зодчества XI—XVII века, стр. 76—77.

[2] «Рязанские русские древности или известие о старинных и богатых великокняжеских или царских убранствах, найденных в 1822 г. близ села Старая Рязань», СПБ 1831.

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий черноризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

---

[1] *И. П. Виноградов,* Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

землях, но и среди мордовского населения. Об этом говорит находка «узких и тонких медных полосок, служивших для изготовления мордовских накосников»[1].

При раскопках обнаружены были главным образом землянки и полуземлянки ремесленников. Но существовали и наземные постройки гораздо большего размера. Одна постройка, вскрытая раскопками, занимала относительно большую площадь; в ней была глинобитная печь. К северу от постройки стоял амбар, где найдены были ржаные зёрна. Центральная и юго-восточная части Старой Рязани были заселены менее густо, чем северная, судя по тонкому культурному слою. Вероятно, здесь жили более зажиточные круги старорязанского населения, усадьбы которых были окружены садами и огородами. Старая Рязань в период своего расцвета являлась типичным средневековым городом. Дома тут перемежались с огородами, садами, пустырями.

Письменные известия также рисуют Рязань крупным центром, где с конца XI в. сидят самостоятельные князья. Крупнейшей фигурой среди них был Ярослав Святославич, младший брат знаменитого Олега Черниговского. Утверждение черниговской ветви князей в Рязани указывает на путь заселения Рязани из Северской земли. Этим объясняется та непрерывная непримиримая борьба, которую рязанские князья вели с владимирскими. Различие между Рязанской и Залесской землями заключалось не только в том, что они управлялись разными ветвями князей, но и в том, что рязанцы и соседние владимирцы вели своё происхождение от разных племенных групп восточного славянства: первые — от вятичей и северян, вторые — от кривичей.

В 1195 г. в Рязани уже существовал Борисоглебский собор, служивший усыпальницей рязанских князей. При раскопках найдены фундаменты трёх каменных церквей: Успенского, Спасского и Борисоглебского соборов. Укрепления города были деревянными. Так надо понимать сообщение летописи о сожжении «града» в Рязани в 1208 г. по приказанию Всеволода Большое Гнездо. Это же летописное сообщение показывает, что под рязанцами понимались горожане, которые были способны сказать владимирскому князю «буюю речь, по

---

[1] *А. Л. Монгайт*, Топография Старой Рязани, («Краткие сообщения ИИМК» XLIV, стр. 104—115).

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий черноризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

---

[1] *И. П. Виноградов,* Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

реяславля на Трубеже, появляются первые признаки начала упадка самого Киева. В этом мы находим объяснение невысокого положения Смоленска среди других русских городов XI в. Не случайно летописи сохранили известие о позднем крещении Смоленска, происшедшем будто бы только в 1013 г. Смоленск отставал в принятии новой веры наравне с отдалёнными Ростовом и Муромом[1].

Начало нового возвышения Смоленска связывается с именем Владимира Мономаха. В 1101 г. он заложил каменную соборную церковь Богородицы в Смоленске — «епископью»[2]. Последнее слово указывает на относительно позднее возникновение этого известия, после того, как уже появилась смоленская епископия. Тем не менее нет никакого смысла отвергать факт построения каменного собора в Смоленске при Владимире Мономахе. Почти одновременно тот же князь обратил внимание на Залесскую землю, где, как мы видели, окружил валом городок на Клязьме (Владимир). При кажущейся обособленности этих событий между ними всё-таки может быть найдена причинная связь. Новый расцвет Смоленска был связан с оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря вглубь Восточной Европы. Процветание Смоленска держалось на его посреднической роли в торговле Запада с Востоком. Поэтому в торговле Смоленска XII—XIII вв. такую важную роль получают сношения с Висби и немецкими городами, увековеченные в списках известного договора Смоленска с немцами 1229 г. и последующего времени[3].

В Смоленске связи с Западной Европой, в основном с Германией, чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе. Замечательным свидетельством этого является надгробие чернеца Зиновия, открытое в развалинах монастыря на Смядыни. На одной стороне надгробия читается: «месяца июля 3 день преставися раб божий Зиновий черноризец», на другой поставлена дата — 1271, сделанная по немецкому способу счисления: 12 (двенадцать) сотен и 71, или, по другому

---

[1] *И. П. Виноградов*, Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времён до XVII века (включительно), М. 1890. Автор ссылается на рукопись Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (древлехранилище Погодина, № 1600).

[2] Ипат. лет., стр. 181.

[3] «Русско-ливонские акты», стр. 405—443.

направлявшийся из Мурома в Киев. Из Смоленска он предполагал направиться в Киев на корабле.

Смоленск принадлежал к числу древнейших русских городов и был известен уже Константину Багрянородному. Гнездовский могильник говорит нам о большом политическом и хозяйственном значении города в X в., после чего в развитии его происходит какая-то неясная для нас заминка. Отдельные известия XI в. указывают на относительно незначительное положение Смоленска среди других русских городов. В числе городов, розданных Владимиром Святославичем сыновьям, Смоленск не упоминается. В 1054 г., после смерти Ярослава Мудрого, Смоленск попадает в руки его сына Вячеслава, пятого по старшинству. Княжение Вячеслава продолжалось до 1057 г., после чего в Смоленске до 1060 г. сидит его брат Игорь. Обособлению Смоленского княжества, видимо, мешает не только случайное вымирание княжеских ветвей, на долю которых он достаётся, но и другие причины. В этом убеждает нас раздел Смоленска между тремя старшими Ярославичами, происшедший в 1060 г.: «Разделили Ярославичи Смоленск на три части» [1].

Политический подъём Смоленска начинается с конца XI в. В 1095 г. на смоленский стол садится один из черниговских князей — Давыд Святославич, а в следующем году активно выступают «смолняне», отказывающиеся принять Олега Святославича в свой город [2]. Таким образом, жители Смоленска уже самостоятельно действуют в годы княжеских усобиц.

Как видно, XI век был столетием, мало благоприятным для развития Смоленска. Объяснение этому можно видеть в том, что в это столетие происходит постепенное снижение торгового значения пути «из Варяг в Греки», которое приводит к запустению некоторых городских пунктов, лежавших по Днепру. Таковы Любеч и Витичев, упоминаемые Константином Багрянородным как крупные города. В конце XI в. холм Витичева был пустым. В XII столетии происходит постепенное запустение Пе-

---

[1] «Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 109. Известие о разделе Смоленска в 1060 г. имеется в Тверской и Львовской летописях; в Воскресенской и Софийской оно отнесено к 1064 г., но по Повести временных лет (ч. 1, стр. 109) Смоленск в этом году достался Вячеславу.

[2] «И не прияша его смоляне» («Повесть врем. лет», ч. 1, стр. 151)

КРУПНЕЙШИЕ РУССКИЕ ГОРОДА
XII – первой половины XIII вв.
Наиболее крупные города, центры земель
Крупные города
Города с посадами
75 0 75 150 225 300 км
Белое море
Печора
Сев. Двина
Вычегда
Сухона
Великий Устюг
оз. Онежское
оз. Ладожское
Свирь
Финский залив
Нева
Ладога
Белоозеро
Вологда
Юрьев
Псков
Великий Новгород
Старая Руса
Кострома
Утличе поле
Ярославль
Новый Торг (Торжок)
Ростов
Тверь
Суздаль
Нижний Новгород
Кама
Торопец
Переяславль
Дмитров
Владимир
Боголюбово
Великие Луки
Волга
Усвят
Москва
Муром
Полоцк
Витебск
Ока
Коломна
Смоленск
Немань
Городно
Логожск
Друцк
Борисов
Минск
Орша
Переяславль
Рязань (Старая)
Пронск
Вщиж
Брянск
Дон
Берестье
Пинск
Туров
Мозырь
Десна
Новгород Северский
Чернигов
Курск
Путивль
Владимир
Любеч
Луцк
Дорогобуж
Белз
Бужск
Вышгород
Перемышль
Киев
Теребовль
Белгород
Переяславль
Галич
Канев
Днепр
Днестр
Прут
Южн. Буг
Волга
Дон
Тмутаракань
Черное море
Каспийское море

древнерусское поучение красочно описывает злоключения человека, разорённого ростовщиком, взимавшим великие проценты, «лихву». «Лихованый» обходит город в поисках пищи, а зимою ещё страдает от стужи в своих рубищах.

Рукодельные люди, ремесленники, особенно беднейшие среди них, были тем элементом, среди которого особенно распространялись еретические воззрения, враждебные официальной церкви. В житии Авраамия Смоленского говорится об его проповеди «рукодельным», что вызвало страшное негодование епископа и монахов. Авраамий не только хорошо читал священные тексты в церкви, но и умел их комментировать, объяснять («протолковати»). Духовенство называло Авраамия еретиком и обвиняло его в чтении «глубинных книг», еретической литературы, может быть богомильского характера [1].

Через столетие с лишним после времени деятельности Авраамия (конец XII — начало XIII в.) в Пскове и Новгороде появилась ересь стригольников. Она была также распространена среди ремесленников, как и более поздняя ересь — «жидовствующих». Протест против феодального строя и господствующей церкви, освящавшей этот строй, распространялся именно в ремесленной среде.

3. Холопы и другие категории зависимых людей в городах

Наряду со свободными ремесленниками в городах жили ремесленники-холопы, зависевшие от князей и бояр. Без них картина древнерусского города в средние века была бы совершенно неполной и даже неверной. Такие же несвободные ремесленники жили в городах средневековой Европы.

Яркий пример существования в одном городе свободных и несвободных ремесленников имеем в Боголюбове второй половины XII в. Этот город являлся созданием князя Андрея Юрьевича, так и прозванного Боголюбским. Центром города был обширный княжеский замок, остатки которого в виде церкви и каменных переходов к ней сохранились до нашего времени. В замке или в

[1] *С. П. Розанов,* Жития Авраамия Смоленского, СПБ 1912, стр. 7.

в связи с выходом книг Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова. Юшков критикует выводы Сергеевича, считая, что тот не видит никаких изменений в организации и значении веча. Не согласен он также и с В. О. Ключевским, что вече в основном было представлено массой торговцев и ремесленников областных городов. Собственный вывод Юшкова заключается в признании за вечем характера совещания «основных феодальных групп». Названный исследователь особенно настаивает на том, что «ни в одном совещании, которое могло бы претендовать на какое-либо политическое значение, основной силой не могла быть демократическая масса города — мелкие торговцы, ремесленники, наймиты и разного рода плебейские элементы»[1]. В доказательство своей мысли С. В. Юшков приводит вечевые собрания 1113 г., 1139 г. (у Туровой божницы), 1147 г. в Киеве и 1159 г. в Полоцке. «Нам думается, — замечает С. В. Юшков, — что в полном согласии с общими нашими взглядами на сущность власти в Киевской Руси мы можем установить, что основной социальной силой, которая направляла деятельность веча, были феодальные городские группы, а не широкая городская демократия торговцев и ремесленников»[2].

Нельзя не пожалеть, что слово «людие», которым обозначают горожан, игравших такую большую роль в городских восстаниях и вечевых собраниях XII—XIII вв., не привлекает к себе внимания Юшкова. При более полном анализе летописных известий его выводы имели бы, вероятно, несколько иной характер; тогда нельзя было бы утверждать, что вече в Полоцке 1159 г. «было сходкой, созванной для воодушевления заговорщиков и для агитации среди ещё не примкнувших к заговору»[3].

С. В. Юшков считает, что «печать чрезвычайности лежит на всех событиях, которые предшествовали

---

[1] *С. В. Юшков,* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, стр. 195.

[2] *С. В. Юшков,* Общественно-политический строй и право Киевского государства, стр. 350; см. также *его же,* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси; у С. В. Юшкова ошибка: собрание у Туровой божницы было не в 1139 г., а в 1146 г. (см. Ипат. лет., стр. 229).

[3] *С. В. Юшков,* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, стр. 206.

древнерусское поучение красочно описывает злоключения человека, разорённого ростовщиком, взимавшим великие проценты, «лихву». «Лихованый» обходит город в поисках пищи, а зимою ещё страдает от стужи в своих рубищах.

Рукодельные люди, ремесленники, особенно беднейшие среди них, были тем элементом, среди которого особенно распространялись еретические воззрения, враждебные официальной церкви. В житии Авраамия Смоленского говорится об его проповеди «рукодельным», что вызвало страшное негодование епископа и монахов. Авраамий не только хорошо читал священные тексты в церкви, но и умел их комментировать, объяснять («протолковати»). Духовенство называло Авраамия еретиком и обвиняло его в чтении «глубинных книг», еретической литературы, может быть богомильского характера[1].

Через столетие с лишним после времени деятельности Авраамия (конец XII — начало XIII в.) в Пскове и Новгороде появилась ересь стригольников. Она была также распространена среди ремесленников, как и более поздняя ересь — «жидовствующих». Протест против феодального строя и господствующей церкви, освящавшей этот строй, распространялся именно в ремесленной среде.

3. Холопы и другие категории зависимых людей в городах

Наряду со свободными ремесленниками в городах жили ремесленники-холопы, зависевшие от князей и бояр. Без них картина древнерусского города в средние века была бы совершенно неполной и даже неверной. Такие же несвободные ремесленники жили в городах средневековой Европы.

Яркий пример существования в одном городе свободных и несвободных ремесленников имеем в Боголюбове второй половины XII в. Этот город являлся созданием князя Андрея Юрьевича, так и прозванного Боголюбским. Центром города был обширный княжеский замок, остатки которого в виде церкви и каменных переходов к ней сохранились до нашего времени. В замке или в

[1] *С. П. Розанов,* Жития Авраамия Смоленского, СПБ 1912, стр. 7.

собственно горожан. Этот термин начинает пестрить на страницах летописей со второй половины XI в. Он соответствует как по своему внешнему, так и по внутреннему содержанию западноевропейскому «бюргер», «буржуа», в отличие от деревенского жителя. «Гражданем же убо, и иже от сел», — читаем в переводе слов Григория Назианзина XI в. В том же памятнике читаем фразу, показывающую, что гражданство уже понималось особо от княжеской власти: «Разделившю на двое воеводьство и гражданьство»[1].

Горожане ясно различаются нашими источниками от боярства, как это видно из приведённых ранее примеров. Основную их массу составляют купцы и ремесленники, занятые в разнообразных промыслах. Наиболее богатая и влиятельная купеческая часть горожан рано стала создавать купеческие союзы, самым известным из которых было Иванское сто. Время образования этих союзов и возникновения их письменных уставов падает примерно на XII в., когда подобные же союзы начинают оформляться в большинстве западноевропейских городов. Стремление к созданию объединений проявляется и в среде ремесленников, где возникают зачатки ремесленных объединений, ученичество и стремление к регламентации рыночной продажи. Все эти явления имели несомненное место в истории русских городов, проходивших примерно тот же путь развития, как и города Западной Европы, Византийской империи, Закавказья и Малой Азии. Поэтому мы вправе говорить о том, что в XI—XIII столетиях в Древней Руси складываются предпосылки для создания того общественного уклада, который в западноевропейской исторической литературе принято называть «городским строем». Города, населённые ремесленниками и купцами, — такое же необходимое явление русского феодализма, как и феодализма других стран Запада и Востока.

В крупных городах замечается стремление к ограничению княжеской власти в пределах города. Раньше всего такая тенденция проявляется в Киеве с его богатым купеческим и ремесленным населением. В этой связи особенно крупное значение имеет киевское восстание

---

[1] *И. И. Срезневский*, Материалы, т. I, стб. 577.

древнерусское поучение красочно описывает злоключения человека, разорённого ростовщиком, взимавшим великие проценты, «лихву». «Лихованый» обходит город в поисках пищи, а зимою ещё страдает от стужи в своих рубищах.

Рукодельные люди, ремесленники, особенно беднейшие среди них, были тем элементом, среди которого особенно распространялись еретические воззрения, враждебные официальной церкви. В житии Авраамия Смоленского говорится об его проповеди «рукодельным», что вызвало страшное негодование епископа и монахов. Авраамий не только хорошо читал священные тексты в церкви, но и умел их комментировать, объяснять («протолковати»). Духовенство называло Авраамия еретиком и обвиняло его в чтении «глубинных книг», еретической литературы, может быть богомильского характера [1].

Через столетие с лишним после времени деятельности Авраамия (конец XII — начало XIII в.) в Пскове и Новгороде появилась ересь стригольников. Она была также распространена среди ремесленников, как и более поздняя ересь — «жидовствующих». Протест против феодального строя и господствующей церкви, освящавшей этот строй, распространялся именно в ремесленной среде.

3. Холопы и другие категории зависимых людей в городах

Наряду со свободными ремесленниками в городах жили ремесленники-холопы, зависевшие от князей и бояр. Без них картина древнерусского города в средние века была бы совершенно неполной и даже неверной. Такие же несвободные ремесленники жили в городах средневековой Европы.

Яркий пример существования в одном городе свободных и несвободных ремесленников имеем в Боголюбове второй половины XII в. Этот город являлся созданием князя Андрея Юрьевича, так и прозванного Боголюбским. Центром города был обширный княжеский замок, остатки которого в виде церкви и каменных переходов к ней сохранились до нашего времени. В замке или в

[1] *С. П. Розанов,* Жития Авраамия Смоленского, СПБ 1912, стр. 7.

древнерусское поучение красочно описывает злоключения человека, разорённого ростовщиком, взимавшим великие проценты, «лихву». «Лихованый» обходит город в поисках пищи, а зимою ещё страдает от стужи в своих рубищах.

Рукодельные люди, ремесленники, особенно беднейшие среди них, были тем элементом, среди которого особенно распространялись еретические воззрения, враждебные официальной церкви. В житии Авраамия Смоленского говорится об его проповеди «рукодельным», что вызвало страшное негодование епископа и монахов. Авраамий не только хорошо читал священные тексты в церкви, но и умел их комментировать, объяснять («протолковати»). Духовенство называло Авраамия еретиком и обвиняло его в чтении «глубинных книг», еретической литературы, может быть богомильского характера [1].

Через столетие с лишним после времени деятельности Авраамия (конец XII — начало XIII в.) в Пскове и Новгороде появилась ересь стригольников. Она была также распространена среди ремесленников, как и более поздняя ересь — «жидовствующих». Протест против феодального строя и господствующей церкви, освящавшей этот строй, распространялся именно в ремесленной среде.

3. Холопы и другие категории зависимых людей в городах

Наряду со свободными ремесленниками в городах жили ремесленники-холопы, зависевшие от князей и бояр. Без них картина древнерусского города в средние века была бы совершенно неполной и даже неверной. Такие же несвободные ремесленники жили в городах средневековой Европы.

Яркий пример существования в одном городе свободных и несвободных ремесленников имеем в Боголюбове второй половины XII в. Этот город являлся созданием князя Андрея Юрьевича, так и прозванного Боголюбским. Центром города был обширный княжеский замок, остатки которого в виде церкви и каменных переходов к ней сохранились до нашего времени. В замке или в

---

[1] *С. П. Розанов,* Жития Авраамия Смоленского, СПБ 1912, стр. 7.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

древнерусское поучение красочно описывает злоключения человека, разорённого ростовщиком, взимавшим великие проценты, «лихву». «Лихованый» обходит город в поисках пищи, а зимою ещё страдает от стужи в своих рубищах.

Рукодельные люди, ремесленники, особенно беднейшие среди них, были тем элементом, среди которого особенно распространялись еретические воззрения, враждебные официальной церкви. В житии Авраамия Смоленского говорится об его проповеди «рукодельным», что вызвало страшное негодование епископа и монахов. Авраамий не только хорошо читал священные тексты в церкви, но и умел их комментировать, объяснять («протолковати»). Духовенство называло Авраамия еретиком и обвиняло его в чтении «глубинных книг», еретической литературы, может быть богомильского характера [1].

Через столетие с лишним после времени деятельности Авраамия (конец XII — начало XIII в.) в Пскове и Новгороде появилась ересь стригольников. Она была также распространена среди ремесленников, как и более поздняя ересь — «жидовствующих». Протест против феодального строя и господствующей церкви, освящавшей этот строй, распространялся именно в ремесленной среде.

3. Холопы и другие категории зависимых людей в городах

Наряду со свободными ремесленниками в городах жили ремесленники-холопы, зависевшие от князей и бояр. Без них картина древнерусского города в средние века была бы совершенно неполной и даже неверной. Такие же несвободные ремесленники жили в городах средневековой Европы.

Яркий пример существования в одном городе свободных и несвободных ремесленников имеем в Боголюбове второй половины XII в. Этот город являлся созданием князя Андрея Юрьевича, так и прозванного Боголюбским. Центром города был обширный княжеский замок, остатки которого в виде церкви и каменных переходов к ней сохранились до нашего времени. В замке или в

[1] *С. П. Розанов*, Жития Авраамия Смоленского, СПБ 1912, стр. 7.

в связи с выходом книг Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова. Юшков критикует выводы Сергеевича, считая, что тот не видит никаких изменений в организации и значении веча. Не согласен он также и с В. О. Ключевским, что вече в основном было представлено массой торговцев и ремесленников областных городов. Собственный вывод Юшкова заключается в признании за вечем характера совещания «основных феодальных групп». Названный исследователь особенно настаивает на том, что «ни в одном совещании, которое могло бы претендовать на какое-либо политическое значение, основной силой не могла быть демократическая масса города — мелкие торговцы, ремесленники, наймиты и разного рода плебейские элементы»[1]. В доказательство своей мысли С. В. Юшков приводит вечевые собрания 1113 г., 1139 г. (у Туровой божницы), 1147 г. в Киеве и 1159 г. в Полоцке. «Нам думается, — замечает С. В. Юшков, — что в полном согласии с общими нашими взглядами на сущность власти в Киевской Руси мы можем установить, что основной социальной силой, которая направляла деятельность веча, были феодальные городские группы, а не широкая городская демократия торговцев и ремесленников»[2].

Нельзя не пожалеть, что слово «людие», которым обозначают горожан, игравших *такую большую роль* в городских восстаниях и вечевых собраниях XII—XIII вв., не привлекает к себе внимания Юшкова. При более полном анализе летописных известий его выводы имели бы, вероятно, несколько иной характер; тогда нельзя было бы утверждать, что вече в Полоцке 1159 г. «было сходкой, созванной для воодушевления заговорщиков и для агитации среди ещё не примкнувших к заговору»[3].

С. В. Юшков считает, что «печать чрезвычайности лежит на всех событиях, которые предшествовали

---

[1] *С. В. Юшков,* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, стр. 195.

[2] *С. В. Юшков,* Общественно-политический строй и право Киевского государства, стр. 350; см. также *его же,* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси; у С. В. Юшкова ошибка: собрание у Туровой божницы было не в 1139 г., а в 1146 г. (см. Ипат. лет., стр. 229).

[3] *С. В. Юшков,* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, стр. 206.

древнерусское поучение красочно описывает злоключения человека, разорённого ростовщиком, взимавшим великие проценты, «лихву». «Лихованый» обходит город в поисках пищи, а зимою ещё страдает от стужи в своих рубищах.

Рукодельные люди, ремесленники, особенно беднейшие среди них, были тем элементом, среди которого особенно распространялись еретические воззрения, враждебные официальной церкви. В житии Авраамия Смоленского говорится об его проповеди «рукодельным», что вызвало страшное негодование епископа и монахов. Авраамий не только хорошо читал священные тексты в церкви, но и умел их комментировать, объяснять («протолковати»). Духовенство называло Авраамия еретиком и обвиняло его в чтении «глубинных книг», еретической литературы, может быть богомильского характера [1].

Через столетие с лишним после времени деятельности Авраамия (конец XII — начало XIII в.) в Пскове и Новгороде появилась ересь стригольников. Она была также распространена среди ремесленников, как и более поздняя ересь — «жидовствующих». Протест против феодального строя и господствующей церкви, освящавшей этот строй, распространялся именно в ремесленной среде.

3. Холопы и другие категории зависимых людей в городах

Наряду со свободными ремесленниками в городах жили ремесленники-холопы, зависевшие от князей и бояр. Без них картина древнерусского города в средние века была бы совершенно неполной и даже неверной. Такие же несвободные ремесленники жили в городах средневековой Европы.

Яркий пример существования в одном городе свободных и несвободных ремесленников имеем в Боголюбове второй половины XII в. Этот город являлся созданием князя Андрея Юрьевича, так и прозванного Боголюбским. Центром города был обширный княжеский замок, остатки которого в виде церкви и каменных переходов к ней сохранились до нашего времени. В замке или в

[1] *С. П. Розанов,* Жития Авраамия Смоленского, СПБ 1912, стр. 7.

у вас в Великом Новегороде, и то вашим церквам у нас по нашим городам не быти же». Старосты и «все гости новогородские» выхлопотали немцам право поставить «ропату» [1].

Рассказанное предание дошло до нас в поздней обработке, едва ли более ранней, чем XVI в., но основа его древняя и покоится не только на устной легенде, но и на письменном источнике. В Новгороде были известны два посадника с именем Добрыни: первый — дядя Владимира Святославича — явно не подходит к нашему рассказу; другой Добрыня умер в 1117 г.[2] Это сказание может иметь в виду только второго Добрыню и рассказывает эпизод начала XII в. Самое, пожалуй, характерное во всём рассказе, — это боязнь новгородцев потерять свои церкви-дворы в чужеземных городах.

Распорядок жизни в русских дворах за границей нам не известен, но в основном он должен был напоминать порядки Готского или Немецкого двора в самом Новгороде. В договоре Смоленска с немцами 1229 г. действительно находим указание на существование старост в русских заграничных дворах [3].

О существовании купеческих объединений в других русских городах, помимо Новгорода, сказать значительно труднее, хотя в крупных городах, подобных Киеву и Полоцку, их существование не только вероятно, но почти обязательно. Однако историк не может ограничиться только предположениями, а вынужден привести хотя бы некоторые доказательства в защиту своей точки зрения, как бы эти доказательства ни были разрозненны и трудны для того, чтобы сделать по ним выводы.

Некоторые намёки на существование купеческих объединений в Киеве находим в известиях о купцах «гречниках». Летописные сообщения о «гречниках» не остав-

---

[1] *Н. М. Карамзин,* История государства Российского, т. III, СПБ 1892, стр. 191, примечание 244; «Памятники старинной русской литературы», изд. Кушелевым-Безбородко, вып. 1, СПБ 1860, стр. 251—253.

[2] Новгород. лет., стр. 20.

[3] «Русину же нельзя приставити детского (дружинника) на немчича в Смоленьске, но прежде известив ему старейшему; оже старейший его не уговорит, то может ему детского приставить. Також и немчичю в Риге и на Готском береге, нелзя ему на русина приставити детского» («Русско-ливонские акты», стр. 435; взят наиболее исправный вариант).

у вас в Великом Новегороде, и то вашим церквам у нас по нашим городам не быти же». Старосты и «все гости новогородские» выхлопотали немцам право поставить «ропату» [1].

Рассказанное предание дошло до нас в поздней обработке, едва ли более ранней, чем XVI в., но основа его древняя и покоится не только на устной легенде, но и на письменном источнике. В Новгороде были известны два посадника с именем Добрыни: первый — дядя Владимира Святославича — явно не подходит к нашему рассказу; другой Добрыня умер в 1117 г. [2] Это сказание может иметь в виду только второго Добрыню и рассказывает эпизод начала XII в. Самое, пожалуй, характерное во всём рассказе, — это боязнь новгородцев потерять свои церкви-дворы в чужеземных городах.

Распорядок жизни в русских дворах за границей нам не известен, но в основном он должен был напоминать порядки Готского или Немецкого двора в самом Новгороде. В договоре Смоленска с немцами 1229 г. действительно находим указание на существование старост в русских заграничных дворах [3].

О существовании купеческих объединений в других русских городах, помимо Новгорода, сказать значительно труднее, хотя в крупных городах, подобных Киеву и Полоцку, их существование не только вероятно, но почти обязательно. Однако историк не может ограничиться только предположениями, а вынужден привести хотя бы некоторые доказательства в защиту своей точки зрения, как бы эти доказательства ни были разрозненны и трудны для того, чтобы сделать по ним выводы.

Некоторые намёки на существование купеческих объединений в Киеве находим в известиях о купцах «гречниках». Летописные сообщения о «гречниках» не остав-

---

[1] *Н. М. Карамзин,* История государства Российского, т. III, СПБ 1892, стр. 191, примечание 244; «Памятники старинной русской литературы», изд. Кушелевым-Безбородко, вып. 1, СПБ 1860, стр. 251—253.

[2] Новгород. лет., стр. 20.

[3] «Русину же нельзя приставити детского (дружинника) на немчича в Смоленьске, но прежде известив ему старейшему; оже старейший его не уговорит, то может ему детского приставить. Також и немчичю в Риге и на Готском береге, нелзя ему на русина приставити детского» («Русско-ливонские акты», стр. 435; взят наиболее исправный вариант).

у вас в Великом Новегороде, и то вашим церквам у нас по нашим городам не быти же». Старосты и «все гости новогородские» выхлопотали немцам право поставить «ропату» [1].

Рассказанное предание дошло до нас в поздней обработке, едва ли более ранней, чем XVI в., но основа его древняя и покоится не только на устной легенде, но и на письменном источнике. В Новгороде были известны два посадника с именем Добрыни: первый — дядя Владимира Святославича — явно не подходит к нашему рассказу; другой Добрыня умер в 1117 г. [2] Это сказание может иметь в виду только второго Добрыню и рассказывает эпизод начала XII в. Самое, пожалуй, характерное во всём рассказе, — это боязнь новгородцев потерять свои церкви-дворы в чужеземных городах.

Распорядок жизни в русских дворах за границей нам не известен, но в основном он должен был напоминать порядки Готского или Немецкого двора в самом Новгороде. В договоре Смоленска с немцами 1229 г. действительно находим указание на существование старост в русских заграничных дворах [3].

О существовании купеческих объединений в других русских городах, помимо Новгорода, сказать значительно труднее, хотя в крупных городах, подобных Киеву и Полоцку, их существование не только вероятно, но почти обязательно. Однако историк не может ограничиться только предположениями, а вынужден привести хотя бы некоторые доказательства в защиту своей точки зрения, как бы эти доказательства ни были разрозненны и трудны для того, чтобы сделать по ним выводы.

Некоторые намёки на существование купеческих объединений в Киеве находим в известиях о купцах «гречниках». Летописные сообщения о «гречниках» не остав-

---

[1] *Н. М. Карамзин,* История государства Российского, т. III, СПБ 1892, стр. 191, примечание 244; «Памятники старинной русской литературы», изд. Кушелевым-Безбородко, вып. 1, СПБ 1860, стр. 251—253.

[2] Новгород. лет., стр. 20.

[3] «Русину же нельзя приставити детского (дружинника) на немчича в Смоленьске, но прежде известив ему старейшему; оже старейший его не уговорит, то может ему детского приставить. Также и немчичю в Риге и на Готском береге, нелзя ему на русина приставити детского» («Русско-ливонские акты», стр. 435; взят наиболее исправный вариант).

в связи с выходом книг Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова. Юшков критикует выводы Сергеевича, считая, что тот не видит никаких изменений в организации и значении веча. Не согласен он также и с В. О. Ключевским, что вече в основном было представлено массой торговцев и ремесленников областных городов. Собственный вывод Юшкова заключается в признании за вечем характера совещания «основных феодальных групп». Названный исследователь особенно настаивает на том, что «ни в одном совещании, которое могло бы претендовать на какое-либо политическое значение, основной силой не могла быть демократическая масса города — мелкие торговцы, ремесленники, наймиты и разного рода плебейские элементы» [1]. В доказательство своей мысли С. В. Юшков приводит вечевые собрания 1113 г., 1139 г. (у Туровой божницы), 1147 г. в Киеве и 1159 г. в Полоцке. «Нам думается, — замечает С. В. Юшков, — что в полном согласии с общими нашими взглядами на сущность власти в Киевской Руси мы можем установить, что основной социальной силой, которая направляла деятельность веча, были феодальные городские группы, а не широкая городская демократия торговцев и ремесленников» [2].

Нельзя не пожалеть, что слово «людие», которым обозначают горожан, игравших такую большую роль в городских восстаниях и вечевых собраниях XII—XIII вв., не привлекает к себе внимания Юшкова. При более полном анализе летописных известий его выводы имели бы, вероятно, несколько иной характер; тогда нельзя было бы утверждать, что вече в Полоцке 1159 г. «было сходкой, созванной для воодушевления заговорщиков и для агитации среди ещё не примкнувших к заговору» [3].

С. В. Юшков считает, что «печать чрезвычайности лежит на всех событиях, которые предшествовали

---

[1] *С. В. Юшков,* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, стр. 195.

[2] *С. В. Юшков,* Общественно-политический строй и право Киевского государства, стр. 350; см. также *его же,* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси; у С. В. Юшкова ошибка: собрание у Туровой божницы было не в 1139 г., а в 1146 г. (см. Ипат. лет., стр. 229).

[3] *С. В. Юшков,* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, стр. 206.

в связи с выходом книг Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова. Юшков критикует выводы Сергеевича, считая, что тот не видит никаких изменений в организации и значении веча. Не согласен он также и с В. О. Ключевским, что вече в основном было представлено массой торговцев и ремесленников областных городов. Собственный вывод Юшкова заключается в признании за вечем характера совещания «основных феодальных групп». Названный исследователь особенно настаивает на том, что «ни в одном совещании, которое могло бы претендовать на какое-либо политическое значение, основной силой не могла быть демократическая масса города — мелкие торговцы, ремесленники, наймиты и разного рода плебейские элементы» [1]. В доказательство своей мысли С. В. Юшков приводит вечевые собрания 1113 г., 1139 г. (у Туровой божницы), 1147 г. в Киеве и 1159 г. в Полоцке. «Нам думается, — замечает С. В. Юшков, — что в полном согласии с общими нашими взглядами на сущность власти в Киевской Руси мы можем установить, что основной социальной силой, которая направляла деятельность веча, были феодальные городские группы, а не широкая городская демократия торговцев и ремесленников» [2].

Нельзя не пожалеть, что слово «людие», которым обозначают горожан, игравших такую большую роль в городских восстаниях и вечевых собраниях XII—XIII вв., не привлекает к себе внимания Юшкова. При более полном анализе летописных известий его выводы имели бы, вероятно, несколько иной характер; тогда нельзя было бы утверждать, что вече в Полоцке 1159 г. «было сходкой, созванной для воодушевления заговорщиков и для агитации среди ещё не примкнувших к заговору» [3].

С. В. Юшков считает, что «печать чрезвычайности лежит на всех событиях, которые предшествовали

---

[1] *С. В. Юшков,* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, стр. 195.

[2] *С. В. Юшков,* Общественно-политический строй и право Киевского государства, стр. 350; см. также *его же,* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси; у С. В. Юшкова ошибка: собрание у Туровой божницы было не в 1139 г., а в 1146 г. (см. Ипат. лет., стр. 229).

[3] *С. В. Юшков,* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, стр. 206.

древнерусское поучение красочно описывает злоключения человека, разорённого ростовщиком, взимавшим великие проценты, «лихву». «Лихованый» обходит город в поисках пищи, а зимою ещё страдает от стужи в своих рубищах.

Рукодельные люди, ремесленники, особенно беднейшие среди них, были тем элементом, среди которого особенно распространялись еретические воззрения, враждебные официальной церкви. В житии Авраамия Смоленского говорится об его проповеди «рукодельным», что вызвало страшное негодование епископа и монахов. Авраамий не только хорошо читал священные тексты в церкви, но и умел их комментировать, объяснять («протолковати»). Духовенство называло Авраамия еретиком и обвиняло его в чтении «глубинных книг», еретической литературы, может быть богомильского характера [1].

Через столетие с лишним после времени деятельности Авраамия (конец XII — начало XIII в.) в Пскове и Новгороде появилась ересь стригольников. Она была также распространена среди ремесленников, как и более поздняя ересь — «жидовствующих». Протест против феодального строя и господствующей церкви, освящавшей этот строй, распространялся именно в ремесленной среде.

3. Холопы и другие категории зависимых людей в городах

Наряду со свободными ремесленниками в городах жили ремесленники-холопы, зависевшие от князей и бояр. Без них картина древнерусского города в средние века была бы совершенно неполной и даже неверной. Такие же несвободные ремесленники жили в городах средневековой Европы.

Яркий пример существования в одном городе свободных и несвободных ремесленников имеем в Боголюбове второй половины XII в. Этот город являлся созданием князя Андрея Юрьевича, так и прозванного Боголюбским. Центром города был обширный княжеский замок, остатки которого в виде церкви и каменных переходов к ней сохранились до нашего времени. В замке или в

[1] *С. П. Розанов,* Жития Авраамия Смоленского, СПБ 1912, стр. 7.

у вас в Великом Новегороде, и то вашим церквам у нас по нашим городам не быти же». Старосты и «все гости новогородские» выхлопотали немцам право поставить «ропату» [1].

Рассказанное предание дошло до нас в поздней обработке, едва ли более ранней, чем XVI в., но основа его древняя и покоится не только на устной легенде, но и на письменном источнике. В Новгороде были известны два посадника с именем Добрыни: первый — дядя Владимира Святославича — явно не подходит к нашему рассказу; другой Добрыня умер в 1117 г. [2] Это сказание может иметь в виду только второго Добрыню и рассказывает эпизод начала XII в. Самое, пожалуй, характерное во всём рассказе, — это боязнь новгородцев потерять свои церкви-дворы в чужеземных городах.

Распорядок жизни в русских дворах за границей нам не известен, но в основном он должен был напоминать порядки Готского или Немецкого двора в самом Новгороде. В договоре Смоленска с немцами 1229 г. действительно находим указание на существование старост в русских заграничных дворах [3].

О существовании купеческих объединений в других русских городах, помимо Новгорода, сказать значительно труднее, хотя в крупных городах, подобных Киеву и Полоцку, их существование не только вероятно, но почти обязательно. Однако историк не может ограничиться только предположениями, а вынужден привести хотя бы некоторые доказательства в защиту своей точки зрения, как бы эти доказательства ни были разрозненны и трудны для того, чтобы сделать по ним выводы.

Некоторые намёки на существование купеческих объединений в Киеве находим в известиях о купцах «гречниках». Летописные сообщения о «гречниках» не остав-

---

[1] *Н. М. Карамзин,* История государства Российского, т. III, СПБ 1892, стр. 191, примечание 244; «Памятники старинной русской литературы», изд. Кушелевым-Безбородко, вып. 1, СПБ 1860, стр. 251—253.

[2] Новгород. лет., стр. 20.

[3] «Русину же нельзя приставити детского (дружинника) на немчича в Смоленьске, но прежде известив ему старейшему; оже старейший его не уговорит, то может ему детского приставить. Также и немчичю в Риге и на Готском береге, нелзя ему на русина приставити детского» («Русско-ливонские акты», стр. 435; взят наиболее исправный вариант).

древнерусское поучение красочно описывает злоключения человека, разорённого ростовщиком, взимавшим великие проценты, «лихву». «Лихованый» обходит город в поисках пищи, а зимою ещё страдает от стужи в своих рубищах.

Рукодельные люди, ремесленники, особенно беднейшие среди них, были тем элементом, среди которого особенно распространялись еретические воззрения, враждебные официальной церкви. В житии Авраамия Смоленского говорится об его проповеди «рукодельным», что вызвало страшное негодование епископа и монахов. Авраамий не только хорошо читал священные тексты в церкви, но и умел их комментировать, объяснять («протолковати»). Духовенство называло Авраамия еретиком и обвиняло его в чтении «глубинных книг», еретической литературы, может быть богомильского характера [1].

Через столетие с лишним после времени деятельности Авраамия (конец XII — начало XIII в.) в Пскове и Новгороде появилась ересь стригольников. Она была также распространена среди ремесленников, как и более поздняя ересь — «жидовствующих». Протест против феодального строя и господствующей церкви, освящавшей этот строй, распространялся именно в ремесленной среде.

3. Холопы и другие категории зависимых людей в городах

Наряду со свободными ремесленниками в городах жили ремесленники-холопы, зависевшие от князей и бояр. Без них картина древнерусского города в средние века была бы совершенно неполной и даже неверной. Такие же несвободные ремесленники жили в городах средневековой Европы.

Яркий пример существования в одном городе свободных и несвободных ремесленников имеем в Боголюбове второй половины XII в. Этот город являлся созданием князя Андрея Юрьевича, так и прозванного Боголюбским. Центром города был обширный княжеский замок, остатки которого в виде церкви и каменных переходов к ней сохранились до нашего времени. В замке или в

[1] *С. П. Розанов,* Жития Авраамия Смоленского, СПБ 1912, стр. 7.

древнерусское поучение красочно описывает злоключения человека, разорённого ростовщиком, взимавшим великие проценты, «лихву». «Лихованый» обходит город в поисках пищи, а зимою ещё страдает от стужи в своих рубищах.

Рукодельные люди, ремесленники, особенно беднейшие среди них, были тем элементом, среди которого особенно распространялись еретические воззрения, враждебные официальной церкви. В житии Авраамия Смоленского говорится об его проповеди «рукодельным», что вызвало страшное негодование епископа и монахов. Авраамий не только хорошо читал священные тексты в церкви, но и умел их комментировать, объяснять («протолковати»). Духовенство называло Авраамия еретиком и обвиняло его в чтении «глубинных книг», еретической литературы, может быть богомильского характера [1].

Через столетие с лишним после времени деятельности Авраамия (конец XII — начало XIII в.) в Пскове и Новгороде появилась ересь стригольников. Она была также распространена среди ремесленников, как и более поздняя ересь — «жидовствующих». Протест против феодального строя и господствующей церкви, освящавшей этот строй, распространялся именно в ремесленной среде.

3. Холопы и другие категории зависимых людей в городах

Наряду со свободными ремесленниками в городах жили ремесленники-холопы, зависевшие от князей и бояр. Без них картина древнерусского города в средние века была бы совершенно неполной и даже неверной. Такие же несвободные ремесленники жили в городах средневековой Европы.

Яркий пример существования в одном городе свободных и несвободных ремесленников имеем в Боголюбове второй половины XII в. Этот город являлся созданием князя Андрея Юрьевича, так и прозванного Боголюбским. Центром города был обширный княжеский замок, остатки которого в виде церкви и каменных переходов к ней сохранились до нашего времени. В замке или в

---

[1] *С. П. Розанов,* Жития Авраамия Смоленского, СПБ 1912, стр. 7.

у вас в Великом Новегороде, и то вашим церквам у нас по нашим городам не быти же». Старосты и «все гости новогородские» выхлопотали немцам право поставить «ропату» [1].

Рассказанное предание дошло до нас в поздней обработке, едва ли более ранней, чем XVI в., но основа его древняя и покоится не только на устной легенде, но и на письменном источнике. В Новгороде были известны два посадника с именем Добрыни: первый — дядя Владимира Святославича — явно не подходит к нашему рассказу; другой Добрыня умер в 1117 г. [2] Это сказание может иметь в виду только второго Добрыню и рассказывает эпизод начала XII в. Самое, пожалуй, характерное во всём рассказе, — это боязнь новгородцев потерять свои церкви-дворы в чужеземных городах.

Распорядок жизни в русских дворах за границей нам не известен, но в основном он должен был напоминать порядки Готского или Немецкого двора в самом Новгороде. В договоре Смоленска с немцами 1229 г. действительно находим указание на существование старост в русских заграничных дворах [3].

О существовании купеческих объединений в других русских городах, помимо Новгорода, сказать значительно труднее, хотя в крупных городах, подобных Киеву и Полоцку, их существование не только вероятно, но почти обязательно. Однако историк не может ограничиться только предположениями, а вынужден привести хотя бы некоторые доказательства в защиту своей точки зрения, как бы эти доказательства ни были разрозненны и трудны для того, чтобы сделать по ним выводы.

Некоторые намёки на существование купеческих объединений в Киеве находим в известиях о купцах «гречниках». Летописные сообщения о «гречниках» не остав-

---

[1] *Н. М. Карамзин,* История государства Российского, т. III, СПБ 1892, стр. 191, примечание 244; «Памятники старинной русской литературы», изд. Кушелевым-Безбородко, вып. 1, СПБ 1860, стр. 251—253.

[2] Новгород. лет., стр. 20.

[3] «Русину же нельзя приставити детского (дружинника) на немчича в Смоленьске, но прежде известив ему старейшему; оже старейший его не уговорит, то может ему детского приставить. Также и немчичю в Риге и на Готском береге, нелзя ему на русина приставити детского» («Русско-ливонские акты», стр. 435; взят наиболее исправный вариант).

в связи с выходом книг Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова. Юшков критикует выводы Сергеевича, считая, что тот не видит никаких изменений в организации и значении веча. Не согласен он также и с В. О. Ключевским, что вече в основном было представлено массой торговцев и ремесленников областных городов. Собственный вывод Юшкова заключается в признании за вечем характера совещания «основных феодальных групп». Названный исследователь особенно настаивает на том, что «ни в одном совещании, которое могло бы претендовать на какое-либо политическое значение, основной силой не могла быть демократическая масса города — мелкие торговцы, ремесленники, наймиты и разного рода плебейские элементы» [1]. В доказательство своей мысли С. В. Юшков приводит вечевые собрания 1113 г., 1139 г. (у Туровой божницы), 1147 г. в Киеве и 1159 г. в Полоцке. «Нам думается, — замечает С. В. Юшков, — что в полном согласии с общими нашими взглядами на сущность власти в Киевской Руси мы можем установить, что основной социальной силой, которая направляла деятельность веча, были феодальные городские группы, а не широкая городская демократия торговцев и ремесленников» [2].

Нельзя не пожалеть, что слово «людие», которым обозначают горожан, игравших такую большую роль в городских восстаниях и вечевых собраниях XII—XIII вв., не привлекает к себе внимания Юшкова. При более полном анализе летописных известий его выводы имели бы, вероятно, несколько иной характер; тогда нельзя было бы утверждать, что вече в Полоцке 1159 г. «было сходкой, созванной для воодушевления заговорщиков и для агитации среди ещё не примкнувших к заговору» [3].

С. В. Юшков считает, что «печать чрезвычайности лежит на всех событиях, которые предшествовали

---

[1] *С. В. Юшков,* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, стр. 195.

[2] *С. В. Юшков,* Общественно-политический строй и право Киевского государства, стр. 350; см. также *его же,* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси; у С. В. Юшкова ошибка: собрание у Туровой божницы было не в 1139 г., а в 1146 г. (см. Ипат. лет., стр. 229).

[3] *С. В. Юшков,* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, стр. 206.

древнерусское поучение красочно описывает злоключения человека, разорённого ростовщиком, взимавшим великие проценты, «лихву». «Лихованый» обходит город в поисках пищи, а зимою ещё страдает от стужи в своих рубищах.

Рукодельные люди, ремесленники, особенно беднейшие среди них, были тем элементом, среди которого особенно распространялись еретические воззрения, враждебные официальной церкви. В житии Авраамия Смоленского говорится об его проповеди «рукодельным», что вызвало страшное негодование епископа и монахов. Авраамий не только хорошо читал священные тексты в церкви, но и умел их комментировать, объяснять («протолковати»). Духовенство называло Авраамия еретиком и обвиняло его в чтении «глубинных книг», еретической литературы, может быть богомильского характера[1].

Через столетие с лишним после времени деятельности Авраамия (конец XII — начало XIII в.) в Пскове и Новгороде появилась ересь стригольников. Она была также распространена среди ремесленников, как и более поздняя ересь — «жидовствующих». Протест против феодального строя и господствующей церкви, освящавшей этот строй, распространялся именно в ремесленной среде.

3. Холопы и другие категории зависимых людей в городах

Наряду со свободными ремесленниками в городах жили ремесленники-холопы, зависевшие от князей и бояр. Без них картина древнерусского города в средние века была бы совершенно неполной и даже неверной. Такие же несвободные ремесленники жили в городах средневековой Европы.

Яркий пример существования в одном городе свободных и несвободных ремесленников имеем в Боголюбове второй половины XII в. Этот город являлся созданием князя Андрея Юрьевича, так и прозванного Боголюбским. Центром города был обширный княжеский замок, остатки которого в виде церкви и каменных переходов к ней сохранились до нашего времени. В замке или в

[1] *С. П. Розанов,* Жития Авраамия Смоленского, СПБ 1912, стр. 7.

древнерусское поучение красочно описывает злоключения человека, разорённого ростовщиком, взимавшим великие проценты, «лихву». «Лихованый» обходит город в поисках пищи, а зимою ещё страдает от стужи в своих рубищах.

Рукодельные люди, ремесленники, особенно беднейшие среди них, были тем элементом, среди которого особенно распространялись еретические воззрения, враждебные официальной церкви. В житии Авраамия Смоленского говорится об его проповеди «рукодельным», что вызвало страшное негодование епископа и монахов. Авраамий не только хорошо читал священные тексты в церкви, но и умел их комментировать, объяснять («протолковати»). Духовенство называло Авраамия еретиком и обвиняло его в чтении «глубинных книг», еретической литературы, может быть богомильского характера [1].

Через столетие с лишним после времени деятельности Авраамия (конец XII — начало XIII в.) в Пскове и Новгороде появилась ересь стригольников. Она была также распространена среди ремесленников, как и более поздняя ересь — «жидовствующих». Протест против феодального строя и господствующей церкви, освящавшей этот строй, распространялся именно в ремесленной среде.

3. Холопы и другие категории зависимых людей в городах

Наряду со свободными ремесленниками в городах жили ремесленники-холопы, зависевшие от князей и бояр. Без них картина древнерусского города в средние века была бы совершенно неполной и даже неверной. Такие же несвободные ремесленники жили в городах средневековой Европы.

Яркий пример существования в одном городе свободных и несвободных ремесленников имеем в Боголюбове второй половины XII в. Этот город являлся созданием князя Андрея Юрьевича, так и прозванного Боголюбским. Центром города был обширный княжеский замок, остатки которого в виде церкви и каменных переходов к ней сохранились до нашего времени. В замке или в

---

[1] *С. П. Розанов,* Жития Авраамия Смоленского, СПБ 1912, стр. 7.

древнерусское поучение красочно описывает злоключения человека, разорённого ростовщиком, взимавшим великие проценты, «лихву». «Лихованый» обходит город в поисках пищи, а зимою ещё страдает от стужи в своих рубищах.

Рукодельные люди, ремесленники, особенно беднейшие среди них, были тем элементом, среди которого особенно распространялись еретические воззрения, враждебные официальной церкви. В житии Авраамия Смоленского говорится об его проповеди «рукодельным», что вызвало страшное негодование епископа и монахов. Авраамий не только хорошо читал священные тексты в церкви, но и умел их комментировать, объяснять («протолковати»). Духовенство называло Авраамия еретиком и обвиняло его в чтении «глубинных книг», еретической литературы, может быть богомильского характера [1].

Через столетие с лишним после времени деятельности Авраамия (конец XII — начало XIII в.) в Пскове и Новгороде появилась ересь стригольников. Она была также распространена среди ремесленников, как и более поздняя ересь — «жидовствующих». Протест против феодального строя и господствующей церкви, освящавшей этот строй, распространялся именно в ремесленной среде.

3. Холопы и другие категории зависимых людей в городах

Наряду со свободными ремесленниками в городах жили ремесленники-холопы, зависевшие от князей и бояр. Без них картина древнерусского города в средние века была бы совершенно неполной и даже неверной. Такие же несвободные ремесленники жили в городах средневековой Европы.

Яркий пример существования в одном городе свободных и несвободных ремесленников имеем в Боголюбове второй половины XII в. Этот город являлся созданием князя Андрея Юрьевича, так и прозванного Боголюбским. Центром города был обширный княжеский замок, остатки которого в виде церкви и каменных переходов к ней сохранились до нашего времени. В замке или в

[1] *С. П. Розанов,* Жития Авраамия Смоленского, СПБ 1912, стр. 7.

древнерусское поучение красочно описывает злоключения человека, разорённого ростовщиком, взимавшим великие проценты, «лихву». «Лихованый» обходит город в поисках пищи, а зимою ещё страдает от стужи в своих рубищах.

Рукодельные люди, ремесленники, особенно беднейшие среди них, были тем элементом, среди которого особенно распространялись еретические воззрения, враждебные официальной церкви. В житии Авраамия Смоленского говорится об его проповеди «рукодельным», что вызвало страшное негодование епископа и монахов. Авраамий не только хорошо читал священные тексты в церкви, но и умел их комментировать, объяснять («протолковати»). Духовенство называло Авраамия еретиком и обвиняло его в чтении «глубинных книг», еретической литературы, может быть богомильского характера [1].

Через столетие с лишним после времени деятельности Авраамия (конец XII — начало XIII в.) в Пскове и Новгороде появилась ересь стригольников. Она была также распространена среди ремесленников, как и более поздняя ересь — «жидовствующих». Протест против феодального строя и господствующей церкви, освящавшей этот строй, распространялся именно в ремесленной среде.

3. Холопы и другие категории зависимых людей в городах

Наряду со свободными ремесленниками в городах жили ремесленники-холопы, зависевшие от князей и бояр. Без них картина древнерусского города в средние века была бы совершенно неполной и даже неверной. Такие же несвободные ремесленники жили в городах средневековой Европы.

Яркий пример существования в одном городе свободных и несвободных ремесленников имеем в Боголюбове второй половины XII в. Этот город являлся созданием князя Андрея Юрьевича, так и прозванного Боголюбским. Центром города был обширный княжеский замок, остатки которого в виде церкви и каменных переходов к ней сохранились до нашего времени. В замке или в

---

[1] *С. П. Розанов,* Жития Авраамия Смоленского, СПБ 1912, стр. 7.

древнерусское поучение красочно описывает злоключения человека, разорённого ростовщиком, взимавшим великие проценты, «лихву». «Лихованый» обходит город в поисках пищи, а зимою ещё страдает от стужи в своих рубищах.

Рукодельные люди, ремесленники, особенно беднейшие среди них, были тем элементом, среди которого особенно распространялись еретические воззрения, враждебные официальной церкви. В житии Авраамия Смоленского говорится об его проповеди «рукодельным», что вызвало страшное негодование епископа и монахов. Авраамий не только хорошо читал священные тексты в церкви, но и умел их комментировать, объяснять («протолковати»). Духовенство называло Авраамия еретиком и обвиняло его в чтении «глубинных книг», еретической литературы, может быть богомильского характера [1].

Через столетие с лишним после времени деятельности Авраамия (конец XII — начало XIII в.) в Пскове и Новгороде появилась ересь стригольников. Она была также распространена среди ремесленников, как и более поздняя ересь — «жидовствующих». Протест против феодального строя и господствующей церкви, освящавшей этот строй, распространялся именно в ремесленной среде.

3. Холопы и другие категории зависимых людей в городах

Наряду со свободными ремесленниками в городах жили ремесленники-холопы, зависевшие от князей и бояр. Без них картина древнерусского города в средние века была бы совершенно неполной и даже неверной. Такие же несвободные ремесленники жили в городах средневековой Европы.

Яркий пример существования в одном городе свободных и несвободных ремесленников имеем в Боголюбове второй половины XII в. Этот город являлся созданием князя Андрея Юрьевича, так и прозванного Боголюбским. Центром города был обширный княжеский замок, остатки которого в виде церкви и каменных переходов к ней сохранились до нашего времени. В замке или в

---

[1] *С. П. Розанов,* Жития Авраамия Смоленского, СПБ 1912, стр. 7.

в связи с выходом книг Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова. Юшков критикует выводы Сергеевича, считая, что тот не видит никаких изменений в организации и значении веча. Не согласен он также и с В. О. Ключевским, что вече в основном было представлено массой торговцев и ремесленников областных городов. Собственный вывод Юшкова заключается в признании за вечем характера совещания «основных феодальных групп». Названный исследователь особенно настаивает на том, что «ни в одном совещании, которое могло бы претендовать на какое-либо политическое значение, основной силой не могла быть демократическая масса города — мелкие торговцы, ремесленники, наймиты и разного рода плебейские элементы» [1]. В доказательство своей мысли С. В. Юшков приводит вечевые собрания 1113 г., 1139 г. (у Туровой божницы), 1147 г. в Киеве и 1159 г. в Полоцке. «Нам думается, — замечает С. В. Юшков, — что в полном согласии с общими нашими взглядами на сущность власти в Киевской Руси мы можем установить, что основной социальной силой, которая направляла деятельность веча, были феодальные городские группы, а не широкая городская демократия торговцев и ремесленников» [2].

Нельзя не пожалеть, что слово «людие», которым обозначают горожан, игравших такую большую роль в городских восстаниях и вечевых собраниях XII—XIII вв., не привлекает к себе внимания Юшкова. При более полном анализе летописных известий его выводы имели бы, вероятно, несколько иной характер; тогда нельзя было бы утверждать, что вече в Полоцке 1159 г. «было сходкой, созванной для воодушевления заговорщиков и для агитации среди ещё не примкнувших к заговору» [3].

С. В. Юшков считает, что «печать чрезвычайности лежит на всех событиях, которые предшествовали

---

[1] *С. В. Юшков,* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, стр. 195.

[2] *С. В. Юшков,* Общественно-политический строй и право Киевского государства, стр. 350; см. также *его же,* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси; у С. В. Юшкова ошибка: собрание у Туровой божницы было не в 1139 г., а в 1146 г. (см. Ипат. лет., стр. 229).

[3] *С. В. Юшков,* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, стр. 206.

у вас в Великом Новегороде, и то вашим церквам у нас по нашим городам не быти же». Старосты и «все гости новогородские» выхлопотали немцам право поставить «ропату» [1].

Рассказанное предание дошло до нас в поздней обработке, едва ли более ранней, чем XVI в., но основа его древняя и покоится не только на устной легенде, но и на письменном источнике. В Новгороде были известны два посадника с именем Добрыни: первый — дядя Владимира Святославича — явно не подходит к нашему рассказу; другой Добрыня умер в 1117 г. [2] Это сказание может иметь в виду только второго Добрыню и рассказывает эпизод начала XII в. Самое, пожалуй, характерное во всём рассказе, — это боязнь новгородцев потерять свои церкви-дворы в чужеземных городах.

Распорядок жизни в русских дворах за границей нам не известен, но в основном он должен был напоминать порядки Готского или Немецкого двора в самом Новгороде. В договоре Смоленска с немцами 1229 г. действительно находим указание на существование старост в русских заграничных дворах [3].

О существовании купеческих объединений в других русских городах, помимо Новгорода, сказать значительно труднее, хотя в крупных городах, подобных Киеву и Полоцку, их существование не только вероятно, но почти обязательно. Однако историк не может ограничиться только предположениями, а вынужден привести хотя бы некоторые доказательства в защиту своей точки зрения, как бы эти доказательства ни были разрозненны и трудны для того, чтобы сделать по ним выводы.

Некоторые намёки на существование купеческих объединений в Киеве находим в известиях о купцах «гречниках». Летописные сообщения о «гречниках» не остав-

---

[1] *Н. М. Карамзин,* История государства Российского, т. III, СПБ 1892, стр. 191, примечание 244; «Памятники старинной русской литературы», изд. Кушелевым-Безбородко, вып. 1, СПБ 1860, стр. 251—253.

[2] Новгород. лет., стр. 20.

[3] «Русину же нельзя приставити детского (дружинника) на немчича в Смоленьске, но прежде известив ему старейшему; оже старейший его не уговорит, то может ему детского приставить. Также и немчичю в Риге и на Готском береге, нелзя ему на русина приставити детского» («Русско-ливонские акты», стр. 435; взят наиболее исправный вариант).

древнерусское поучение красочно описывает злоключения человека, разорённого ростовщиком, взимавшим великие проценты, «лихву». «Лихованый» обходит город в поисках пищи, а зимою ещё страдает от стужи в своих рубищах.

Рукодельные люди, ремесленники, особенно беднейшие среди них, были тем элементом, среди которого особенно распространялись еретические воззрения, враждебные официальной церкви. В житии Авраамия Смоленского говорится об его проповеди «рукодельным», что вызвало страшное негодование епископа и монахов. Авраамий не только хорошо читал священные тексты в церкви, но и умел их комментировать, объяснять («протолковати»). Духовенство называло Авраамия еретиком и обвиняло его в чтении «глубинных книг», еретической литературы, может быть богомильского характера[1].

Через столетие с лишним после времени деятельности Авраамия (конец XII — начало XIII в.) в Пскове и Новгороде появилась ересь стригольников. Она была также распространена среди ремесленников, как и более поздняя ересь — «жидовствующих». Протест против феодального строя и господствующей церкви, освящавшей этот строй, распространялся именно в ремесленной среде.

3. Холопы и другие категории зависимых людей в городах

Наряду со свободными ремесленниками в городах жили ремесленники-холопы, зависевшие от князей и бояр. Без них картина древнерусского города в средние века была бы совершенно неполной и даже неверной. Такие же несвободные ремесленники жили в городах средневековой Европы.

Яркий пример существования в одном городе свободных и несвободных ремесленников имеем в Боголюбове второй половины XII в. Этот город являлся созданием князя Андрея Юрьевича, так и прозванного Боголюбским. Центром города был обширный княжеский замок, остатки которого в виде церкви и каменных переходов к ней сохранились до нашего времени. В замке или в

[1] *С. П. Розанов,* Жития Авраамия Смоленского, СПБ 1912, стр. 7.

в связи с выходом книг Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова. Юшков критикует выводы Сергеевича, считая, что тот не видит никаких изменений в организации и значении веча. Не согласен он также и с В. О. Ключевским, что вече в основном было представлено массой торговцев и ремесленников областных городов. Собственный вывод Юшкова заключается в признании за вечем характера совещания «основных феодальных групп». Названный исследователь особенно настаивает на том, что «ни в одном совещании, которое могло бы претендовать на какое-либо политическое значение, основной силой не могла быть демократическая масса города — мелкие торговцы, ремесленники, наймиты и разного рода плебейские элементы» [1]. В доказательство своей мысли С. В. Юшков приводит вечевые собрания 1113 г., 1139 г. (у Туровой божницы), 1147 г. в Киеве и 1159 г. в Полоцке. «Нам думается, — замечает С. В. Юшков, — что в полном согласии с общими нашими взглядами на сущность власти в Киевской Руси мы можем установить, что основной социальной силой, которая направляла деятельность веча, были феодальные городские группы, а не широкая городская демократия торговцев и ремесленников» [2].

Нельзя не пожалеть, что слово «людие», которым обозначают горожан, игравших такую большую роль в городских восстаниях и вечевых собраниях XII—XIII вв., не привлекает к себе внимания Юшкова. При более полном анализе летописных известий его выводы имели бы, вероятно, несколько иной характер; тогда нельзя было бы утверждать, что вече в Полоцке 1159 г. «было сходкой, созванной для воодушевления заговорщиков и для агитации среди ещё не примкнувших к заговору» [3].

С. В. Юшков считает, что «печать чрезвычайности лежит на всех событиях, которые предшествовали

---

[1] *С. В. Юшков*, Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, стр. 195.

[2] *С. В. Юшков*, Общественно-политический строй и право Киевского государства, стр. 350; см. также *его же*, Очерки по истории феодализма в Киевской Руси; у С. В. Юшкова ошибка: собрание у Туровой божницы было не в 1139 г., а в 1146 г. (см. Ипат. лет., стр. 229).

[3] *С. В. Юшков*, Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, стр. 206.

древнерусское поучение красочно описывает злоключения человека, разорённого ростовщиком, взимавшим великие проценты, «лихву». «Лихованый» обходит город в поисках пищи, а зимою ещё страдает от стужи в своих рубищах.

Рукодельные люди, ремесленники, особенно беднейшие среди них, были тем элементом, среди которого особенно распространялись еретические воззрения, враждебные официальной церкви. В житии Авраамия Смоленского говорится об его проповеди «рукодельным», что вызвало страшное негодование епископа и монахов. Авраамий не только хорошо читал священные тексты в церкви, но и умел их комментировать, объяснять («протолковати»). Духовенство называло Авраамия еретиком и обвиняло его в чтении «глубинных книг», еретической литературы, может быть богомильского характера[1].

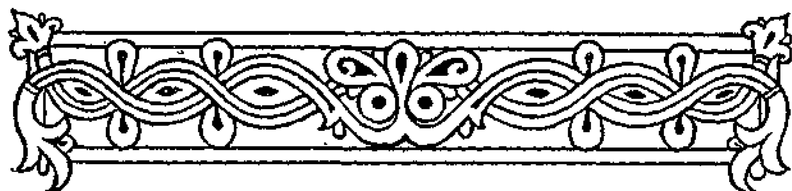
Через столетие с лишним после времени деятельности Авраамия (конец XII — начало XIII в.) в Пскове и Новгороде появилась ересь стригольников. Она была также распространена среди ремесленников, как и более поздняя ересь — «жидовствующих». Протест против феодального строя и господствующей церкви, освящавшей этот строй, распространялся именно в ремесленной среде.

3. Холопы и другие категории зависимых людей в городах

Наряду со свободными ремесленниками в городах жили ремесленники-холопы, зависевшие от князей и бояр. Без них картина древнерусского города в средние века была бы совершенно неполной и даже неверной. Такие же несвободные ремесленники жили в городах средневековой Европы.

Яркий пример существования в одном городе свободных и несвободных ремесленников имеем в Боголюбове второй половины XII в. Этот город являлся созданием князя Андрея Юрьевича, так и прозванного Боголюбским. Центром города был обширный княжеский замок, остатки которого в виде церкви и каменных переходов к ней сохранились до нашего времени. В замке или в

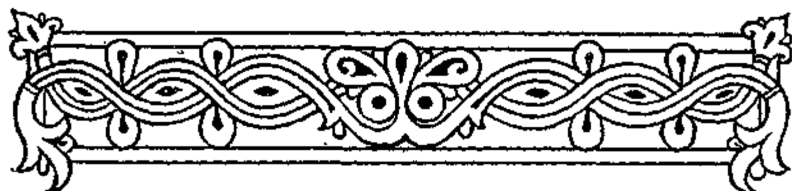
[1] *С. П. Розанов*, Жития Авраамия Смоленского, СПБ 1912, стр. 7.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть 2

КРУПНЕЙШИЕ ДРЕВНЕРУССКИЕ ГОРОДА

ОГЛАВЛЕНИЕ